

82.3(2)

K53

129017

82.3(2)

К 53

Книга былин :
свод избранных
образцов
русской народной
эпической поэзии

129017. 30.00

МЭТА

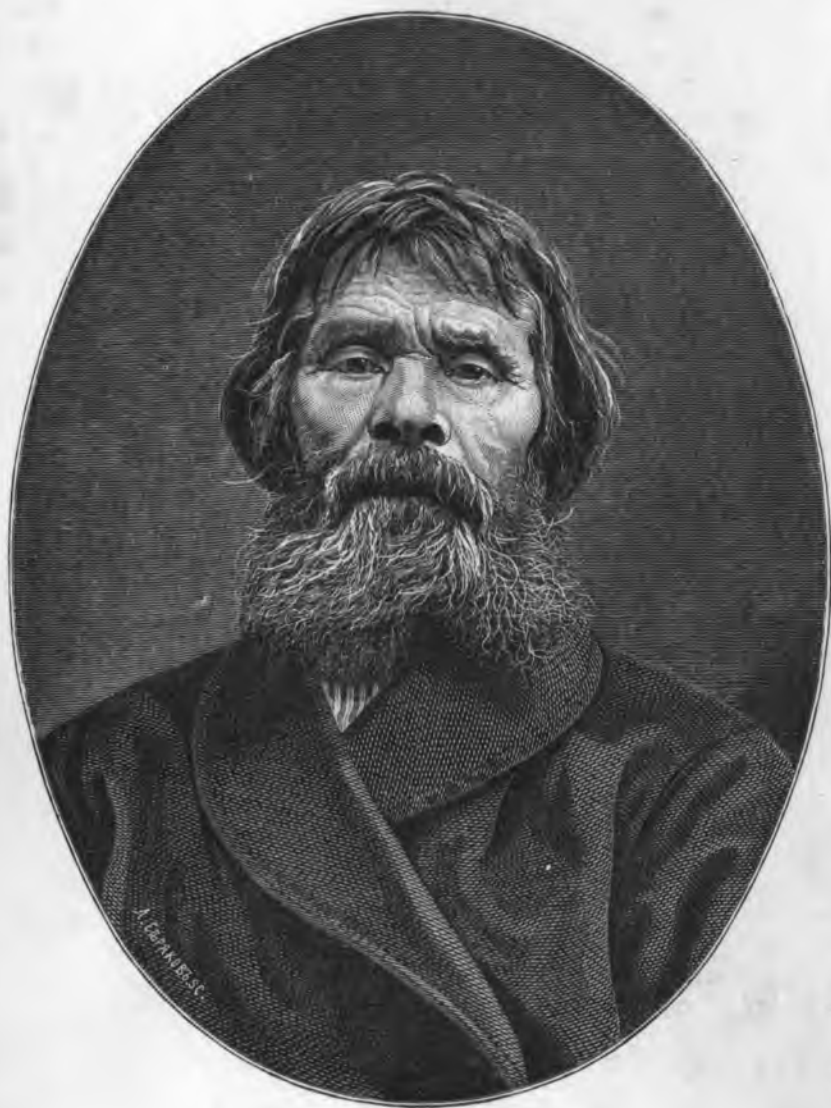
Р.Ф.

Рис. С. Растргуева

КНИГА БЫЛИНЪ.

ALINTA GANNON

Трофимъ Григорьевичъ
РЯВИНИНЪ.

82.3/2)
K532
A-19

КНИГА БЫЛИНЪ.

СВОДЪ ИЗБРАННЫХЪ ОБРАЗЦОВЪ

РУССКОЙ НАРОДНОЙ ЭПИЧЕСКОЙ ПОЭЗИИ.

ЧТЕНАЯ
КНИГА

Составилъ В. П. Лвенариусъ.

Съ портретомъ гѣнца былиня Рибинина, работы Л. А. Сврянова, и рисунками
А. В. Прохорова и Н. Н. Каразина.

V 129017
458

ИЗДАНИЕ ПЯТОЕ.

ПЕЧАТАННОЕ СО ВТОРОГО БЕЗЪ ПЕРЕМѢНЪ.

ОДОБРЕНО Ученымъ Комитетомъ М. Н. Пр. для фундаментальныхъ и ученическихъ библиотекъ всѣхъ среднихъ учебныхъ заведеній и для награды учащимся.

ВНЕСЕНО въ каталогъ бесплатныхъ народн. читаленъ.

РЕКОМЕНДОВАНО Учебнымъ Комитетомъ Собств. Е. И. В. Канцелярiи по учрежденiямъ Императрицы Марии учебнымъ и воспитательнымъ заведенiямъ, какъ классное пособие и для подарковъ.

ПРОВЕРЕНО
1967

187
1950

МОСКВА.

Издание книгопродавца А.

1898.

1947

КНИГА ВЪЛНЬ

Дозволено цензурою. Москва, октября 14 дня, 1897 года.

1897
ОДРЕСЬ

Типографія Варвары Гатцукъ, Болотная площадь, домъ Бахрушиныхъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Введеніе къ былинамъ	Стр. VII
--------------------------------	-------------

БЫЛИНЫ КІЕВСКІЯ.

I. Вольга Всеславъевичъ (съ картинкой)	3
II. Дунай Ивановичъ сватомъ князя Владиміра	13
III. Дунай Ивановичъ и Настасья королевична	25
IV. Алепа Поповичъ (съ карт.)	30
V. Первый бой Добрыни Никитича съ змѣемъ Горыничемъ	40
VI. Второй бой Добрыни съ змѣемъ (съ карт.)	46
VII. Ставѣрь Годиновичъ и Василиса Микулична	54
VIII. Соловей Будиміровичъ (съ карт.)	67
IX. Исцѣленіе Ильи Муромца	78
X. Илья Муромецъ, черниговцы и Соловей разбойникъ (съ карт.)	85
XI. Микула Селяниновичъ (съ карт.)	102
XII. Святогоръ	112
XIII. Добрыня Никитичъ и Настасья Микулична	116
XIV. Илья Муромецъ и Святогоръ (съ карт.)	121
XV. Илья Муромецъ и Идоляше	127
XVI. Илья Муромецъ въ ссорѣ съ княземъ Владиміромъ	135
XVII. Илья Муромецъ и Калинъ царь (съ карт.)	145
XVIII. Чурила Плёнковичъ (съ карт.)	164
XIX. Дюкъ Степановичъ	173
XX. Добрыня Никитичъ въ отъздѣ (съ карт.)	196
XXI. Михайло Потыкъ	209
XXII. Илья Муромецъ и Сокольникъ (съ карт.)	218
XXIII. Три поѣздочки Ильи Муромца (съ карт.)	230
XXIV. Какъ перевелись богатыри на святой Руси	239

БЫЛИНЫ НОВГОРОДСКІЯ.

I. Молодость Василя Буслаева (съ карт.)	245
II. Смерть Василя Буслаева	259
III. Садко дѣлаетъ богатымъ гостемъ	267
IV. Садко въ Поддонномъ царствѣ (съ карт.)	274

БЫЛИНЫ МОСКОВСКІЯ, КАЗАЦКІЯ и ПЕТРОВСКІЯ.

	<i>Стр</i>
I. Взятіе Казани Грознымъ царемъ	285
II. Оговоръ царевича переть Грознымъ (съ карт.)	87
III. Ермакъ, покоритель Сибири	293
IV. Царевичъ Димитрій и Борисъ Годуновъ	298
V. Гришка Отрепьевъ и Марина Мнишекъ	299
VI. Смерть Стеньки Разина	303
VII. Азовъ	205
VIII. Плачь войскѣ по Петрѣ	307

БЫЛИНЫ БЕЗЪИМЯННЫЯ.

I. О добромъ молодцѣ и рѣкѣ Смородинѣ	311
II. Татарскій полонъ	315
III. О Горюшкѣ (съ карт.)	217
IV. «Ужъ какъ палъ туманъ на сивѣ море...»	319
Примѣчаніе къ былинамъ	III
Алфавитный Указатель требующихъ объясненія собственныхъ именъ и не обычныхъ словъ, встрѣчающихся въ былинахъ	XXXI
Отзывъ печати о «Книгѣ былинъ»	XLIV

ВВЕДЕНИЕ КЪ БЫЛИНАМЪ.

Младенецъ, едва перенявшій нѣсколько отрывочныхъ словъ, подъ живымъ впечатлѣніемъ окружающаго міра, въ которомъ все для него ново, подъ вліяніемъ нянюшкиныхъ чудныхъ сказокъ и пѣсенокъ, начинаетъ безъ умолку лепетать и щебетать, пока языкъ и слухъ его не разовьются до связной рѣчи и музыкальных звуковъ. Точно также и всякая юная отрасль великой человѣческой семьи, выходя изъ первобытнаго состоянія и пробуждаясь къ духовной жизни, ощущаетъ безотчетную потребность — все свое фантастическое міросозерцаніе, всѣ выдающіеся случаи изъ жизни цѣлаго народа или главныхъ общественныхъ дѣятелей облечь въ замысловатый разсказъ, который, за отсутствіемъ или малою распространенностью письменности, и передается устно изъ поколѣнія въ поколѣніе, притомъ въ стихотворной и музыкальной формѣ, ласкающей слухъ и легко сохраняемой памятью. Никакое народное гульбище, никакое семейное торжество не можетъ обойтись безъ вдохновеннаго носителя народной поэзіи — безъ „*рапсоды*“ (греческое названіе *слагателей* эпическихъ пѣсенъ, принятое во всѣхъ литературахъ), который, подъ звуки безыскусственнаго струннаго инструмента, напѣваетъ про милую, славную старину. Благодаря своему метрическому складу, народное сказаніе даже въ теченіе столѣтій не подвергается особенно существеннымъ измѣненіямъ и сохраняетъ свой самобытный характеръ, совершенствуясь главнѣйше въ отдѣлкѣ: умѣлый рапсодъ твердо запоминаетъ и дословно повторяетъ всякій разъ тѣ неожиданные обороты въ ходѣ повѣствованія, тѣ картинныя сравненія и звучные стихи, которые въ глазахъ его слушателей зажигаютъ восторженный огонь или на устахъ ихъ вызываютъ довольную улыбку. Замѣчая, напротивъ, что слушатели начинаютъ зѣвать, разсѣянно

поглядывать по сторонамъ, — смѣтливый рассказчикъ не преминетъ въ слѣдующій разъ сократить не въ мѣру разросшееся описаніе, навѣвающее скуку, причемъ съ художническимъ чутгемъ наложить на всю картину, смотря по обстоятельствамъ, больше или темныхъ или свѣтлыхъ красокъ. Если при такомъ-то выраженіи, при такомъ-то стихѣ слушатели, недоумѣвая, переглядываются, морщатся или почесываютъ за ухомъ, онъ остережется вторично вызвать то-же впечатлѣніе, и неудобопонятное выраженіе, неуклюжій стихъ, при новомъ пересказѣ, замѣняются другимъ выраженіемъ и стихомъ; если впечатлѣніе на этотъ разъ замѣтно благопріятнѣе, то новое выраженіе, новый стихъ и впредь идутъ въ дѣло; если нѣтъ, то они опять передѣлываются, пока не удовлетворятъ, наконецъ, и самого повѣствователя и его слушателей. Тѣмъ не менѣе *ядро* народнаго сказанія, т.-е. его основное содержаніе и наиболѣе удачныя обороты сохраняются вѣками: въ варіантахъ эпическихъ пѣсень, записанныхъ, напр., въ наше время въ Нижегородской губерніи, дословно повторяются цѣлыя фразы варіантовъ тѣхъ-же пѣсень, записанныхъ 100 лѣтъ назадъ въ Сибири и 200 лѣтъ назадъ въ Москвѣ. Отрывочныя сказанія, одухотворенныя одною общею идеею, вращающіяся около одного главнаго событія, около одной первенствующей личности, мало по малу, какъ-бы сами собою, сливаются въ одинъ сплошной рассказъ, который въ окончательномъ видѣ и обращается въ народную эпопею. Такимъ образомъ, народная эпопея есть опозитизированная *исторія* народа, рассказанная имъ самимъ.

Русская эпическая пѣсня не выработалась до стройной эпопеи, остановившись на переходной ступени—отдѣльныхъ рапсодій, носящихъ у насъ названіе „*былинъ*“ (рассказъ о *быломъ*), а также „*старинъ*“ (рассказъ о *старинѣ*) или просто „пѣсень“ *). Но, по единству мѣста дѣйствія, времени и личностей, былины могутъ быть

*) Совершенно особнякомъ отъ нашего былеваго творчества стоитъ народное произведеніе XII вѣка — „Слово о Полку Игоревѣ“, которое, рассказанное устами современника, хотя и отличается задушевною непосредственностью, образностью и нѣкоторымъ ритмическимъ складомъ, но описываетъ только частный эпизодъ изъ боевой жизни новгородъ-сѣверскаго князя Игоря Святославича и лишено основнаго условія пѣсни — болѣе или менѣе правильнаго стихотворнаго ритма.

раздѣлены на нѣсколько главныхъ группъ или „цикловъ“: 1) древнѣйшій циклъ — о полумифическихъ герояхъ до-владимѣрской эпохи, такъ-называемыхъ „старшихъ“ богатыряхъ, 2) *киевскій* или *владимѣровъ* циклъ, 3) *новгородскій*, 4) *московско-петровскій* и 5) *казацкій*.

Былины о „старшихъ“ богатыряхъ, относительно происхождения которыхъ мнѣнія ученыхъ изслѣдователей еще расходятся (см. прим. 3 въ концѣ книги), стоятъ по содержанію своему близко къ слѣдующему затѣмъ былевому кругу—о „младшихъ“, владимѣровыхъ богатыряхъ: одинъ изъ „старшихъ“ богатырей, *Сухманъ*, даже прямо находится при князѣ Владимѣрѣ; двое, *Святогоръ* и *Самсонъ*, попадаютъ въ (двухъ разныхъ былинахъ) киевскому богатырю Ильѣ Муромцу, который оказывается притомъ крестникомъ Самсона; двѣ дѣвочки четвертаго старшаго богатыря, *Микулы Селяниновича* (Василиса и Настасья Микуличны), состоятъ въ замужествѣ за двумя киевскими богатырями (Ставромъ Годиновичемъ и Добрынею Никитичемъ). Такимъ образомъ, былины о „старшихъ“ богатыряхъ, если нѣсколько и предшествуютъ „владимѣрову“ циклу, то находятся съ нимъ въ непосредственной связи какъ лицами, такъ и мѣстомъ дѣйствія (въ древней киевской Руси); поэтому онѣ могутъ быть разсматриваемы и какъ часть киевскаго эпоса.

Кругъ былинь, относящихся собственно къ *киевскому* эпосу, изъ всѣхъ былевыхъ цикловъ наиболѣе обширенъ и замѣчательнъ. Всѣ былины этого круга имѣютъ своимъ предметомъ „князя-солнышка“, „ласковаго Владимѣра стольно-киевскаго“, т. е. *Владимѣра Святаго* (980—1014 г.г.), съ его богатырскою дружиной. Князь-солнышко — центральное свѣтило, около котораго вращается его планетная система — богатыри и богатырицы, сверкающіе, однако, не только заимствуемымъ отъ центральнаго солнца свѣтомъ, но и своимъ собственнымъ внутреннимъ огнемъ, какъ свѣтились имъ въ древнѣйшую эпоху мірозданія и небесные спутники нашего дневнаго свѣтила, пока не остыли понемногу и не покрылись твердою корою, отсвѣчивающею только солнечный блескъ. Княжеская „гридня“, подобно римскому форуму, — свѣтовой фокусъ общественной и государственной жизни, изъ котораго исходятъ и въ который возвращаются всѣ лучи

ея: подъ звонъ „полуторапудовыхъ“ чашъ, подъ звуки „яровчатыхъ“ гуслей, здѣсь сливки древне-кіевскаго общества щеголяютъ другъ передъ другомъ кто чѣмъ гораздъ, сватаются, интригуютъ, ссорятся, мирятся, замышляютъ богатырскіе выѣзды противъ насильниковъ внутреннихъ и внѣшнихъ и отдыхаютъ на лаврахъ послѣ многолѣтняго стоянія на сторожевой „заставѣ“.

Что Владиміръ Святой съ его богатырскою дружиной сдѣлался главнымъ центромъ нашего народнаго эпоса—объясняется тѣмъ, что царствованіе этого князя, „краснымъ солнышкомъ“ разсѣявшаго лежавшій дотолѣ надъ Русью мракъ язычества и кочевой неурядицы, было дѣйствительно самою свѣтлою эпохою до-татарскаго времени. Послѣ же долголѣтняго гнета азіатскихъ пришельцевъ, славный богатырскій вѣкъ „князя-солнышка“ долженъ былъ представляться народу въ еще болѣе радужныхъ краскахъ, и даже подвиги героевъ позднѣйшихъ—Дмитрія Донскаго, Ермака—безсознательно приурочивались новѣйшими рапсодами все къ тому-же „солнечному“ вѣку.

Былины *новгородскаго* круга воспѣваютъ героевъ Новгорода начала XII вѣка, т. е. того именно цвѣтущаго періода его, когда онъ служилъ центромъ торговаго движенія сѣверной Руси. Герои эти уже не богатыри въ полномъ смыслѣ слова, ратоборствующие за отчизну, за вѣру, „за вдовъ, сиротъ и бѣдныхъ людей“; это вѣрнѣе, *удальцы*, совершающіе подвиги не для блага другихъ, а просто ради удалства или для личной своей пользы. Но удалство ихъ все-же развертывается такъ широко, описывается такъ своеобразно и ярко, что возсоздаетъ передъ нами живую картину древняго Новгорода и возбуждаетъ въ насъ невольное сочувствіе къ самимъ удалцамъ. Удальцы эти двоякаго рода: вольница и купцы. Въ „славномъ Великомъ Новѣ-городѣ“, кромѣ русскаго и иноземнаго купечества, совершенно естественно стекался также массаи всякій безпріютный людъ. Людъ этотъ, не имѣвшій иного достоянія, какъ развѣ свою кипучую молодость и беззавѣтную отвагу, помышлялъ лишь объ одномъ: гдѣ-бы выказать свою удалъ и гдѣ бы поживиться на чужой счетъ. Нуженъ былъ только ловкій человекъ, чтобы сплотить эту вольни-

цу около себя въ непреборимо-сильную дружину. И вотъ является такой ловкій человекъ—*Василій Буслаевъ*, который, кромѣ удали и тѣлесной силы, обладаетъ еще и другими цѣнными качествами: денежными средствами, именитымъ родствомъ и недюжиннымъ для того времени образованіемъ (умѣть читать, писать, пѣть по-церковному). Неудивительно что ему съ его молодецкой дружиной удастся сдѣлаться грозю цѣлаго Новгорода, а затѣмъ попасть и въ народную пѣсню. Рядомъ съ героемъ вольницы, однако, выдвигается своего рода богатырь и изъ совершенно противоположнаго лагеря—изъ богатаго, степеннаго купечества. И *Василій Буслаевъ* воюетъ уже не мечомъ или копьемъ, какъ доблестные богатыри кіевскіе, а просто на-просто дубиною (червлѣнымъ вязомъ) или осью телѣжною; *Садко* же, богатырь купеческій, борется хотъ и не дубьёмъ, да рублемъ, выкупая весь Новгородъ. И у него, какъ у тѣхъ, своя богатырская дружина, но дружина эта—община торговая, необходимая ему, какъ охранная стража при его кочевомъ, небезопасномъ и полномъ приключеній образѣ жизни *торгового гостя*. Былинъ о *Василіи Буслаевѣ* и *Садкѣ-купцѣ* записано нѣсколько десятковъ; но всѣ онѣ могутъ быть сведены къ 4-мъ отдѣльнымъ пѣснямъ: по двѣ на каждаго удальца. Кромѣ *Василія Буслаева* и *Садки-купца*, въ новгородскихъ былинахъ является главнымъ дѣйствующимъ лицомъ еще только *гость Терентьище*; но былина о послѣднемъ—шуточная и описываетъ случай изъ будничной жизни новгородскихъ купцовъ.

Въ числѣ былинъ изъ до-татарскаго періода, стоящихъ внѣ кіевского и новгородскаго круговъ, можно упомянуть здѣсь развѣ только про былинѣ о *Суровицѣ-Суздальцѣ* (родомъ изъ *Суздаля*, торгуетъ же по *Сурожскому* или *Азовскому* морю); но былина эта, описывающая борьбу *Суровца-Суздальца* съ татарскимъ царемъ *Кумбаломъ* или *Курбаномъ Курбановичемъ*, въ литературномъ отношеніи не имѣетъ интереса.

Татарщина, обрушившаяся на Русь въ началѣ XIII вѣка, такимъ тяжелымъ гнетомъ легла на грудь русскаго народа, что на долго, на цѣлые вѣка, заглушила въ ней вольную пѣсню. Только изъ удѣльнаго періода дошло до насъ нѣсколько слабыхъ попытокъ въ эпическомъ родѣ.

Но эти такъ-называемыя *княжескія* пѣсни, по своей малочисленности и разрозненности, едва ли могутъ почтаться даже особымъ цикломъ, а по содержанію и складу своему на столько безцвѣтны, что не останавливаютъ вниманія.

Только съ середины XVI вѣка народное творчество нашло себѣ опять въ лицѣ *Ивана Васильевича Грознаго* (1533—1584 г.г.) героя, стоящаго, при всѣхъ своихъ недостаткахъ, по уму и силѣ характера, головою выше своихъ окружающихъ. Здѣсь описываемыя событія по большей части идутъ уже рядомъ съ историческими фактами, и потому былины этого круга, *московско петровскія*, какъ и примыкающія къ нимъ *казацкія*, могутъ быть названы также *историческими* пѣснями. Но пѣсни эти, и по духу и по формѣ своей, уже значительно разнятся отъ пѣсенъ древней Руси — кievскихъ и новгородскихъ. Тамъ при могучихъ фантастическихъ образахъ, рассказъ течетъ величаво-спокойно, разливаясь нерѣдко весьма широко и какъ-бы даже щеголяя частыми повтореніями. Въ московскихъ былинахъ эта основная черта эпической поэзіи почти отсутствуетъ; здѣсь общій характеръ — краткость изложенія, быстрота и драматизмъ дѣйствія, а затѣмъ и задушевная, элегическая нота, которая, чѣмъ ближе къ нашему времени, тѣмъ звучитъ громче. Въ то же время все чаще попадаются *книжныя* выраженія, повторяющія языкъ московскихъ лѣтописей.

Послѣ Грознаго сила былевой пѣсни опять ослабѣваетъ. Наиболѣе выдающіяся личности, наиболѣе памятные моменты до-петровской Руси, правда, находятъ еще отголосокъ въ пѣснѣ; памятуются въ ней царевичъ *Димитрій Угличскій* и *Борисъ Годуновъ*, *Гришка Отрепьевъ* и *Тушинскій воръ*, *Михайло Скопинъ*, *Василій Шуйскій* и *Прокopf Ляпуновъ*, *Козьма Мининъ* и князь *Пожарскій*. Но истинно поэтической элементъ проявляется уже только урывками.

Съ воцареніемъ *Петра I*, народное вдохновеніе какъ-бы на время окрывается. Энергической, строгій образъ великаго преобразователя, какъ и нѣкоторыя частности изъ его государственной и семейной жизни, живо воскрешаются въ памяти народной незабываемаго еще вполне въ теченіе ста слишкомъ лѣтъ Грознаго. Для прославленія

взятія Азова оказывается уже готовый матеріалъ въ былинѣ о взятіи Казани; расправа со стрѣльцами напоминаетъ знакомую старую пѣсню о томъ, какъ Грозный царь Иванъ Васильевичъ „выводилъ измѣну изъ Москвы“; заключенная въ монастырь царица повторяетъ жалобу другой царственной схимницы; преданное войско плачетъ по умершемъ царѣ и тамъ, и здѣсь. Кромѣ указанныхъ темъ, „петровскія“ пѣсни слагались и по поводу шведскихъ походовъ и волненія донцовъ, причемъ дѣйствующими лицами являются *Графъ Борисъ Петровичъ Шереметевъ, князя Доргорукіе, Семень Палій и Иванъ Краснощековъ, донцы Флоръ Миняевичъ, Сенька Маноукій и Некрасовъ, шведскій король, Мазена, Шлиппенбахъ и Лёвенгауптъ*. Не говоря, однакожъ, уже и о томъ, что о наиболѣе прославившихъ царствованіе Петра внутреннихъ реформахъ народное творчество вполнѣ умалчиваетъ (единственный намекъ на государственныя мѣропріятія Петра встрѣчается въ пѣснѣ о *Ладожскомъ каналѣ*), и въ излюбленныхъ этимъ творчествомъ темахъ полетъ его еще ниже, чѣмъ въ пѣсняхъ о Грозномъ. Тѣ изъ „петровскихъ“ былинъ, гдѣ преобладаетъ элементъ элегическій и лирическій, придающій имъ извѣстную образность и звучность, составляютъ уже переходъ къ народнымъ пѣснямъ семейнымъ и разгульнымъ; другія же, передающія въ болѣе или менѣе сухихъ, отрывочныхъ чертахъ голые факты, отзываются простыми реляціями.

Со смертію Петра умолкаетъ навсегда и настоящая былевая пѣсня. Солдатскія пѣсни, слагавшіяся еще послѣ того и въ царствованіе Екатерины II, и въ 1812 году, и въ наше время, имѣють съ былевою поэзіею одно только общее: что пріурочиваются къ извѣстнымъ историческимъ событіямъ; но лишены уже всякаго литературнаго значенія.

Параллельно съ былинами *московско-петровскаго* цикла возникали былины *казацкія*, воспѣвающія героевъ *казачества*: *Ермака, Стеньку Разина* и другихъ. Судьба этихъ героев и въ самыхъ былинахъ находится въ такой тѣсной зависимости отъ царей московскихъ, что былины объ нихъ составляютъ только необходимое дополненіе къ общей картинѣ былевой Москвы. И здѣсь, чѣмъ далѣе, тѣмъ менѣе плавно и спокойно течетъ стихотворный разговоръ,

прерываемый личными изліяніями пѣвца. Богатыри-казаки, покорившіе царство Сибирское, мельчаютъ и обращаются въ разгульныхъ бродягъ, въ разбойничковъ-„затюремщичковъ“; стройная былина переходитъ въ простую удалую пѣсню.

Кромѣ перечисленныхъ разрядовъ былинъ можно различить еще одинъ: разрядъ былинъ *безъмянныхъ* или *молодецкихъ*. Сложенныя въ свое время объ опредѣленномъ лицѣ, былины эти, благодаря своему преимущественно пѣвучему складу и лирическому характеру, не успѣли еще разложиться въ побывальщину или прозаическую сказку, но съ теченіемъ времени утратили уже имя воспѣваемаго лица и потому не могутъ быть прямо отнесены къ тому или другому былевому кругу. Онѣ служатъ какъ-бы послѣднею ступенью отъ настоящихъ былинъ къ обыкновеннымъ народнымъ пѣснямъ.

Первымъ собирателемъ нашихъ народныхъ былинъ былъ англичанинъ *Ричардъ Джемсъ*, въ рукопись котораго, начинающуюся съ 1619 года со „ста двадцать седьмаго года осемью тысячами“, вошли однѣ былины московскія. Только въ началѣ слѣдующаго XVII вѣка, *Кириеш Даниловымъ* (вѣроятно, казакъ сибирскій) были записаны и наиболѣе извѣстныя былины кievскія и новгородскія, которыя, такимъ образомъ, по *рукописному* своему возрасту на сто лѣтъ моложе московскихъ. Въ печати же рукопись Кириши, подъ названіемъ „Древнія Россійскія Стихотворенія“, появилась впервые всего въ 1804 году. Кромѣ этого изданія, до второй четверти настоящаго столѣтія, былины, именно московскія, печатались, также съ рукописей, только въ пѣсенникахъ Чулкова, Трутовскаго, Новикова, Сопикова и др.; съ этого времени начинается прилежное записываніе былинъ *съ устъ народа* нѣсколькими ревностными собирателями народной старины, преимущественно тремя: *П. В. Кирьевскимъ* (10 томовъ „Пѣсень“, изд. съ 1860—1874 г.), *П. Н. Рыбниковымъ* (4 тома Пѣсень“, изд. съ 1861—1867 г.) и *А. Ѡ. Гильфердингомъ* (1 томъ „Онежскихъ былинъ“ въ 1336 стран. мелкой печати, изд. въ 1873 г.).

Однако, и до послѣдняго времени для большинства нашего читающаго общества эти чисто-народныя произведенія оставались недоступными, какъ потому что они

разсѣяны по множеству дорого-стоющихъ книгъ въ нѣсколькихъ десяткахъ вариантовъ, такъ и потому, что едва-ли хотъ одинъ изъ записанныхъ вариантовъ, сколько бы онъ ни превосходилъ другіе варианты той-же былины интересными подробностями или поэтическими красотами, можетъ произвести вполнѣ цѣльное впечатлѣніе, имѣя всегда нѣсколько испорченныхъ стиховъ, явныя недомолвки или несогласныя съ требованіями современнаго изящнаго вкуса и нравственности выраженія и частности.

Первыя „попытки соединенія разныхъ вариантовъ былинь въ одну и изложенія ихъ правильнымъ стихомъ“ принадлежать графу Л. Н. Толстому, составившему сводъ 4-хъ былинь о „старшихъ“ богатыряхъ (Вольгѣ, Микулѣ, Сухманѣ и Святогорѣ). Опытъ въ томъ-же родѣ сдѣланъ былъ В. П. Острогорскимъ въ его былевомъ разсказѣ „Илья Муромецъ, крестьянскій сынъ“.

Наша задача была—дать русскимъ читателямъ и, въ особенности, русскому юношеству возможность—въ одной не слишкомъ объемистой книгѣ, близко ознакомиться съ лучшими перлами русской народной эпической поэзіи. Съ этой цѣлью сличивъ, по стихамъ, всѣ извѣстные варианты избранныхъ былинь, выбравъ лучшіе, по нашему мнѣнію, стихи, устранивъ или смягчивъ все слишкомъ грубое и сгладивъ шероховатости стихосложенія, затрудняющія плавное теченіе стиховъ,—мы составили возможно-полный сводъ каждой былины, причемъ не пренебрегли, конечно, ни былинами съ полуразрушеннымъ стихомъ или такъ-называемыми „*побывальщинами*“, ни прозаическими „*богатырскими сказками*“, представляющими только послѣднюю стадію разложенія былинь. Расположивъ затѣмъ былины въ хронологическомъ порядкѣ, мы въ отношеніи кіевскихъ былинь, представляющихъ какъ-бы разрозненныя части цѣлой народной эпопеи, позволили себѣ, для большей занимательности разсказа, послѣдовать примѣру нѣмца Зимрока и финляндца Ленрота, которые, въ новѣйшее время, разрозненные отрывки древне-германской „Пѣсни объ Амелунгахъ“ и финской „Калевалы“ сгруппировали въ связныя поэмы: не касаясь существа былинь, мы связали ихъ въ возможно-послѣдовательную хронику, стоявшія же отдѣльно отъ владимірова круга былины о „старшихъ“ богатыряхъ вложили

въ уста славнаго „загусельщика“— Добрыни Никитича, какъ то часто встрѣчается и въ другихъ народныхъ эпическихъ пѣсняхъ.

Имѣвшійся у насъ въ распоряженіи матеріалъ для свода избранныхъ былинъ прочихъ былевыхъ цикловъ, по *количеству*, хотя еще богаче матеріала, послужившаго намъ для восстановленія древне-кѣвской эпопеи, но по *качеству* своему онъ значительно уступаетъ послѣднему; почему, при строгомъ выборѣ, всѣ остальные разряды былинъ дали въ общей сложности едва третью часть того, что далъ одинъ древне-кѣвской эпосъ. Сводъ былинъ о новгородскихъ удалцахъ приведенъ нами вполне*). Зато изъ слѣдующихъ разрядовъ: московскаго, петровскаго и казацкаго, а также изъ былинъ безымянныхъ, мы выбрали только такіе образцы, которые имѣютъ дѣйствительное литературное достоинство и притомъ, разумѣется, по содержанію своему, вообще соотвѣтствуютъ настоящему изданію, предназначенному для большинства читающаго общества, въ томъ числѣ и для юношества. Въ виду той связи, которая существуетъ между героями казачества съ царями московскими, мы сочли нужнымъ былины казацкія помѣстить хронологически среди былинъ московскихъ, вслѣдъ за которыми расположили былины петровскія, какъ составляющія прямое ихъ продолженіе.

Что касается былевыхъ анахронизмовъ, то мелкіе позднѣйшіе наросты (какъ-то: огнестрѣльное оружіе въ древнемъ Кіевѣ, подзорныя трубки, постоянный эпитетъ Ильи Муромца „казакъ“ и т. п.) нами, по возможности, устранены; крупныхъ, органически-сросшихся со всѣмъ былевымъ эпосомъ (какъ напр., валовое наименованіе всѣхъ внѣшнихъ враговъ кѣвлянъ „татаровьями“) мы не считали себѣ вправѣ тронуть, чтобы ненарокомъ не посягнуть на самобытное ядро разказа. Значеніе важнѣйшихъ изъ такихъ анахронизмовъ, какъ и вообще всѣхъ встрѣчающихся въ былинахъ фактовъ, личностей и предметовъ, требующихъ поясненія, указано въ приложенныхъ въ концѣ книги *Примѣчаніяхъ*, гдѣ помѣщены

*) Шуточная новгородская былина о *гостѣ Терентьицѣ*, удобная только для спеціальнаго изданія, помѣщена нами въ «Исторической Библіотекѣ» 1878 года, № 3.

нами и нѣкоторые, заслуживающіе вниманія, варианты былевыхъ стиховъ. Для сохраненія самобытнаго характера былинъ мы равнымъ образомъ удержали значительное число вышедшихъ уже изъ употребленія или малоизвѣстныхъ народныхъ словъ, *Алфавитный указатель* которымъ также приложенъ.

Относительно стихосложенія былинъ находимъ неизлишнимъ объяснить слѣдующее:

Первоначальный размѣръ большей части былинъ — правильный хорейскій: 4, 5 или 6 хореевъ, изъ которыхъ послѣдній, чрезъ прибавленіе короткаго слога, обращенъ въ дактиль; напр.:

«Въ стóльномъ | бѣло | горо | дѣ во | Кіевѣ.»

Этотъ размѣръ, соблюдаемый лучшими рапсодами довольно строго, принятъ нами въ бóльшей части былинъ. Рѣдкія отступленія допущены нами только въ тѣхъ случаяхъ, когда и у рапсодовъ, для бóльшей выразительности, послѣдняя стопа растянута еще на одинъ лишній слогъ, на которомъ слышится полу-удареніе, какъ въ слѣдующемъ ироническомъ возгласѣ богатырицы Настасьи Микуличны:

«Я-то думала, комарики покусываютъ,
Анъ то русскіе богатыри пощелькиваютъ.»

Изъ сколькихъ бы стопъ ни состоялъ хорейскій стихъ, привычный слухъ различаетъ всегда ни болѣе, ни менѣе, какъ *три* ударенія, изъ которыхъ послѣднее упадаетъ на длинный слогъ послѣдней стопы:

«Въ стóльномъ было гóродъ во Кіевѣ
Да у ласковаго князя у Владіміра
Было пированіице почестень пиръ
На многихъ князей, на бóяровъ.»

(Или:

«На многихъ князей, на бóяровъ.»)

Особенно важно имѣть въ виду это правило при чтеніи такихъ стиховъ, гдѣ конецъ послѣдней стопы составляетъ отдѣльное слово, имѣющее въ прозаической

рѣчи свое особое удареніе, противоположное стихотворному; напр., должно читать „во чистомъ полѣ“, „ни одной птички“, а не „во чѣстомъ полѣ“, „ни одной птички“. Чтобы при выговариваніи словъ, требующихъ необычнаго ударенія, не встрѣчалось недоразумѣнія, нами надъ подлежащими слогами поставленъ знакъ ударенія.

У ббльшей части народныхъ пѣвцовъ, впрочемъ, правильный хореическій размѣръ утратился: неизмѣннымъ остается только условіе, чтобы въ стихѣ было *три* ударенія; изъ слоговъ же, неимѣющихъ ударенія, можетъ быть выпущено, по надобности, сколько угодно, лишь бы между двумя слогами съ удареніемъ оставался одинъ *безъ* ударенія. Такъ образовался особый размѣръ, полухореическій, полудактилическій*) (хорошо извѣстный всякому читателю по знаменитой лермонтовской „Пѣснь про царя Ивана Васильевича, молодого опричника и удалаго купца Калашникова“, очевидно, навѣянной на чуткаго поэта „Древними Стихотвореніями“ Кириши Данилова):

•Закатилось красное солнышко,
Закатилось за горышки высѣкія,
За моря глубокія, широкія,
Разсаждались часты звѣзды по свѣтлѣ небу.»

Нерѣдко первое удареніе въ стихѣ бываетъ и не на третьемъ слогѣ, а на второмъ или первомъ:

•Дружина моя добрая, хоробрая,
Тридцать молодцевъ безъ единого!»

Точно также къ концу стиха нерѣдко прибавляются лишніе слоги, изъ которыхъ въ такомъ случаѣ послѣдній получаетъ нѣкоторое удареніе, сообщающее стиху особенную размашистую упругость:

•Я какъ ржи нашу да въ скѣрлы слоужу,
Въ скѣрды слоужу, съ поля выволочу,
Съ поля выволочу, дома вымолочу,
Дрѣни надеру да пѣва накурю,

*) Подъ *дактилемъ* (—) мы разумѣемъ здѣсь вообще стопу изъ одного длиннаго и двухъ короткихъ слоговъ, такъ какъ и *амфибрахій* (— —), и *анапестъ* (—) обращаются въ дактиль, если въ началѣ стиха выпустить одинъ или два слога.

Ийва накурю да гостей наберу,—
 Стануть гости пить, стануть кушати.
 Стануть здравствовать меня да похвалявати:
 — Ай ты здравствуешь, Микюла Селяиновичъ?

Только въ 6-мъ и въ 8-мъ стихахъ сохранено здѣсь обыкновенное дактилическое окончаніе (—). Такимъ полухореическимъ, полудактилическимъ размѣромъ изложены у насъ всего пять былинъ кievскихъ, а именно: три о „старшихъ“ богатыряхъ (№№ 1, 11, и 12) и первая и послѣдняя объ Ильѣ Муромцѣ (№№ 9 и 23). Не говоря уже о томъ, что возстановить въ этихъ былинахъ, безъ ущерба для ихъ содержанія, правильный хореическій стихъ, которымъ онѣ вѣроятно также были нѣкогда сложены, представлялось бы очень затруднительнымъ, такъ какъ не имѣется на лицо ни одного варианта ихъ такого стихосложенія, — по нашему мнѣнію, неровный, своевольный хореически-дактилическій размѣръ даже соотвѣтствуетъ какъ стихійному характеру старшихъ богатырей и появляющихся въ первой былинѣ объ Ильѣ каликъ переходящихъ, такъ и не твердымъ шагамъ муромскаго героя, сейчасъ послѣ исцѣленія его отъ тридцатилѣтняго паралича и при закатѣ его дней, когда онъ постарчески при всякомъ случаѣ съдой головой покачивается.

Третій размѣръ, весьма схожій съ предъидущимъ, отличается отъ него только обиліемъ во многихъ стихахъ дактилическихъ стопъ:

«Высота-ли—высота поднебесная!
 Глубота—глубота океанъ-мор!»

Или;

«Здравствуешь, солнышко Владимиръ князь
 Дай, государь, намъ праведный судъ,
 Дай на Чурилу сына Пленковича.»

Благодаря дактилямъ, стихъ дѣлается игривымъ, какъ-бы рѣзво скачущимъ. Этимъ размѣромъ поются всѣми расподами и изложены и у насъ двѣ веселыя былины объ удалыхъ молодцахъ кievскихъ: Соловьѣ Будимировичѣ (№ 8) и Чурилѣ Пленковичѣ (№ 18). Къ этому-же размѣру приближается и былина московская о Гришкѣ Отрепьевѣ (№ 5).

Былины лирическаго характера принимаютъ любимый размѣръ обыкновенныхъ народныхъ пѣсенъ, гдѣ, вслѣдствіе двойнаго соединенія дактиля съ анапестомъ, въ стихѣ остается всего два ударенія (— — — | — — —), и стихъ пріобрѣтаетъ особенную пѣвучесть:

«Ужъ какъ палъ туманъ на синѣ море.»

Этимъ скадомъ (съ неизбѣжными въ народной пѣснѣ отступленіями) поются четыре изъ приведенныхъ въ настоящемъ сборникѣ былинъ: былина о „царевичѣ Димитріѣ и Борисѣ Годуновѣ“, послѣдняя петровская („Плачь войска“) и двѣ безымянныя: „Татарскій полонъ“ и „Ужъ какъ палъ туманъ“.

Съ замѣною второй половины двойнаго стиха дактилемъ, стихъ укорачивается еще на два слога (— — — — —) и даетъ столь-же звучный, довольно рѣдкій размѣръ, которымъ изложена у насъ одна былина („О добромъ молодцѣ и рѣкѣ Смородинѣ“):

«Отломилася вѣточка
Отъ кудряваго дѣревца.»

Наконецъ, слѣдуетъ упомянуть еще объ одномъ стихосложеніи, рѣзко отличающемся отъ обыкновеннаго былеваго стиха амфибрахическимъ окончаніемъ (— — —), вмѣсто дактилическаго (— — —):

«Подымалась полтавская баталья.»

Образцы этого размѣра, свойственнаго главнѣйше „солдатскимъ“ пѣснямъ, можно видѣть въ прим. 132.

Что касается прибаутокъ къ былинамъ, этихъ вызывающихъ ритурунелей въ началѣ или концѣ ихъ, то, не стѣсняясь размѣромъ самой былины, онѣ или принимаютъ лихой дактилическій складъ:

«Нашему хозяйну честь бы была!»

или раскидываются широкимъ хореическимъ стихомъ, съ хореическимъ же окончаніемъ:

«Охъ, вы, рощи, рощи зеленія! липушки цвѣтнія!»

или коротко обрываются:

«Здуннай-най-най?
Болѣ пѣть впередъ не знай.»

Гомеровскія пѣсни въ древней Греціи пѣлись, какъ извѣстно, речитативомъ. Напѣвы нашихъ народныхъ рапсодовъ также очень просты и не ушли далеко отъ речитатива. У каждаго пѣвца для десятковъ былинъ одинъ, два, много три разныхъ напѣва; но ускореніемъ или замедленіемъ пѣнія, возвышеніемъ или пониженіемъ голоса чрезвычайно разнообразится напѣвъ, такъ что тотъ-же не многосложный мотивъ на нѣсколькихъ нотахъ въ одной былинѣ звучитъ грозно-торжественно, въ другой протяжно-уныло, въ третьей весело - игриво. „Въ Ставрѣ“, какъ выразился пѣвецъ Рябининъ, „надо пѣть толще, а въ Потыкѣ тоньше“.

Какое впечатлѣніе производитъ это пѣніе въ безискусственной сельской обстановкѣ на всякаго свѣжаго человѣка — лучше всего можно видѣть изъ описанія г. Рыбникова предпринятой имъ въ Маѣ 1860 года поѣздки въ Заонежье, гдѣ ему въ первый разъ удалось услышать настоящаго „сказителя“, какъ называютъ себя тамошніе рапсоды. Приводимъ здѣсь описаніе это собственными словами собирателя:

„Знакомые мои отговаривали меня всячески отъ поѣздки водою: по ихъ словамъ, озеро Онежское очень бурное, переменные вѣтры совершенно неожиданны, а въ разныхъ мѣстахъ разсыяно множество мелей и подводныхъ камней. Но хозяинъ соймы (лодки) понравился мнѣ своимъ привѣтливымъ обращеніемъ и словоохотливостью, и я скоро уговорилъ его перевести меня въ Пудожгорскій приходъ. Въ свѣтлую и холодную весеннюю ночь мы простились съ „баженнымъ“ (милымъ) городкомъ и поѣхали къ Ивановскимъ островамъ. Поднялся „стрѣтный“ вѣтеръ. Чѣмъ дальше мы подвигались впередъ, тѣмъ сильнѣе онъ разыгрывался, и только къ утру, часовъ черезъ шесть самой утомительной работы, измученные гребцы пристали къ Шуй-Наволоку — пустынному, болотистому и лѣсистому острову, въ 12 верстахъ отъ Петрозаводска. На островѣ стоитъ закопченная „фатера“ — домикъ, куда въ меженную и осеннюю пору, при затишьѣ, противномъ вѣтрѣ и бурѣ, проѣзжіе укрываются на ночь. Около пристани было много лодокъ изъ Заонежья, и „фатера“ народомъ полнымъ-полна. Правду сказать, она была черезчуръ смрадна и

грязна, и хоть было очень холодно, но не похотѣлось мнѣ взойти въ нее на отдыхъ. Я улегся на мѣшкѣ около тощаго костра, заварилъ себѣ чаю въ кастрюлѣ, выпилъ и поѣлъ изъ дорожнаго запаса, и, пригрѣвшись у огонька, незамѣтно заснулъ. Меня разбудили странные звуки: до того много я слыхивалъ и пѣсенъ, и стиховъ духовныхъ, а такого напѣва не слыхалъ. Живой, причудливый и веселый, порой онъ становился быстрѣе, порой обрывался и ладомъ своимъ напоминалъ что-то стародавнее, забытое нашимъ поколѣніемъ. Долго не хотѣлось проснуться и вслушаться въ отдѣльныя слова пѣсни: такъ радостно было оставаться во власти совершенно новаго впечатлѣнія. Сквозь дрему я разсмотрѣлъ, что шагахъ въ трехъ отъ меня сидятъ нѣсколько крестьянъ, а поеть-то сѣдатый старикъ съ окладистою, бѣлою бородою, быстрыми глазами и добродушнымъ выраженіемъ въ лицѣ. Присосѣдившись на корточкахъ у потухшаго огня, онъ оборачивался то къ одному сосѣду, то къ другому, и пѣлъ свою пѣсню, перерывая ее иногда усмѣшкою. Кончилъ пѣвецъ, и началъ пѣть другую пѣсню: тутъ я разобралъ, что поется былина о Садкѣ-купцѣ, богатомъ гостѣ. Разумѣется я сейчасъ же былъ на ногахъ, уговорилъ крестьянина повторить пропѣтое и записалъ съ его словъ. Сталъ спрашивать, не знаетъ ли онъ еще чего-нибудь. Мой новый знакомецъ, Леонтій Богдановичъ, изъ деревни Серѣдки, Кижской волости, пообщалъ мнѣ сказать много былинъ: и про Добрынюшку Никитича, про Илью Муромца и про Михайла Потыка сына Ивановича, про удалаго Василья Буслаевича, про Хотенушку Блудовича, про сорокъ каликъ съ каликою, про Святогора богатыря, да зналъ-то онъ варианты неполные и какъ-то не досказывалъ словъ. Впрочемъ, на первый разъ и записывалось какъ-то неохотно, а больше слушалось. Много я впоследствии слыхалъ рѣдкихъ былинъ, помню древніе превосходные напѣвы; пѣли ихъ пѣвцы съ отличнымъ голосомъ и мастерскою дикціею, а по правдѣ скажу, не чувствовалъ уже никогда того свѣжаго впечатлѣнія, которое произвели плохіе варианты былинъ, пропѣтые разбитымъ голосомъ старика Леонтія на Шуй-Наволокъ“.

Хотя былины поются въ настоящее время и „кали-

ками“, пѣвцами по ремеслу, спеціальность которыхъ — „духовные“ стихи, но настоящими носителями и рачителями народнаго эпоса являются „сказители“, непромышляющіе своимъ пѣніемъ, а занимающіеся имъ, какъ истинные художники, изъ любви къ искусству. Они обыкновенно — зажиточные крестьяне: по мѣткому замѣчанію другаго собирателя былинъ, Гильфердинга, „былины, повидимому, укладываются только въ такихъ головахъ, которыя соединяють природный умъ и память съ порядочностью, необходимою и для практическаго успѣха въ жизни“. Лучшимъ изъ живущихъ сказителей почитается вышеупомянутый старикъ-крестьянинъ деревни Серѣдки, Кижской волости, Пудожскаго уѣзда, Олонецкой губерніи, Трофимъ Григорьевичъ *Рябининъ* (портретъ котораго прилагается къ нашей книгѣ) — ученикъ двухъ извѣстнѣйшихъ олонецкихъ пѣвцовъ начала нынѣшняго столѣтія: Ильи Елустафьева и дяди Рябинина — Игнатія Андреевыхъ. Кромѣ крестьянъ, хорошіе рапсоды встрѣчаются и между нѣкоторыми переходными ремесленниками, именно между занимающимися портнымъ и сапожнымъ мастерствами. Замѣчательно однако, что самая незначительная часть пѣвцовъ грамотна: какъ слѣпой, прозрѣвъ, теряетъ прежнюю тонкость осязанія, такъ и человѣкъ грамотный не въ состояніи уже удержать въ памяти пространныхъ стихотворныхъ рапсодій въ нѣсколько сотъ стиховъ.

Первымъ гонителемъ свободнаго народнаго творчества было варварство, вторымъ — цивилизація. Былевая пѣсня наша, пѣвшаяся когда-то „загусельщиками“ и „каликами переходными“, вездѣ, гдѣ она слушалась охотно: и на княжескихъ пирахъ, и на семейныхъ торжествахъ горожанъ и крестьянъ, и всенародно — на рынкахъ и базарахъ, — съ татарскимъ погромомъ по-неволѣ смолкла на мѣстѣ своего зарожденія и искала спасенія въ дали, на сѣверѣ и на востокѣ, гдѣ ей можно было еще вольно раздаваться. Но на смѣну татарамъ явились тутъ просвѣщеніе и грамотность и, съ каждымъ шагомъ впередъ, отгѣсняли стародавнюю пѣсню все далѣе. Лучшіе образцы историческихъ былевыхъ пѣсенъ сохранились до насъ благодаря лишь тому счастливому обстоятельству, что были записаны благовременно, за сотни лѣтъ назадъ.

Былины-же древне-кіевскія и древне-новгородскія должны были быть отыскиваемы новѣйшими собирателями на отдаленнѣйшихъ окраинахъ, въ губерніяхъ Олонецкой, Архангельской, Пермской и сибирскихъ, въ селеніяхъ, лежащихъ среди лѣсовъ и болотъ, въ сторонѣ отъ большихъ дорогъ, отъ торговой и заводской дѣятельности, преимущественно между раскольниками, крѣпко держащимися старины. Но и тамъ начинается понемногу вымирать поколѣніе истыхъ пѣвцовъ. Какъ слышалъ г. Рыбниковъ въ Пудожѣ отъ старожиловъ, еще не такъ давно — въ началѣ настоящаго столѣтія, у мѣстныхъ обывателей всѣхъ сословій собирались вечеринки „съ сказителями“; но теперь сказители „вышли изъ моды“ и находятъ себѣ внимательныхъ слушателей только въ деревняхъ. Даже на сельской Шунгской ярмаркѣ, въ Повѣнецкомъ уѣздѣ, калики, распѣвавшіе на погостѣ, кромѣ духовныхъ стиховъ, и былевья пѣсни, исчезли съ 50-хъ годовъ, но не столько вслѣдствіе равнодушія слушателей, сколько „ради порядка“, по настоянію земской полиціи. Этотъ простонародный „продуктъ“ постигла общая участь всякаго мало требуемаго товара: съ уменьшеніемъ спроса, уменьшилось и его производство: лучшіе пѣвцы — старики съ семью-восемью десятками за плечами; молодое поколѣніе, зараженное промышленнымъ духомъ новаго времени, слушаетъ ихъ пѣсню однимъ ухомъ и перенимаетъ ее туго. Недалеко то время, когда передъ пронзительнымъ свистомъ локомотива и фабрикъ окончательно замолкнетъ задушевная пѣсня о сѣдой старинѣ!

Тѣмъ бѣльшее значеніе, поѣтому, приобрѣтаютъ записанные нашими почтенными собирателями еще „съ голоса“ послѣднихъ пѣвцовъ обрывки русскаго народнаго эпоса. Поѣтому же, надѣмся, будетъ неизлишенъ и настоящій, возможно-полный, систематическій сводъ лучшихъ изъ этихъ обрывковъ, своего рода антологія нашей народной эпической поэзіи.

БЫЛИНЫ КІЕВСКІЯ.

STANDARD LIBRARY

БЫЛИНА ПЕРВАЯ.

Вольга Всеславьевичъ.

Нашему хозяину честь бы была,
Намъ бы, ребятамъ, ведро пѣва было:
Самъ бы испилъ да и намъ бы поднёсь.
Станемъ мы, ребята, сказывать,
А вы, люди добрые, послушайте
Что про старое время, про доселѣшнее.
Изъ-за лѣсу было изъ-за темнаго,
Изъ-подъ чуднаго креста съ-подъ Леванидова, ⁽¹⁾
Изъ-подъ бѣлаго горяча камня Латыря—⁽²⁾
Тутъ повышла, повышла, повѣбѣжала,
Выбѣгала-вылегала матка Волга-рѣка,
Мѣстомъ шла она ровно три тысячи верстъ,
А и много же въ себя она рѣкъ побрала,
Да побольше того вѣдь ручьевъ пожрала,
Широкд-далекд подъ Казань прошла,
Шире, далѣй того да подъ Астрахань;
Здѣсь пускала устьѣ ровно семьдесятъ верстъ,
Выпадала во морюшко Хвалынское.
Да все это, братцы, не старинушка,
Все-то это, братцы, прибауточка,
А теперъ старинамъ у насъ зачѣнь пойдетъ.

* *
* *

Какъ не красно солнце въ небѣ разыгралось —
Какъ во стольномъ городѣ во Кіевѣ
У Владиміра у князя солнышка

Заводилось пированьице—почёстенъ пиръ,
Собирались всѣ князья да бояре,
Русскіе могучіе богатыри, (3)
Да и поленицы ли удаляя. (4)

А живеть во городѣ во Кіевѣ
У своей любезной родной матушки,
У честной вдовы Афимьи Александровны,
Добрый молодецъ, боярскій сынъ,
Что по имени Добрынюшка Никитичъ младъ. (5)
Какъ садила его матушка за грамоту,
Какъ учила уму-разуму да вѣжеству,
Какъ возростила до полного до возраста,—
Сталь Добрынюшка въ чистѣ иоле поѣзживатьъ,
На почёстенъ пиръ къ Владиміру похаживать,
На пиру да во гусёлышки поигрывать.

А и будетъ день во половинѣ дня,
Княженецкій столъ да во полѹ-столѣ,
За столомъ всѣ пьяны-веселы,
Самъ Владиміръ свѣтель-радошень, —
Во столовую во гридню княженецкую
Входитъ тутъ Добрынюшка Никитичъ младъ,
Крестъ кладеть да по писаному,
И поклонъ ведеть да по учёному,
Поклоняется на всѣ четыре стороны,
Солнышку Владиміру въ особипу.
Проводили молодца тутъ во большой уголь,
Во большой угѣлъ, во мѣсто бѣльшее,
За столы садили за дубовые,
За тѣ яства за сахарныя,
За тѣ питья за медвяныя.

Не золотая трубочка вострубила,
Не серебряна сапѣвочка возыграла—
Воспрогдворилъ самъ батюшка Владиміръ князь,
Воскричалъ да громкимъ голосомъ:

„Гой вы, слуги мои, слуги вѣрныя!

Наливайте-ка вы чару зеленѣ вина,
Наливайте чару пива ньянаго,
Наливайте чару меду сладкаго,
Слейте всѣ три чары во единую,
Поднесите чару добру молодцу,

Молоду Добрынюшкѣ Никитичу“.

Слушались князя слуги вѣрные,
 Наливали чару зеленѣ вина,
 Наливали чару пива пьянаго,
 Наливали чару меду сладкаго,
 Слили все три чары во единую:
 Стала мѣрой чара въ полтора ведра,
 Стала вѣсомъ чара въ полтора пуда;
 Подносили молоду Добрынюшкѣ.
 Принималъ ее Добрыня единѣй рукой,
 Выпивалъ ее Никитичъ единѣимъ духомъ,
 Самъ Владиміра на томъ поздравствовалъ.

И спрѣговорить Владиміръ стольно-кіевскій:

„Ай же ты, Добрынюшка Никитичъ младъ!

А бери-ка ты гусѣлышки ярѣвчаты,
 Поподѣрни-ка во струнки золочѣныя,
 По уныльному сыграй намъ, по умильному,
 Во другой сыграй да по весѣлому“.

Какъ беретъ Добрыня во бѣлы руки
 Тѣ звончатыя гусѣлышки ярѣвчаты,
 Поподѣрнетъ да во струнки золочѣныя,
 Заиграетъ стихъ Еврейскій по уныльному,
 Но уныльному да по умильному—
 Во пиру все призадумались,
 Призадумались да позаслушались.
 Заигралъ добрыня по весѣлому,
 Игрище завелъ отъ Ерусѣлима,
 Игрище другое отъ Царя-града,
 Третіе отъ стольна града Кіева—
 Во пиру привелъ всехъ на весельице.
 Какъ Владиміру игра та показалася,
 Говорить Владиміръ стольно-кіевскій:

„Ай же ты, лихой игрокъ Добрынюшка!

Распотѣшь-ка мнѣ еще князей до бдяровъ,
 Звесели могучихъ богатырей:

Заведи старинку стародавнюю

Про того про старшаго богатыря,

Про удалаго Вольгу Всеславьича“. (°)

Какъ повелъ опять Добрыня по гусѣлышкамъ,
 Заигралъ напѣвки святорусскія,

Заводилъ старинку стародавнюю
Про удалаго Вольгѣ Всеславъича:

* *
* *

„Закатилось красное солнышко,
Закатилось за горушки высокія,
За моря глубокія, широкія,
Разсаждались часты звѣзды по свѣтлѣ небу —
Нарождался на матушкѣ святой Руси
Молодой богатырь Вольгѣ Всеславъевичъ.
Только будетъ Вольгѣ полтора часа,
Говоритъ Вольгѣ, будто громъ гремитъ:

„—А и гоѣ еси, сударыня матушка,
Молодая Марѣа Всеславъевна!
Ты не пѣленай во пѣлену червчатую,
Не поясай въ пояся шелковые —
Пеленаѣ меня, сударыня матушка,
Въ крѣпкія латы булатныя,
А на буйну голову клади златъ шеломъ,
Въ праву руку—пѣлицу свинцовую,
Чтобы вѣсомъ была пѣлица въ триста пудъ.—

„Росъ-подросъ Вольгѣ до пяти годковъ,
Какъ пошѣлъ Вольгѣ по сырѣй землѣ—
Мать-сырѣя земля всколыбалася,
По темнымъ лѣсамъ звѣри разбѣжались,
По подоблачю птицы разлетались,
По синю морю рыбы разметались.
И пошѣлъ Вольгѣ Всеславъевичъ
Обучаться всякимъ хитростямъ-мудростямъ:
Обучался первой хитрости-мудрости—
Обертываться яснымъ соколомъ;
Обучался другой хитрости-мудрости—
Обертываться сѣрымъ волкомъ;
Обучался третьей хитрости-мудрости—
Обертываться туромъ—золотые рога.
Да задѣлся отъ семи годовъ,
Обучался до двѣнадцати.
Сталъ дружину себѣ набирать Вольгѣ,
Дружинишку добрую, хоробрую,

Набиралъ дружину три года:
Самому Вольгѣ пятнадцать лѣтъ,
И всей его дружинѣ по пятнадцати.
Тридцать мѣлодцевъ набралъ безъ единого,
Становилса самъ тридцатыимъ.

„И возгѣворить Вольгѣ таковы слова:

„—Дружина моя добрая, хордбрая,
Тридцать мѣлодцевъ безъ единого!
Слушайте-ка брата бѣдшаго,
Дѣлайте-ка дѣло повелѣное:
Отъ моей отъ славы богатырскія
Звѣри ушли во темны лѣса,
Птицы ушли подъ облока,
Рыбы ушли во синѣ море,
Во синѣ море, въ глубоки станы:
Вейте-ка тенета шелковыя,
Становите-ка ихъ во темномъ лѣсу,
Во темномъ лѣсу, по сырой землѣ,
И ловите въ нихъ куницъ и лисицъ,
Всякихъ дикихъ звѣрей и черныхъ соболей.—

„Они слушали брата бѣдшаго,
Дѣлали дѣло повелѣное:
Вили тенета шелковыя,
Становили ихъ во темномъ лѣсу,
Во темномъ лѣсу, по сырой землѣ,
Ловили три дня и три ночи —
Не могли добыть ни одного звѣрка.
Обернулся Вольгѣ лютымъ звѣремъ,
Поскачилъ въ темный лѣсъ, по сырой землѣ,
Загонялъ въ тенета куницъ и лисицъ,
Всякихъ дикихъ звѣрей и черныхъ соболей;
Ни медвѣдю, ни волку спуску нѣтъ;
Да и мелкимъ звѣрюшкомъ не брѣзгиваль:
Забиралъ поскакучихъ заюшекъ,
Бралъ и малыхъ горностаюшекъ.
И поилъ-кормил онъ дружинишку,
Обуваль-одѣваль добрыхъ мѣлодцевъ,
И носили они шубы соболиныя,
Перемѣнныя шубы-то—барсовыя.

„И возгѣворить Вольгѣ таковы слова:

„—Дружинушка моя добрая, хоробрая!
 Слушайте-ка брата бѣльшаго,
 Дѣлайте-ка дѣло повелѣное:
 Звѣри въ лѣсахъ всѣ помыловлены;
 Вейте-ка сѣти шелковья,
 Становите-ка ихъ во темнѣмъ лѣсу,
 Во темнѣмъ лѣсу, на самый верхъ,
 И ловите въ нихъ гусей-лебедей,
 Сѣрыхъ утокъ и малыхъ пташечекъ.—

„Они слушали брата бѣльшаго,
 Дѣлали дѣло повелѣное:
 Вили сѣточки шелковья,
 Становили ихъ во темнѣмъ лѣсу,
 Во темнѣмъ лѣсу, на самый верхъ,
 Ловили три дня и трѣ ночи—
 Не могли добыть ни одной птички.
 Обернулся Вольга яснымъ соколомъ,
 Полетѣлъ Вольга по подоблачю,
 Заворачивалъ въ сѣти гусей-лебедей
 Сѣрыхъ утокъ и малыхъ пташечекъ.
 И поилъ-кормил онъ дружинушку,
 Всѣ-то яства у него отборныя,
 Перемѣнныя яства—сахарныя.

„И возгдворитъ Вольга таковыя слова:

„—Дружина моя добрая, хоробрая!
 Слушайте-ка брата бѣльшаго,
 Дѣлайте-ка дѣло повелѣное:
 Звѣри-птицы въ лѣсахъ всѣ помыловлены;
 Вы берите-ка топоры дроворубныя,
 Стройте-ка суденышко дубовое,
 Ладыте-ка тоневя шелковыя,
 Поплавочки кладите чиста золота,
 Выѣзжайте на синѣ море,
 И ловите рыбу-сѣмжинку, бѣлужинку,
 Дорогую рыбу осѣтринку,
 Да и щученьку, малую плотиченьку.—

„Они слушали брата бѣльшаго,
 Дѣлали дѣло повелѣное:
 Брали топоры дроворубныя,
 Строили суденышко дубовое,

Обернул Волга ищущь соколомъ,
Полетѣть Волга по подбланию,

Заворачивать въ сѣти гусей-лебедей,
Сърыхъ уточекъ и малыхъ иташечекъ.

Ладили тоневя шелковыя,
 Выѣзжали на синё море,
 Ловили три дня и три ночи—
 Не могли добыть ни одной рыбки.
 Обернулся Вольга рыбой-щучиной,
 Опустился Вольга во синё море,
 Изъ глубокихъ станѡвъ рыбъ повыпугаль,
 Заворачиваль рыбу-сѣмжинку, бѣлужинку,
 Дорогую рыбку осѣтринку,
 Бралъ и щучепьку, малую плотиченьку...

„Какъ прошла тутъ слава великая
 Ко стольному граду Кіеву,
 Что индейскій царь (?) снаряжается,
 Стольный Кіевъ градъ взять похваляется,
 Божьи церкви разорить, на дымъ пустить.

„И возгдворить Вольга таковы слова:

„— Дружина моя добрая, хоробрая!
 А и есть ли удалый добрый мѡлодецъ,
 Чтѡ сходилъ бы во царство индейское,
 Про царя Салтыка Ставрुльевича
 Да про думу его тайную провѣдати,
 Думаетъ ли ѣхать на святую Русь?
 Таго мѡлодца я буду жаловать
 За его за услугу великую.—

„Тутъ все мѡлодцы добрые, хоробрые—
 Большой туляется за средняго,
 Средній туляется за меньшаго,
 А отъ меньшаго и отвѣту нѣтъ.
 Какъ-бы листь со травой пристилается,
 Вся дружина его приклоняется:

„— Ужь какого ли удала добра мѡлодца
 Нѣтъ опричь тебя, Вольги Всеславьича!—

„— Такъ ужь видно жь Вольгѣ самому пойти!—

„Обернулся туромъ—золотые рога,
 Первый скокъ за цѣлу версту скочилъ,
 А другой-то скокъ не могли найти.
 Добѣжалъ до царства индейскаго,
 Обернулся малой птицей-пташицей,
 Садился на царское окошечко,
 И слушалъ рѣчи тайныя.

„Говорить царь Салтыкъ Ставрुльевичъ
Со своею царицей Азвяковной:

„—Ай же ты, жена возлюбленная,
Молодая царица Азвяковна!

Знаешь ли мою царскую выдумку?—

„Говорить царица Азвяковна:

„—Ай же, царь Салтыкъ Ставрुльевичъ!
Какъ мнѣ знать твою царскую выдумку?—

„Говорить царь Салтыкъ Ставрुльевичъ:

„—Я задумалъ ѣхать на святую Русь,
Завоюю девять городовъ на Руси,

Подарю города девяти сынамъ,

Самому себѣ возьму славный Кіевъ градъ,

А тебѣ, царица Азвяковна,

Подарю дорогую шубоньку.—

„Говорить царица Азвяковна:

„—Ночью спалось—во снѣ мнѣ видѣлось:

Съ-подъ восточной съ-подъ сторонушки

Налетѣла мала птица-пташица,

А съ-подъ западной съ-подъ сторонушки

Налетѣла птица черной воронъ;

Во чистомъ полѣ онѣ слеталися,

Межъ собою бились-подиралися;

Малая-то птица-пташица

Черна ворона повѣклевала,

По перышку его повѣщипала,

На вѣтеръ всего повѣпустила.

Малая птица-пташица—

Молодой богатырь Вольга Всеславъевичъ,

Черный воронъ—царь Салтыкъ Ставрुльевичъ.—

„Какъ тѣ рѣчи царю не слюбилися:

Какъ ударить онъ царицу по бѣлѣ лицу,

Повернется—и въ другой-то разъ,

Кинетъ царицу о кирпичать полъ,

Кинетъ ее и въ другой-то разъ:

„—А поѣду же я на святую Русь,

Завоюю девять городовъ на Руси,

Подарю города девяти сынамъ,

Самому себѣ возьму славный Кіевъ градъ!—

„Воспрогдворить Вольга Всеславъевичъ:

„—Ай ты, царь Салтыкъ Ставрुльевичъ!
Не бывать тебѣ на святой Руси,
Не владѣть тебѣ градомъ Кіевомъ!—

„Обернулся Вольга сѣрымъ волкомъ,
Поскочилъ Вольга на конюшенъ дворъ,
Добрыхъ коней всѣхъ поперебралъ,
Глотки у всѣхъ поперебралъ;
Обернулся малымъ горностаюшкой,
Побѣжалъ по подваламъ, по погребамъ,
У тугихъ луковъ тетивки накусывалъ,
У калѣныхъ стрѣлъ желѣзца повѣнималъ,
Сабли острыя повыщербилъ,
Палицы булатныя дугой согнулъ.
Обернулся тогда яснымъ соколомъ,
Высоко взвился по подоблачью,
Полетѣлъ далече во чисто поле,
Ко дружинишкѣ доброей, хороброей,
Разбудилъ удалыхъ добрыхъ мѣлодцевъ:

„—Гой, дружина моя добрая, хоробрая!
Не время теперь спать, порѣ вставать!
Мы пойдете-ка къ царству индейскому!—

„И пошли они къ царству индейскому,
Подошли къ стѣнѣ бѣлокаменной;
Крѣпкѣ стѣна бѣлокаменная,
Ворѣты въ стѣнѣ желѣзныя,
Крюкѣ-засовы всѣ мѣдныя,
Стоять караулы денны-нощны,
Стоитъ подворотня—дорогъ рыбій зубъ,
Мудрѣныя вырѣзы вырѣзаны,
А и только въ вырѣзъ мурашу пройти.
Закручинились мѣлодцы, запечалились:

„—Потерять, знать, даромъ буйны голды!
А и какъ намъ будетъ стѣну пройти?—

„Молодой Вольга догадливъ былъ:
Самъ себя обернулъ мурашикомъ
И всѣхъ добрыхъ мѣлодцевъ мурашками—
Прошли они стѣну бѣлокаменную,
На ту сторону, въ царство индейское.
Обернулъ опять добрыми мѣлодцами
Со всею со сбруею ратною,

Говорить имъ самъ, приказъ даетъ:

„—Дружина моя добрая, хоробрая!
Вы ходите-ка по царству индейскому,
Вы рубите-ка и стараго и малаго,
Не оставьте въ царствѣ на сѣмена;
Оставьте только женскій полъ,
Красныхъ дѣвушекъ-душечекъ по выбору
Немного немало—семь тысячей.—

„А и ходять они по царству индейскому,
А и рубятъ и стараго и малаго,
А и только оставляютъ женскій полъ,
Красныхъ дѣвушекъ-душечекъ по выбору
Немного немало—семь тысячей.

„—Дружина моя добрая, хоробрая!
А станемъ-ка теперъ полонѹ дѣлить.—

„Что было на дѣлежѣ дорого,
Что было на дѣлежѣ дешево?
Добры кони были по семи рублей,
Сабли острыя по пяти рублей,
Тяжки палицы булатныя по трѣ рубля.
А то было дешево—женскій полъ:
Старушечки были по полусечкѣ,
Молодѹшечки по двѣ полусечки,
Красны дѣвушки-душечки по денежкѣ.

„То старина, то и дѣяпье!
Синему морю на утѣшенье,
Старымъ людемъ на послушанье,
Молодымъ молодцамъ на перенѣманье,
А веселымъ молодцамъ на потѣшенье,
Сидячй во бесѣдушкѣ смиренной,
Испиваючи медъ, зеленѹ випо;
А и гдѣ мы пьемъ, тутъ и честь воздаемъ
Государю-свѣту, красну солнышку,
Нашему хозяину ласковому!“

БЫЛИНА ВТОРАЯ.

Дунай Ивановичъ сватомъ князя Владиміра.

Хорошо Добрынюшка Никитичъ младъ
Во гусѣлышки играетъ во ярѣвчаты,
Хорошо поетъ старинку стародавнюю
Про удалаго Вольгѹ Всеславьича
Со его дружиной доброю, хордброю.
На пиру все пріутихли, пріумолкнули,
Пріумолкнули да прислушались.
Какъ встаетъ изъ-за стола съ-за задняго
Старый тутъ Бермята (°) сынъ Васильевичъ,
Говоритъ самъ такovy слова:

„А слыхаль еще я отъ старыхъ людей,
Что того Салтыка-то Ставрulichа,
Ухвата, Вольга ударилъ о кирпичать полъ,
Во крохи расшибъ да самъ царемъ насѣлъ,
Взялъ себѣ царицею Азвяковну,
А его дружина добрая, хордбрая
На тѣхъ красныхъ дѣвушкахъ переженилася“.

Какъ тутъ солнышко Владиміръ распотѣшился,
Повскочилъ со мѣста княженецкаго,
По столовой гриднѣ запохаживаль,
Частую бородку запоглаживаль,
Бѣлыми руками заразвѣживаль,
Желтыми кудрями запотряхиваль,
Пословечно сударь выговариваль:

„Гой же вы, мои князья да бояре,
Сильные, могучіе богатыри!“

Всѣ-то вы во Кіевѣ поженены,
 Всѣ-то дѣвушки-бойрушки повыданы,
 Только я, Владиміръ, не женать живу,
 Не женать живу да холостымъ слыву.
 Вы не знаете ли, братцы, красной дѣвицы,
 Красной дѣвицы—мнѣ, князю, супротивницы:
 Чтобы станикомъ была ровнѣшенька,
 Ростомъ, какъ и самъ я, высокдшенька,
 Очи были бѣ ясна сѣкола,
 Брови были бѣ чѣрна соболя,
 Тѣло было бѣ снѣгу бѣлаго,
 Красотою красна и мнѣ умомъ сверстна;
 Было бѣ съ кѣмъ мнѣ думушку подумати,
 Было бѣ съ кѣмъ словечко перемолвити,
 Во пиру-бесѣдушкѣ кѣмъ похвалитися,
 А и было бы кому вамъ поклонитися,
 Было бы кому вамъ честь воздать“.

Говоритъ Бермята сынъ Васильевичъ:

„Гой еси ты, батюшка Владиміръ князь!
 Бласлови-ка, государь, мнѣ слово вымолвить.
 Знаю я тебѣ княгиню—красну дѣвицу,
 Красну дѣвицу да супротивницу:
 Какъ во той землѣ во хоробрѣй Литвѣ,
 У того у короля литовскаго ⁽⁹⁾
 Есть двѣ дочери любимыя на выданѣ;
 Бѣдльшая-то дочь Настасья королевична
 Не пойдетъ къ тебѣ княгинею-царицею:
 Ъздитъ въ полѣ сильной поленицею;
 Мѣньшая же дочь Апраксья королевична ⁽¹⁰⁾
 Въ теремѣ сидитъ все, во златомъ верху,
 Что за тридевятью ли замочками
 Да за тридевятью сторождчками:
 Красно солнышко ее не запечеть,
 Буйны вѣтрушки ее не обвѣютъ.
 Многи люди не увидятъ, не обзѣрятся.
 А и ростомъ-то она высокая,
 А и станомъ становитая,
 Красотою красовитая:
 Черны брови—соболя заморскаго,
 Ясны очи—сѣкола пролѣтнаго,

Личушкомъ бѣла какъ зимній снѣгъ,
 Да и въ грамотѣ-то поучёная:
 Будеть съ кѣмъ тебѣ свой вѣкъ корѣтати,
 Будеть намъ кому и честь воздати.“

Какъ то слово князю по душѣ пришло,
 Больно солнышку словечко полюбилось,
 И возгѣворить онъ таковы слова:

„Ай же вы, мои князья да бѣяре,
 Ай же вы, могучіе богатыри!
 А кого же мнѣ послать посвататься
 За меня, за князя за Владиміра,
 У того у короля литовскаго
 На прекрасной на Апраксѣ королевичнѣ?“

Всѣ за столикомъ сидятъ, умолкнули,
 Приумолкнули да приутихнули,
 Приутихнули да затулялися:
 Бѣльшіе туляются за средніхъ,
 Средніе туляются за меньшихъ,
 А отъ меньшей тулицы-то и отвѣту нѣтъ.

Возстаетъ опять Бермята сынъ Васильевичъ;
 „Гой еси ты, солнышко Владиміръ князь!
 Бласлови еще мнѣ слово молвити.

Ты пошли-ка сватомъ добра мѣлодца,
 Тихаго Дунаюшку Иванова ⁽¹¹⁾:
 Тихій-то Дунай вѣдь во послахъ бывальъ,
 Много множество чужихъ земель видальъ,
 Тихій-то Дунай и говоритъ гораздъ—
 Ужь кому, какъ не ему бы, и посвататься.“

Не изъ бѣльшаго тутъ мѣста, не изъ мѣньшаго,
 Изъ того ли мѣста да изъ средняго,
 Изъ-за стѣлья изъ-за бѣлодѣбова
 Возстаетъ удалый добрый мѣлодецъ,
 Тихій тотъ Дунай Ивановичъ,
 Понизѣнько князю поклоняется:

„Гой еси ты, государь нашъ батюшка,
 Ласковый Владиміръ стольно-кїевскій!
 Бласлови и мнѣ словечко молвити,
 Безъ казнѣнія, безъ дальней высылки?“

Говоритъ Владиміръ стольно-кїевскій:
 „Ай же, тихій ты Дунай да сынъ Ивановичъ!

Хочешь говорить, такъ говори теперь.“

„Жиль я, государь, во хоробрѣй Литвѣ

Девять лѣтъ у короля литовскаго:

Три года у короля я кднюхаль,

Три года у короля я стольничаль,

Три года у короля я клюшничаль.

А и вѣрно слово говорилъ тебѣ

Старый человекъ Бермята сынъ Васильевичъ.

Есть двѣ дочери у короля литовскаго,

Обѣ дочери—пригожія, хорошія.

Много ѣзживаль я по инымъ землямъ,

Много видываль я королевишень,

Много видываль и изъ ума пыталъ:

Та красна лицомъ—да не сверстна умомъ,

Та сверстна умомъ—да не красна лицомъ.

Не нахаживаль я эдакой красавицы,

И не видываль я эдакой пригожицы,

Какъ та младша дочка королевская,

Молода Апраксыя королевична:

Ходить—словно бѣлая лебѣдушка,

Глазомъ глянетъ—словно свѣтлый день;

А и въ грамотѣ-то больно гдразда.

Было бы тебѣ съ кѣмъ жить да быть,

Было бы кого назвать намъ матушкой,

Величать намъ государыней!“

„Ай же ты, Дунаюшка Ивановичъ!

Ты умѣлъ ее теперичко повѣхвастать,

Такъ умѣй-ка ты ее оттоль и вывести.

Ты возьми съ тобою силы сорокъ тысячей,

Ты возьми казны да десять тысячей,

Поѣзжай во ту во хоробрѣ Литву,

О томъ добромъ дѣлѣ да о свѣтовствѣ

На прекрасной на Апраксѣ королевичнѣ.“

Скоро бралъ Владиміръ чарочку хрустальную,

Дорогаго хрусталя восточнаго,

Со краями позлачѣными,

Наливаль во чару зеленѣ вина,

Да не малую стопу, а полтора ведра,

Разводилъ медами да стоялыми,

И подносить тихому Дунаюшкѣ;

Скоро бралъ Дунаюшка Ивановичъ
 Чарочку отъ князя во бѣлы ручки,
 Принималъ одною ручкою,
 Выпивалъ однимъ душкомъ,
 Подавалъ назадъ Владиміру,
 Понизѣнько князю поклоняется:

„Гой еси ты, батюшка Владиміръ князь!
 А не надобно мнѣ силы княженецкія,
 И не надобно мнѣ золотой казны:
 Да не биться же мнѣ тамъ, не ратиться;
 Дай-ка только мнѣ товарища любимаго,
 Молода Добрынюшку Никитича:
 Роду онъ, Добрынюшка, хорошаго,
 Да умѣетъ онъ съ людьми и рѣчь вести;
 Соизволь еще сходить намъ на конюшенъ дворъ,
 Выбрать двухъ жеребчиковъ неѣзжаныхъ,
 Выбрать два сѣдлышка недѣржаныхъ,
 Да еще двѣ плѣточки нехлыстанныхъ,
 Самъ пиши-ка ярлыки да скорописчаты
 О томъ добромъ дѣлѣ да о свѣтовствѣ“.

Бралъ опять Владиміръ чару во бѣлы ручки,
 Наливалъ во чару зеленѣ вина,
 Разводилъ медами да стоялыми,
 И подноситъ молоду Добрынюшкѣ:

„Ай же ты, Добрынюшка Никитичъ младъ!
 А пожалуй-ка къ Дунаю во товарищи;
 Да идите съ нимъ вы на конюшенъ дворъ,
 Да берите тамъ всего, что надобно“.

Скоро всталъ Добрыня на рѣзвы ножки,
 Скоро бралъ отъ князя чару во бѣлы ручки,
 Принималъ одною ручкою,
 Выпивалъ однимъ душкомъ,
 Понизѣнько князю кланялся;
 Скоро шли они съ палаты бѣлокаменной,
 Выходили на конюшенъ дворъ,
 Брали двухъ жеребчиковъ неѣзжаныхъ,
 Брали два сѣдлышка недѣржаныхъ,
 Да еще двѣ плѣточки нехлыстанныхъ,
 Сами обкольчужились, облатились,
 Приняли еще отъ князя солнышка

Ярлыки тѣ скорописчаты,
 Сѣли на добрыхъ коней, поѣхали;
 А и видѣли ихъ на коней-то сядучи,
 Да не видѣли ихъ на коняхъ поѣдучи:
 Будто ясны сѣколы воспѣрхнули,
 По пути-дорожкѣ только пыль пошла.

«Какъ поѣхали они тутъ изъ земли въ землю,
 Изъ земли въ землю да изъ орды въ орду,
 Пріѣзжали скоро въ хоробрѣ Литву,
 Ко тому ли королю литовскому,
 Заѣзжали на широкій королевскій дворъ,
 Становились противъ самыхъ окошечекъ,
 Соскочили со добрыхъ коней.

Говорить Дунаюшка Ивановичъ:

„Ай же ты, Добрынюшка Никитичъ младъ!
 Ты побудь-ка тутъ, покараулъ коней,
 Подъ окошечкомъ косящатымъ похаживай,
 За собой добрыхъ коней поваживай,
 Во палаты королевскія поглядывай,
 Поспѣвай на выруку, какъ позову тебя“.

Самъ проходитъ во палаты королевскіе;
 Знаетъ онъ порядки королевскіе:

Что не надо ни креститься, ни молитвиться,—
 Бьетъ челомъ лишь королю онъ, поклоняется:

„Здравствуй, батюшка, король ты хоробрѣй Литвы!“

На Дуная тутъ король оглянется:

„Ай же, тихій ты Дунай да сынъ Ивановичъ!

А и жилъ ты у меня вѣдь цѣлыхъ девять лѣтъ:
 Трѣ года ли жилъ во конюхахъ,
 Трѣ года ли жилъ во стольникахъ,
 Трѣ года ли жилъ во клюшникахъ,
 Жиль-служиль мнѣ вѣрой-правдою.

За твои услуги молодецкія

Посажу тебя теперь за бѣльшій столъ,
 Посажу за бѣльшій столъ, во мѣсто бѣльшее,
 Ъшь-ка дѣ-сыта да пей-ка дѣ-люби“.

Посадилъ за бѣльшій столъ, во мѣсто бѣльшее
 Тихаго Дунаюшку Иванова,

Самъ Дуная сталъ выспрашивать, вывѣдывать:

„А скажи, Дунай, скажи-ка, не утай себя,

За какимъ ты дѣломъ къ намъ пожаловаль?
 Насъ ли повидать, себя казать,
 Аль по старому пожить да мнѣ служить?“
 „Гой ты, батюшка, король ты хоробрѣй Литвы!
 Я не васъ пріѣхаль повидать, себя казать,
 Не по старому пожить, тебѣ служить,
 Я прибѣль о добромъ дѣлѣ къ вамъ—о сватовствѣ
 На твоей на дочери Апраксіи
 За Владиміра за князя солнышка“.

Положилъ онъ ярлыки тутъ на дубовый столъ;
 А король въ сердцахъ ихъ мечеть о кирпичать полъ,
 Чёрны кудри рветъ себѣ на головѣ,
 Говорить самъ таковы слова:

„Глупый князь Владиміръ стольно-кіевскій!
 Меньшую-то дочку сватаеть,
 Большую во дѣвкахъ засадила!
 Коль Апраксію за кого просватаю,
 Такъ просватаю во Золоту Орду,
 За того собаку царя Калина.
 Самого тебя, Дунаюшка Ивановичъ,
 Кабы прежде не служилъ мнѣ вѣрой-правдою,
 За твои за рѣчи неумильныя
 Посадила бы въ погребѣ глубокіе,
 Позадвинулъ бы дощечками желѣзными,
 Позасыпалъ бы песками рудожелтыми,
 Пропитомствовалъ бы хлѣбушкомъ-водицею;
 Погостилъ бы у меня ты въ хоробрѣй Литвѣ,
 Ума-разума въ головку понабрался бы.“

Какъ тутъ тихому Дунаю за бѣду пало,
 Повскочилъ Дунаюшка да на рѣзвы ножки,
 Поднялъ ручку выше головы,
 Кулакомъ ударилъ пд столу—
 Столъ дубовый порастрѣскался,
 Питья на столѣ порасплескалися,
 Вся посуда на столѣ разсыпалась.
 Какъ забѣгаль тутъ король по застолю,
 Куней шубкой укрывается:

„Ахти, братцы! вѣтъ такъ на бѣду попалъ,
 Ахти, братцы! на великую.
 Какъ съ бѣдой, не знаю, развязатися?“

Со двора ли тутъ бѣгцы бѣгутъ, гонцы гонять:

„Ай ты батюшка, король нашъ хоробрѣй Литвы!
 Ъшь ты, пьешь да утѣшаешься,
 А невзгоды надъ собой не вѣдаешь:
 На твоємъ дворѣ на королевскомъ
 Добрый мѣлодецъ невѣдомый уродствуешь:
 Во лѣвдѣй рукѣ два повода шелкѣвыхъ —
 Держитъ двухъ коней да богатырскіихъ,
 Во правдѣй рукѣ дубинка сорочинская,
 Чебурацкаго свинцу налита въ сорокъ пудъ.
 Яснымъ сѣколомъ онъ по двору полѣтываетъ,
 Чернымъ вѣрономъ онъ по двору повѣрхиваетъ,
 Изъ конца въ конецъ онъ по двору поскакиваетъ,
 На всѣ стороны дубинкою помакиваетъ,
 Крупной силы пѣбилъ сорокъ тысячей,
 Мелкой силушки—и смѣты нѣтъ.

Неужтѣ намъ изъ-за дѣвки всѣмъ погинути?“

А король-то бѣгаетъ по застолу,

Куней-шубкой укрывается:

„Ай же, тихій ты Дунаюшка Ивановичъ!
 Ужь попомни-ка ты стару хлѣбъ да соль,
 Поуйми-ка своего товарища,
 Видно, дѣчушка самѣмъ вамъ Богомъ сѣжена.
 Ужь вы, служки, нянюшки да мамушки!
 Вы бѣгите-ка во тѣремъ ко златымъ верхамъ,
 Отомкните трѣдевать замочиковъ,
 Трѣдевать да сторождчиковъ,
 Къ молодой Апраксѣ королевичнѣ,
 Поумойте дѣвицу бѣлѣхонько,
 Сокрутите хорошохонько,
 Проводите на широкій дворъ,
 Посадите на добра коня,
 Отпустите на святую Русь,
 Во замужество за князя за Владиміра.“

Выходилъ Дунай тутъ на крутой крылецъ,
 Унималъ любимаго товарища:

„Ай же ты, Добрынюшка Никитичъ младъ!
 Полно же тебѣ теперь уродствовать,
 А и есть намъ, видно, помочь Божія.“

Проходилъ самъ ко златымъ верхамъ,

Тридевать замочиковъ отщёлкивалъ,
Дверцы со крюковъ выставливалъ —
Королевскія палаты зашаталися.

А сидить во теремѣ, въ златомъ верху
Молода Апраксыя королевична,
Во однихъ тонкихъ чулочикахъ безъ чдботовъ,
Русая коса-то пораспущена.

Какъ увидѣла Дунаюшку Иванова,
Испужалась бѣлая лебѣдушка,
Бросилась какъ угорѣлая.
Воспрогдворилъ Дунаюшка Ивановичъ:

„Ай же ты, Апраксыя королевична!
А идешь ли ты за князя за Владиміра?“

Говорить Апраксыя королевична:

„Ай ты, славный богатырь Дунай Ивановичъ!
Три года я Богу вѣдь молилася,
Чтобъ попасть замужъ за князя за Владиміра.“

Какъ пришли тутъ нянюшки да мамушки,
Поумыли-убѣлили красну дѣвицу,
Напушили личико ей бѣлое,
Сокрутили хоропохонько,
Проводили на широкій дворъ.

Бралъ ее Дунай за бѣлы ручки,
На добра коня садилъ да къ головѣ хребтомъ,
Самъ Дунаюшка садился къ головѣ лицомъ.
Сѣли на добрыхъ коней, поѣхали
Да по славному раздолью по чисту полю.

Какъ настигла во раздольѣ во чистомъ полѣ,
Во пути-дороженькѣ ихъ ночка темная,
Пораздѣрнули палатку полотняную,
Заходили во палатку опочивъ держать;
Въ ноженки поставили добрыхъ копей,
Въ головы ли копыя долгомѣрныя,
По правдѣ рукъ ли сабли острыя,
По лѣвдѣ рукъ ли палицы тяжелыя.
А и спать они да высыпаются,
Темну ночку сномъ кордтають.
Темной ночью ничего не видѣли,
Ничего не видѣли, да много слышали,
Слышали погоню богатырскую,

Услыхали пѣсвисть по-змѣиному,
 Услыхали пѣкрикъ по-звѣриному.
 Говорить Дунаюшка Ивановичъ:

„Гой же ты, Добрынюшка Никитичъ младъ!
 Вѣдь за нами есть погоня богатырская.
 Поѣзжай-ка со Апраксей королевичной
 На святую Русь, во стольный Кіевъ градъ,
 Къ ласковому князю ко Владиміру,
 Отвези ему поклоны, челомъ-бѣтьице,
 Да подай ему невѣсту во бѣлы ручки.
 Самъ я здѣсь останусь, во чистомъ полѣ,
 Со богатыремъ побиться да поратиться.“

И садили красну дѣвицу да на добра коня,
 На добра коня да къ головѣ хребтомъ,
 Самъ Добрынюшка садился къ головѣ лицомъ,
 Распростился и поѣхалъ съ красной дѣвицей
 На святую Русь, на стольный Кіевъ градъ.
 Тихій же Дунаюшка Ивановичъ
 Не съ упадкою, а со прихваткою,
 Со прихваткою богатырскою
 Ъдетъ ко богатырю на стрѣтушку.

Какъ не двѣ тутъ горушки скатилися —

Сѣхалися два могучіихъ богатыря,
 Попытать ли богатырскихъ плечъ,
 Поиспробовать отваги молодецкія;
 Сдѣлали разъѣздъ въ чистомъ полѣ,
 Сѣхалися во одно мѣсто,

Приударили во палицы булатныя,
 Словно громъ грянулъ въ поднебесьи—

Палицы въ рукахъ ихъ приломилися.

Какъ разъѣхалися опять въ чистомъ полѣ,

Сѣхалися во одно мѣсто,

Приударили во сабли острыя—

Остры сабли притупилися.

Въ третій разъ разъѣхалися въ чистомъ полѣ,

Сѣхалися во одно мѣсто,

Приударили во копыя долгомѣрныя—

Вышибъ тихій тутъ Дунай Ивановичъ

Изъ сѣдла лихаго супротивничка,

Со добра коня сронилъ да на сыру землю,

Самъ едва лишь усидѣлъ въ сѣдлѣ,
 Не казнилъ удала супротивника,
 Только ко сырѣй землѣ копьемъ прижалъ,
 Въ бѣлу грудь тупымъ концемъ уперъ:
 „Ты скажись-ка мнѣ, удалый добрый мѣлодецъ,
 Ты коей земли, коей орды,
 Коего отца да кдеи матери?“

Добрый мѣлодецъ ему отвѣтъ держить:

„Ай же, тихій ты Дунай да сынъ Ивановичъ!
 Что же ты меня не опозналъ?
 Во одной дороженькѣ со мною ѣзживалъ,
 Во одной бесѣдушкѣ со мною сиживалъ,
 Со одной и чарочки со мною кушивалъ.
 Жилъ у насъ вѣдь ровно девять лѣтъ:
 Три года ли жилъ во конюхахъ,
 Три года ли жилъ во стольникахъ,
 Три года ли жилъ во клюшникахъ.“

„Ай же ты, Настасья королевична!
 А почто ты ѣздишь по чисту полю,
 Поленицею удалою полякуешь?“

„А почто вы, святорусскіе богатыри,
 Увезли сестрицу мнѣ любимую?
 А поляковать я ѣзжу во чисто поле—
 Поискать себѣ да супротивника:
 А и кто меня побьетъ въ чистомъ полѣ,
 За того мнѣ и замужъ идти!“

Говоритъ Дунаюшка Ивановичъ:

„Во семи земляхъ служилъ я, во семи ордахъ,
 Не счумѣлъ себѣ я выжить красной дѣвицы,
 А теперъ я во чистомъ полѣ
 Супротивницу нашелъ себѣ, обрѣчницу.
 Ай ты, молода Настасья королевична!
 Собирайся-ка со мною въ путь-дороженьку,
 Скидывай-ка златъ шеломъ со буйной головы,
 Скидывай-ка латы со кольчугою.
 Обряжайся по-дѣвичьему
 Во простую епанечку бѣлую,
 Да поѣдемъ-ка со мной во стольный Кіевъ градъ,
 Къ ласковому князю ко Владиміру,
 Сходимъ вмѣстѣ въ церковь Божию,

Примемъ вмѣстѣ по золоту вѣнцу.“

Обряжалася Настасья по-дѣвичьему,
Сѣли на добрыхъ коней, поѣхали,
Прибыли во стольный Кіевъ градъ,
Подѣзжали къ матушкѣ ко церкви Божіей;
А Владиміръ князь съ Апраксей королевичной
Въ церковь Божію ужъ ко вѣнцу идетъ.
На церковномъ на крыльцѣ сестрицы встрѣтились,
Встрѣтились сестрицы, поздоровкались,
Вмѣстѣ ли крестились и молитвились,
Вмѣстѣ ли пошли теперъ и въ церковь Божію,
Вмѣстѣ приняли и по золоту вѣнцу,
Положили заповѣдь великую:
Съ мужевьями жить да быть, да вѣкъ корѣтати.
Завели тутъ свадебку, почѣстенъ пиръ,
Пированьице на весь крещёный людъ,
Не на мало, не на много—на двѣнадцать дѣнь.

БЫЛИНА ТРЕТЬЯ.

Дунай Ивановичъ и Настасья королевична ⁽¹²⁾.

Въ стольномъ было городъ во Киевѣ
Ласковый Владиміръ князь вѣнчается
Со прекрасной со Апраксѣй королевичной,
Тихій ли Дунаюшка Ивановичъ
Съ бдльшею сестрицею вѣнчается,
Съ молодой Настасѣй королевичной.
Какъ пошли со церкви Божіей,
Приходили во палаты бѣлокаменны,—
Заводили тутъ почѣстенъ пиръ,
Пируваньице на весь крещёный людъ,
Не на мало, не на много—на двѣнадцать дѣнь.
Всѣ-то за столы посажены,
Всѣмъ-то яства, питьица налажены;
Всхоже солнышко идетъ ко западу,
Бѣлый день идетъ ко вечеру,
А почѣстенъ пиръ идетъ ко вѣселу;
Въ подль-сыта всѣ наѣдаются,
Въ подль-пьяна всѣ напиваются,
Всѣ промежъ собою порасхвастались:
Сильный хвастаетъ великой силушкой,
Голый щапъ—одѣжей цвѣтною,
А богатый—золотой казной;
Кто гораздъ бороться рукопашкою,
Кто гораздъ стрѣляти изъ туга лука,
Кто гораздъ поѣздить на добромъ конѣ;
Умный хвалится отцомъ да матерью,
А безумный—молодой женой.

Какъ выходить тутъ Дунаюшка Ивановичъ
 Изъ-за тѣхъ изъ-за столовъ дубовыхъ,
 Изъ-за тѣхъ скамеечекъ окольныхъ,
 Отъ своей семеюшки любимыя,
 Молодой Настасьи королевичны;
 Сталь Дунай по горенкѣ похаживать,
 Пословечно выговаривать:

„А и нѣту мѡлодца во Кіевѣ
 Противъ тихаго Дунаюшки Иванова:
 Отъ того отъ короля Литовскаго
 Вытащилъ двѣ бѣлыхъ лебеди,
 Самъ себя женилъ и друга подарилъ.“

Говоритъ ему Настасья королевична:

„Ай же ты, Дунаюшка Ивановичъ!
 Не пустымъ ли ты, Дунай, расхвастался?
 Хоть не долго здѣсь, во Кіевѣ, я побыла.
 Много я во Кіевѣ повѣзнула:
 Нѣту силой мѡлодцевъ, ухваткою
 Супротивъ Самсона да Самойлова,
 Нѣтъ поѣздкой мѡлодцевъ, посадкою
 Супротивъ Михайла Пѡтыка Иванова,
 Уговоромъ мѡлодцевъ, смиренницею
 Противъ молода Добрынюшки Никитича,
 Красотою мѡлодцевъ, угожествомъ
 Противъ князя солнышка Владиміра,—
 А на выстрѣлъ нѣту изъ тѣга лука
 Супротивъ Настасьи королевичны:
 На твою головку молодецкую
 Покладу свое колечико серебряно,
 Понаставлю свой булатный ножъ,
 Отойду сама да на пятьсотъ шаговъ,
 Трѣ раза калѣну стрѣлочку повѣстрѣлю,
 Пропущу сквозь то колечико серебряно,
 По тому по острію ножѣвому,
 Чтобъ разсѣклась стрѣлочка калѣная
 На двѣ равныхъ половиночки,
 Обѣ вѣсомъ и на взглядъ равны,
 Покаталися бы на двѣ стороны,
 Не сронили бы колечика съ головушки.“

Какъ тутъ тихому Дунаю ко стыду пришло,

Говорить Дунаюшка Ивановичъ:

„Ай же ты, Настасья королевична!
А мы выйдемъ-ка съ тобою во чисто поле,
Востроты другъ у друга отвѣдаемъ,
Кто стрѣлять гораздѣй изъ туга лука.“

Выходилъ Дунай съ ней во чисто поле,
Полагалъ колечико серебряно
На свою ли на головку молодецкую,
Понаставилъ свой булатный ножъ;
Отошла Настасья королевична
Отъ Дуная на пятьсотъ шаговъ,
Брала въ ручки тугой лукъ разрывчатый,
Налагала стрѣлочку калѣную:
Натянула за ухо тетивочку,
И спускала стрѣлочку калѣную:
Пропустила сквозь колечико серебряно,
По тому по острію ножѣвому;
Расколосась стрѣлочка калѣная
На двѣ равныхъ половиночки,
Обѣ вѣсомъ и на взглядъ равны,
Покатились на двѣ стороны,
Не сронили съ головы колечика.
Три раза Настасья королевична
Пропустила стрѣлочку калѣную
Во колечико серебряно,
По тому по острію ножѣвому,
Да не сшибла съ головы колечика.

Говорить Дунай ей таковыя слова:

„Ай же ты, Настасья королевична!
Становись-ка супротивъ меня.“

Полагалъ колечико серебряно
Ей на буйную головушку,
Понаставилъ свой булатный ножъ,
Отошелъ самъ на пятьсотъ шаговъ.
Первый разъ стрѣлилъ—перестрѣлилъ,
Другой разъ стрѣлилъ—не дострѣлилъ,
Третій разъ стрѣлилъ—попасть не могъ.
Какъ у тихаго Дунаюшки Иванова
Разгорѣлося тутъ ретивѣ сердце,
Ретивѣ сердце да молодецкое;

Сталь онъ стрѣлочкой помахивать,
Самъ ли стрѣлочкѣ да выговаривать:

„Ай же ты, стрѣла любимая!

Ужь пади-ка ты не на воду, не на землю,
Попади-ка ты Настасьѣ да во бѣлу грудь.“

Восполдшилась княгинюшка Апраксія,

Стала тихаго Дуная уговаривать:

„А и гой еси ты, мой любимый зятюшка,
Молодой Дунай да сынъ Ивановичъ!

То была лишь шуточка пошучена.“

Возмолилася ему и молодѣ жена,

Кланялася въ землю, убивалася,

Горючьми слезами уливалася:

„Гой еси ты, мой любезный ладушка,

Молодой Дунаюшка Ивановичъ!

Ты прости, прости меня во женской глупости!

Ты оставь-ка шутку до другаго дня;

Ты теперь, Дунаюшка, хмѣльнѣшенекъ,

Ты теперь, Дунаюшка, пьянѣшенекъ,

Угодишь и въ-правду въ молодѣ жену,

Сдѣлаешь головку безповинную.“

Стали всѣ князья да бояре,

Сильные могучіе богатыри

Тихаго Дуная уговаривать.

Озадорился Дунай, не слушаетъ,

Налагаетъ стрѣлочку калѣную;

Спѣла у тугѣ лука тетивочка,

Угодила стрѣлочка калѣная

Молодой Настасьѣ да во бѣлу грудь,

Пала молода Настасья на сырѣ землю,

Облилася кровію горючею;

Тутъ Настасьѣ и славу поють.

Подошелъ Дунаюшка Ивановичъ,

Запечалился Дунаюшка, расплакался,

Говорить самъ таковыя слова:

„Гдѣ головкой пала лебедь бѣлая,

Тамъ пади головкой и ясѣнъ соколъ!“

Вынималъ изъ ноженъ саблю острую,

Становилъ въ сырѣ землю тупымъ концомъ,

Падалъ самъ на саблю ретивымъ сердцемъ;

Тутъ и тихому Дунаюшкѣ славу поють.

Гдѣ головкой пала лебедь бѣлая,
Тамъ отъ крови отъ ея напрасныя
Протекала быстрая Настасья-рѣченка;
А гдѣ палъ головкою ясѣнь соколъ,
Тамъ отъ крови отъ Дунаевой
Протекла славная Дунай-рѣка;
На двѣ струйки рѣчки расходилися,
Во одно мѣсто опять сходилися.
Выросло тутъ два древца кипарисныхъ
Во одно мѣсто верхушки совивалися,
Вѣточки со вѣточками соплеталися:
Малы дѣти идутъ—набалуются,
Молодые идутъ—надивуются,
Стары люди идутъ—понаплачутся.

БЫЛИНА ЧЕТВЕРТАЯ.

Алеша Поповичъ (13).

Какъ изъ славнаго Ростова, красна города,
Не ясёнъ соколъ съ соколѣкомъ вылётываль—
Выѣзжали два могучихъ богатыря,
Что по имени Алешенька Поповичъ младъ, (14)
Съ нимъ молоденькѣй Екимъ Ивановичъ.

Ѣздили богатыри плечо въ плечо,
Стремя въ стремя богатырское;
Ѣздили, гуляли по чисту полю,
Не наѣзживали ничего въ чистомъ полѣ,
Не видали птицы перелётныя,
Не видали звѣря порыскучаго;
Только и наѣхали въ чистомъ полѣ
Три дороженьки широкія,
Промежду дороженекъ горючъ камень лежитъ,
А на камнѣ подписи подписаны.
Говоритъ Алешенька Поповичъ младъ:

„Ай ты, братецъ мой, Екимъ Ивановичъ!
Человѣкъ ты поучённый въ грамотѣ:
Посмотри на камнѣ подписи.
Что на камнѣ-то подписано?“

Соскочилъ Екимъ тутъ со добра коня,
Посмотрѣлъ на камнѣ подписи,
А на камнѣ три дороженьки расписаны:
„Первая дороженька на Муромъ градъ,
А другая на Черниговъ градъ,
Третья ли ко городу ко Кіеву,

Къ ласковому князю ко Владиміру.“

Говорить Екимъ Ивановичь:

„Ай ты, братецъ мой, Алешенька Поповичъ младъ!
Ты какой дорожкой изволишь путь держать?“

Говорить ему Алешенька Поповичъ младъ:

„Лучше ѣхать намъ ко городу ко Кіеву,
Къ ласковому князю ко Владиміру.“

Повернули добры молодцы добрыхъ коней,
И поѣхали ко городу ко Кіеву.

Не доѣхавши до славной до Сафать-рѣки, ⁽¹⁵⁾

Становились на лугахъ зеленыхъ,

Покормить своихъ добрыхъ коней,

Разставляли два бѣлыхъ шатра.

И Алеша поизволилъ опочивъ держать

Мало время позамѣшкавши,

Молодой Екимъ добрыхъ коней

Въ зеленъ лугъ пустилъ стреноживши,

Самъ въ шатерь ложился опочивъ держать.

Какъ прошла та ночь осенняя,

Ото сна Алеша пробуждается,

Возстаетъ рано ранѣшенько,

Утренней зарею умывается,

Бѣлою ширинкой утирается,

Ко востоку Богу молится.

Молодой Екимъ Ивановичь

По добрыхъ коней сходилъ скорѣшенько,

Попойть сводилъ ихъ на Сафать-рѣку,

Приказалъ Алеша тутъ осѣдлатъ добрыхъ коней.

Осѣдлавши онъ, Екимъ, добрыхъ коней,

Снаряжались ко городу ко Кіеву.

Приходилъ къ нимъ тутъ калика перехожая: ⁽¹⁶⁾

Лѣпотки на немъ семи шелковъ,

Подковыренные чистымъ сѣребромъ,

Передокъ унизанъ краснымъ золотомъ,

Шуба соболѣная да долгополая,

Шляпа сорочинская да земли греческой,

Шелепуга подорожная

Чебурацкаго свинцу налита въ тридцать пудъ.

Говорить калика перехожая:

„Ой вы гой еси, удѣлы добры мѣлодцы!

Видѣлъ я за славной за Сафать-рѣкой
 Молода Тугарина Змѣевича: (17)
 Въ вышину-то онъ, Тугаринъ, трехъ сажень,
 Промежъ плечъ-то у него коса сажень,
 Промежъ глазъ-то калена стрѣла,
 Конь крылатый подъ Тугариномъ какъ лютый звѣрь,
 Изъ хайлища-то огонь пышетъ,
 Изъ ушей-то дымъ столбомъ валить.“

Привязался тутъ Алешенька Поповичъ младъ:

„Ай ты, братецъ мой, калика перехожая!

Дай свое мнѣ платье каличее,
 Самъ возьми мое да богатырское,
 Дай мнѣ лапотки семи шелковъ,
 Подковыренные чистымъ сѣребромъ,
 Передокъ узинанъ краснымъ золотомъ,
 Шубку соболиную да долгополую,
 Шляпу сорочинскую да земли греческой,
 Шелепугу подорожную
 Чебурацкаго свинцу налиту въ тридцать пудъ.“

Не отказывалъ калика перехожая,
 Далъ ему свое онъ платье каличее,
 Надѣвалъ самъ платье богатырское.
 Наряжается Алешенька каликою,
 Взялъ съ собою шелепугу подорожную
 Чебурацкаго свинцу налиту въ тридцать пудъ,
 Взялъ еще въ запасъ чингалище булатное,
 И пошелъ за славную Сафать-рѣку.

Какъ завидѣлъ тутъ Тугаринъ сынъ Змѣевичъ младъ
 Отъ далъ Алешеньку Поповича,
 Заревѣлъ, собака, зычнымъ голосомъ,
 Инъ продрогнула дубравушка зелѣная,
 Младъ Алеша еле живъ идетъ.
 Говоритъ ему Тугаринъ сынъ Змѣевичъ младъ:

„Ай ты гой еси, калика перехожая!

Не слыхалъ ли ты да не видалъ ли гдѣ
 Про младъ Алешу про Поповича?

Я бѣ Алешу закололъ копьемъ,
 Закололъ копьемъ, спалилъ огнемъ.“

Говоритъ Алешенька каликою:

„Ай ты гой еси, Тугаринъ сынъ Змѣевичъ младъ!

“Аи ты гой еси, Тугаринъ сынъ Ѡмвевичъ младъ!
Подъѣзжай ко мнѣ поближе ты, ко стѣрщцу:

Не слыхать мнѣ отъ дзай-то, что ты говоришь.”
Подъѣзжалъ къ нему Тугаринъ сынъ Ѡмвевичъ младъ.

Подъѣзжай ко мнѣ поближе ты, ко старчищу:
Не слышать мнѣ отъ далѣ-то, что ты говоришь.“

Подъѣзжалъ къ нему Тугаринъ сынъ Змѣевичъ младъ.
Какъ сверстался младъ Алеша со Тугариномъ,
Шелепугою его по головѣ хлестнулъ,
Буйну голову Тугарину разбилъ-расшибъ,
Повалилъ собаку на сырѹ землю,
Самъ вскочилъ ему на черну грудь.

А и взмолится Тугаринъ сынъ Змѣевичъ младъ:

Гой еси, калика перехожая!

Ты не самъ ли естъ Алешенька Поповичъ младъ?

Если ты Алеша—побратаемся.“

Въ тѣ поры Алешенька врагу не вѣровалъ,
Отрубилъ ему онъ буйну голову,
Поснималъ съ него онъ платье цвѣтное,
Платье цвѣтное да на сто тысячей,
Самого во торокѣ вязалъ,
Одѣвался въ платье цвѣтное,
На коня его садился, на люта звѣра,
И поѣхалъ ко своимъ бѣлымъ шатрамъ.

Какъ увидѣли его Екимъ съ каликою,
Испужались, сѣли на добрыхъ коней,
Побѣжали ко Ростову городу.

Настигаетъ ихъ Алешенька Поповичъ младъ.

Какъ обернется Екимъ Ивановичъ,

Показался онъ ему Тугариномъ,

И выдѣргивалъ онъ боевую палицу,

Палицу булатную во тридцать пудъ,

И бросалъ ее назадъ себя—

Угодилъ Алешѣ въ груди бѣлыя,

Сшибъ Алешу изъ черкаскаго сѣдлышка,

И упалъ онъ на сырѹ землю.

Соскочилъ Екимъ тутъ со добра коня,

Сѣлъ ему на груди бѣлыя,

Ладить ихъ ротъ ему чингалищемъ—

И увидѣлъ золотъ чуденъ крестъ на немъ,

Самъ заплакалъ, говоритъ каличищу:

По грѣхамъ мнѣ, видно, учинилося,

Что убилъ я брата своего родимаго!“

Стали оба тутъ его трясти, качать,

Пѣдали ему питья заморскаго,
 И пришелъ онъ отъ того ко живности.
 Помѣнялися они съ каликой платицею:
 Падѣваль калика платице каличее,
 Надѣваль Алеша богатырское,
 А Тугарина-то платье цвѣтное
 Положили въ торокѣ къ себѣ.
 Сами сѣли на добрыхъ коней,
 И поѣхали ко городу ко Кіеву,
 Къ ласковому князю ко Владиміру.

Какъ пріѣхали они во Кіевъ градъ,
 Какъ заѣхали на княженецкій дворъ,
 Соскочили со добрыхъ коней,
 Привязали ко столбамъ дубовымъ
 И пошли во гридни свѣтлыя.
 А у ласковаго князя у Владиміра
 Со его княгиней со Апраксіей
 Поразставлены столы дубовые,
 И идетъ хорошъ почѣстенъ пиръ.
 Какъ вошли во гридни свѣтлыя,
 Молятся святому Спасу образу,
 Бьютъ челомъ на всѣ четыре стороны,
 Князю со княгиней въ особину.

Говоритъ имъ ласковій Владиміръ князь:
 „Гой еси вы, добры мѣлодцы!
 А и какъ же васъ зовутъ по имени,
 Величаютъ по изотчеству?
 Вамъ по имени бы можно мѣсто дать,
 По изотчеству пожаловать“ .

Говоритъ Алешенька Поповичъ младъ:
 „Я изъ славнаго Ростова, красна города,
 Сынъ Леонтья, стараго попа соборнаго,
 А зовутъ Алешю Поповичемъ.
 Повстрѣчалъ путемъ Тугарина Змѣевича,
 Головѹ срубилъ чудовищу,
 Въ торокахъ его привезъ къ тебѣ.“

Какъ возрадуется тутъ Владиміръ князь,
 Говоритъ Алешѣ таковыя слова:

„Гой еси, Алешенька Поповичъ младъ!
 А садись-ка ты да по отчеству

Во большое мѣсто, во большій уголь,
 Во другое мѣсто богатырское—
 Во скамью дубову супротивъ меня,
 Въ третье мѣсто—куда самъ захошь.“

Не сядилъ младъ Алеша во большій уголь,
 Не сядилъ во скамью дубовую,
 Сълъ онъ со товарищами на палатный брусъ.

Воскричалъ Владиміръ князь тутъ громкимъ голосомъ:

„Гой еси вы, слуги вѣрные!

Вы идите-ка да на широкій дворъ
 За чудовищемъ Тугариномъ Змѣвичемъ,
 Вы берите-ка со тороковъ его,
 Принесите предъ лицо мое.“

И идутъ двѣнадцать добрыхъ мѡлодцевъ,
 Принесли Тугарина Змѣвича
 На доскѣ изъ красна золота,
 Посадили во большій уголь,
 Рядомъ со княгиней со Апраксией. (18)

Были же тутъ повара догадливы:
 Приносили яствушекъ сахарныхъ,
 Приносили бѣлую лебедушку.

Стали ѣсть все, прохладатися;
 А Тугаринъ сынъ Змѣвичъ младъ нечестно ѣсть:

По ковригѣ цѣлой за щеку мечѣтъ,
 Проглотилъ заразъ всю лебедь бѣлую.
 Закусилъ еще ковригой монастырскою.

Говоритъ Алешенька Поповичъ младъ:

„Какъ у моего у государя батюшки,
 У Леонтя у попа Ростовскаго,
 Было псище старое, сѣдатое,
 Еле по подстолю таскалося;

Какъхватило псище кость великую,
 Гдѣхватило, тамъ и подавилося;
 Подавиться и Тугарину Змѣвичу
 Отъ меня Алеши отъ Поповича.“

Почернѣлъ Тугаринъ какъ осенняя ночь,
 Прояснѣлъ Алеша, какъ свѣтѣль мѣсяцъ.

Были повара опять догадливы:
 Приносили зеленѣ вина,
 Приносили питьицевъ медвяныхъ,

Питьецевъ медвяныхъ, заморскіихъ.
 Стали пить всё, прохладжатися;
 А Тугаринъ сынъ Змѣевичъ младъ нечестно пьеть:
 Въ разъ охлѣстываетъ чары цѣлыя,
 Каждая-то чара въ полтора ведра.

Говоритъ Алешенька Поповичъ младъ:

„Какъ у моего родителя у батюшки,
 У Леонтя у попа Ростовскаго,
 Было старое коровище,
 Еле по двору таскалося,
 На поварню къ поварамъ забилося,
 Браги прѣсной цѣлый чанъ охлестнуло,
 Гдѣ охлестнуло—и треснуло:
 Треснуть и Тугарину Змѣевичу
 Отъ меня Алеши отъ Поповича.“

Потемнѣлъ Тугаринъ какъ осеня ночь,
 Выдернулъ чингалище булатное,
 Бросилъ во Алешу во Поповича;
 Да Алешенька на то повѣртокъ былъ,
 И не могъ Тугаринъ угодить въ него.
 А стоялъ у печки у муравленой
 Молодой Екимъ Ивановичъ,
 Налету ченгалище подхватывалъ,
 Самъ Алешѣ приговаривалъ:

„Ай ты, братецъ мой Алешенька Поповичъ младъ!
 Самъ изволишь ли бросать въ него, аль мнѣ велишь?“

Говоритъ Алешенька Поповичъ младъ:

„Самъ не брошу и тебѣ бросать не дамъ.
 Заутро уждъ съ нимъ перевѣдаюсь:
 Бьюся съ нимъ я о великъ закладъ,
 Не о стѣ рубляхъ и не о тысячѣ—
 Бьюся о своей о буйной гдловѣ.“

Въ тѣ поры князя и бдяре
 Повскочили на рѣзвы ноги,
 Всѣ поруки держатъ за Тугарина:
 Какъ по сту рублей князя кладуть,
 По пятидесяти бдяре,
 А крестьяне по пяти рублей.
 Гости ли торговые случилися:
 Подъ Тугарина Змѣевича

Подписали корабли свои,
Что стояли на быстромъ Днѣпрѣ
Со товарами заморскими.
За Алешу за Поповича подписывалъ
Изо всѣхъ владыка лишь черниговскій.

Взвился тутъ Тугаринъ и съ палатъ ушелъ,
На добра коня садился, на люта звѣря;
Поднялся на крыльяхъ его добрый конь,
Полетѣлъ выско, близъ подь облакомъ.
Со товарищами и Алеша вонъ пошелъ;
На добрыхъ коней сажались,
И поѣхали ко славной ко Сафатъ-рѣкѣ;
Поразставили бѣлы шатры,
Отпустили кней въ зеленѣ луга,
Сами стали опочивъ держать.

Тутъ Алеша цѣлу ночь не спалъ—
Цѣлу ночь стоитъ да на востокъ лицомъ,
Со слезами Богу молится:

„Дай-ка, Господи, мнѣ тучу грозную,
Тучу грозную со градомъ-дождичкомъ,
Подмочило бы коня крылатаго
У Тугарина Змѣевича,
Опустился бы Тугаринъ на сырѣ землю,
Было бы мнѣ съ нимъ посѣхаться.“

По тому-ли по Алешину молению,
По Господнему да по велѣнью,
Наставала туча грозная,
Туча грозная со градомъ-дождичкомъ,
Подмочило крылья у коня крылатаго,
Палъ Тугаринъ на сырѣ землю.

Прибѣгаетъ тутъ Екимъ Ивановичъ
Ко Алешѣ съ радостною вѣсточкой,
Что Тугаринъ ѣдетъ по сырѣй землѣ.

Скоро младъ Алеша снаряжается,
Взялъ въ собою палицу тяжелую,
Взялъ еще въ запасъ чингалище булатное,
И садился на добра коня,
Ѣдетъ ко Тугарину на стрѣтушку.

А Тугаринъ ѣдетъ на добромъ конѣ,
На добромъ конѣ да по сырѣй землѣ,

Увидаль Алешеньку Поповича,
Заревѣль, собака, зычнымъ голосомъ:

„Гой еси, Алешенька Поповичъ младъ!

Хошь ли, я тебя огнемъ спалю?

Хошь ли, я тебя конемъ стопчу?

Хошь ли, я тебя копьемъ убью?“

Замахнулся онъ чингалищемъ булатнымъ,

Чтобы снять съ Алеши буйну голову;

А Алеша былъ востёръ собой:

Завернулся за ту гриву лошадиную;

Прوماхнулося чингалище булатное

И ушло въ сырѹ землю до чѣрена.

Говоритъ Алешенька Тугарину

Изъ-за гривы лошадиныя:

„Гой же ты, Тугаринъ сынъ Змѣевичъ младъ!

Бился ты со мною о великъ закладъ:

Биться-драться одинъ-на-одинъ,

А вѣдь за тобою силы смѣты нѣтъ

На меня на Алешу на Поповича.“

Какъ оглянется Тугаринъ тутъ назадъ себя,

Младъ Алеша былъ востёръ собой:

Вывернулся изъ-за гривы лошадиныя,

Да ударить палицей тяжелою

Въ буйну голову Тугарина Змѣевича—

Своротилося главѣще на правѹ страну,

Туловѣще да на лѣвую.

Соскочилъ Алеша со добра коня,

Бралъ чингалище булатное,

Проколомъ собакѣ уши въ гѣловѣ,

Да главѣща-то не можетъ на плечо поднять,

Жалкимъ голосомъ кричить товарищамъ:

„Гой еси, мои вы вѣрные товарищи!

Подсобите-ка главѣще на плечо поднять.“

Подъѣзжали вѣрные товарищи,

Помогли главѣще на плечо поднять.

И несутъ его Алеша ко добрѹ коню,

Привязалъ кудѣрушками желтыми

Къ стремянамъ ко лошадинымъ,

И повезъ ко городу ко Кіеву.

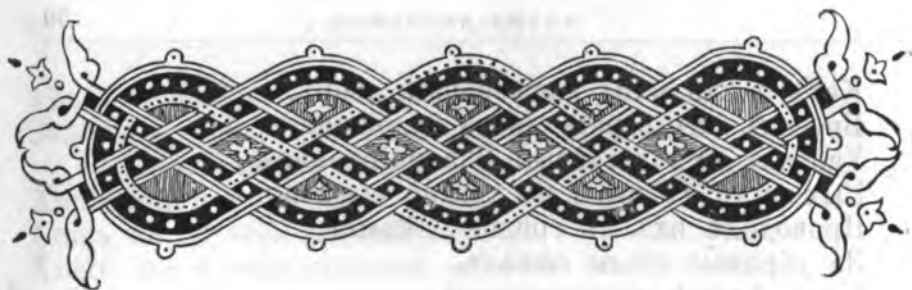
Какъ пріѣхали они во Кіевъ градъ,

Какъ заѣхали на княженецкій дворъ,
Бросилъ онъ середь двора чудовище.
Увидаль ихъ ласковый Владиміръ князь,
Выходилъ къ нимъ на краснѣ крыльцо,
Проводилъ ихъ въ GRIDNI СВѢТЛЫЯ,
За убранные столы сажаль,
Самъ Алешѣ приговариваль:

„Гой еси, Алешенька Поповичъ младъ!
Ужь живи-ка ты теперь у насъ во Кіевѣ,
Послужи-ка мнѣ, князю Владиміру;
До-люби тебя пожалуй.“

Такъ про молода Алешу старину поють,
Морю синему на тишину,
Добрымъ людямъ на послушанье.

БЫЛИНА ПЯТАЯ.

Первый бой Добрыни Никитича съ Змѣемъ Горынчищемъ.

Среди ли было лѣта краснаго,
Во жары ли непомѣрные Петровскіе,
Захотѣлося Добрынюшкѣ Никитичу
Во студѣной быстрой рѣченькѣ
Окупати тѣло богатырское.
Приходилъ Добрыня къ родной матушкѣ,
Ко честной вдовѣ Афимѣ Александровнѣ,
Говорилъ ей такovy слова:

„Ай же ты, моя родитель-матушка!
Ужъ ты дай-ка мнѣ прощеньице,
Дай прощеньице-благословеньице
Сѣздитъ ко той славной ко Пучай-рѣкѣ: ⁽¹⁹⁾
Мнѣ охота во студѣной, быстрой рѣченькѣ
Окупати тѣло богатырское.“

Говорить Добрынѣ родна матушка,
Та честна вдова многоразумная:

Гой еси ты, свѣтъ мой, чадо милое,
Душенька Добрынюшка Никитичъ младъ!
Ты не ѣзди-ка купаться во Пучай-рѣкѣ;
Та Пучай-рѣка свирѣпая, сердитая:
Изъ-за первой струйки какъ огонь сѣчѣтъ,
Изъ-за средней струйки искры сыплются,
Изъ-за третьей струйки дымъ столбомъ валить,
Дымъ столбомъ валить да съ жаромъ-пламенемъ.“

Не послушался Добрыня рѣдной матушки,
 Выходилъ онъ изъ столовой горенки
 Да во славныя палаты бѣлокаменны,
 Одѣвалъ одѣжицу дорожную,
 Накрывался шляпой земли греческой,
 Заходилъ въ широкъ конюшенъ дворъ
 И уздалъ, сѣдлалъ добра коня;
 Бралъ копые съ собою долгомѣрное,
 Тугой лукъ да каленыя стрѣлы,
 Саблю острую да палицу тяжелую—
 Не для драки бралъ, для кроволитица,
 Для потѣхи бралъ для молодецкія.
 Какъ садился тутъ Добрыня на добра коня,
 Какъ съѣзжалъ да съ широка двора
 Съ молодымъ слугою, съ малымъ пѣробкомъ,—
 Плеткою добра коня понуживалъ,
 Палицей булатною поигрывалъ,
 Долгомѣрнымъ копьемъ да поворачивалъ.
 Какъ поѣхалъ по чисту полю да ко Пучай-рѣкѣ,
 Какъ проѣздилъ часъ-другой по красну солнышку—
 Богатырское-то тѣло разгорѣлося,
 Разгорѣлося да распотѣлося,
 Приправлялъ коня онъ къ быстрой рѣченькѣ,
 Соскочилъ скорѣнько со добра коня,
 Бросилъ поводъ малу пѣробку:

„Ай же ты, дѣтинка, малый пѣробокъ!
 Подержи-ка мнѣ, покарауль коня.“

Снялъ съ головки шляпу земли греческой,
 Разболѣкивалъ одѣжицу дорожную,
 Штаники со спусками да чѣрны чоботы,
 Скидалъ рубашку миткалиную,
 Да спустился во студѣну, быстру рѣченьку.
 Заходилъ за струечку за первую,
 Заходилъ за струечку за среднюю,
 Говорить самъ таковыя слова:

„Мнѣ, Добрынѣ, говорила матушка,
 Мнѣ, Никитичу, наказывала рѣдная:
 — Не купайся ты, Добрыня, во Пучай-рѣкѣ;
 Та Пучай-рѣка свирѣпая, сердитая.—
 Анъ Пучай-то рѣченька кротка, смирна,

Будто лужица дождёвая.“

Не успѣлъ Добрыня слово смолвити

Вѣтра нѣтъ, а тучу нанесло,

Тучи нѣтъ, а будто дождь дождитъ,

И дождя-то нѣтъ, а громъ гремитъ,

Громъ гремитъ, да свищеть молнія.

Ни отколь на молода Добрынюшку

Налетѣло змѣище Горынчише,

Лютая змѣя о трехъ о гѣловахъ,

О двѣнадцати змѣя о хоботахъ.

Говорить ему змѣя проклятая:

„А вѣдь стары люди-то пророчили,

Что убиту быть мнѣ, змѣищу Горынчишу,

Молодымъ Добрынею Никитичемъ,

А теперь Добрыня самъ въ моихъ рукахъ!

Захочу теперь—Добрыню я огнемъ сожгу,

Захочу теперь—Добрыню съѣмъ-сожру,

Захочу теперь—Добрыню въ хоботѣ возьму,

Въ хоботѣ возьму, да во полонъ снесу.“

Отвѣчаетъ ей Добрынюшка Никитичъ младъ:

„Ай же ты, змѣя проклятая!

Ты поспѣй-ка захватить Добрынюшку,

Въ тѣ пору Добрынюшкой и хвастайся,

А теперь Добрыня не въ твоихъ рукахъ.“

Плавать онъ, Добрыня-то, гораздъ вѣдь былъ:

Какъ у тамошняго бережка ныркомъ нырнулъ,

Такъ у здѣшняго повынырнулъ;

Вышелъ по желтѣ песку да на крутой берѣгъ.

Въ тѣ пору-то пѣробокъ былъ тропокъ:

Вонъ угналъ коня Добрынина,

Взялъ съ собой копьё Добрынино,

Тугой лукъ и каленыя стрѣлы,

Саблю острую и палицу тяжелую—

Нечѣмъ-то ему съ змѣею попротивиться.

А она опять летитъ, проклятая,

Сыплетъ искрами горючими,

Жжетъ ему да тѣло бѣлое.

Приужахнулося сердце богатырское!

Поглядѣлъ Добрынюшка по березку—

Не случилось ничему лежать на березкѣ,

Нѣчего-то взять ему въ бѣлы ручки.

Вспомнилась Добрынѣ рѣдна матушка:

„Не велѣла мнѣ, Добрынѣ, рѣдная
Во Пучай-рѣкѣ купатися;

А теперъ приходитъ мнѣ кончинушка!“

Поглядѣлъ въ послѣдній разъ по бѣрежку—

Увидаль тутъ шляпоньку на бѣрежкѣ,

Шляпоньку свою да земли греческой.

Скоро бралъ онъ шляпоньку въ бѣлы ручки,

Насыпаль въ нее песочку желтаго,

Желтаго песочку цѣлыхъ три нуда,

Да со всей досадушкой великою

Какъ ударить шляпонькой поганую—

Изъ двѣнадцати ей поотшибъ три хобота,

Повалилъ змѣю съ размаху па сырѹ землю,

На сырѹ землю да во ковыль-траву,

Повскочилъ на груди ей колѣнками,

Отшибить ей хочеть остальные хоботы.

Какъ возмѣлится змѣя Добрынюшкѣ:

„Ай же ты, молоденькій Добрынюшка!

Не убей меня ты за напраслину,

А спусти летать да по бѣлѹ свѣту:

Буду я тебѣ сестрою мѣньшею,

Будешь ты мнѣ братцемъ бѣльшимъ. (20)

И положимъ мы съ тобою заповѣдь,

Заповѣдь велику, нерушимую:

Не ѣзжать тебѣ, Добрынюшкѣ, въ чисто поле,

Не топтать моихъ дѣтенышей-змѣенышей;

Не летать и мнѣ, змѣѣ, къ вамъ на святую Русь,

Не носить въ полонъ народу христіанскаго.“

Поддался Добрынюшка на рѣчь лукавую,

Положилъ съ змѣею заповѣдь великую,

И спустилъ изъ-подъ колѣнъ проклятую.

Поднялся вверхъ змѣя подъ облака,

Полетѣла прямо да на Кіевъ градъ;

Пролетая черезъ Кіевъ градъ,

Увидала князеву племянницу,

Молоду Забаву дочь Путятичну, (21)

Чтѣ повышла съ мамками да съ няньками

Погулять во зеленомъ саду,—

Припадала лютая къ сырой землѣ,
Ухватила князеву племянницу :
Въ хобота свои змѣиные,
Унесла съ собой на гору Сорочинскую, ⁽²²⁾
Въ пещерушки свои змѣиныя.

Въ тѹ пору Добрынинъ малый паробокъ
Подбѣгалъ опять къ нему, ко добру млодцу,
Подавалъ одежицу дорожную,
Подводилъ коня да богатырскаго.
Только сѣлъ Добрыня на добра коня—
Какъ не тѣни темныя затѣмнѣли,
Какъ не тучи черныя попадали—
Какъ летить по воздуху змѣя проклятая,
Въ хоботахъ несетъ да князеву племянницу.
Тутъ молоденькій Добрыня закручинился,
Закручинился Добрыня, запечалился.
Въ Кіевъ градъ Добрыня поворотъ держалъ,
Пріѣзжалъ на свой широкій дворъ,
Проходилъ въ палату бѣлокаменну,
Во столову горенку ко рѣдной матушкѣ,
Да садился на брусѣву лавочку,
До самѣй земли повѣсилъ буйну голову,
Ни словечкомъ не промолвился.

Подходила ко Добрынѣ рѣдна матушка,
Стала старая его выспрашивать,
Стала старая вывѣдывать:

Ты объ чемъ, Добрынюшка, кручинишься?
Ты объ чемъ, мой свѣтъ, печалишься?

Отвѣчаетъ ей молоденькій Добрынюшка:

„Не объ чемъ я не кручнюся,
Не объ чемъ я не печалюся;
Только дай-ка, матушка, прощеньице,
Дай прощеньице-благословеньице
Мнѣ сходить ко князю ко Владиміру:
У него, у князя у Владиміра,
Зачался почѣстенъ пиръ да на двѣнадцать дѣнь,
На многіхъ князей его, на бѣяровъ,
Да на всѣхъ могучіхъ богатырей.“

Говорить Добрынѣ рѣдна матушка:

„Ай ты, свѣтъ мой, душенька Добрынюшка!

Не ходи-ка ты ко князю на почѣстенъ пиръ,
 А живи-ка во своемъ дому, у матушки,
 Хлѣба-соли ѣшь-ка до-сыта,
 Зеленѣ вина пей до-пьяна,
 Золотой казны держи по надобью.“

Не послушался Добрыня матушки,
 Снаряжался, отправлялся на почѣстенъ пиръ
 Къ ласковому князю ко Владиміру.

Какъ на этомъ старина кончается,
 А другая начинается.

БЫЛИНА ШЕСТАЯ.

Второй бой Добрыни съ змѣемъ.

Какъ идетъ Добрынюшка Никитичъ младъ
На почѣстенъ пиръ ко князю ко Владиміру,
Какъ проходить въ гридню княженецкую,
Гдѣ стоять столы дубовые,
Стланы скатерти шелкѣвые,
Понакладаны уѣдушки сахарныя,
Поразставлены напитокочки медвяныя, —
Крестъ кладеть онъ по писаному,
И поклонъ ведеть да по учёному,
Поклоняется на всѣ четыре стороны,
Князю со княгинею въ особину.
Проводили гостя во большій уголъ,
Во большой уголъ, во мѣсто большее.

Какъ тутъ ласковый Владимір князь
По столовой гриднѣ запохаживаль,
На своихъ богатырей посматриваль,
Пословечно, сударь, выговариваль:

„Ай вы, сильные, могучіе богатыри!
Хоть идетъ у насъ почѣстенъ пиръ на-веселъ,
Самому-то мнѣ, Владиміру, не весело:
Унесла змѣя проклятая Горынчице
У меня любимую племянницу,
Молоду Забаву дочь Путятичну.
Вы подумайте-ка, братцы, посовѣтуйтесь:
На кого бы мнѣ накинуть служебку,
Служебку не малую, великую,
Съѣздить на ту гѣру Сорочинскую,
Ко пещерушкамъ змѣинымъ

Отыскать, добыть любимую племянницу?“

То услышавши, могучіе богатыри
Большіе туляются за средніхъ,
Средніе хоронятся за меньшихъ,
А отъ меньшихъ по чину и отвѣту нѣтъ.
Какъ выходить тутъ изъ-за стола съ-за средняго
Молодой Алешенька Леонтьевичъ:

„Гой ты, батюшка Владиміръ стольно-кїевскій!
Былъ вчера съ я во чистомъ полѣ,
Видѣлъ у Пучай-рѣчки Добрынюшку:
Съ змѣищемъ Горынчищемъ онъ дрался-рѣтился,
Покорилася змѣя ему, винулася,
Называла братцемъ бѣльшимъ,
Нарекалася сама сестрою меньшею.
Ты пошли-ка на ту служебку Добрынюшку:
Онъ тебѣ любимую племянницу
Безъ бою, безъ драки-кроволитьца
У названой у сестры своей повѣспросить.“

И возговорилъ Владиміръ стольно-кїевскій:
„Ай же ты, Добрынюшка Никитичъ младъ!
Ты садись-ка на добра коня,
Поѣзжай-ка на ту гору Сорочинскую,
Ко пещерушкамъ змѣинымъ,
Добывай-ка мнѣ любимую племянницу,
Молоду Забавушку Путятичну.
Не добудешь мнѣ племянницы—
Прикажу тебѣ, Добрынѣ, голову рубить“.

Опустилъ Добрыня буйну голову,
Утопилъ во столъ дубовый очи ясныя,
Ни словечка на тѣ рѣчи не отвѣтствовалъ.
Онъ вставалъ изъ-за столовъ дубовыхъ,
Выходилъ изъ-за скамеечекъ окольныхъ,
Отдавалъ великое почтеніе
Князю за весело пированьице,
И пошелъ къ своимъ палатамъ бѣлокаменнымъ.
Какъ пришелъ въ столовую во горенку
Ко своей ко рѣдной матушкѣ,
Говоритъ ему тутъ рѣдна матушка,
Та честна вдова Афимья Александровна:
„Гой еси ты, свѣтъ мой, чадо милое,

Душенька Добрынюшка Никитичъ младъ!
 Ты объ чемъ, про чтѣ такъ пригорюнился,
 Пригорюнился да закручинился?
 Мѣсто ли въ пиру было не по чину,
 Чарой ли въ пиру тебя подбнесли,
 Али пьяница-дуракъ поосмѣялъ въ глаза?“

Отвѣчаетъ ей Добрынюшка Никитичъ младъ.

„Мѣсто-то въ пиру мнѣ было по чину,
 Чарою въ пиру меня не обнесли,
 Пьяница-дуракъ не осмѣялъ въ глаза;
 А накинулъ на меня Владиміръ князь
 Служебку не малую, великую—
 Съѣздить на ту гору Сорочинскую,
 Ко пещерушкамъ змѣинымъ,
 Отыскать ему, добыть племянницу,
 Молоду Забаву дочь Путятичну“.

Говоритъ Добрыня рѣдна матушка:

„Ты ложись-ка спать поранѣй съ вечера,
 Мудренѣе утро будетъ вечера:
 Встанешь утрушкомъ отъ молодецка сна,
 Заходи въ конюшеньку стоящую,
 Выводи бурка съ конюшеньки,
 Дѣдова коня матѣраго,
 А стоитъ бурка пятнадцать лѣтъ,
 По колѣна ноженьки въ назѣмъ зарощены,
 Дверь по поясу въ назѣмъ ушла“.

И ложился спать Добрыня съ вечера,
 Утрушкомъ вставалъ ранѣшенько,
 Умывался водушкой бѣлѣшенько,
 Утирался полотѣнышкомъ сушохонько,
 Подкрутился хорошохонько,
 Выходилъ къ конюшенькѣ стоялой,
 Изъ назема дверь повиытащилъ,
 Дѣдову коню матѣрому
 Изъ назема ноженьки повиыдернулъ.
 Выводилъ за уздицу тесьмянную
 На широкій дворъ добра коня,
 Сталъ добра коня засѣдывать, улаживать:
 Полагалъ сперва подпотничекъ,
 На подпотничекъ клалъ потничекъ,

Сверху потничка еще да войлочекъ,
А на войлочекъ черкасское сѣдлышко —
Что сѣдлышко-то изукрашено:
Цѣнными шелками пообшивано,
Да червоннымъ золотомъ обвивано.
Сталь подтягивать тутъ подпруги шелковоньки,
Втягиваетъ въ нихъ шпеньки булатные,
Полагаетъ пряжки красна золота:
Шелкъ не порвется, булатъ не подтрется,
Красно золото не ржавѣетъ,
Добрый млодець въ сѣдлѣ не старѣетъ.
Всѣхъ подтягиваль двѣнадцать подпруговъ,
Клалъ еще тринадцатый для крѣпости,
Чтобы добрый конь изъ-подъ сѣдла не выскочилъ,
Добра млодца въ чистомъ полѣ не выронилъ.

Какъ садился тутъ Добрыня на добра коня,
Какъ съѣзжалъ да съ широка двора,
Провожала его рѣдна матушка,
Подавала на поѣздѣ плѣточку,
Плеточку семи шелковъ да разныхъ,
Говорила, слезы утираючи:

„Гой еси ты, свѣтъ мой, чадо милое,
Ты возьми-ка плеточку семи шелковъ:
Какъ приѣдешь на ту гору Сорочинскую,
Какъ начнешь змѣнышей потаптывать,
Да не станетъ бурушко поскакивать, —
Ты хлыщи бурка промежь ушей,
Промежь ногъ хлыщи да промежь заднихъ:
Станетъ у тебя бурка поскакивать,
Прочь отъ ногъ змѣнышей отряхивать,
Всѣхъ притопчетъ до одинаго.“

Отломилась вѣточка съ садовой яблоньки,
Откатилось яблочко отъ яблоньки,
Отѣзжаетъ сынъ отъ рѣдной матушки
Въ чужедальнюю сторонушку.
День уходитъ за день будто дождь дождить,
А недѣля за недѣлю какъ рѣка бѣжитъ.
Ѣдетъ днемъ Добрынюшка по красну солнышку,
Ѣдетъ ночью онъ по свѣтлу мѣсяцу;
Вѣхалъ на ту гору Сорочинскую,

Сталь топтать поганихъ змѣнышей.
 Подточили тутъ змѣныши
 У добра коня копытушки,
 И не можетъ добрый конь поскакивать,
 Сталь онъ подъ Добрынюшкой припадывать.
 Вспомнилъ тутъ Добрынюшка наказъ родительскій,
 Выдернулъ онъ плетку изъ-за пояса,
 Плеточку семи шелковъ да разныхъ,
 Сталь хлытать бурка промежъ ушей,
 Промежъ ногъ хлытать да промежъ заднихъ;
 Сталь бурку да приговаривать:

„Ай ты, бурушко, скачи-поскакивай,
 Прочь отъ ногъ змѣнышей отряхивай.“

Сталь тутъ бурушко скакать-поскакивать,
 По веретѣ да по другой помахивать,
 По колѣнушки въ сыру землю погрязывать,
 Изъ сырой земли копытушки выхватывать,
 По сѣнной копнѣ земелюшки вывертывать,
 За три выстрѣла да камешки откидывать;
 Сталь онъ прочь отъ ногъ змѣнышей отряхивать,
 Притопталъ всѣхъ до одинаго.
 И сходилъ Добрыня со добра коня,
 Облачался во доспѣхи крѣпкія,
 Бралъ во праву руку саблю острую,
 Полагалъ подъ лѣвую подъ пазушку
 Палицу тяжелую булатную,
 На бѣлы груди копые да долгомѣрное,
 Кладъ подъ поясъ шелепугу подорожную,
 Съ ней и плеточку семи шелковъ—
 И пошелъ къ пещерушкамъ змѣинымъ.

Какъ не тѣни темныя затѣмнѣли,
 Какъ не тучи черныя попадали—
 Какъ летитъ сама змѣя Горынчище,
 Во когтяхъ несетъ да тѣло мертвое.
 Увидала молода Добрынюшку—
 Опустила тѣло мертвое
 На сыру землю, на мураву траву,
 Подлетѣла къ молоду Добрынюшкѣ:

„Ай же ты, молоденькій Добрынюшка,
 Ты зачѣмъ нарушилъ нашу заповѣдь!

Притопталъ моихъ дѣтенышей-змѣенышей?“

Отвѣчаетъ ей молоденькій Добрынюшка:

„Ай же ты, змѣя проклятая!

Я-ль нарушилъ нашу заповѣдь,

Али ты, змѣя, ее нарушила?

Ты зачѣмъ летѣла черезъ Кіевъ градъ,

Унесла у насъ Забаву дочь Путятичну?

Ты отдай-ка мнѣ Забаву дочь Путятичну

Безъ бою, безъ драки-кроволитьица.“

Не хотѣла отдавать змѣя

Безъ бою, безъ драки-кроволитьица,

Заводила съ нимъ великій, кроволитный бой.

Бились-рѣтились они тутъ двое сутокъ,

А не можетъ одолѣть змѣю Добрынюшка,

Начала змѣя его покидывать,

Начала его побрасывать.

Вспомнилъ онъ опять про плеточку,

Плеточку семи шелковъ да разныхъ,

Бралъ во праву руку плеточку,

Лѣвою поймалъ змѣю поганую,

Преклонилъ ее къ сырѣй землѣ,

Билъ той плеточкой шелквою,

Укротилъ акй скотинушку.

Отрубилъ тогда змѣѣ всѣ хоботы,

Распиналъ ее да по чисту полю,

Разрубилъ на мелки чѣстички.

И пошла съ востока внизъ до запада

Вкругъ Добрыни кровь змѣиная;

Простоялъ въ крови Добрыня трое сутокъ—

Не пожрала крови той сырѣ земля.

Бралъ опять Добрыня плеточку шелковую,

Билъ той плеточкой сырѣ землю,

Самъ землѣ да приговариваль:

„Разступись-ка, мать-сырѣ, земля

На четыре разступись на четверти,

Всю пожри-ка кровь змѣиную.“

Раступилась мать сырѣ земля

На четыре да на четверти,

Всю пожрала кровь змѣиную.

И сошелъ Добрынюшка Никитичъ младъ

Ко пещерушкамъ змѣинымъ.
 Какъ затворено тамъ мѣдными затворами,
 Подперто желѣзными подпорами—
 Не пройти въ пещерушки змѣиныя.
 Онъ желѣзныя подпоры прочь откидываль,
 Мѣдные затворы вонъ отдвигиваль,
 Проходилъ въ пещерушки змѣиныя.

А сидитъ тамъ полондвѣ-то много множество:
 Съ сорока земель царей, царевичей,
 Съ сорока ли королей да королевичей,
 А простой-то силушки и смѣты нѣтъ.
 И спрогдворилъ Добрынюшка Никитичъ младъ:

„Ай же вы, цари, царевичи,
 Короли да королевичи,
 Ты, простая силушка несмѣтная!
 Выходите-ка на Божью волюшку,
 Расходитесь по своимъ мѣстамъ,
 По своимъ мѣстамъ да по своимъ домамъ.“

Стали выходить они на Божью волюшку,
 И пошелъ у нихъ великій шумъ.
 Не видать одной Забавушки Путятичны.
 Проходилъ Добрыня всѣ пещерушки,
 Приходилъ къ послѣдней ко двѣнадцатой—
 Только тутъ нашель Забавушку Путятичну,
 Ко стѣнѣ руками врозь приковану.
 Со стѣны снималь онъ красну дѣвушку,
 Бралъ ее за бѣлы ручушки,
 Выводилъ съ пещерушекъ змѣиныхъ,
 Говорилъ ей таковы слова:

„Ай же ты, Забава дочь Путятична!
 Для тебя я ѣздиль-странствовалъ,
 Для тебя съ змѣею бился-ратился.
 Мы поѣдемъ-ка теперь во Кіевъ градъ,
 Къ твоему ко дядушкѣ любимому,
 Къ ласковому князю ко Владиміру.“

И садился тутъ Добрыня на добра коня,
 И садилъ съ собою красну дѣвушку,
 И повезъ съ собою по чисту полю.
 Говоритъ Добрыня красна дѣвушка,
 Молода Забава дочь Путятична:

“Ай же ты, бабава лочь Путятична!
Для тебя я взыль-странствовалъ,

Для тебя съ змьею бился-рагился.
Мы побдемъ-ка теперь во Кіевъ градъ...”

„За твою за выслугу великую
 Назвала бы я тебя, Добрыню, батюшкой—
 Называть мнѣ такъ Добрыню нѣ можно;
 За твою за выслугу великую
 Назвала бы братцемъ да родимымъ—
 Называть тебя и братцемъ нѣ можно;
 За твою за выслугу великую
 Назвала бы другомъ да любимымъ—
 Самъ Добрыня не возьметъ замужъ меня!“

Отвѣчаетъ ей Добрынюшка Никитичъ младъ:

„Ахъ ты, молода Забавушка Путятична!
 Ты изъ роду княженецкаго,
 Я изъ роду изъ боярскаго—
 Не чета тебѣ, княжнѣ, боярскій сынъ.“

И повезъ ее во стольный Кіевъ градъ;
 А Владиміръ князь ужъ на крыльцѣ стоитъ,
 Съ почестью его встрѣчаетъ, съ благодарностью.
 Какъ сошелъ Добрыня тутъ съ добра коня,
 Опущалъ онъ на земь красну дѣвушку,
 Подводилъ племянницу къ Владиміру,
 Подавалъ ему во бѣлы ручки.
 И дарилъ его Владиміръ золотой казной,
 И дарилъ его онъ платьемъ цвѣтнымъ,
 Поклонялся до самой земли:

„А спасибо же тебѣ, Добрынюшкѣ!
 Служилъ ты службу мнѣ великую,
 Отыскалъ ты мнѣ любимую племянницу.
 Никого немогъ найти я въ цѣломъ Кіевѣ,
 Изо всѣхъ могучихъ изъ богатырей
 Одного тебя нашель, Добрынюшку!“

Прибѣгала тутъ и матушка Добрынина;
 Во слезахъ брала его въ бѣлы ручки,
 Цѣловала во уста сахарныя,
 И пошелъ тутъ пиръ у нихъ да пированьице,
 Что для молодца Добрынюшки Никитича,
 Для другой—Забавушки Путятичны.

Такъ про молодца Добрынюшку Никитича
 Славу славятъ, старину поютъ,
 Морю синему ли на утѣшенье,
 А вамъ, добрымъ людемъ, на послушанье.

БЫЛИНА СЕДЬМАЯ.

Ставеръ Гоудиновичъ и Василиса Микулична. ⁽³²⁾

Въ стольномъ было городъ во Кіевѣ
Да уласковаго князя у Владиміра
Было пираваньице, почѣстенъ пиръ
На многѣхъ князей, на бдяровъ,
На всѣхъ гдстюшекъ столовыхъ,
На всѣхъ людюшекъ торговыхъ,
На всѣхъ званыхъ-браныхъ, приходящихъ.
На пиру всѣ наѣдалися,
На честнѣмъ всѣ напивалися,
Чѣмъ-нибудь всѣ похвалялися:
Кто хвалился славнымъ отечествомъ,
Кто удалымъ молодечествомъ,
Иной хвастался добрымъ конемъ,
А другой ли шелковымъ портомъ,
Изо всѣхъ гостей Ставеръ Гоудиновичъ. ⁽²⁴⁾
Молодой торговый гость черниговскій, ⁽²⁵⁾
Лишь одинъ сидитъ, не ѣсть, не пьетъ, не кушаетъ,
Бѣлой лебеди не рушаетъ,
Да ничѣмъ-то молодець не хвастаетъ.
Ходитъ солнышко Владиміръ князь по горенкѣ,
Самъ Ставрѹ да вопрогдворитъ:
„Ахъ ты, молодой Ставеръ да сынъ Гоудиновичъ!
Что же ты сидишь, не ѣшь, не пьешь, не кушаешь,
Бѣлой лебеди моей не рушаешь,
Да ничѣмъ-то, молодець, не хвастаешь?
Али нечѣмъ вамъ, черниговцамъ, похвастати?“

Отвѣчаетъ молодой Ставерь Годиновичь:

„Нечѣмъ мнѣ, Ставрѣ, предъ вами здѣсь похвастати!

Мнѣ похвастать—не похвастать отцемъ-матушкой:

Отца-матушки моихъ въ живыхъ ужъ нѣтъ.

Мнѣ похвастать—не похвастать золотой казной:

Золотѣ казна торговая не тѣшится,

Малы денежки торговыя не дѣржатся.

Мнѣ похвастать—не похвастать цвѣтнымъ платьицемъ:

Цвѣтны платья мои не носятся:

У меня есть тридцать мѣлодцевъ,

Тридцать мѣлодцевъ—портныхъ все мастеровъ,

Шьютъ кафтанцы мнѣ все снова-на-ново;

День держу кафтанчикъ, поддержку другой,

Да снесу кафтанчикъ въ лавоньку на рыночекъ,

Вамъ же, князьямъ-бдырамъ, повыпродамъ,

А возьму съ васъ цѣну полную.

Мнѣ похвастать—не похвастать крѣпкимъ чѣботомъ:

Чѣботы мои не держатся:

У меня есть тридцать мѣлодцевъ,

Тридцать мѣлодцевъ—сапожныхъ мастеровъ,

Шьютъ мнѣ чѣботы все снова-на-ново:

День держу ихъ, проношу другой,

Въ лавоньку снесу опять на рыночекъ,

Вамъ же, князьямъ-бдырамъ, повыпродамъ,

А возьму съ васъ цѣну полную.

Мнѣ похвастать—не похвастать и добрымъ конемъ:

Добры кѣни у меня не ѣзятся:

У меня кобылочки все златошерстные,

Все даютъ жеребчиковъ хорошенькихъ;

Что лучше-то жеребчики—тѣ ѣзжу самъ,

Что похуже—тѣ сгоню на рыночекъ,

Вамъ же, князьямъ—бдырамъ, повыпродамъ,

А возьму съ васъ цѣну полную.

А и нечѣмъ мнѣ предъ вами хвастати.

Развѣ мнѣ похвастать молодой женой,

Василисой дочерью Микуличной? ⁽²⁶⁾

Какъ во лбу-то у нея свѣтѣль мѣсяць,

По косицамъ—звѣзды частыя,

Брдвушки черныя чѣрна соболя,

Очушки ясныя ясна сокола;

Всѣхъ васъ, князей-бояровъ, продасть да выкупить;
А тебя, Владиміра, съ ума сведеть“.

На то слово на пиру всѣ призамолкнули,
А Владиміру то слово не слюбилося,
И спрөгдворить Владиміръ таковы слова:

„Гой вы, слуги мои, слуги вѣрные!
Вы берите-ка Ставрѣ Гоудинова
За его за ручушки за бѣлыя,
За его за перстни за злачёные,
Отведите-ка во погреба холодныя
За его хвасткѣ да за великія,
За его за рѣчи неучливья,
Посадите на овесъ да на воду (27)

Не на много, не на мало—ровно на шесть лѣтъ.
Пусть-ка такъ Ставѣръ да обьумѣтся,
Пусть-ка тамъ да образумится.

Поглядимъ-ка, какъ Ставрѣва молодѣ жена
Муженькѣ изъ погребовъ повѣручить,
Всѣхъ васъ, князей-бояровъ, продасть да выкупить,
А меня, Владиміра, съ ума сведеть.“

Взяли слуги вѣрные Ставрѣ Гоудинова
За его за ручушки за бѣлыя,
За его за перстни за злачёные,
Отвѣли во погреба глубокія,
Позадвинули дощечками желѣзными,
Позащѣлкнули замѣчками булатными,
Пропитомство клали овсецѣ съ водою.

Посылалъ Владиміръ князь грознѣ посла (28)
Ко Ставрѣ Гоудиновичу во Черниговъ градъ,
Чтобы дворъ его тамъ запечатати,
Молоду жену его во Кіевъ взять.

Въ тѣ пору Ставрѣвой молодой женѣ,
Василисѣ дочери Микуличнѣ,
Перепала вѣсточка нерадостна,
Что ея любимыи мужъ Ставѣръ Гоудиновичъ
Солнышкомъ Владиміромъ во Кіевѣ
Посажёнъ въ полѣнь во погреба холодныя
Не на много, не на мало—ровно на шесть лѣтъ.
Говорила Василиса дочь Микулична:

„Деньгами мнѣ выкупѣть Ставрѣ—не выкупить.“

Силою мнѣ выручать Ставрѣ—не выручить.
Я могу ли, нѣтъ, Ставрѣ повыручить.
Да своей догадочкою женскою.“

Шла тутъ Василиса дочь Микулична
По своей палатѣ бѣлокаменной,
Воскричала Василиса во всю голову,
Во всю голову кричала жалкимъ голосомъ:

„Ай же вы, мои служанки вѣрныя!
Вы бѣгите-ка ко мнѣ скорѣшенько,
Вы рубите-ка мнѣ косы русыя,
Вы несите-ка мнѣ платица посыльныя
Да сѣдлайте-ка коня мнѣ богатырскаго!“

Подбѣгали вѣрныя служаночки,
Подрубили по-мужскій ей русы косыньки,
Приносили ей одежицы посыльныя,
Засѣдлали ей коня да богатырскаго.
Накрутилась Василиса въ платья цвѣтныя,
Назвалась посломъ со Золотою Орды,
Что грознымъ посломъ Василиемъ Микуличемъ,
Набрала дружинушки хоробрыя,
Сорокъ мѣлодцевъ—все молодыхъ борцовъ,
Сорокъ мѣлодцевъ—все молодыхъ стрѣльцовъ,
И поѣхала посломъ ко Кіеву,
Къ ласковому князю ко Владиміру.

Половину ли дороженьки проѣхали,
А на встрѣчу имъ изъ Кіева грозѣнь посоль;
Сѣѣхались послы тутъ, поздоровались;
Какъ великіе послы послуются,
Ручка объ ручку они цѣлуются.

Сталь изъ Кіева посоль выпрашивать:

„Ай и гой же вы, удалы добры мѣлодцы!
Вы куда поѣхали, куда васъ Богъ несѣтъ?“

Говорятъ ему, послу, да таковыя слова:

„Мы изъ дальней, де, земли, изъ Золотою Орды,
Отъ грозна царя собаки Кѣлина,
А поѣхали ко городу ко Кіеву,
Къ ласковому князю ко Владиміру,
Взять все дани-выходы-невѣплаты
За немного, за немало—за двѣнадцать лѣтъ,
Что за всякій годъ да по три тысячи.“

Какъ изъ Кіева посоль-то позадумался,
Позадумался, въ отвѣтъ прогдворилъ:

„Самъ я, де, изъ Кіева грозѣнь посоль,
Ѣду ко Ставрѹ Годінову въ Черниговъ градъ,
Дворь его тамъ запечатати,
Молоду жену его во Кіевъ взять.“

Говорять ему удалы добры мдлодцы:

„Прежде былъ у насъ тамъ постояльй дворъ;
Нынѣ заѣзжали—никого въ дому:
Молода жена Ставрѡва убиралася
Въ дальнюю землю, во Золотѹ Орду,“

Скоро кіевскій посоль тутъ поворотъ держалъ,
Пріѣзжалъ во Кіевъ градъ ко князю солнышку,
Разказалъ ему, Владиміру, тихохонько,
Что изъ дальней, де земли, изъ Золотой Орды,
Ѣдетъ къ Кіеву немилостивъ посланничекъ
Отъ грозна царя собаки Каліна.

А и больно тутъ Владиміръ запечалился;
Покидалися всѣ, пометалися;
Улицы метуть, да ставятъ ельничекъ; ⁽²⁹⁾
Передъ воротами ждуть посланничка
Отъ грозна царя собаки Каліна.

А грозѣнь посоль Васильюшка Микуличъ сынъ,
Не доѣдучи до города до Кіева,
Пораздѣрнулъ во чистѡмъ полѣ бѣлѡй шатѣрь,
Оставляялъ дружину у бѣла шатра,
Ѣдетъ самъ во Кіевъ градъ ко князю солнышку.
Пріѣзжалъ посоль во княженецкій дворъ,
Поскакалъ посоль да со добра коня,
Во сырѹ землю копье тупымъ концѡмъ,
А шелковѡй поводъ на злачѣный гвоздь,
У дверей не спрашивалъ придверниковъ,
Прямо шелъ въ полаты бѣлокаменны,
По ступенцамъ ставится тихдшенько,
По снѣямъ идетъ да полегошенько,
Входитъ въ гридню княженецкую,
Крѣститъ очи по писанѡму,
И ведетъ поклоны по учѣному,
Клонится на всѣ четыре стороны,
Князю солнышку съ княгиніею въ особину,

Наипаче же той князевой племянницѣ,
Молодой Забавушкѣ Путятичнѣ.

Говорить грознѹ послу Владимірѣ князь:

„Здравствуешь, посоль ты съ Золотой Орды!

Ты садись-ка съ нами за дубовый столъ,
Отдохни съ широкой со дороженьки.“

Говорить въ отвѣтъ ему грозѣнь посоль:

„Гой еси ты, князь Владимірѣ стольно-кѣевскій!

Недосугъ сидѣть послу, разсиживать,

Насѣ, пословѣ, за то не жалуютъ.

Какъ послалъ меня собака Калинѣ царь

Взять съ тебя всѣ дани-выходы-невыплаты

За немного, за немало—за двѣнадцать лѣтъ,

Что за всякій годъ да по три тысячи;

Какъ я самъ, посоль Василій да Микуличъ сынъ,

Взять себѣ хочу въ супружество

Молоду твою любимую племянницу,

Что по имени Забаву дочь Путятичну.“

Говорить Владимірѣ стольно-кѣевскій:

„Ай ты, молодой Васильюшка Микуличъ сынъ!

Я пойду съ племянницей подумаю.“

Выводилъ племянницу изъ горенки,

Спрашивалъ племянницу, вывѣдывалъ:

„Ай же ты, моя любезная племянница!

Ты пойдешь ли за того грозна посла,

За младѣ Василя Микулича?

Говорить ему племянница тихохонько:

„Ай же ты, мой дядюшка возлюбленный!

Что-то у тебя теперь затѣяно,

Что-то у тебя задумано?

Не отдай ты дѣвицы за женщину,

Не надѣлай смѣху по святой Руси.“

Говорить Владимірѣ стольно-кѣевскій:

„Ай же ты, любезная племянница!

Какъ же не отдать мнѣ за грозна посла,

За грозна посла собаки царя Калина?“

„А не быть же то грознѹ послу—быть женщиноу.

Знаю я примѣты всѣ по-женскому:

Какъ по улочкѣ идетъ—что уточка плыветъ,

А по горенкѣ ступаетъ почастѣнечко;

Какъ на лавочкѣ сидить—колѣнца вмѣстѣ жметъ,
 Съ поволокою глаза поваживаетъ.
 Рѣчь со прѣвизгомъ у ней по-женскому,
 Бѣдра крутеньки у ней по-женскому,
 Ручки бѣленьки у ней по-женскому,
 А и пальчики-то тоненьки по-женскому,
 Даже дужки отъ колѣць не вышли всѣ.
 Двое на двое намъ будетъ хоть съ тоски пропасть!“

Говорить Владиміръ стольно-кіевскій:

„Я пойду, посла да попровѣдую:
 Буде онъ не мѡлодецъ, а женщина,
 Не поидеть онъ по-мужскій боротися.“

Взялъ-повыбралъ князь семь молодцовъ-борцовъ,
 Пять братовъ Причтѣнковъ, двухъ Хапиловыхъ, ⁽³⁰⁾
 Выводилъ ихъ на широкій дворъ,
 Приходилъ къ Василю Микуличу,
 Говорилъ самъ таковыя слова:

„Молодой Василю ты Микуличъ сынъ!
 Не угодно ль со борцами да потѣшиться,
 На широкомъ на дворѣ да поборотися!“

Отвѣчаетъ младъ Васильюшка Микуличъ сынъ:

„А и некому же у меня боротися:
 Во чисѡтмъ полѣ борцы мои оставлены;
 Самому мнѣ развѣ поотвѣдати?
 Я вѣдь съизмала по улочкѣ побѣгиваль,
 Шуточки съ ребятками пошучиваль.“

И выходитъ ко борцамъ онъ на широкій дворъ;
 Среди двора они становятся,
 На борьбу на рукопашку сходятся.
 Молодой Васильюшка Микуличъ сынъ
 Какъ возьметъ во праву руку трехъ борцовъ,
 Какъ возьметъ во лѣву руку трехъ другихъ борцовъ,
 Столконѣтъ ихъ вмѣстѣ да раскинѣтъ врозь,
 А седьмаго то смахнетъ въ серѣдочку—
 На земь лежатъ всѣ семь борцовъ, не могутъ встать.

Плюнулъ князь Владиміръ, да и прочь пошелъ,

„Глупая Забава, неразумная!
 Дологъ волосъ у тебя, умъ кѡротокъ:
 Женщиною назвала богатыря:
 Экаго посла здѣсь и не видано!—

Позаспорилась Забава съ княземъ-дядюшкой:

„Ай же ты, мой государь-свѣтъ дядюшка!

А не быть же то грозну послу—быть женщинѣ:
Всѣ примѣты у него по женскому.“

Говорить Владиміръ стольно-кѣвскій:

„Я пойду, еще посла провѣдую:

Буде онъ не молодець, а женщина,
Не поидеть стрѣлять онъ изъ туга лука.“

Выводилъ онъ тутъ двѣнадцать молодцовъ-стрѣльцовъ,
Славныхъ все, могучихъ богатырей,
Приходилъ къ Василию Микуличу:

„Молодой Василій ты Микуличъ сынъ!

Не угодно ль со стрѣльцами да потѣшиться,
Изъ туга лука стрѣлять да за цѣлу версту!“

Отвѣчаетъ младъ Васильюшка Микуличъ сынъ:

„Во чистомъ полѣ стрѣльцы мои оставлены;

Самому мнѣ развѣ поотвѣдати?

Я вѣдъ съизмала по улочкѣ побѣгиваль,
Изъ туга лука съ ребятками пострѣливалъ.“

Выходили тутъ двѣнадцать молодцовъ-стрѣльцовъ,
Изъ туга лука стрѣляютъ по сырѣ дубу,
Попадаютъ за цѣлу версту во сырѣй дубъ;
Отъ ихъ стрѣлочекъ калѣныхъ,
Отъ стрѣльбы ихъ богатырскія
Только сырѣй дубъ шатается,
Будто отъ погоды сильныя.

Говорить посоль Васильюшка Микуличъ сынъ:

„Гой еси, Владиміръ стольно-кѣвскій!

Богатырскихъ вашихъ мнѣ луковъ не надобно.
Прикажи-ка мнѣ мой малый лукъ подать,
Волокитное лучѣнышко, завозное.“

Какъ тутъ кинулись удалы добры молодцы:

Подъ одинъ ли рогъ несутъ пять млодцевъ,
Подъ другой другіе пять несутъ,
Тридцать млодцевъ колчанъ калѣныхъ стрѣлъ ташать.

Говорить посоль Васильюшка Владиміру:

„Ужь потѣшу-ка тебя я, князя солнышка!“

Какъ беретъ во рученьку во лѣвую
Стрѣлочку калѣную булатную,
Вытягаетъ тугой лукъ да за уxo:

Спѣла шёлкова тетивка у туга лука,
 Взвыла да пошла стрѣла калёная—
 Всѣ тутъ сильныя, могучіе богатыри
 Бросилися будто угорѣлые,
 Князь Владиміръ окарачь напѣлзлся;
 Хлѣстнетъ стрѣлка по сыру дубу,
 Изломала дубъ во чѣренья ножѣвыя.

Говоритъ посолъ Василій таковы слова:

„Какъ ни жаль сыра дуба мнѣ, кряковѣстаго,
 Болѣ жаль мнѣ стрѣлочки калёныя:
 Не найти мнѣ стрѣлки во чистѣмъ полѣ.“

Плюнулъ князь Владиміръ, да и прочь пошелъ,
 Говоритъ себѣ да таковѣ слово:

„Развѣ самъ посла я попровѣдую.“

Приказалъ принесть дощечку шахматну,
 Понаставитъ золоты тавлѣички,
 Говорилъ послу да таковы слова:

„Молодой Василій ты Микуличъ сынъ!
 Не угодно ли со мной самимъ потѣшиться,
 Поиграть во шахматы заморскіе?“

Отвѣчаетъ младъ Васильюшка Микуличъ сынъ:

„Игроки мои въ чистѣмъ полѣ оставлены;
 Самому мнѣ развѣ поотвѣдати?
 Я вѣдъ сѣзмала тавлейками постѣпывалъ,
 Всѣхъ ребятокъ въ шашки-шахматы обыгрывалъ.“

„Ай же ты, лихой игрокъ Васильюшка!
 Ты поставь-ка на дощечку дани-выходы,
 Самъ я, князь, поставлю стольный Кіевъ градъ.“

Стали тутъ тавлейками застѣпывать,
 Стали по доскѣ ходить-гулять.

Въ первый разъ посолъ ступѣнь ступилъ—
 Ко Владиміру не дѣступилъ;
 Во другой ступилъ—призѣступилъ,
 Въ третій разъ ступилъ—игру повѣигралъ,
 Шахъ и матъ, да и тавлейки пѣдъ доску:

„Ай ты, князь Владиміръ стольно-Кіевскій!
 Проигралъ ты мнѣ свой стольный Кіевъ градъ.“
 Говоритъ ему Владиміръ князь:

„Ты изволь меня, посолъ, взять головой съ женой!“
 И прогѣворитъ посолъ да таковы слова:

„А не надобно же мнѣ тебя съ княгиною,
Да не надобно и вашего мнѣ Кіева:
Ты отдай-ка за меня замужъ племянницу
Молоду Забавушку Путятичну.“

На великихъ радостяхъ Владиміръ князь
Не пошелъ Забаву больше спрашивать,
Сталъ любимую племянницу просватывать
За грозна посла Василия Микулича:

„А и гоѣ же ты, Васильюшка Микуличъ сынъ!
Хоть сейчасъ честнымъ пиркомъ да и за свадебку.“

Зачали они справляти свадебку,
Заводили столованьице — почѣстенъ пиръ.
Пиръ идетъ у нихъ уже по третій день,
А сегодня имъ идти ко церкви Божіей.
Закручинился посолъ тутъ, запечалился.
Говоритъ ему Владиміръ стольно-кіевскій:

„Что же, молодой Васильюшка, не вѣсель ты?
Чтоже буйную головушку повѣсилъ ты?“

Отвѣчаетъ молодой Васильюшка:
Что-то мнѣ на разумъ не весело;
Либо померъ дома рѣднѣй батюшка,
Либо матушка велѣла долго жить.
Нѣтъ ли у тебя веселыхъ загусельщиковъ,
Поиграть въ гусѣлышки ярѣвчаты,
Спѣтъ про новы времена, про нынѣшни,
Да про стары времена, доселѣшни?“

Доставалъ Владиміръ загусельщиковъ —
Все играютъ да не весело,
Не могли развеселить посла.
Говоритъ посолъ Васильюшка Микуличъ сынъ:

„Ай ты, князь Владиміръ стольно-кіевскій!
Нѣтъ ли у тебя здѣсь затюрѣмщиковъ,
Что умѣли бы играть въ гусѣлышки?“

Выпускалъ Владиміръ затюрѣмщиковъ,
Стали тѣ играть въ гусѣлышки —
Всѣ играютъ да не весело.
Говоритъ опять посолъ Васильюшка:

„А и гдѣ же здѣсь живетъ, во Кіевѣ,
Молодой торговый гость черниговскій,
Что по имени Ставеръ да сынъ Годиновичъ?“

Про него идетъ молва великая,
 Что куда гораздъ играть въ гусѣлышки,
 Пѣть про новы времена, про нынѣшни,
 Да про стары времена, доселѣшни.“

Говоритъ себѣ Владимірѣ князь:

„Мнѣ какъ выпустить Ставрѣ, такъ не видать Ставра,
 А не выпустить Ставрѣ, такъ разгнѣвить посла,“

Да не смѣлъ Владимірѣ разгнѣвить посла,
 Посылаетъ за Ставрѣмъ Гоудиновымъ.

Выводили съ погребовъ Ставрѣ Гоудинова,

Приводили на почѣстенъ пирь.

Повскочилъ посолъ тутъ на рѣзвѣ ноги,

Посадилъ Ставрѣ да супротивъ себя,

Супротивъ себя въ скамью дубовую.

Сталь Ставрѣ гусѣлышки налаживать,

Сталь ко стрункѣ струночку натягивать:

Первую наладилъ съ града Кіева,

А другу наладилъ изъ Чернигова,

Третію наладилъ изъ Царя-града;

Сыгрыши повелъ великіе,

Величаетъ князя со княгинею,

А припѣвки припѣваетъ съ-за синя моря.

Всѣ князья да бояре сидятъ, дивуются,

Всѣ богатыри молчатъ, заслушались,

А послу вздремнулось, захотѣлось спать.

Говоритъ посолъ Ставрѣ да таковы слова:

„Здравствуешь ты, развесѣлый мѣлодецъ,

Молодой Ставрѣ да сынъ Гоудиновичъ!

Ты меня никакъ ни опозналъ?“

Говоритъ въ отвѣтъ Ставрѣ Гоудиновичъ:

„Не откуда жъ мнѣ и знать тебя.“

Говоритъ посолъ да таковы слова:

„Гой еси ты, князь Владимірѣ стольно-кіевскій!

Мнѣ твоихъ не надо даней-выходовъ,

Ты пожалуй-ка меня веселымъ мѣлодцемъ,

Молодымъ Ставрѣмъ Гоудиновымъ.“

Говоритъ себѣ Владимірѣ князь:

„Какъ отдать Ставрѣ, такъ не видать Ставра,
 Не отдать Ставрѣ, такъ разгнѣвить посла.“

Да не смѣлъ Владимірѣ разгнѣвить посла,

Отдавалъ Ставрѣ послу съ рукъ на руки.

Говорить посоль да таковы слова:

„Ай ты, молодой Ставеръ Годиновичъ!
Мы поѣдемъ-ка съ тобою во чисто поле,
Посмотрѣть дружинишку хордбрую.“

Сѣли на добрыхъ коней, поѣхали,
Пріѣзжали ко дружинишкѣ хордброей.
Шель посоль Василій во бѣлѣй шатерь,
Сокрутился Василисой въ платя женскія:

„Здравствуешь, Ставеръ Годиновичъ!
А теперь-то ты меня не знаешь ли?“

Отвѣчаетъ тутъ Ставеръ Годиновичъ:

„Здравствуешь, моя любимая семеюшка,
Молодая Василиса дочь Микулична!“

„А за что же ты, Ставеръ Годиновичъ,
Засажёнъ былъ княземъ въ погреба холодные?“

„Я тобой похвасталъ, молодой женой,
Что всѣхъ князей-бдяровъ продашь да выкушишь,
Самого Владиміра съ ума сведешь.“

А теперь скорѣй посядемъ на добрыхъ коней,
Въ свою сторону уѣдемъ, во Черниговъ градъ.“

Говорила Василиса дочь Микулична:

„А не честь же, не хвала намъ молодецкая
Воровски уѣхати изъ Кіева;
Мы поѣдемъ свадебку доигрывать.“

Князья-бдяре-то проданы, выкуплены,
Солнышко Владиміръ князь съ ума сведёнъ.“

Воротилися во стольный Кіевъ градъ,
Къ ласковому князю ко Владиміру.

Говорила Василиса дочь Микулична:

„Ай ты, солнышко Владиміръ князь!
Я, грозёнъ посоль, Ставрѣва молодѣ жена,
Василиса дочь Микулична,
Воротилась свадебку доигрывать.“

Да отдашь ли за меня еще племянницу?“

Говорить Забава дочь Путятична:

„Ай же ты, мой дядюшка Владиміръ князь!
Чуть вѣдь смѣху не надѣлалъ ты по всей Руси,
Чуть не отдалъ дѣвицы за женщину!“

Солнышко Владиміръ стольно-кіевскій

Со стыда повѣсилъ буйну голову,
 Ясны очи утопилъ въ кирпичать поль,
 Самъ прогдворилъ да таковы слова:
 „Благодарствуешь, Ставѣрь да сынъ Гоудиновичъ,
 Зналъ похвастать молодой женой!
 Всѣхъ сѣумѣла здѣсь она продать да выкупить,
 А меня, Владиміра, съ ума свести.
 За твою за похвальбу великую
 Ты торгуй-ка вѣкъ во Кіевѣ,
 Вѣкъ торгуй и по вѣку безошлинно.“

Какъ тутъ стали отѣзжать изъ Кіева
 Въ свою сторону да во Черниговъ градъ
 Молодой Ставѣрь Гоудиновичъ
 Съ молодою Василисою Микуличной,
 Выходили провожать ихъ князь съ княгинею.

Тутъ ли про Ставрѣ и старину поють,
 Морю синему на тишину,
 Всѣмъ вамъ, добрымъ людемъ, на послушанье.

БЫЛИНА ВОСЬМАЯ.

Соловей Будиміровичъ.

Высота-ли—высота поднебесная!
Глубота—глубота океанъ-море!
Широкò раздолье—по всей землѣ!
Глубокій—темны омуты Днѣпровскіе!

* * *

Изъ-подъ дуба было, дуба сыраго,
Изъ-подъ вяза, вяза съ-подъ червлёнаго,
Изъ-подъ кустышка да съ-подъ ракитова,
Съ-подъ березыньки да съ-подъ кудрявья,
Изъ-подъ камешка да изъ-подъ бѣлаго
Выходила, выбѣгала мать Днѣпра-рѣка,
Пала устьемъ въ море, море Черное.
Изъ-за моря, моря Чернаго
Съ-за того лукоморья зелёнаго,
Ото славна города отъ Вѣденца,
По той матушкѣ да по Днѣпрѣ-рѣкѣ
Какъ не чѣрны тученьки затучили,
Какъ ни сѣни облачки задѣргали —
Выбѣгали-выгребали тридцать кораблей,
Тридцать кораблей да все червлёныхъ:
А одинъ корабликъ наперѣдъ бѣжить,
Наперѣдъ бѣжить да какъ соколъ летить.
Хорошо корабли изукрашены,
Хорошо корабли изваряжены,

А соколъ-корабликъ лучше всѣхъ:
 Высокдшенько головушка приподнята,
 Носъ-корма сведены по туриному,
 Широкий бока по-звѣриному—
 Хорошо нашъ корабликъ изукрашенъ всѣмъ!
 Вмѣсто очей было вставлено
 По драгѣму камню по яхонту,
 Вмѣсто бровей было вращено
 По заморскому черному соболу,
 Вмѣсто усовъ было воткнуто
 Два булатные острые ножичка,
 Вмѣсто ушей было вдѣргано
 Два горностающка зимніе—
 Хорошо нашъ корабликъ изукрашенъ всѣмъ!
 Вмѣсто гривы было прибавано
 Двѣ лисицы бурнастыя заморскія,
 Вмѣсто хвоста повѣшано
 Два мѣдвѣдя бѣлые заморскіе—
 Хорошо нашъ корабликъ изукрашенъ всѣмъ!
 Тонки парусы были дорогой камки,
 Дорогой камѣчки хрущатыя,
 Толсты снасти-канаты семи шелковъ,
 Остры якори были булатные,
 А колечки у якорей серебряныя,
 Еще лапочки были золоченыя—
 Хорошо нашъ корабликъ изукрашенъ всѣмъ!
 Среди того сдокола-кораблика
 Чердачѣкъ стоитъ зеленъ муравленый,
 Потолокъ подѣрнуть рытымъ бархатомъ,
 Стѣны крыты-обиты чернымъ соболемъ,
 Изнавѣшаны лисицами-куницами,
 Дорогими соболями заморскими.
 Въ чердакѣ—бесѣдочки сидѣльныя,
 На бесѣдочкахъ сидитъ купавъ молодець
 Молодой Соловей сынъ Будиміровичъ, ⁽⁸¹⁾
 Со своей государыней со матушкой,
 Съ молодой Ульяной Васильевной,
 А вокругъ сидитъ его дружинишка,
 До трехъ сотъ молодцовъ переборныхъ;
 У всѣхъ платье одѣто скурлатъ—сукна,

Кушаками подпоясаны шёлковыми,
 На головкахъ шляпочки пуховыя,
 А на ножкахъ сапожки-зелёнъ сафьянъ,
 На сапожкахъ пряжечки серебряныя,
 А подбиты гвоздочками золочеными.
 Молодой Соловей сынъ Будиміровичъ
 Во гусёлышки играетъ во яровчатя,
 Струнку ко стрункѣ натягиваетъ,
 Паигрышь по голосу налаживаетъ,
 По звончатымъ струночкамъ похаживаетъ,
 Игры-сыгрыши ведетъ отъ Царя-града,
 А другіе ведетъ отъ Ерусалима,
 И всё малые припѣвки съ-за синя моря,
 Съ-за синя моря Веденецкаго,
 Съ-за того лукоморья зелёнаго;
 Звеселяетъ родитель-матушку,
 Молодую Ульяну Васильевну,
 Спотѣшаетъ дружину хоробрюю.

Какъ встаетъ тутъ Соловей со бесѣдушки,
 По кораблику по сѣколу похаживаетъ,
 Желтыми кудѣрками потряхиваетъ,
 Говоритъ самъ таковыя слова:
 „Гой еси вы, гости-корабельщики,
 И вы всё, цѣловальники любимые!
 Вы послушайте-ка братца бѣльшаго,
 Дѣлайте-ка дѣло повелѣное:
 Подымайте всё парусы хрущатые,
 Побѣгайте ко славному ко Кіеву,
 Къ ласковому князю ко Владиміру“.

Они слушали братца бѣльшаго,
 Дѣлали дѣло повелѣное:
 Подымали всё парусы хрущатые,
 Побѣгали ко славному ко Кіеву,
 Къ ласковому князю ко Владиміру.

Говоритъ Соловей сынъ Будиміровичъ:
 „Гой вы, братцы, гости-карабельщики,
 И вы всё, цѣловальники любимые!
 Вы берите-ка щупалы желѣзныя,
 Щупалы желѣзныя, долгомѣрныя,
 Щупайте-ка во славномъ во синѣмъ морѣ,

Мѣряйте лудья подводныя,
 Чтобы намъ, молодцамъ, проѣхати“.

Они дѣлали дѣло повелѣное:

Брали щупалы желѣзныя, долгомѣрныя,
 Щупали во славномъ во синѣмъ морѣ,
 Лудья подводныя проѣхали.

Говорить молодой Соловеюшко:

„Гой вы, братцы, гости-корабельщики,
 И вы всѣ, цѣловальники любимые!
 Возставайте-ка на реи на верхнія,
 Поглядите-ка на славный на Кіевъ градъ,
 Далекѡ ли стоитъ славный Кіевъ градъ?
 Поглядите пристань корабельную,
 Чтобы намъ, молодцамъ, попасть туда“.

Они дѣлали дѣло повелѣное:

Возставали на реи на верхнія,
 Говорятъ самі таковы слова:

„Ай ты, младъ Соловей сынъ Будиміровичъ!
 Не далѣко стоитъ славный Кіевъ градъ,
 И видать ужъ пристань корабельную.“

Скоро ѣхали-проѣхали подъ Кіевъ градъ,
 Забѣгали во пристань корабельную,
 Остры якори метали во Днѣпру-рѣку.

Говорить опять Соловеюшко:

„Гой вы, братцы, гости-корабельщики,
 И вы всѣ, цѣловальники любимые!
 Вы мечите-ка три сходеньки на крутъ береждкъ:
 Перву сходеньку мечите золоченую,
 Другу сходеньку мечите серебряную,
 Третью сходеньку мечите поволжаную;
 Да берите-ка подарочковъ умильныхъ:
 Дорогихъ соболей, куницъ да лисицъ,
 А и матушки камдчки заморскія:
 Что заморскія камдчки узорчатыя.“

Они дѣлали дѣло повелѣное:

Пометали три сходеньки на крутъ береждкъ,
 Брали тѣ подарочки умильные,
 Самъ беретъ онъ гусѣлышки яровчаты
 Да идетъ по сходеньки золоченой,
 Его матушка идетъ по серебряной,

Шомаги три сходеньки на кругъ бережокъ,
Брали тѣ подарочки умильные,

Самъ беретъ онъ гусельшки яровчаты....
И пошетъ на славный княженецкій дворъ.

А хорóбрая дружина по повѣлжаной.
 И пошелъ онъ на славый княженецкѣй дворъ;
 Входитъ прямо во грѣдню свѣтлую,
 Крестъ кладеть да по писаному,
 И поклоны ведеть по учёному,
 На всѣ три на четыре стороны,
 Князю солнышку Владиміру въ особину,
 Подаётъ ему подарочки умильные:
 Дорогихъ соболей, куницъ да лисицъ,
 А ту матушку камѣчку узорчатую
 Молодой княгинюшкѣ Апраксіи,
 Говоритъ самъ таковыя слова:

„Принимайте худыя подарочки,
 А на златѣ-серебрѣ не погнѣваться.“⁽³²⁾

Князю солнышку дары полюбилися,
 А княгинюшкѣ наипаче того,
 Развернула камѣчку—дивуется,
 На плечахъ головушка качается:
 Что камѣчка-то двуличнева,
 Въ красномъ золотѣ не сдгнется,
 Въ чистомъ сѣребрѣ не сломится,
 Жемчугѣмъ кругѣмъ изнасажена;
 Да не дорого столько злато-сѣребро,
 Сколько дѣроги узоры заморскіе:
 Всѣ-то хитрости на нихъ Царя-града,
 Всѣ-то мудрости Ерусѣлима,
 А все замыслы Соловья Будимірова.⁽³³⁾

Воспрогѣворитъ княгиня Апраксія:

„Ай ты, солнышко князь стольно-кѣвскій!
 Ты умѣй-ка честить добра мѣлодца,
 Ты умѣй-ка его и пожаловати.“

Воспрогѣворитъ князь стольно-кѣвскій:

„Гой ты, душечка, удалый добрый мѣлодецъ!
 Ты не царь ли какой, не царевичъ ли,
 Не король ли какой, королевичъ ли?
 За твои за подарочки умильные
 Какъ тебя честить, чѣмъ жаловати?
 Города ль тебѣ надо съ пригорѣдками,
 Али сѣла тебѣ надо со присѣлками,
 Али надо безсчетной золотой казны?“

Отвѣчаетъ Соловей Будиміровичъ:

„Гой еси ты, князь стольно-кіевскій!

Какъ не царь я, не царевичъ я,

Не король, не королевичъ я,

Какъ торговый я гость съ-за синя моря,

Ото славнаго города отъ Вѣденца,

Молодой Соловей сынъ Будиміровичъ.

И не надо городовъ мнѣ съ пригородками,

И не надо мнѣ сѣль со присѣлками,

И не надо безсчетной золотой казны—

У меня и своей ести дѣ-люби.“

„Гой еси ты, Соловей сынъ Будиміровичъ!

Такъ зачѣмъ же ты побывалъ сюда?

Не торгѣмъ ли торговать на съѣздъ ко мнѣ,

Аль пріѣхалъ такъ, на житьѣ пожить?“

Отвѣтъ держитъ младъ Соловеюшко:

„Не торгѣмъ торговать на съѣздъ къ тебѣ,

Я пріѣхалъ такъ, на житьѣ пожить.

За твоей за лаской княженецкою

Бласлови мнѣ, князь, слово вымолвить:

Ты позволь мнѣ мѣстечка малѣшечко,

Гдѣ построить, поставить бы три тѣрема.“

Говоритъ ему князь стольно-кіевскій:

„А ты стройся-ка на горкѣ конной,

Гдѣ жонки да бабы пироги пекутъ,

Гдѣ малые ребятки калачи продаютъ,

Калачи продаютъ, барышничаютъ.“⁽³⁴⁾

„Какъ ужъ горка-то конная мнѣ не любя,

Гдѣ жонки да бабы пироги пекутъ,

Гдѣ малые ребятки калачи продаютъ,

Калачи продаютъ, барышничаютъ.

Ужь ты дай-ка мѣстечко мнѣ подлѣ себя,

У своей, государь, племянницы,

Молодой Забавы Путятичны,

Во ея, государь, зеленѣмъ саду,

Въ вишеньѣ да въ орѣшеньѣ.“

И возгдворитъ Владимиръ таково слово:

„За твои за подарки великіе,

За твои за рѣчи учливыя,

Ты бери себѣ мѣсто, гдѣ прилюбится,

Въ зеленѣмъ хоть саду во Забавинѣмъ,
Въ вишеньѣ да во орѣшеньѣ.“

„Благодарствуешь, князь стольно-кїевскїй,
На твоей почесткѣ княженецкою!“

Скоро тутъ Соловей поворотъ держалъ,
Приходилъ ко дружинушкѣ хордброей,
Воспрогворилъ да таковыя слова:

„Гой вы, братцы, дружинушка хордбрая!
Вы послушайте-ка братца бѣльшаго,
Дѣлайте-ка дѣло повелѣное:

Скидывайте кафтаны скурлатъ-сукна,

Надѣвайте кожѣнцы рабочіе,

Разувайте сапожки-зелѣнь-сафьянъ,

Обувайте лапотцы липовые,

Берите топорики булатные,

Подите во Забавинъ во зелѣный садъ,

Поставьте мнѣ въ вишеньѣ, въ орѣшеньѣ

Къ утру-свѣту три терема златоверхїихъ,

Что верхї бы со верхѣми совивѣлися,

Совивѣлися да соплетѣлися,

Молодая Забава Путятична

На верхї бы на тѣ оглядѣлася,

Намъ самимъ бы съ утра туда жить пойти.“

Они слушали братца бѣльшаго,

Дѣлали дѣло повелѣное:

Скидывали кафтанцы скурлатъ-сукна,

Надѣвали кожѣнцы рабочіе,

Разували сапожки-зелѣнь-сафьянъ,

Обували лапотцы липовые,

Брали топорики булатные,

Скоро шли во Забавинъ зелѣный садъ;

Со позднѣ вечера до полѣночи

Будто дятлы въ дерево ношелкивали,

А къ полѣночи поспѣли три терема,

Что верхї-то со верхѣми совиваются,

Совиваются да соплетаются,

Въ теремѣхъ трое сѣничекъ снарядныхъ:

Первы сѣнички—рѣшѣгчатыя,

Други сѣнички—стекольчатыя,

Третьи сѣнички—красна золота;

А вокругъ поставленъ булатный тынь,
 По серёдочкѣ—гостиный дворъ;
 Къ утру-свѣту туда и жить пошли.

Зазвонили рано къ заутренѣ,
 Ото сна Забава пробуждалася,
 Поглядѣла во окошечко косячатое,
 Во хорошій свой, во зелёный садъ,
 Въ вишенье да въ орѣшенье—
 Счудовалася Забава, сдивовалася:
 Во хорошемъ ея, во зеленѣмъ саду
 Что стоятъ три терема златоверхіе,
 Во-четвёртыхъ стоитъ гостиный дворъ.
 Говорила Забава дочь Путятична:

„Что за чудо теперь мнѣ счудилося?
 За ночь пиво-вино воспрокурилось?

Ай вы, нянюшки мои да мамушки,
 Ай вы, красныя сѣнныя дѣвушки!

Вы подите-ка, поглядите-ка:

Какъ вечѣръ-то стоялъ мой зелёный садъ,
 Какъ стоялъ онъ вечѣръ пустымъ-пусто:

А теперечко стоитъ густымъ-густо:

Три построено въ немъ терема златоверхіихъ,
 Во-четвёртыхъ построень гостиный дворъ.“

Отвѣчаютъ ей нянюшки, мамушки,
 Ея красныя сѣнныя дѣвушки:

„Ай ты, матушка Забавушка Путятична!

Ты изволь-ка сама сходить, посмотриѣть:

Твое счастье къ тебѣ вѣдь на дворъ пришло.“

Скоро тутъ Забава наряжается:

Обувала башмачкѣ на босѹ ногу,
 Надѣвала накидничекъ на одно плечо,
 Подвязалася платочкомъ шёлковымъ,
 Брала за руку любезную подручницу,
 По крылечку спускалась полегдшенько
 По дорожкѣ бѣжала поскорѣшенько,
 Во хорошій свой, во зелёный садъ,
 Въ вишенье да въ орѣшенье.

Какъ у перваго терема послушала,

У тѣхъ сѣничекъ у рѣшѣтчатыхъ—

Въ тоемъ теремѣ ли стучить-бренчить,

Стучить-бренчить, шелчить-молчить: ⁽³⁵⁾
Тутъ лежитъ Соловьѣва золотѧ казна,
Золотѧ казна безсчетная.
У другаго терема послушала,
У тѣхъ сѣничекъ у стекольчатыхъ—
Въ этомъ теремѣ шопоткомъ говорятъ:
Тутъ старушечка Богу молится,
За любимое чадо умаливаетъ,
За младаго Соловья Будимірова.
Какъ у третьяго терема послушала,
У тѣхъ сѣничекъ у золоченыхъ—
Въ этомъ теремѣ во гудкѣ гудятъ,
Во гусѣлки играютъ-наигрываютъ,
Пляшутъ, скачутъ, поютъ, прикокуиваютъ:
Соловьѣва тутъ дружинушка хоробрая,
А и самъ Соловей сынъ Будиміровицъ.
Говорить Забава дочь Путятична:
„Ай же ты, любезная подручница!
А зайдѣмъ-ка мы во терѣмъ съ тобой.“
Заходили онѣ въ сѣни золоченныя,
Отворяли во терѣмъ двери на-пятау—
А и больно тутъ Забава испужалася,
Чудо въ теремѣ ей показалось:
Солнце на небѣ—солнце и въ теремѣ,
Мѣсяцъ на небѣ—мѣсяцъ и въ теремѣ,
Звѣзды на небѣ—звѣзды и въ теремѣ,
Здри на небѣ—здри и въ теремѣ,
А и вся красота поднебесная.
Въ одномъ ли углу говорятъ-гуторятъ,
Во другомъ ли поютъ, во гудки гудятъ,
Во гусѣлки играютъ во звончатыя,
На серѣдкѣ идутъ смѣхи, скокъ да плясъ,
А и всякія утѣхи несказанныя.
Испужалася Забава, перепалася,
Подломились ея ноженьки рѣзвыя.
Молодой Соловейко догадливъ былъ,
Побросалъ гусѣлки звончатыя,
Подхватилъ красну дѣвицу за бѣлы ручки,
Становилъ ее на рѣзвы ножки,
Поклонился, дѣвицу поздравствовалъ:

„А и здравствуешь, Забавушка Путятична,
Молодая княженецкая племянница!“
Поклонилася Забава понизёшенько:
Говорила сама да поскорёшенько:

„Ай ты, душечка, заѣзжій добрый мѡлодецъ!
Ты ли, мѡлодецъ, холостъ, нежёнень есть,
Да и я, красна дѣвица, на вѣданьѣ.“⁽³⁶⁾

Говорить Соловей сынъ Будиміровичъ:

„Всѣмъ ты, дѣвица, мнѣ въ любовь пришла,
Тѣмъ лишь, дѣвица, мнѣ не прилюбилася,
Что сама себя, дѣвица, просватала.“

Какъ тутъ дѣвица прослезилася,
Со дѣвичьяго стыда со великаго
Поскорёшенько поворѡтъ держить,
Поворотъ держить, домой бѣжить.

А самъ душечка Соловей сынъ Будиміровичъ
Во сердцѣхъ-то на то не осердился,
Какъ идетъ онъ поскорёшенько,
Поскорёшенько идетъ, скорымъ-скоро
Къ князю солнышку большимъ сватомъ,
Князю солнышку низко кланяется,
Говорить самъ таковы слова:

„Гой еси ты, князь стольно-кіевскій,
Какъ зашелъ я къ тебѣ докладъ держать;
Бласлови мнѣ, князь, слово вымолвить.“

Говорить ему князь стольно-кіевскій:

„Гой еси ты, младъ Соловеюшко!
А какой ты зашелъ мнѣ докладъ держать?“

„Я такой-то зашелъ докладъ держать—
Что о добромъ дѣлѣ, о свѣтовствѣ.
Есть любимая у тебя племянница,
А нельзя ль за меня се замужъ отдать?“

Какъ тутъ правила они рукобѣтыце,
Какъ просваталъ князь стольно-кіевскій
Ту любимую свою племянницу
За младѣ Соловья да Будимірова,
Какъ пошелъ у нихъ почёстенъ пиръ,
А честнымъ пиркомъ и за свадебку.
Приходилъ тутъ душечка добрый мѡлодецъ
Соловеюшко сынъ Будиміровичъ,

Бралъ ее, красну дѣвицу, за бѣлы ручки,
И пошли они съ дѣвицей въ церковь Божию,
Золотыми перстнями обручались,
Золотыми вѣнцами повѣнчались.

Какъ завѣяла-пошла тутъ повѣтеръ
По той славной по Днѣпрѣ-рѣкѣ,
Молодой Соловей сынъ Будиміровичъ
Скоро съ княземъ солнышкомъ прощается,
На соколѣ-корабликѣ свой собирается
Съ молодой Забавушкой Путятичной,
Со своей со рѣдной матушкой,
Со своей дружинишкой хороброей,
Самъ по сѣколу-кораблику нохаживаетъ,
Желтыми кудѣрками потряхиваетъ,
Говоритъ да такыя слова:

„Гой еси вы, гости-корабельщики,
И вы все цѣловальники любимые!
Вы послушайте-ка братца большаго,
Дѣлайте-ка дѣло повелѣное:
Вы снимайте сходеньки со бережка,
Подымайте якоря булатные,
Распускайте парусы хрущатые,
Повзжайте за славно синѣ море
Ко тому лукоморью зелѣному,
Да во славную землю Веденецкую.“

Они сдѣлали дѣло повелѣное:
Брали сходеньки со бережка,
Поднимали якоря булатные,
Распускали парусы хрущатые;
Выбѣгаютъ-выгребаютъ тридцать кораблей,
Впереди всехъ бѣжить соколѣ-корабль
По той матушкѣ по Днѣпрѣ-рѣкѣ
Да ко славному ко синю морю.

* * *

Глубокі—темны омуты Днѣпровскіе!
Широко раздолье—по всей землѣ!
Глубота—глубота океанъ-море!
Высота—высота поднебесная!...

БЫЛИНА ДЕВЯТАЯ.

Исцѣленіе Ильи Муромца.

Ой вы, люди мои, люди добрые,
Люди добрые, сосѣди ближніе!
Вы прійдите-ка посидѣть ко мнѣ,
Вы скажите-ка мнѣ про старое,
Про старое да про бывалое,
Про того Илью про Муромца.

* *
*

Въ старину было въ стародавнюю,
Когда князь Владиміръ вѣнецъ держалъ,
Во томъ славномъ городѣ во Муромѣ,
Во большомъ селѣ Карачаровѣ, ⁽²⁷⁾
Жилъ крестьянинъ Иванъ Тимоѣевичъ;
У того крестьянина изо всѣхъ дѣтей
Было дѣтище одно любимое,
Илья Муромецъ да сынъ Ивановичъ.
Какъ сидѣлъ онъ сиднемъ ровно тридцать лѣтъ,
Тридцать лѣтъ не имѣлъ ни рукъ, ни ногъ,
На печи ли яму подъ собой протѣрь.
День и ночь онъ Богу молится,
Восполдшится только, опомнится,
Какъ заслышитъ вѣсти отъ странниковъ
Про того Соловья разбойника,
Чтѣ дордгу залегъ на Кіевъ градъ;
Станетъ спрашивать о немъ, вывѣдывать.

„Что тебѣ до разбойника, дитяtko?“
 Говорить государь его батюшка.
 Ничего онъ на то не отвѣтствуетъ,
 Самому же все и во снѣ и въявь
 Соловей разбойникъ представляется—
 И молиться окаянный не даетъ ему!

Приходило время лѣтнее,
 Время страдное, дни сѣнокосные,
 Уходилъ государь его батюшка
 Со родителемъ его со матушкой, ⁽³⁸⁾
 Да со всѣмъ семействомъ любимымъ,
 На работушку на ту крестьянскую,
 Очищать отъ дубья-колоды пожнию,—
 Оставался дома одинъ Илья.

Идутъ мимо тутъ старцы незнакомые,
 Нища братія, калики перехожіе, ⁽³⁹⁾
 Становились подъ окошечко косящато,
 Говорили Ильѣ такавы слова:

„Ай же ты, Илья Муромецъ, крестьянскій сынъ!
 Возставай-ка на рѣзвыя ноги,
 Отворяй-ка ворота широкія,
 Впускай-ка каликъ во храмину;
 Подавай-ка каликамъ напитися.“

Отвѣтъ держитъ каликамъ Илья Муромецъ:

„Ай же вы, калики перехожіе!
 Радъ бы васъ впустить во храмину,
 Радъ бы вамъ подать напитися,
 Да вотъ сиднемъ сажу ужъ тридцать лѣтъ,
 Тридцать лѣтъ не имѣю ни рукъ, ни ногъ.“

Говорятъ калики перехожіе:

„Ай же ты, Илья, вставай-ка самъ!

Илья Муромецъ сидитъ, силу пробуетъ:
 Тронетъ правую ногу—поднимается,
 Тронетъ лѣвую—и та поднимается.
 Возставалъ Илья на рѣзвыя ноги,
 Отворялъ ворота широкія
 Впускалъ каликъ во храмину;
 Взялъ тогда братину въ полтора ведра,
 Опускался въ подвалы глубокіе,
 Наливалъ братину пивомъ крѣпкимъ,

Подносиль каликамъ перехожіимъ.
 Отпивали калики перехожіе,
 Подавали назадъ Ильѣ Муромцу:
 „А испей-ка, Илья, ты послѣ насъ.“
 Принималъ отъ каликъ Илья Муромецъ,
 Испивалъ братіну за единый духъ—
 Только пиво-то и видѣли.
 У Илюши сердце разгорѣлося,
 Тѣло бѣлое да распотѣлося.
 И возгдворять калики перехожіе:
 „Что теперь ты чуешь въ себѣ, Илья?“
 Бьетъ челомъ Илья, каликъ поздравствовалъ:
 „Чую здравіе въ себѣ великое.“
 Говорять калики перехожіе:
 „А подай-ка ты намъ еще испить.“
 Взялъ Илья братіну больше прежняго,
 Опускался въ подвалы ниже прежняго,
 Наливалъ братіну пивомъ крѣпче прежняго,
 Подносиль каликамъ перехожіимъ.
 Отпивали калики перехожіе,
 Подавали назадъ Ильѣ Муромцу:
 „А испей-ка еще ты послѣ насъ.“
 Испивалъ онъ братіну за единый духъ—
 Только пиво-то и видѣли.
 И возгдворять калики перехожіе:
 „Что теперь ты чуешь въ себѣ, Илья?“
 „Слышу силушку въ себѣ великую:
 Кабы столбъ былъ отъ земли до небушка,
 Во столбу утверждено золотѣ кольцо—
 За кольцо бы взялъ, перевернулъ землю.“
 Говорять калики промежь себя:
 „Много силушки дано Ильѣ!
 Не снесетъ его мать-сыра земля.
 Надо будетъ поубавить ему силушки.“
 Говорять калики Ильѣ Муромцу:
 „А подай-ка ты намъ еще испить.“
 Взялъ Илья братіну больше прежняго,
 Опускался въ подвалы ниже прежняго,
 Наливалъ братіну пивомъ крѣпче прежняго,
 Подносиль каликамъ перехожіимъ.

Отпивали калики перехожіе,
 Подавали назадъ Ильѣ Муромцу:

„А испей-ка еще ты послѣ насъ.“

Испиваль онъ братину за единый духъ—

Только пиво-то и видѣли.

И възгворають калики перехожіе:

„Много-ль чуешь еще въ себѣ силушки?“

„Да убавилось будто на половинушку.“

„А и будетъ съ тебя этой силушки.

Будешь ты, Илья, великъ богатырь,

На бою тебѣ смерть не написана;

Ты стой-ка за вѣру христіанскую,

Бейся-рѣтися съ силой невѣрною,

Со богатырями сильными, могучими

Да со всею поленицею удаюю;

Не ходи только драться-рѣтися

Со могучимъ Святогоромъ-богатыремъ:

Черезъ силу носить его земля;

Не бейся и съ родомъ Микулинымъ:

Его любить матушка-сырѣ земля;

Не ходи еще на Вольгу Всеславыча:

Онъ не силой возьметъ, такъ хитростью-мудростью.

А теперь доставай-ка себѣ коня,

Коня добраго, коня богатырскаго:

Выходи во раздолье чисто поле:

Какъ услышишь заржучись жеребчика,—

Что запроситъ крестьянинъ за жеребчика,

Хоть запроситъ цѣлыхъ пятьсотъ рублей,—

Ты давай за него пятьсотъ рублей,

Станови его въ срубъ на три мѣсяца,

Бѣлоярой пшеной его откармливай,

Ключевой водой его отпаивай,

А пройдетъ тому времени три мѣсяца—

Ты по три ночи въ саду его поваживай,

Въ трехъ росѣхъ его во утреннихъ выкатывай, ⁽⁴⁰⁾

Подводи ко тыну ко высокому:

Станетъ конь тутъ поигрывать, поплясывать,

Головою повертывать, потряхивать,

Въ лошадиныя ноздри пофыркивать,

Черезъ тынъ взадъ-впередъ перескакивать—

Ты сѣдлай тогда добра коня,
 Полагай на него доспѣхи крѣпкіе,
 Поѣзжай на немъ во чисто поле,
 Повезеть онъ тебя по святой Руси,
 И богатыремъ сильнымъ, святорусскимъ
 Ты по всей святой Руси прославишься.“

Тутъ калики ушли, потерялися.

И пошелъ Илья ко родителямъ,
 За три поприща отъ дому на займище,
 На работушку на ту крестьянскую,
 Отъ дубья-колодыя очистить палъ.
 Отъ работы отъ той поумаявшись,
 Его рѣдныя отдыхаютъ-спять.
 Взялъ Илья топоръ во бѣлы ручки,
 Началъ чистить пѣжню-займище:
 Все добье-колодыя повырубилъ,
 Во глубокую рѣку повыгрузилъ,
 Развалилъ все займище великое
 И топоръ по корень въ пень воткнулъ—
 Не начистили семействомъ всѣмъ въ три дня,
 Сколько онъ начистилъ въ три часа.
 Какъ возстали со сна родители,
 Удивлялись они, испужались:

„Что за чудо такое подѣялось?

Кто сработалъ за насъ роботушку?“

Подходилъ къ нимъ Илья Муромецъ,
 Рассказалъ про каликъ переходжихъ,
 Какъ поилъ онъ ихъ пивомъ крѣпкимъ,
 Какъ давали и они ему испить,
 Какъ почуялъ онъ здравіе великое,
 Получилъ великую силушку.

И пошелъ Илья во чисто поле,
 Услыхалъ заржучисъ жеребчика.
 Какъ ведетъ мужикъ жеребчика,
 Жеребчика косматаго, шелудиваго. ⁽⁴¹⁾
 Не рядился Илья, купилъ жеребчика,
 Становилъ его въ срубъ на три мѣсяца,
 Бѣлояровой пшеной его откармливалъ,
 Ключевой водой его отпаивалъ;
 А прошло времени тому три мѣсяца—

Сталь по трѣ ночи въ саду его поваживать,
Въ трехъ росахъ его во утреннихъ выкатывать,
Подводилъ ко тыну ко высокому;
Сталь жеребчикъ поигрывать, поплясывать,
Головою повертывать, потряхивать,
Въ лошадиныя поздри пофыркивать,
Черезъ тынъ взадъ-впередъ перескакивать.

Осѣдлалъ, зауздалъ его Илья,
Иолагалъ на него доспѣхи крѣпкіе,
Говорилъ самъ таковыя слова:

„Ай ты, славный мой, богатырскій конь!
Послужи-ка мнѣ вѣрою-правдою!“

Обкольчужился Илья, облатился,
Сталь пытаться мечи булатныя;

Какъ сожметъ въ кулакѣ рукоять меча—
Сокрушится рукоять, рассыплется;

Кинулъ бабамъ мечи онъ лучину драть,
Самъ беретъ три пдлосы булатныя,

Въ каждой пдлосѣ-то по трѣ пуда,
Три стрѣлы изъ полосѣ себѣ выковалъ,

Закалилъ во утробѣ мать-сырѣй земли,
Положилъ ихъ во глубокъ колчанъ,

Положилъ во налучникъ свой тѣгой лукъ,
Бралъ съ собой конье долгомѣрное,

Бралъ еще и палицу булатную.

Какъ не сѣрой дубъ къ землѣ клонится,
Не листочки по землѣ разстилаются—

Разстilaется сынъ передъ батюшкой,
Себѣ просить благословеньца

Да на вѣки нерушимое:
„Гой еси ты, родимый, милый батюшка!

Ужь ты дай-ка мнѣ благословеньце:
Я поѣду во славный стольный Кіевъ градъ,

Заложиться за князя за Владиміра,
Послужить ему вѣрою-правдою,

Постоять за вѣру христіанскую.“
Говорить старый Иванъ Тимоѣевичъ:

„Гой ты, свѣтъ мой, чадо порожденное!
Я на добрыя дѣла благословлю тебя,
На худыя дѣла благословенья нѣтъ.

Какъ поѣдешь ты путемъ-дорогою,
 Не помысли зломъ на татарина,
 Не убей въ чистомъ полѣ христiянина.“

Поклонился Илья отцу до земли,
 Заходилъ еще за Оку-рѣку
 Ко тому Миколѣ Заручѣвскому,
 Отслужилъ обѣдню запрестольную,
 Становилъ свѣчу въ двадцать-пять рублей,
 Посулилъ впередъ пятьдесятъ рублей,
 Самъ давалъ завѣты великіе:

„Въ Кіевъ градъ проѣхать въ полтора часа,
 Межь обѣдней ранней и утреней,
 Поспѣвать ко столу княженецкому,
 Ко обѣду тому воскресенскому,
 Путь держать дорожкой прямоѣзжею,
 Не натягивать туга лука,
 Не накладывать календѣ стрѣлы,
 Не кровавить копья долгомѣрнаго,
 Не кровавить и палицы булатныя,

На прощанье еще въ ладонку
 Взялъ земельки родной малу горсточку,
 На прощанье пустилъ по Окѣ-рѣкѣ
 Оржаного хлѣбушка корочку,
 Самъ Окѣ-рѣкѣ приговаривалъ:

„А спасибо жъ тебѣ, матушка Ока-рѣка.
 Что поила, кормила Илью Муромца.“

Еще видѣли—сѣлъ на коня Илья,
 А не видѣли—куда поѣзду далъ.

БЫЛИНА ДЕСЯТАЯ.

Илья Муромецъ, Черниговцы и Соловей разбойникъ.

Охъ вы, рощи, рощи зеленія! липушки цвѣтныя!
Вы, кусточки молодые! вы, орѣшники густые!
Разрослись вы, расплодились по крутымъ берегамъ,
По крутымъ берегамъ, все по быстрымъ рѣкамъ,
Коло Волги, 'коло Камы, 'коло Дона-рѣки!
Обтекають эти рѣки славны русски города,
Протекаетъ рѣка Волга 'коло Муромскихъ лѣсовъ,
Какъ плывуть-то, всплываютъ красны лодочки на ней:
Красны лодочки краснѣють, чѣрны шляпоньки чернѣють.
Чѣрны шляпоньки чернѣють на гребцахъ-молодцахъ,
На самѣмъ-то на старшѣмъ-то чѣрна сдболя колпакъ.
Они ѣдутъ-вспѣвають все про Муромски лѣса,
Они хвалятъ-величаютъ все удала молодца!
Все удала молодца Илью Муромца!

* *
*

Какъ изъ славна города изъ Муромъ,
Изъ того села изъ Карачарова
Начиналася поѣздка богатырская:
Выѣзжалъ улалый добрый молодецъ
Илья Муромецъ да сынъ Ивановичъ.
Онъ стоялъ заутреню во Муромѣ,
Положилъ завѣты крѣпкіе:
Въ Кіевъ градъ проѣхать въ полтора часа
Межъ обѣдней раннею и утреней,

Поспѣвать къ обѣду княженецкому,
Путь держать дорожкой прямоѣзжею,
Рукъ дорожкой не кровавити.

Какъ первѣй ускокъ свой богатырскій конь
Даль во полпути отъ Мурома—
Съ-подъ копытъ его ударилъ ключъ живой;
У ключа Ильюша сѣрой дубъ срубилъ,
Надъ ключомъ часовню устанавливалъ,
На часовнѣ имечко свое подписывалъ:

„Бхалъ святорусскій богатырь, крестьянскій сынъ,
Илья Муромецъ да сынъ Ивановичъ.“

О сю пору льется родничокъ живой,
О сю пору же стоитъ надъ нимъ часовенька; (42)
А въ ночи къ ключу студѣному
Ходитъ звѣрь-медвѣдъ воды испить,
Понабраться силы богатырскія.

Какъ другимъ ускокомъ богатырскій конь
Перенесъ Ильюшу черезъ Муромъ градъ;
А за третимъ ускокомъ Илья Муромецъ
Подѣзжалъ ко городу Чернигову. (43)

У того ли города Чернигова
Силы ратища стоитъ чернымъ черно,
Нагнано чтѣ чѣрна вѣрона.
Подступили подъ Черниговъ три царевича,
Съ каждымъ силы сорокъ тысячей.

Богатырско сердце неуѣмчиво, разгѣрчиво:
Чтѣ веселый огонѣчекъ разыграется,
Чтѣ морозъ палящій разгорается.

Говоритъ себѣ Ильюша таково слово:

„Не хотѣлось бы отцу быть супротивникомъ,
Не хотѣлось бы и заповѣдъ переступить;
Да хотъ всякій заповѣди кладывалъ,
А не всякій заповѣди сдерживалъ.“

Подѣзжаетъ онъ къ силушки великой,
Да не хочеть натянуть свой тѣгой лукъ,
Палицу, копьѣ свое кровавити—
Сѣрой дубъ беретъ онъ въ три обдѣмени,
Изъ земли повѣвернулъ, повѣдѣрнулъ
Со камѣнями да со кореньями,
Сталъ сырымъ дубомъ по силушкѣ погуливать,

Силушку добрымъ конемъ потаптывать;
 Гдѣ махнетъ—тамъ силы улицы,
 Отмахнется—часты площади;
 Добивается до трехъ царевичей,
 Говорить имъ таковыя слова:

„Охъ, вы гой еси, мои царевичи!
 Во полонъ ли мнѣ васъ, братцы, взять,
 Али буйны головы съ васъ снять?
 Какъ въ полонъ васъ взять—дѣвать васъ некуда:
 У меня дороженьки заѣзжія,
 У меня хлѣба завозные;
 А какъ головы снять—царски сѣмена сгубить.
 Разѣжайтесь-ка вы по своимъ ордамъ,
 По своимъ ордамъ да по своимъ мѣстамъ;
 Да чините, разносите такову славу,
 Что святая Русь да не пуста стоитъ,
 Есть еще на матушкѣ святой Руси
 Сильные, могучіе богатыри.“

Заѣзжалъ онъ тутъ во славный во Черниговъ градъ,
 Подѣзжалъ ко церкви Божіей,
 Ко тому Ивану ко Великому:
 А во церкви Божьей люди Богу молятся,
 Каются да приобщаются,
 Съ бѣлымъ свѣтушкомъ прощаются.
 Заходилъ Илья во славный Божій храмъ,
 Крестъ кладеть да по писанному,
 И поклонъ ведеть да по учёному:
 Поклоняется святому Спасу образу,
 Во-другихъ святыхъ Божьей матери,
 Въ-третьихъ всему міру христіанскому:

„Ужь вы здравствуйте-ка, мужички черниговцы!
 Вы объ чемъ тутъ каетесь да приобщаетесь,
 Съ бѣлымъ свѣтушкомъ прощаетесь?“

Отвѣчаютъ мужички черниговцы:
 „Мы объ томъ тутъ каемся да приобщаемся,
 Съ бѣлымъ свѣтушкомъ прощаемся,—
 Обступили нашъ Черниговъ три царевича,
 Наступаютъ силой трижды сорокъ тысячей.“

Говорить имъ Илья Муромецъ:
 „Вы идите-ка на стѣну городовую,

Посмотрите во чисто поле
На ту силу трижды сорокъ тысячей.“

Шли черниговцы на стѣну городѡвую,
Со стѣны смотрѣли во чисто поле
На ту силу трижды сорокъ тысячей:
Гдѣ стояла сила во чистѡмъ полѣ,
Тамъ стоятъ одни знамѣна, да не русскія,
Много множество знамѣнъ, какъ во темнѡмъ лѣсу,
Во темнѡмъ лѣсу сухаго дерева;
А народу тамъ прибито да привалено,
Будто градомъ нива выбита, присѣчена.
Бьютъ челомъ Ильѣ черниговцы пизкъмъ-пизко:

„Гой же ты, удалый добрый млодецъ!
Ты коей земли, коей орды,
Коегѡ отца да коей матушки,
Какъ тебя, удалый, именѣмъ зовутъ?
Ты иди-ка къ намъ въ Черниговъ воеводою,
Ты суди суды надъ нами правильно,
Будемъ всѣ тебя мы слушати.“

Говоритъ въ отвѣтъ имъ Илья Муромецъ:

„Не дай Господи съ холопа дѣлать барина,
Съ барина холопа, съ палача попа,
Воеводу дѣлати съ богатыря!
Я изъ той земли, изъ той орды,
Изъ того изъ города изъ Мурѡма,
Изъ того села изъ Карачарова,
Святорусскій богатырь, крестьяпскій сынъ,
Илья Муромецъ да сынъ Ивановичъ:
Не хочу ийти къ вамъ воеводою!
Укажите мнѣ дорожку прямоѣзжую,
Прямоѣзжую во стольный Кіевъ градъ.“

Не хотятъ пускать его черниговцы,
Насыпаютъ чашу красна золота,
Насыпаютъ чашу чиста сѣребра,
Насыпаютъ третью скатна жемчугу,
Всѣ ему подносятъ во подарочекъ.
Не беретъ Илья ихъ злата-сѣребра,
Не беретъ ихъ скатна жемчугу,
Проситъ указать дорожку прямоѣзжую.
Говорятъ ему черниговцы:

„Ай же ты, удалый добрый млодець:
 Прямоѣзжая дорожка заколодѣла,
 Заколодѣла дорожка, замуравѣла;
 Какъ по той пути-дороженькѣ
 Тридцать лѣтъ никто пѣхотою не хаживаль,
 На добромъ конѣ никто не ѣзживаль.
 А стоять тамъ три заставушки великія:
 Цервая застава ⁽⁴⁴⁾—во лѣсахъ во Брынскіихъ
 Грязь топучая, корба зыбучая;
 А другая—у березы у покляпяя,
 У той славной рѣчки у Смородиной, ⁽⁴⁵⁾
 У того креста у Леванидова,
 Воръ сидить на трехъ дубахъ да на семі сукахъ,
 Соловей разбойникъ сынъ Рахмановичъ; ⁽⁴⁶⁾
 Какъ засвищетъ онъ по-соловьиному,
 Зашипить, разбойникъ, по змѣиному,
 Закричитъ, собака, по звѣриному—
 Отъ того отъ пдвисту солдвьяго,
 Отъ того отъ пдшипу змѣинаго,
 Отъ того отъ пдкрику звѣринаго
 Всѣ-то травушки-муравы улетаются,
 Всѣ лазуревы цвѣточки отсыпаются,
 Темны лѣсушки къ землѣ всѣ приклоняются,
 А чтд есть людей—то всѣ мертвыя лежать.
 Третья ли заставушка великая—
 Домъ стоитъ у Соловья разбойника
 На семи дубахъ да на семи верстахъ;
 Какъ живетъ тамъ молода жена Солдвьева
 Со тремя со дочерьми родимыми—
 Мимо не пройти ни конному, ни пѣшему.
 Прямоѣзжей-то дорожкой будетъ триста версть,
 А окольную дорожкой цѣла тысяча.“
 Пораздумался удалый Илья Муромецъ;
 „А не честь же, не хвала мнѣ молодецкая
 Ъхати дорожкой окольную;
 Ужъ поѣду-ка дорогой прямоѣзжею.“
 Какъ не буйны вѣтрушки завѣяли—
 Какъ поѣхаль тутъ удалый добрый молодець
 Неоколоною дорожкой, прямоѣзжею;
 Бралъ во ручку плѣточку шелкдвеньку,

Билъ коня да по тучнымъ бедрамъ,
 Вынуждалъ скакать всей силушкой великою;
 Осержался добрый богатырскій конь,
 Со горы на гдру перескакивалъ,
 Со холма да на холмъ перемахивалъ,
 Мелки рѣченьки, озѣрки промежь ногъ спускалъ.
 И привезъ его онъ во лѣса во Брынскіе,
 Ко той первой ко заставушкѣ—
 Ко грязи топучеѣй, корбѣ зыбучеѣй;
 Развалились мостики калиновы.
 А и ѣхати имъ больше вѣкуда.
 Соскочилъ удалый со добра коня,
 Лѣвою рукой ведетъ коня на поводѣ,
 Правую рукой дубѣ-колдѣе рветъ,
 Про себя моститъ мосточки дубовые.
 Сѣлъ опять удалый на добра коня,
 Проѣзжаетъ ровно тридцать верстѣ,
 Подѣзжаетъ ко другой заставушкѣ—
 Ко березѣ ко покляпой,
 Ко той славной рѣчкѣ ко Смородиной,
 Ко тому кресту ко Леванидову,—
 Услыхалъ тутъ Соловьино гнѣздышко.
 Скоро онъ срываетъ маковъ листь,
 Затыкаетъ уши въ гдловѣ,
 Ёдетъ прямо къ Соловину гнѣздышку.
 Не доѣхалъ до гнѣзда онъ за три пдприща,
 Отъ далѣ услышалъ добра молодца
 Соловей разбойникъ сынъ Рахмановичъ:
 „А какой невѣжа проѣзжаетъ тутъ
 Мимо моего гнѣзда да Соловьинаго?“
 Какъ засвищетъ онъ по-соловьиному,
 Зашипитъ да по-змѣиному,
 Закричитъ да по-звѣриному—
 Мать-сыра земля продрогнула,
 Всѣ-то травушки-муравы уплетались,
 Всѣ лазуревы цвѣточки отсыпались,
 Темны лѣсушки къ землѣ всѣ приклонилися,
 Добрый конь Ильюшинъ на колѣна палъ;
 На конѣ сидитъ Ильюша, не сворохнется,
 На головушкѣ кудѣрышки не стряхнется.

Бралъ опять онъ плёточку шелкдвеньку,
 Билъ коня да по тучнымъ бедрамъ,
 Говорить самъ таковыя слова:

„Ахъ ты, волчья сыть, медвѣжья выть!
 Не ходилъ ты развѣ, конь мой, по лѣсу,
 Не слыхалъ ты пѣсвисту соловьяго,
 Не слыхалъ ты пѣшипу змѣинаго,
 Не слыхалъ ты пѣкрику звѣринаго,
 Не видалъ ударовъ богатырскихъ?
 Ты вставай-ка на рѣзвыя ноги,
 Подвози-ка подъ гнѣздо подъ Соловьиное,
 Подъ того подъ Соловья разбойника!“

Пуще прежняго пустился добрый конь
 Подъ гнѣздо подъ Соловьиное.
 Удивляется разбойникъ, буйну голову
 Изъ гнѣзда изъ своего повысунулъ.
 Какъ нарушилъ тутъ Илья завѣты крѣпкіе:
 Вынулъ изъ налучника свой тугой лукъ,
 Натянулъ тетивочку шелкдвеньку,
 Наложилъ стрѣлу калѣную,
 Самъ стрѣлѣ да приговаривалъ:

„Ты лети-ка, стрѣлка, да не въ темный лѣсъ,
 Ты лети-ка, стрѣлка, не въ чистѣ поле,
 Ты пади-ка Соловью во правый глазъ,
 Вылетай-ка во лѣвѣ ухо!“

Полетѣла стрѣлочка калѣная,
 Пала Соловью разбойнику во правый глазъ,
 Вылетала во лѣвѣ ухо;
 Не убила до смерти разбойника,
 Поразила только, повалила съ ногъ,
 Покатился со гнѣзда онъ, что овсяный снопъ;
 Подхватилъ его Ильюша на бѣлыя руки,
 Налагалъ съ тетивочки шелкдвенькой
 Петельку ему на буйну голову,
 Пристягнулъ той петелькой ко стремени,
 И повезъ съ собою по чисту полю.
 Сталъ тутъ добрый конь его поскакивать,
 Соловеюшко у стремени поплясывать.

И подѣхалъ онъ ко третьей ко заставушкѣ—
 Ко тому ко дому Соловьиному;

А стоить онъ на семи дубахъ,
На семи дубахъ да на семи верстахъ,
Около двора идетъ желѣзный тынь,
А на всякой тычинкѣ по маковкѣ,
По головущкѣ по богатырскойей.
Какъ живетъ тамъ молода жена Соловьева
Акулина дочь Дудентьевна,
Какъ живутъ съ ней дѣтушки родимыя:
Старшая—Невея Соловьевична,
Средняя—Ненила Соловьевична
И меньшайя—Пелька Соловьевична.
Какъ глядятъ тѣ дѣтушки Соловьевы
Во окошечко косяшато,
Сами говорятъ да таковыя слова:

„Ай ты, наша матушка-родителекъ,
Акулина дочь Дудентьевна!
Ѣдетъ государь нашъ батюшка
Соловей разбойникъ сынъ Рахмановичъ,
На добромъ конѣ сидитъ, на богатырскомъ,
А везетъ онъ мужичищу-деревенщину
У булатнаго у стремени прикована,
Кверху ноженьки, а внизъ головушка.“

Прибѣгала Акулина дочь Дудентьевна,
Подъ поясъ въ окошечко бросалася,
Закричала жалкимъ голосомъ:

„Ай же, глупыя вы дѣтушки,
Неразумныя вы дѣтушки!
Ѣдетъ мужичище-деревенщина,
На добромъ конѣ сидитъ, на богатырскомъ,
А везетъ-то государя-батюшку
У булатнаго у стремени прикована,
Кверху ноженьки, а внизъ головушка.
Вы бѣгите-ка скорѣе на широкій дворъ,
Поднимите подворотеньку чугунную,
Да убейте на проѣздѣ въ воротахъ его,
Выручите батюшку желаннаго!“

Побѣжали эти дочушки Соловьевы,
Впереди всѣхъ Пелька Соловьевична;
Поднимала Пелька подворотеньку,
Подворотеньку во девяносто пудъ,

„Ай же, глупыя вы дѣтушки,
Неразумныя вы дѣтушки!

Ѣдетъ мужичище-деревенщина,
А везетъ-то государя-батюшку....“

Ладила ударить Илью въ буйну голову.
 Да была его ухватка богатырская,
 Осадилъ Илья назадъ добра коня,
 Пролстѣла мимо подворотенька.
 Пнулъ еще ногою дѣвку подъ спину—
 Улетѣла дѣвка за широкой дворъ,
 Нажилâ себѣ увѣчье вѣковѣчное. ⁽⁴⁷⁾

Закричалъ тутъ дѣткамъ во всю голову
 Соловей разбойникъ сынъ Рахмановичъ:

„Ай же глупыя вы дѣтушки,
 Неразумныя вы дѣтушки!
 Подворотней ли убить вамъ мѡлодца,
 Коли самъ я свистомъ не сразилъ его?
 Вы зовите мѡлодца въ гостѣбище,
 Вы дарите мѡлодца подарками,
 Выкупайте батюшку желаннаго“.

Стали звать онѣ Илью въ гостѣбище,
 Выносили цѣнные подарочки,
 Золотой казны даютъ ему три тысячи—
 Не беретъ Илюшенька трехъ тысячей;
 Обѣщаютъ тридцать тысячей—
 Не беретъ и тридцати онѣ тысячей:

„Мнѣ подарочковъ неправедныхъ не надобно,
 И не выдамъ вамъ я батюшки-разбойника;
 Я свезу его во Кіевъ градъ,
 На вино пропью да на калачъ проѣмъ.“

„Ай же ты, удалый добрый мѡлодецъ!
 Ты бери съ насъ злата-сѣребра,
 Ты бери съ насъ скатна жемчугу,
 Сколько сможетъ увезти твой добрый конь,
 Сколько самъ снесешь на плечахъ богатырскихъ;
 Только намъ оставь кормильца батюшку,
 Хоть не ради прокормленьца,
 Хоть бы ради поглядѣнница.“

Говоритъ Илья имъ таковыя слова:

„Ай вы, малы дѣтушки Соловьевы!
 Не оставлю и на поглядѣннице.
 Поѣзжайте-ка за мною на прощеньце:
 Покладите все имѣніе-богачество,
 Всю несчетную золотую казну

На телѣги на ордѣнскія,
 Да катите къ славну стольну Кіеву,
 Къ ласковому князю ко Владиміру:
 Можетъ, тамъ вамъ и отдамъ кормильца-батюшку.“

Самъ поѣхалъ къ славну стольну Кіеву,
 Поспѣвалъ къ обѣденькѣ ко поздней.

Входитъ онъ во славный Божій храмъ,

Крестъ кладеть да по писаному,

И поклонъ ведеть да по учёному,

Всѣмъ святымъ иконамъ поклоняется:

„Не исполнилъ я завѣта Божьяго,

Окровавилъ руки въ человѣчью кровь:

Надо бы служить во храмъ Богу молебень.“

Отстоявши позднюю обѣденьку,

Ѣдетъ ко палатамъ княженецкіимъ,

Пріѣзжалъ на княженецкій дворъ,

Привязалъ коня ко столбику точёному,

Ко тому колечку золочёному,

Дверь въ палаты на-пята размахивалъ,

Заходилъ во GRIDНЮ княженецкую,

Клалъ тутъ крестъ да по писаному,

Вель поклоны по учёному,

На четыре на сторонки низко кланялся,

Князю солнышку съ княгинею въ особину,

Всѣмъ еще князьямъ его да подколѣннымъ.

Говоритъ ему Владиміръ стольно-кіевскій:

„Здравствуешь, удалый добрый мѣлодецъ!

Ты коѣй земли, коѣй орды?

Какъ тебя, скажись, зовуть по имени,

Нарекають по отечеству?“

Отвѣчаетъ добрый мѣлодецъ:

„Гой еси ты, батюшка Владиміръ князь?

Я изъ славна города изъ Мурома,

Изъ того села изъ Карачарова,

Святорусскій богатырь, крестьянскій сынъ,

Илья Муромецъ да сынъ Ивановичъ.“

Говоритъ Владиміръ стольно-кіевскій:

„Ай ты Илья Муромецъ Ивановичъ!

А давно ль ты выѣхалъ изъ Мурома,

А какой дорожкой ѣхалъ ты во Кіевъ градъ?“

Отвѣчаетъ Илья Муромецъ:

„Я стоялъ заутреню во Муромѣ,
Положилъ завѣты крѣпкіе
Въ Кіевъ градъ проѣхать въ полтора часа
Межъ обѣдней ранней и заутреней,
Поспѣвать къ обѣду княженецкому.
Да дорожкой дѣло призамышкалось:
Ѣхалъ я дорожкой прямоѣзжею,
Мимо славна города Чернигова,
Ѣхалъ ли еще лѣсами Брынскими,
Мимо той березыньки покляпяя,
Мимо славной рѣченьки Смородиной,
Мимо славнаго креста да Леванидова;
Лишь поспѣлъ къ обѣденькѣ ко поздней.“

Какъ сидѣлъ Алеша тутъ Поповскій сынъ,
Говоритъ Алешенька Владиміру:

„Гой ты, ласковое солнышко Владиміръ князь!
Во глазахъ дѣтина завирается,
Во глазахъ надъ нами насмѣхается!
Ужь ему ли, деревенщинѣ, проѣхати
Прямохожею дорожкой, прямоѣзжею?
У того у города Чернигова
Силы нагнано чернымъ черно:
Сѣру заюшкѣ въ три года вокругъ не обскакать,
Яснѣ соколу въ три года да не облетѣть.
Во лѣсахъ во Брынскихъ грязь топучая,
Грязь топучая, корбѣ зыбучая;
А у той березы у покляпяя,
У той славной рѣчки у Смородиной,
У того креста у Леванидова,
Воръ сидитъ на трехъ дубахъ да на семі сукахъ,
Соловей разбойникъ сынъ Рахмановичъ;
Какъ засвищетъ онъ по-соловьиному,
Зашипитъ, разбойникъ, по-змѣиному,—
Закричитъ, собака, по-звѣриному
Всѣ-то травушки-муравы уплетаются,
Всѣ лазуревы цвѣточки отсыпаются,
Темны лѣсушки къ землѣ всѣ приклоняются,
А что есть людей—то всѣ мертвы лежать.“

Говоритъ удалый Илья Муромецъ:

„Гой ты, солнышко Владимірь стольно-кіевскій!
Соловей разбойникъ на твоємъ дворѣ:
Выбилъ я ему, злодѣю, правый глазъ,
Приковаль его ко стремечку булатному.“

Какъ тутъ солнышко Владимірь стольно-кіевскій
Возставалъ скорѣнко на рѣзвѣ ножи,
Кунью шубоньку накинулъ на однѣ плечко,
Соболину шапочку да на одно ушко,
Выходилъ съ княгиней на широкій дворъ
Посмотрѣть на Соловья разбойника;
Какъ тутъ пометались всѣ князья да бѣяре,
Покидались всѣ могучіе богатыри:
Богатырь Самсонъ Самойловичъ,
Богатырь Суханъ Домантьевичъ,
Богатырь Добрынюшка Никитичъ младъ,
Богатырь Алешенька Поповскій сынъ,
Съ ними семь братѣвъ Сбродовичей,
Два еще братѣ Хапилова,
Да еще ли мужики Залѣшане—
Выбѣгали всѣ за княземъ на широкій дворъ,
Подбѣгали къ Соловью разбойнику.
А разбойничекъ висить у стремени,
Травянымъ мѣшкомъ висить, согнутъ корчагою,
Лѣвымъ глазомъ-то глядитъ на Кіевъ градъ,
Правымъ глазомъ, что подстрѣленъ, на Черниговъ градъ.
Говоритъ ему Владимірь стольно-кіевскій:

„Ай ты, Соловей разбойникъ сынъ Рахмановичъ!
Засвищи-ка ты по-соловьиному,
Зашиши-ка по змѣиному,
Закричи-ка по-звѣриному.“

Пусть потѣшатся мои князья да бѣяре,
Пусть услышатъ всѣ могучіе богатыри.“

Отвѣчаетъ Соловей Рахмановичъ:

„Не у васъ сегодня хлѣба кушаю,
Такъ не у васъ сегодня и послушаю!
Я сегодня кушалъ у Ильи у Муромца,
Одного Ильюшу и послушаю.“

Говоритъ Владимірь стольно-кіевскій:

„Ай ты, Илья Муромецъ Ивановичъ!
Прикажи-ка ты разбойнику“

Засвистать по-соловьѣному,
Зашипѣть да по-змѣиному,
Закричать да по-звѣриному.“

Говорить удалый Илья Муромецъ:

„Ужь ты гой еси, нашъ батюшка Владиміръ князь!
Не во гнѣвъ бы вамъ съ княгиней показалось:
Я тебя ли, батюшку, возьму подъ пазушку
Подъ другой прикрою матушку княгинюшку.
Ай ты, Соловей разбойникъ сынъ Рахмановичъ!
Ужь потѣшь-ка князя батюшку,
Зазвищи-ка да полѹ-свистомъ,
Зашипи-ка да полѹ-шипомъ,
Закричи-ка да полѹ-крикомъ.“

Отвѣчаетъ Соловей Рахмановичъ!

„Ай ты, славный Илья Муромецъ!
Какъ не ходять у меня уста сахарныя,
Запеклись горючей кровью, запечатаны:
Ты стрѣлилъ меня во правый глазъ,
Выходила стрѣлка во лѣвдѣ ухо.
Прикажи-ка князю солнышку
Чару мнѣ налить да зеленѣ вина;
Какъ повыпью зеленѣ вина,
Тутъ мои кровавыя раны пораздѣдутся,
Тутъ мои уста сахарныя порасходятся,
Засвищу я вамъ тогда по-соловьѣному,
Зашиплю вамъ по-змѣиному,
Закричу вамъ по-звѣриному.“

Говорить Илья князю Владиміру:

„Гой ты, солнышко Владиміръ стольно-кѣвскій!
Ты поди-ка въ горенку столовую,
Наливай-ка чару зеленѣ вина,
Да не малую стопу—во полтора ведра,
Разводи ее медами да стоялыми,
Подноси да Соловью разбойнику.“

Скоро князь Владиміръ стольно-кѣвскій
Шелъ во горенку столовую,
Налилъ чару зеленѣ вина,
Да не малую стопу—во полтора ведра,
Разводилъ ее медами да стоялыми,
Подносилъ собакѣ Соловью разбойнику.

Принялъ чару Соловей одной рукойъ,
 Выпилъ чару за единыйъ вздохъ,
 Да отъ той отъ чары ли собаку хмѣль зашибъ, —
 Не послушался наказа онъ Ильюшина:
 Засвисталъ во весь во соловьиный свистъ,
 Зашипѣлъ во весь змѣиный шипъ,
 Закричалъ во весь звѣриный крикъ.
 Отъ того отъ пѣсвисту солдвьяго,
 Отъ того отъ пѣшипу змѣинаго,
 Отъ того отъ пѣкрику звѣринаго —
 Маковки на теремахъ покривились,
 Стеклышки въ оконницахъ полдпались,
 Со двора всѣ кѣни разбѣжались,
 Всѣ князья со бдьярами пали замертво,
 Всѣ могучіе богатыри припадали,
 Окаракой пѣ двору расплзались,
 Самъ Владиміръ князь съ княгинею
 Еле живъ стоитъ, шатается,
 У Ильи подъ пазушкою укрывается:

„Гой еси ты, Илья Муромецъ Ивановичъ!
 Ты уйми-ка Соловья разбойника,
 Чтобы не свисталъ по-соловьиному,
 Князей-бдьяровъ оставилъ мнѣ на сѣмена!“

Какъ катятъ тутъ дѣтушки Солдвьевы
 На широкій княженецкій дворъ
 Много множество телѣгъ ордѣнскихъ.
 На имѣніе-богачество Солдвьево
 Солнышко Владиміръ князь обзѣрился.
 Говоритъ удалый Илья Муромецъ:

„Ай ты, солнышко Владиміръ князь!
 Не тобой они приказаны,
 Не тобой же и назадъ отпустятся! —
 Гой вы, малы дѣтушки Солдвьевы!
 Вы катите-ка опять назадъ къ себѣ
 Все свое имѣніе-богачество,
 Всю несчетну золоту казну:
 Не видать ужъ вамъ кормильца-батюшки;
 Вамъ не надо пѣ міру скитатися,
 Будеть чѣмъ до смерти пропитатися,
 Обойдется и безъ кормильца-батюшки.“

Покатили дѣтушки Соловьевы
Все имѣніе богатство—заплакали.

Говорить Илья разбойнику:

„Ай ты Соловей разбойникъ сынъ Рохмановичъ!
Я велѣлъ тебѣ свистать полѹ-свистомъ:

Ты почто свисталъ во весь во соловьиный свистъ?“

Какъ отдернетъ онъ разбойника отъ стремени,
Выводилъ за ручки во чисто поле,

Ко сырѹ дубу привязывалъ,

Тугой лукъ разрывчатый натягивалъ,

Стрѣлочку калѣную накладывалъ

И стрѣлилъ ему во бѣлу грудь,

Раздробилъ злодѣю бѣлу грудь,

Говорилъ самъ таковыя слова:

„Полно же тебѣ свистать по-соловьиному,

Полно же тебѣ шипѣть да по змѣиному,

Полно же тебѣ кричать да по-звѣриному,

Полно же тебѣ слезить отцевъ и мѣтерей,

Полно же тебѣ вдовить молѹдушекъ,

Полно же тебѣ сирѹтатъ малыхъ дѣтушекъ!“

И спрогѹворилъ Владиміръ стольно-кїевскїй:

„Благодарствуешь, удалый Илья Муромецъ,

Что избавилъ насъ отъ смерти отъ напрасныя!

Нареку тебѣ я имечко по новому:

Будь ты первый богатырь во Кїевѣ,

Старый Илья Муромецъ да сынъ Ивановичъ,

Да живи у насъ во стольномъ Кїевѣ,

Вѣкъ живи отнынѣ до вѣку!“

И пошли они къ обѣду княженецкому.

Говорить Владиміръ стольно-кїевскїй:

„Гой еси ты, первый богатырь нашъ кїевскїй,

Старый Илья Муромецъ да сынъ Ивановичъ!

Жалую тебя тремя мѣстами я:

Перво мѣсто—въ рядъ со мной садись,

Друго мѣсто—въ рядъ съ княгинєю,

Третье мѣсто—куда самъ захошь.“

Заходилъ Илья со кѹдничка,

Пожалъ всѣхъ князей да бѹяровъ,

Сильныхъ, могучихъ богатырей:

Очутился противъ самага Владимїра.

Смѣлому Алешѣ за бѣду пало,
 Взяль Алеша со стола булатный ножь,
 Кинулъ во Илью во Муромца;
 На лету поймалъ Илья Булатный ножь,
 Да воткнулъ его въ дубовый столъ.

Говорить Ильѣ Добрынюшка Никитичъ младъ:

„Гой ты, первый богатырь нашъ кіевскій,
 Старый Илья Муромецъ Ивановичъ!
 Держимъ всѣ мы на тебя надѣжу крѣпкую;
 Ужь прими-ка ты меня, Добрынюшку,
 А со мной и моего ли братца мѣньшаго,
 Смѣлаго Алешеньку Поповича,
 Во свои во братья во крестовые;
 Будешь ты, Илья, намъ братцемъ бдльшимъ,
 Я, Добрыня, буду братцемъ среднімъ,
 А Алеша—братцемъ мѣньшимъ.“

Говорить ему Алешенька Поповичъ младъ:

„Во своемъ ли ты умѣ, Добрынюшка,
 Во своемъ ли, братецъ мой, во разумѣ?
 Самъ изъ роду ты, Добрыня, изъ боярскаго,
 Я, Алешенька, изъ стараго поповскаго,
 А ему никто ни знаетъ роду-племени,
 Принесло его не вѣсть откуда,
 Назвался крестьянскимъ сыномъ изъ-подъ Мурома,
 Да чудить у насъ во Кіевѣ, уродствуешь.“

Быль тутъ славный богатырь Самсонъ Самойловичъ,
 Говорить Ильѣ Самсонъ Самойловичъ:

„Гой ты, мой возлюбленный племянничекъ,
 Первый богатырь нашъ Илья Муромецъ!
 На Алешку больно ты не гнѣвайся:
 Роду онъ поповскаго, захлыщева,
 И каковъ онъ трезвъ, таковъ и пьянь,
 Лучше всѣхъ бранится, лучше ссорится!

Говорить Алешенька Поповичъ младъ:

„Ай ты, дядюшка Самсонъ Самойловичъ!
 Не во гнѣвъ же и тебѣ будь сказано:
 Самъ доселѣ слыль ты старшимъ богатыремъ,
 А теперъ кого въ племянники пожаловалъ,
 Надъ собою наибольшимъ кого призналъ?
 Деревеньщину, засельщину!

Говорить Самсонъ Самойловичъ:

„Ай же ты, Добрынюшка Никитичъ младъ!
Ты гораздъ играть во гусельцы звончатыя,
Пѣть про времена про стародавнія.
Вынимай-ка гусельцы звончатыя,
Поналадь-ка струнки золочёныя,
Выбирай-ка сыгрыши хордшенъки,
Спой Алешѣ на послушанье старинушку
Про того про деревенскаго богатыря,
Про Микулу Селянинова.“ (48)

Вынималъ Добрыня гусельцы звончатыя,
Сталъ шелкъвыя тетивочки потягивать,
Золочёны струночки подлаживать,
Учалъ по тѣмъ струночкамъ похаживать,
Учалъ-почалъ голосомъ поваживать;
Выигрышъ беретъ со матушки святой Руси—
Про того Микулу Селянинова,
А напѣвки все свои, Добрынины.

БЫЛИНА ОДИННАДЦАТАЯ.

Микула Селяниновичъ.

„Ой вы, люди мои, люди добрые!
Я скажу вамъ старину стародавнюю:

„Въ стольномъ городѣ было во Кіевѣ
Народился младъ Вольга Всеславьевичъ.
Сталъ Вольга ростѣть-матерѣть,
Обучался Вольга многимъ мудростямъ:
Щукой-рыбою ходить во сѣниихъ моряхъ,
Птицей-сдколомъ летать подъ оболока,
Сѣрымъ волкомъ рыскать во чѣстныхъ поляхъ.
Уходили все рыбушки въ глубокія страны,
Улетали все птичушки за оболока
Убѣгали все звѣрюшки во тѣмные лѣса.
Сталъ онъ, Вольга, ростѣть-матерѣть,
Подбиралъ себѣ дружинишку хоробрюю,
Свѣрстныхъ себѣ волосомъ да голосомъ,
Рѣчью, пословицей, походкою,
Всею поступочкою молодецкою,
Тридцать млодцевъ безъ одинаго,
Самъ-то Вольга былъ во тридцатыхъ.

„Какъ не стали мужики тутъ со двухъ городовъ:
Съ славна Гурчевца да со Орѣховца,
Даней-пошлинъ платить во Кіевъ градъ, —
Молодой Вольга Всеславьевичъ
Со дружинишкой хоробрюю справляется;
За получкой къ городамъ тѣмъ снаряжается!
Все берутъ они жеребчиковъ молоденькихъ,

Все молоденькихъ берутъ да темнокарихъ.

„Вотъ посѣли на добрыхъ коней, поѣхали,

Выѣзжали во раздольице чисто поле,

Услыхали во чистомъ полѣ оратая:

Ореть въ пдлѣ оратай, посвистываетъ,

У оратая сошка поскрипываетъ,

А омѣшики по камешкамъ почиркиваютъ.

Ѣдутъ мѡлодцы впередъ до оратая,

Ѣдутъ день они съ утра до вечера,

А не могутъ до оратая доѣхати.

Ореть въ пдлѣ оратай, посвистываетъ,

У оратая сошка поскрипываетъ,

А омѣшики по камешкамъ почиркиваютъ.

Другой день они Ѣдутъ до оратая,

Другой день съ утра до вечера,

А не могутъ до оратая доѣхати.

Ореть въ пдлѣ оратай, посвистываетъ,

У оратая сошка поскрипываетъ,

А омѣшики по камешкамъ почиркиваютъ.

Третій день они Ѣдутъ до оратая,

Третій день идетъ ко полудню—

Только тутъ оратая наѣхали.

Ореть въ полѣ оратай, понукиваетъ,

На кобылушку свою погукиваетъ,

Съ края въ край бороздки помѣтываетъ,

Въ край уѣдетъ—и другого не видать,

Изъ земли дубья-колодья вывѣртываетъ,

А великіе кѡменья всѣ въ борозду валить;

Только кудри у оратая качаются,

Скатнымъ жѣмчугомъ по плѣчамъ разсыпаются.

У оратая кобылка-то солдовая,

На кобылкѣ гужики шелковые,

Хвостъ-отъ до земли растилается,

Грива колесомъ завивается.

Сошка у оратая дубовая,

А омѣшики на сошкѣ чиста сѣребра,

На омѣшикахъ присошекъ красна золота.

„Говоритъ Вольга таковыя слова:

„—Богъ тебѣ помочь, оратаюшко?

Что орать ли, пахать да крестьянствовать,

Съ края въ край бороздки помётывати!—

„Говорить оратай таковы слова:

„—Да поди-ка ты, Вольга Всеславьевичь!

Надо Божью пѣмочь намъ крестьянствовать,

Съ края въ край бороздки помётывати.

Самъ далече-ль ѣдешь, куда путь держишь

Со своею со дружинишкой хордброю?—

„Говорить Вольга таковы слова:

„—Ѣду съ града Кіева ко двумъ городамъ:

Къ славну Гурчевцу да ко Орѣховцу:

Не хотятъ мужики даней-пошлинь платить.—

„—Ай ты, младъ Вольга Всеславьевичь!

Въ томъ Гурчевцѣ да во Орѣховцѣ

Мужики-то живутъ все разбойники:

Я недѣвно былъ тамъ—третьего дни,

Закупилъ себѣ соли цѣлыхъ три мѣха,

А и въ каждомъ мѣху было по сту пудъ,

Положилъ на кобылку на соловую,

На кобылку на солову *Обнеси-Голова*,

Самъ я, мѣлодецъ, садился—ровно сорокъ пудъ,

И поѣхаль по Гурчевцу-Орѣховцу.

Какъ тутъ стали мужики меня захватывать,

Тѣ разбойники гурчевцы-орѣховцы,

Стали грѣшей подорожныхъ съ меня просить.

Сталь я грѣшей подорожныхъ мужикамъ дѣлать;

Да чѣмъ меньше грошей стало ставиться,

Тѣмъ просителей все больше стало ставиться.

А я былъ съ шалыгой подорожною,

Сталь дѣлать имъ грѣшей подорожныхъ:

Да кой стоя стояль, тотъ и сидя сидеть,

А кой сидя сидѣль, тотъ и лёжа лежить—

Положилъ ихъ, разбойниковъ, до тысячи.—

„—Ай же ты, оратай-оратаюшко!

Поѣзжай-ка ты со мною во товарищахъ.—

„Собрался съ нимъ оратай во товарищахъ,

Съ сошки гужики шелковеньки повѣстегнулъ,

Да кобылку солдовеньку повѣвернулъ,

Самъ садился на кобылку солдовеньку;

Всѣ посѣли на добрыхъ коней, поѣхали.

„Говорить оратай таковы слова:

Сошку съ земельки повдёрнуть,
Изъ омѣшковъ земельку повытрянуть,

Подхватить да махнуть въ ракитовъ кустъ—
Улетѣла сошка подь облока....

„—Ай же ты, Вольга Всеславьевичъ!
А оставилъ я вѣдь сошку въ бордзочкѣ;
Да не для-рати прохожаго-проѣзжаго:
Маломожный наѣдетъ—не управится;
А богатый наѣдетъ—не позарится,
Не наѣхаль бы на сошку свой братъ мужикъ:
Онъ какъ сошку съ земельки то повѣднернетъ,
Изъ омѣшиковъ земельку повѣтряхнеть,
Да изъ сошки омѣшики повѣколнетъ—
Нечѣмъ будетъ самому мнѣ крестьянствовать.
Ужь пошли-ка ты дружинушку хордбрую,
Чтобы сошку съ земельки повѣднернули,
Изъ омѣшиковъ земельку повѣтряхнули,
Бросили бы сошку за ракитовъ кустъ.—
„Посылаетъ Вольга Всеславьевичъ
Со своей со дружинушки хордбрыя
Трехъ самолучшихъ добрыхъ мѣлодцевъ,
Чтобы сошку съ земельки повѣднернули,
Изъ омѣшиковъ земельку повѣтряхнули,
Бросили бы сошку за ракитовъ кустъ.
Ѣдутъ къ сошкѣ три могучихъ мѣлодца,
За рогачъ они сошку вокругъ вертѣтъ,
А не могутъ сошки съ земли поднять.
Посылаетъ Вольга десять мѣлодцевъ—
Ѣдутъ къ сошкѣ цѣлымъ десяточкомъ,
За рогачъ они сошку вокругъ вертѣтъ,
Сошки отъ земли поднять нельзя.
Посылаетъ всю дружинушку хордбрую,
Тридцать мѣлодцевъ безъ единаго—
Ѣдутъ къ сошкѣ всѣ тридцать безъ единаго,
За рогачъ берутъ сошку, вокругъ вертѣтъ,
Отъ земельки сошки все поднять нельзя.
Говоритъ оратай таковыя слова:
„—Ай ты, младъ Вольга, княженецкїй сынъ!
Не дружинушка у тебя хордбрая,
А немудрая у тебя одна хлѣбоясть.—
„Самъ подѣхаль къ сошкѣ оратаюшко,
За рогачъ бралъ сошку одной рукойъ,
Сошку съ земельки повѣднернулъ,
Изъ омѣшиковъ земельку повѣтряхнулъ,

Подхватилъ да махнулъ въ ракитовъ кусть—
 Улетѣла сошка подь оболока,
 Пала сошка на земь за ракитовъ кусть,
 Во сырѹ землю до рогача ушла. (49)
 Съѣли на коней опять, поѣхали.

„Говоритъ Вольгà Всеславъевичъ:

„—Ай же ты, оратай-оратаюшко!
 Мы поѣдемъ-ка съ тобою въ запуски.—

„У оратая кобылка ступкомъ идетъ,
 У Вольги-то конь побѣгиваетъ;
 У оратая кобылка рысью идетъ,
 У Вольгѣ-то поскакиваетъ;
 У оратая кобылка грудью пошла,
 А Вольгѣ-то конь и гнаться не могъ.

Сталь Вольгà оратаю покрикивати,

Сталь Вольгà колпакомъ помахивати:

„—Стой-ка ты, постой, оратаюшко!

Кабы эта кобылка конемъ была,
 За коня бы я далъ пятьсотъ рублей.—

„Говоритъ въ отвѣтъ оратаюшко:

„Глупый ты, Вольгà, неразумный Вольгà!—

Я кобылку взялъ жеребѣночкомъ,
 Однолѣткомъ-жеребѣночкомъ съ-подъ-матушки,
 Далъ за жеребѣночка пятьсотъ рублей,
 А теперъ цѣна кобылкѣ цѣла тысяча.

Кабы эта кобылка да конемъ была,

Экому коню бы смѣты не было.—

„Говоритъ Вольгà Всеславъевичъ:

„—Ай же ты, оратай-оратаюшко!

Какъ тебя, скажись-ка, именемъ зовутъ,

Какъ величаютъ по отечеству?—

„Ай, ты, младъ Вольгà Всеславъевичъ!

Я какъ ржи напашу да въ скірды сложу,

Въ скірды сложу, съ поля вѣволочу,

Съ ноля вѣволочу, дома вѣмолочу,

Драни надеру да пива накурю,

Пива накурю да гостей заберу,—

Станутъ гости пить, станутъ кушати,

Станутъ здравствовать меня да похваливати:

„Ай ты здравствуешь, Микула Селяниновичъ!“—

„Бѣхали впередъ добры мѣлодцы,
 Подѣзжали подѣ Гурчевецъ-Орѣховецъ,
 Да наѣхали на драку, на великій бой. ⁽⁵⁰⁾
 Мужики-то эти гурчевцы-орѣховцы
 Отъ дали узнали добрыхъ мѣлодцевъ,
 А и были же злодѣи тутъ догадливы:
 На той рѣченкѣ ли да на быстрой
 Понадѣлали мосточиковъ поддѣльныхъ.
 Молодой Вольгѣ самъ догадивъ былъ:
 Посылалъ на мосточки впередъ себя
 Эту силушку—дружинушку хорѣбрую.
 Какъ зашла эта силушка великая
 Да на тѣ на мосточки поддѣльные,
 Подломилися мосточки поддѣльные,
 Стала сила въ рѣченкѣ тонуть да гивуть.
 Какъ тутъ младъ Вольгѣ со Микулушкой
 Поразсѣрдилися да поразгнѣвалися,
 Приправляли за рѣченку добрыхъ коней,
 Однимъ скокомъ скочили на тотъ бережокъ,
 Стали-почали злодѣевъ чествовати,
 Чествовати да жаловати,
 Оплетьми ихъ дѣ-люби нахлыстывати:
 „—А и вотъ же вамъ, ребята, за дурачество!—
 „Какъ клянутся тутъ ребята, заклинаются:
 „—Трое проклять будетъ на вѣку изъ насъ,
 Кто еще съ такими мѣлодцами свяжется,
 Заведетъ съ вами драку, великій бой!—
 „Стали вокругъ ихъ ходить, оглядывати,
 Промеждѣ собой да приговаривати:
 „—А вѣдъ этотъ-то ребята, и третьѣго дни былъ,
 И третьѣго дни былъ, насъ, мужиковъ, побилъ!—
 „Собиралися ребята, извинялися,
 Понизѣнько молодцѣмъ поклонялися:
 „—Ужъ вы гой еси, удалы мѣлодцы:
 Получайте-ка всѣ дани съ насъ, невыплаты.—
 „Бралъ Вольгѣ съ нихъ дани-невыплаты,
 Со Микулой скоро поворотъ держалъ,
 Поворотъ держалъ во стольный Кіевъ градъ.
 Тѣмъ поѣздка эта и рѣшилася.

„А и то старина, то и дѣянье!“

* * *

Какъ замолкнулъ молодой Добрынюшка,
Положилъ на лавку гусельцы звончатыя,
Воспрогдворилъ Владиміръ стольно кіевскій:

„Ай ты, славный загусельщикъ нашъ Добрынюшка!
Пилъ допрѣжь ты чарочку заздравную,
А теперь повыпей-ка забавную,
Во-первыхъ за то, что распотѣшилъ насъ,
Во-другихъ за то, что ко стыду привель
Смѣлаго Алешеньку Поповича:
Во скамьѣ сидить Алешка, не свордхнется,
Утопилъ глаза завидливы въ дубовый столъ.“

Наливалъ Добрыня чару зеленâ вина,
Да не малую стопу—во полтора ведра,
Разводилъ ее медкомъ стоялымъ,
Возымаеть чару единѣй рукой,
Выпиваетъ чару за единый вздохъ.
Говоритъ Бермята сынъ Васильевичъ:

„Ай же ты, Добрынюшка Никитичъ младъ!
А не тѣмъ лишь та поѣздка кончилась:
Какъ Вольгâ во Кіевъ градъ ворочался,
Тутъ Микула, слышно, зазывалъ Вольгу
Въ домъ свой во гостѣбище почѣстное.
Какъ приѣхали къ поселицу Микулипу,
Выводили въ стрѣту имъ три дѣвицы,
Славныя три дочери Микулины,
Поленицы молодыя все, удâлыя,
Всѣ въ родителя и силою, и мудростью:
Старша—Василиса дочь Микулична,
Средня—Марія дочь Микулична
И меньшâ—Настасья дочь Микулична,
Принимали гостя съ честию-почестью...“

Говоритъ Алешенька Поповичъ младъ:
„Ай ты, славный загусельщикъ нашъ Добрынюшка!
Поленицъ удâлыхъ и забылъ какъ разъ!
Ты поди-ка, сослужи-ка Богу мдлебенъ,
Что Микула твой уже преставился:
За твою за память молодецкую

Наградилъ бы онъ тебя изъ рукъ своихъ
Тѣми-же грошѣми подорожными—
Шелепугой подорожною.
Хоть и живы дочери Микулины,
Да вотъ та, что поумнѣе, старшая
Василиса дочь Микулична
За Ставра Годинова замужъ пошла,
Во Черниговѣ за муженькомъ живетъ,
На печи лежитъ да калачи жуесть;
Всѣхъ съумѣла здѣсь продать да выкупить,
А Владимира-то князя и съ ума свела:
И тебя не обошла бы благодарностью.
Но вотъ сестры у нея еще на выданьѣ,
Обѣ поленицы же удалыя,
Во раздольицѣ чистомъ полѣ полякуютъ;
Вы сѣдлайте-ка скорѣй добрыхъ коней,
Ты, Добрыня, со своимъ со братцемъ бѣльшимъ,
Съ первымъ ли богатыремъ Ильею Муромцемъ,
Выѣзжайте во раздольице чистѣ поле,
Во чистомъ полѣ порыскайте, покликайте—
Можетъ, выкличите поленицъ удалыхъ;
Тутъ побить ихъ во бою вамъ, добрымъ мѣлодцамъ,
Уже дѣло не великое—последнее;
А кто поленицу во бою побьетъ,
За того она вѣдь и замужъ идетъ,
Прямо въ церковь Божью ко злату вѣнцу,
Отъ вѣнца честнымъ пиркомъ ли и за свадебку!
Только бѣде, какъ Ставра Годинова,
Приберутъ васъ ко бѣлымъ рукамъ—
Не взыщите, братцы, не прогнѣвайтесь!
Отвѣчаетъ старый Илья Муромецъ:
„Старому жениться—не ко младости,
Вѣкъ съ бабой бабиться—не къ радости.
Да не биться мнѣ и съ родомъ со Микулинымъ:
Любить мать-сыра земля его.
А случитъ нелегкая посѣхаться
Съ поленицею удалой во чистомъ полѣ—
Изъ сѣдла собью дѣвчѣну на сыру землю,
Коли взмѣлится—спущу во живности,
Заупрямится—предамъ и смерти скорей.“

Да не дай мнѣ Боже биться съ бабою,
 Дай мнѣ поединщиковъ-богатырей,
 Супротивъ меня могучихъ супротивниковъ!
 Тутъ какъ самъ Господь положить на душу:
 Либо силушки другъ у друга отвѣдаемъ,
 Либо же крестами побратаемся.“

А Алеша все не унимается,
 Говоритъ Ильѣ, самъ усмѣхается:

„Коль наѣдетъ мужика Микулушка,
 Своего же брата гурчевца-орѣховца —
 Силушку надъ мужикомъ извѣдаетъ,
 Нахлыстаетъ шелепугой до-люби;
 А наѣдетъ сильнаго богатыря,
 Такъ вѣрнѣ побрататься съ нимъ.“

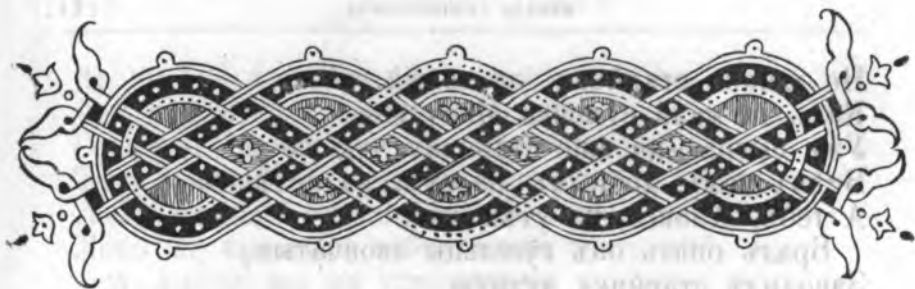
Говоритъ Добрынюшка Никитичъ младъ:

„Ай же, смѣлый ты Алешенька Поповичъ младъ!
 Любо всякому могучему богатырю
 По чисту полю порыскать, пополяковать,
 Силой съ супротивникомъ помѣряться,
 А съ невѣрнымъ за святую Русь
 Прозакладывать и буйну голову,
 Простоять хоть вѣкъ свой на заставушкѣ,
 За сиротъ, за вдовъ да за бѣдныхъ людей.
 Да не честь же, не хвала богатырю,
 Для-радї утѣхи молодецкія,
 Проливать безвинну челоувѣчью кровь,
 Обездоливать семейку богатырскую,
 Молоду жену да малыхъ дѣтушекъ.
 А мужикъ Микула Селяниновичъ
 И не тянется за славой богатырскою:
 Онъ проходитъ въ полѣ вѣкъ за сошкою,
 Съ края въ край распахиваетъ землю-матушку,
 Напасаетъ хлѣбушка на всю святую Русь —
 И на насъ съ тобой, могучіихъ богатырей;
 Всю земную тягу, во поту лицу,
 Носитъ онъ, кормилецъ, на плечахъ мужицкіихъ,
 А земную тягу на плечахъ носить
 Не подъ силу и сильнѣйшему богатырю.
 Ты чего, насмѣшникъ, усмѣхаешься?
 Знать, забылъ про сумочку Микулину?“

Не длинна старинка, да тяжка, вѣска
Какъ та мала сумочка Микулина.
Ужь сыграю-ка еще старинку чудную,
Всѣмъ вамъ, добрымъ людямъ, на потѣшенье,
А тебѣ, Алешѣ, на утѣшенье.“

Бралъ опять онъ гусельцы звончатыя,
Заводилъ старинку чудную
Про ту малу сумочку Микулину.

БЫЛИНА ДВѢНАДЦАТАЯ.

Св я т о г о р ь .

„На крутыхъ горахъ, на Святыхъ Горахъ,
Великанъ-богатырь Святогоръ ⁽⁵¹⁾ сидѣлъ,
Да не ѣздилъ онъ на святую Русь:
Не носила его мать-сыра земля.
Захотѣлося разъ богатырю
Погулять во раздольцѣ чистомъ полѣ—
Засѣдлалъ онъ коня богатырскаго,
Выѣзжаетъ въ путь дороженьку.
Встрепенулося сердце молодецкое,
Заиграла силушка по жилочкамъ,
Такъ вотъ живчикомъ и переливается;
А и грузно ему отъ этой силушки,
Грузно, будто отъ тяжкаго бремени:
Не съ кѣмъ силой-то богатырю помѣряться.
И выкидываетъ онъ палицу булатную
Выше облака ходячаго изъ виду вонъ,
На бѣлыя руки опять подхватываетъ:
„— Кабы мнѣ да земную тягу найти,
Утвердилъ бы въ небесѣ кольцо,
Привязалъ бы къ кольцу цѣпь желѣзную,
Притянулъ бы небо къ землѣ-матушкѣ,
Повернулъ бы землю краемъ вверхъ,
И смѣшалъ бы земныхъ со небесными!—
„Усмотрѣлъ онъ тутъ во чистомъ полѣ
Добра мѣлодца пѣхотою идучи;
За плечами у добра мѣлодца

Была малая сумочка перемётная.
 Какъ припустить скакать онъ добра коня
 Во всю силу во лошадиную —
 Добрый млодець идетъ пѣхотою,
 Не нагнать его коню богатырскому.
 Какъ поѣдетъ тихою вольгдою —
 Добрый млодець впередъ не наступываетъ.

„И окликнулъ Святогорь добра млодца:
 „—Гой еси ты, прохожій добрый млодець!

Ты постой-ка, постой немножечко.
 Какъ скакать припущу добра коня
 Во всю силу во лошадиную —
 Ты идешь впередъ пѣхотою,
 Не нагнать тебя коню богатырскому;
 Какъ поѣду тихою вольготою —
 Ты идешь, впередъ не наступываешь.—

„Обождаль его прохожій добрый молодець,
 Полагаль со плечъ съ могучіихъ
 На земь малую сумочку переметную.
 Говорить Святогорь добру млодцу:

—А скажи-ка мнѣ, добрый млодець,
 У тебя чтѣ за ноша въ этой сумочкѣ? —

„Отвѣчаетъ ему добрый млодець:

„—Ай же, славный ты великанъ-богатырь!

Попытайся-ка взять мою ношицу
 На свои на плечи на могучія,
 Побѣжать съ ней по раздольицу чисту полю.—

„Опуцался славный великанъ-богатырь
 Со добра коня къ малой сумочкѣ,
 Принимался за малую сумочку;
 Принимался сперва однимъ перстомъ —
 Эта малая сумочка переметная
 На сырдіи землѣ не свордхнется.
 Принимался тогда одной рукой —
 Эта сумочка все не свордхнется.
 Ухватилъ обѣими ручками —
 Все-то съ мѣста она не свордхнется.
 Принимался всею силою великою,
 Припадалъ бѣлой грудью богатырскою
 Къ этой малой сумочкѣ переметной,

Захватилъ всею силой великою —
 Во сырѹ землю угрызнулъ по колѣночки,
 По бѣлѹ лицу не слѣзы — кровь течеть.
 Уходило сердце молодецкое,
 Только малый духъ подпустить успѣлъ
 Подъ ту малую сумочку переметную,
 Говорить самъ таковыя слова:

„— Не вздымалъ такой ноши я отъ роду!
 Много силы во мнѣ, а не подъ силу.
 Чтѹ во сумочкѣ твоей понакладано?
 Кто ты самъ есть, удалый добрый молодець,
 Какъ зовутъ тебя именемъ, отечествомъ? —
 „Отвѣчаетъ удалый добрый молодець:
 „— Въ моей малой сумочкѣ переметной
 Вся земная тяга понагружена,
 А я самъ — Микула Селяниновичъ. —“

* * *

На скамью кладеть Добрынюшка гусѣлышки,
 Говорить самъ таковыя слова:

„Гдѣ угрызнулъ Святогоръ въ сырѹ землю,
 Тутъ, какъ бають, онъ и встать не могъ,
 Тутъ былѹ ему и преставленіе:
 Наказалъ Господь за похвальбу великую!“

Говорить Бермята сынъ Васильевичъ:

„А неправильно же бають такъ.
 Ко Святымъ Горамъ онъ поворотъ держалъ,
 И понынѣ на Святыхъ Горахъ живетъ,
 Да не смѣетъ долу опущатися,
 Развѣзжаетъ лишъ по шѣлейкамъ по каменнымъ.“

Говорить Алешенька Поповичъ младъ:

„Гой ты, князь Владиміръ стольно-кіевскій!
 Кто же правъ изъ нихъ, кто облыгаетъ насъ:
 Старый ли Бермята сынъ Васильевичъ
 Или молодой Добрынюшка?
 Не пошлешь ли ты кого къ Святымъ Горамъ
 Правду-истину извѣдати,
 Святогора попровѣдати?
 Ужь пошли-ка перваго богатыря,

Стараго удѣла Илью Муромца:

Тутъ они, какъ Богъ положить на душу,
Либо силушки другъ у друга отвѣдаютъ,
Либо же крестами побратаются.“

Какъ вскочилъ тутъ старый на рѣзвы ноги,
Выходилъ изъ-за скамеечекъ окольныхъ,
Воспрогдворилъ да таковы слова:

„Гой еси ты, батюшка Владиміръ князь!
Вѣрно слово молвилъ младъ Алешенька:
Соизволь мнѣ съѣздить ко Святымъ Горамъ;
Не довлѣетъ сильному богатырю
На покоѣ дома жить, животь кормить.“

Отвѣчаетъ батюшка Владиміръ князь:

„Ай ты, старый Илья Муромецъ Ивановичь!
Поѣзжай же ко Святымъ Горамъ,
Да бери себѣ въ товарищи любимые
Изо всѣхъ богатырей здѣсь самолучшаго.“

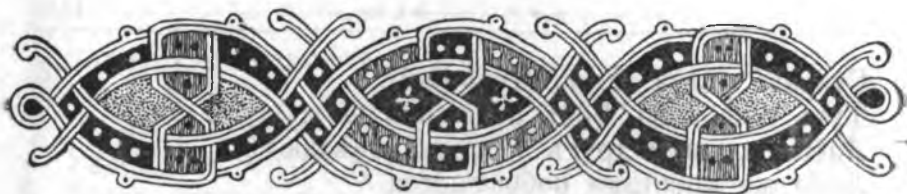
Говоритъ тутъ старый Илья Муромецъ:

„Ай же ты, Добрынюшка Никитичъ младъ!
Возставай-ка на рѣзвы ноги,
Сваряжайся-ка во путь-дороженьку,
Поѣзжай со мною во товарищахъ:
На лугахъ на тѣхъ на Леванидовыхъ,
У креста того у Леванидова,
Мы съ тобою побратаемся,
Золочеными крестами помѣняемся,
Да отъ рѣзтани, два братица названыхъ,
Учинимъ поѣздку богатырскую.“

Говоритъ Алешенька Поповичъ младъ:

„По пути-то только, братцы, не забыть бы вамъ
Понавѣдаться къ попамъ соборнымъ,
Заказать впередъ двѣ службы свадебны,
Чтобы послѣ дѣло не замѣшкалось,
Какъ съ чистою поля вернѣтесъ съ поленицами,
Со Микуличнами ко злату вѣнцу.“

Ничего на рѣчь ту старый не отвѣтствовалъ,
Выходилъ съ Добрынею изъ гридни вонъ.
Съ пиру всё домой тутъ убираются.
Тѣмъ и пиръ и старина кончаются.

БЫЛИНА ТРИНАДЦАТАЯ.

Добрыня Никитичъ и Настасья Микулична.

Какъ не солнышко надъ градомъ Кіевомъ
Восходило выше облака ходячаго,
Не Днѣпра-рѣка изъ береговъ крутыхъ
Выступала, разливалась —
Выходили-выступали старъ и младъ
Посмотрѣть на ту поѣздку богатырскую:
Снаряжались въ полѣ, собиралися
Два могучихъ русскіихъ богатыря:
Молодой Добрынюшка Никитичъ младъ
Да матѣрый, старый Илья Муромецъ.
Что ясенъ соколъ удалъ Добрынюшка:
Погубиль-побиль онъ змѣище Горынчище;
Илья Муромецъ того удалѣ:
Погубиль-побиль онъ Соловья разбойника;
А и нѣтъ обоимъ равныхъ на сушѣ,
Нѣтъ обоимъ супротивниковъ и на морѣ.
Какъ подъѣхали къ лугамъ ко Леванидовымъ,
Ко тому кресту ко Леванидову,
На коняхъ тутъ трѣ раза обнялися,
Трѣ раза поцѣловалися,
Золочеными крестами побраталися,
Стали звать другъ дружку братьями крестовыми.
И поѣхали могучіе богатыри,
Два крестовыхъ братца да названыхъ,
По чисту полю дорожкой пробойною;
Бзять вмѣстѣ по чисту полю,

Ѣздятъ черезъ горушки высокія,
 Ѣздятъ черезъ рѣчушки глубокія,
 Ѣздятъ по лѣсамъ непроходимымъ;
 День проѣздили, другой и третій день,
 А и нѣтъ имъ супротивника въ чистѣмъ полѣ,
 Нѣтъ поборника по берегамъ крутымъ,
 Нѣтъ повольника да во темныхъ лѣсахъ.

Наѣзжаютъ тутъ они бродучій слѣдъ,
 Ископытъ да лошадиною:
 Вся земля изрыта, проворочена,
 Полны рывины-колодцы ключевой воды.

Говоритъ Добрынь старый Илья Муромецъ:

„Молодой ты братецъ мой Добрынюшка!

Видно, ископытъ-то богатырская.
 Да охота хоть съ богатыремъ посѣхаться,
 Не охота въ сторону сворачивать:

Путь мой все впередъ лежитъ, къ Святымъ Горамъ.

Поѣзжай-ка ты одинъ во слѣдъ богатырю,
 А во Кіевѣ ужъ съ тобою свидимся.“

Распростилися богатыри, разъѣхались:

Старый ѣдетъ далѣ ко Святымъ Горамъ,

Младъ Добрыня—ископытю лошадиною.

Ѣдетъ день Добрынюшка, другой и третій день,

Нагоняетъ во чистѣмъ полѣ богатыря.

А сидитъ богатырь на добромъ конѣ,

А сидитъ еще да въ платьяхъ женскихъ.

Говоритъ себѣ Добрынюшка Никитичъ младъ:

„То вѣдь не богатырь на конѣ сидитъ,

А сидитъ дѣвица, либо женщина,—

Поленица, знать, удѣлая!“

Разъѣзжается Добрыня на богатыря;

Какъ ударилъ палицей булатною

Поленицу въ буйну голову—

Усидѣла поленица, не сворохнется,

И назадъ-то на Добрыню не оглянется.

На конѣ своемъ Добрыня приужахнется,

Отъѣзжаетъ прочь Добрыня отъ богатыря.

А стоитъ въ чистѣмъ полѣ могучій сырой дубъ,

Сырой дубъ въ объемъ во человѣческой.

Наѣзжалъ Добрынюшка на сырой дубъ,

Испытати силу богатырскую;
 Какъ ударилъ палицей во сырой дубъ —
 Расщепилъ весь сырой дубъ по ластиньямъ,
 Самъ проговоришь да таковы слова:

„Видно, сила у Добрынюшки по-прежнему,
 Видно, смѣлость у Добрыни не по-прежнему.“
 Возвращается Добрынюшка Никитичъ младъ,

Нагоняетъ поленицу онъ удалую;
 Какъ ударилъ поленицу въ буйну голову —
 Усидѣла поленица, не сворохнется,
 И назадъ-то на Добрыню не оглянется.
 На конѣ своемъ Добрыня приужахнется,
 Отъѣзжаетъ прочь отъ поленицы отъ удалыя:

„Смѣлость у Добрынюшки по-прежнему!
 Видно, сила у Добрыни не по-прежнему!“

А стоитъ въ чистомъ полѣ могучій сырой дубъ,
 Сырой дубъ да въ два объема человѣческихъ.
 Наѣзжалъ опять Добрынюшка на сырой дубъ,
 Какъ ударилъ палицей во сырой дубъ —
 Расщепилъ весь сырой дубъ по ластиньямъ:

„Видно, сила у Добрынюшки по-прежнему,
 Видно, смѣлость у Добрыни не по-прежнему.“

Разгонялъ Добрынюшка добра коня,
 Наѣзжалъ на поленицу въ третій разъ,
 Да ударилъ поленицу въ буйну голову.
 На конѣ тутъ поленица сворохнулася,
 На Добрыню поленица оглянулася,
 Говоритъ сама да таковы слова:

„Я-то думала, комарики покусывають,
 Ань то русскіе богатыри пощелкивають!“

Ихватила за желты кудри Добрынюшку,
 Сдѣрнула Добрынюшку съ коня долой,
 И спустила во глубокъ мѣшокъ во кожаный.
 Какъ повезъ ихъ было ея добрый конь
 По раздольцу да по чисту полю,
 Говоритъ ей добрый конь, провѣщился:

„Ай же ты, хозяйшка любимая,
 Молода Настасья дочь Микулична!
 Не могу везти я двухъ богатырей:
 Силой-то богатырь супротивъ тебя,

Смѣлостью богатырь да вдвоёмъ тебя.“

Вынимала тутъ Настасья дочь Микулична
Изъ мѣшка изъ кожанца богатыря,
Говорить сама да таковы слова:

„Если старъ богатырь—голову срублю,
Если младъ богатырь—во полднъ возьму,
Если мнѣ въ любовь придетъ—замужъ пойду,
Не прелюбится—въ ладонь складу, другой прижму,
Сдѣлаю богатыря въ овсяный блинъ.“

Какъ взглянула на младѣ Добрынюшка,
Прилюбился ей Добрынюшка, понравился:
„Здравствуй, душенька, молоденькій Добрынюшка!“

Говорилъ на то Добрыня, спрашивалъ:
„Ай же, поленица ты удалая!
Ты почему узнала молода Добрынюшку?
Самъ тебя не знаю, не видалъ досель.“

„А бывала я во стольномъ Кіевѣ,
Тамъ видала молода Добрынюшку,
А Добрынь негдѣ увидать меня.
Дочка я Микулы Селянинова,
Молода Настасья дочь Микулична,
А поѣхала во чисто поле поляковать,
Поискать себѣ да супротивника.
Какъ возьмешь меня, Добрыня, во замужество,
Сдѣлаешь со мною заповѣдь великую—
Отпущу тебя, Добрыня, я во живности;
Не возьмешь меня—въ ладонь складу, другой прижму,
Сдѣлаю тебя въ овсяный блинъ!“

„Ахъ ты, молода Настасья дочь Микулична!
Ты спусти меня, Добрыню, да во живности,
Сдѣлаю съ тобой я заповѣдь великую,
И приму съ тобой да по злату вѣнцу.“

Сдѣлали тутъ заповѣдь великую,
И поѣхали ко стольну граду Кіеву.
Какъ пріѣхали во стольный Кіевъ градъ,
Билъ челомъ Добрыня рѣдной матушкѣ,
Той честной вдовѣ Афимѣ Александровнѣ.
Выпросилъ прощеньице-благословеньице,
Заводилъ почѣстенъ пиръ на всѣхъ богатырей,
На своихъ на братицѣвъ названныхъ,

Не позвѣлъ на пиръ лишъ брата мѣньшаго,
Пересмѣшника Алешеньку Поповича,
Принималъ съ Настасьей по злату вѣнцу,
Сталъ съ Настасьей вѣкъ корѣтати.

Тутъ ли имъ и счастье и вѣнецъ,
И старинушкѣ моеѣ концецъ.

БЫЛИНА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ.

Илья Муромецъ и Святогоръ ⁽⁵²⁾.

Ой ты гой еси, лихой охотничекъ,
Старый богатырь Ильюша Муромецъ!
Полеваль онъ, старый, во чистомъ полѣ,
Люта звѣря на копье ловиль,
Соболѣй-куницъ да на низдкъ низаль.

Подъѣзжаетъ старый ко Святымъ Горамъ,
Въѣхаль старый на Святы Горы,
Услыхаль тутъ превеликій шумъ:
Всколыбалась мать-сырѣ земля,
Зашатались темны лѣсушки,
Замутились быстры рѣченьки,
Выливались изъ береговъ крутыхъ.
Видитъ старый: на добромъ конѣ
Ѣдетъ шагомъ богатырь-гора,
Ростомъ выше дерева стоячаго,
Головою въ небо упирается,
Ѣдетъ, самъ подремливаетъ сѣдючи.

„Что за чудо?“ говоритъ Илья:
„Богатырь да на конѣ заснулъ?
Могъ бы выспаться и во бѣлдомъ шатрѣ.
Знать, не русскій богатырь то, а невѣрный есть.“

Разгорѣлось у Ильюши ретивѣ сердце,
И наганивалъ коня онъ со чистѣ поля,
Со чистѣ поля да во первѣй наконѣ,
Палицей ударилъ крѣпко-на-крѣпко
По плечамъ могучимъ богатыря,

Думаль, что богатыря съ конемъ убилъ.
 Богатырь впередъ все ѣдетъ, не оглянется,
 Ёдетъ, самъ подремливаетъ сѣдючи.

„Что за чудо?“ говоритъ Илья:
 „Какъ доселѣ отъ руки Ильюшиной
 На конѣ никто да усидѣть не могъ.
 Дай-ка, поразѣдусь во второй наконь.“

И наганиваль коня онъ со чиста поля,
 Со чиста поля, да во второй наконь,
 Палицей ударилъ крѣпко-на-крѣпко
 По плечамъ могучимъ богатыря,
 Думаль, что богатыря съ конемъ убилъ.
 Богатырь впередъ все ѣдетъ, не оглянется,
 Ёдетъ, самъ подремливаетъ сѣдючи.

„Видно, худо все еще его ударилъ я!
 Дай-ка, поразѣдусь во третій наконь.“
 И наганиваль коня онъ во третій наконь,
 Палицей ударилъ крѣпко-на-крѣпко,
 Крѣпко-на-крѣпко да плотно-на-плотно
 По плечамъ могучимъ богатыря.
 Пробудился тутъ богатырь ото крѣпка сна,
 Самъ прогдворилъ да таковы слова:

„До-больна кусаютъ мухи русскія.“
 Взялъ, расправилъ руку богатырскую,
 Захватилъ удѣла русскаго богатыря,
 Положилъ съ конемъ въ глубокъ карманъ,
 И поѣхаль самъ путемъ-дороженькой.

Двое суточекъ ихъ возить добрый конь,
 А на третьи у коня у богатырскаго
 Стали рѣзвы ножки подгибаться,
 Сталь могучій конь да спотыкаться,
 По колѣна во сырѹ землю угрязывать.
 Бралъ богатырь плеточку шелковую,
 Билъ коня да по тучнымъ бедрамъ,
 Самъ коню да приговариваль:

„Ай ты, волчья сыть да травяной мѣшокъ!
 Ты чего идешь да спотыкаешься?
 Аль невзгоду надо мною вѣдаешь?“

Отвѣчаетъ добрый, богатырскій конь,
 Человѣчьимъ голосомъ провѣщилъся:

„Какъ же мнѣ не спотыкаться?
 Все возилъ я одного богатыря,
 А теперъ вожу ужъ третьи сутки
 Двухъ могучихъ сильныхъ богатырей,
 Третьяго—коня да богатырскаго.“

Вынималъ Илью богатырь изъ кармана вонъ
 Со конемъ со богатырскимъ,
 Сталъ Илью выпрашивать, вывѣдывать:

„Кто ты есть такой, удалый добрый молодецъ?“

Говорить ему удалый добрый молодецъ:

„Я—богатырь святорусскій съ стольна Кіева,
 Старый Илья Муромецъ да сынъ Ивановичъ,
 А поѣхалъ посмотрѣть, узнать
 Святогора славнаго богатыря.“

Не съѣзжаетъ онъ на матушку-сырѹ землю,
 Не является къ намъ, русскимъ богатырямъ.“

„Ай же ты, удалый, старый Илья Муромецъ!
 Самъ вѣдь Святогорь-богатырь предъ тобою есть.
 Я съѣзжалъ бы къ вамъ на матушку-сырѹ землю,
 Да не носитъ мать-сыра земля меня,
 Не дано мнѣ ѣздить на святую Русь,
 Ёздить можно мнѣ лишь по горамъ высокимъ
 Да по щелейкамъ по толстымъ.“

Мы съ тобой поѣздимъ-ка по щелейкамъ,
 Мы поѣздимъ-ка да по Святымъ Горамъ.
 По крестовому по брѣтовству я бѣльшій братъ,
 Будешь ты, Илья, мнѣ меньшій братъ.“

Тутъ они крестами помѣнялися,
 Братьями крестовыми назвалися,
 Стали вмѣстѣ разѣзжать по щелейкамъ,
 Разѣзжать-гулять да по Святымъ Горамъ.

И наѣхали они на чудо чудное,
 Чудо чудное, да диво дивное:
 Осередь пути великій гробъ стоитъ,
 Краснымъ золотомъ обложенъ весь, повѣложенъ,
 А на крышкѣ подпись да подписана:

„На кого состроенъ сей великій гробъ,
 На того онъ и поладится.“

Говорить богатырь Святогоръ Ильѣ:

„Ты послушай-ка, мой меньшій братъ,

Ты ложись-ка первый во великій гробъ:
Не поладится ли на тебя, Илью?*

Опускался старый со добра коня
И^а ложился во великій гробъ:

Не по немъ широкъ и дологъ былъ великій гробъ.
Говорить богатырь Святогоръ Ильѣ:

„Ты послушай-ка, мой меньшій братъ,
Не твое тутъ мѣсто, не тебѣ и спать.
Дай-ка, я прилягу: не по мнѣ ли онъ?“

Опускался самъ богатырь со добра коня,
И ложился во великій гробъ:
Какъ по немъ состроенъ былъ великій гробъ.
Говорить богатырь таковы слова:

„На меня состроенъ сей великій гробъ;
Хорошо здѣсь во гробу-то жить!
Ты послушай-ка, мой меньшій братъ,
Ты возьми-ка да закрой меня
Тою крышкою дубовою гробовою.“

Отвѣчаетъ братцу Илья Муромецъ:

„Не закрою я тебя, мой большій братъ,
Тою крышкою дубовою гробовою.
Шутку шутишь ты не малую:
Во живыхъ собрался хоронить себя.“

Какъ беретъ тутъ самъ богатырь, накрывается
Тою крышкою дубовою гробовою—
А та крышечка изволомъ Божиимъ
Сораслась со гробомъ во одно мѣсто.

И воззвалъ изъ гроба Святогоръ къ Ильѣ:

„Ты послушай-ка, мой меньшій братъ,
Какъ ни буюся, какъ ни силюся,
Не могу я крышки надъ собой поднять!
Ты берись-ка за тѣ доски за дубовыя,
Открывай-ка по одной доскѣ.“

Брался старый за тѣ доски за дубовыя,
Оторвать не можетъ никакой доски:

„Ты послушай-ка, мой большій братъ,
Не могу открыть я никакой доски.“

„Такъ бери-ка ты мой славный, богатырскій мечъ,
Разруби-ка крышку острымъ мечомъ.“

Брался старый за тотъ славный Святогоровъ мечъ,

Ставь рубить по крышѣ по гробовой,
Отъ ударовъ отъ зельныхъ искры сыплются,

А куда ударить богатырскій мечъ—
Тамъ желѣзный обручъ ставится.

Со сырѣй земли не могъ меча поднять.

„Ты послушай-ка, мой большій братъ,
Не могу меча я и съ земли поднять.“

„Ты послушай-ка, мой меньшій братъ,
Наклонись ко крышкѣ ко гробдвоей,
Припади ко малой щёлочкѣ:

Дуну на тебя я духомъ богатырскимъ.“

Наклонился онъ ко крышкѣ ко гробдвоей,
Припадалъ ко малой щёлочкѣ:

Дунулъ Святогоръ на старого

Тѣмъ могучимъ духомъ богатырскимъ

И почувялъ старый, какъ въ немъ силушки

Втрое противъ прежняго прибавилось;

Приподнялъ съ земли онъ богатырскій мечъ,

Сталъ рубить по крышкѣ по гробдвоей,

Отъ ударовъ отъ великихъ искры сыплются,

А куда ударить богатырскій мечъ—

Тамъ желѣзный обручъ ставится.

Воззывалъ богатырь Святогоръ опять:

„Душно, душно мнѣ, мой меньшій братъ!

Ты руби-ка вдоль по крышкѣ по гробдвоей.“

Рубить старый вдоль по крышкѣ по гробдвоей,

Отъ ударовъ искры сыплются,

А куда ударить богатырскій мечъ—

Тамъ желѣзный обручъ ставится.

„Задыхаюсь я, мой меньшій братъ!

Наклонись ко крышкѣ ко гробдвоей,

Припади ко малой щёлочкѣ:

Дуну на тебя всеѣмъ духомъ богатырскимъ,

Передамъ тебѣ всю силу богатырскую.“

Отвѣчаетъ братцу Илья Муромецъ:

„Будеть силушки съ меня, мой большій братъ.

Передашъ ты мнѣ всю силу богатырскую—

И меня носить не станетъ мать сырѣ-земля.“

Говоритъ богатырь Святогоръ Ильѣ:

„Хорошо ты сдѣлалъ, меньшій братъ,

Что послѣдняго наказа не послушался:

Мертвымъ духомъ бы я на тебя дохнулъ,

Мертвымъ самъ бы ты у гроба легъ.

А теперь прощай, мой меньшій братъ!

Видно, тутъ мнѣ Богъ и смерть судилъ.
 Богатырскій мечъ возьми себѣ,
 А добра коня оставь хозяину,
 Привяжи ко гробу богатырскому:
 Никому не сладить съ нимъ, oprичь меня.“

И прошли изъ ясныхъ очушекъ
 Слѣзы у него горячія,
 И сложилъ онъ руки богатырскія
 На бѣлы груди на богатырскія,
 И принялъ себѣ онъ смерть великую,
 И пошелъ изъ гроба мертвый духъ.
 Тутъ простился старый со богатыремъ,
 Святогорова добра коня
 Привязалъ ко гробу богатырскому,
 Опясалъ славный Святогоровъ мечъ, ⁽⁵³⁾
 И поѣхалъ во раздольице чисто поле.
 Тутъ ли Святогору и славу поють.

БЫЛИНА ПЯТНАДЦАТАЯ.

Илья Муромецъ и Идолище.

Не тычинушка въ чистомъ полѣ шатается—
На добромъ конѣ несется-подвигается
Матерой, удалый добрый молодецъ,
Старый Илья Муромецъ да сынъ Ивановичъ.
Ишетъ—не отыщеть супротивничка;
А идетъ на встрѣчу добру молодцу
Старая калика переходящая;
Не идетъ каличище—шатается,
Костылемъ-клюкою подпирается,
Подъ каликой мать-земля да подгибается.
Волосомъ бѣла калика, бородой сѣда,
Гуня на каличищѣ во тридцать пудъ,
Шляпа на каличищѣ во девять пудъ,
А клюка горбатая въ косу сажень,
Вѣсомъ-то сама во сорокъ пудъ.
Увидаль Илья великое каличище,
Разгорѣлось сердце богатырское,
Напущался на калику онъ съ чиста поля
Поотвѣдать силы богатырскія.

Говоритъ ему калика переходящая:

„А не честь же, не хвала богатырю
Напущаться на калику переходящую.
Свѣтъ ты, государь мой Илья Муромецъ!
Не узналъ ты, видно, старое каличище?
Я вѣдь сильное, могучее Иванчище:
Въ Муромѣ учились вмѣстѣ грамотѣ.“

Говорить каликѣ Илья Муромецъ:

„Ай ты, сильное, могучее Иванище!
Ты отколь идешь, куда бредешь,
Свой каличій путь куда держишь?“

„И иду отъ стольпаго отъ Кіева,
А бреду на Ерусалимъ градъ,
Господу ли Богу помолитися,
Во Ердани ли во рѣченькѣ купатися,
Въ кипарисномъ деревцѣ сушитися,
Ко Господнему ко гробу приложитися.

„Ты скажи-ка мнѣ, могучее Иванище,
Все ль у насъ во Кіевѣ по-старому,
Все ль у насъ во стольномъ по-прежнему?“

„Свѣтъ ты, государь мой Илья Муромецъ!
Какъ во Кіевѣ-то не по-старому,
Какъ во стольномъ-то не по-прежнему:

Какъ наѣхало Идѣлище великое
Со своею силушкой поганою, ⁽⁵⁴⁾

Кіевъ градъ на много верстѣ обставило,
А у князя солнышка Владиміра

Не случилось дома сильныхъ богатырей:

Во чистѣ поле разѣхались поляковать;

Были двое лишъ: Алеша сынъ Леонтьевичъ

Да еще молоденькій Добрынюшка—

Хоть и смѣлъ Алешка, не удалъ вѣдь онъ:

Не посмѣлъ Алешка ѣхать во чистѣ поле

Супротивъ той силушки поганяя,

Супротивъ Идѣлища великаго; ⁽⁵⁵⁾

А Добрыня—какъ вернулся со чистѣ поля

Съ поленицею Настасьею Микуличной,

Да какъ принялъ съ нею по злату вѣнцу—

Ничего онъ на бѣлѣмъ свѣтѣ не вѣдаеть,

Съ молодой женою вѣкъ коратаеть.

Какъ же тутъ не убояться князю солнышку?

Выходилъ онъ ко Идѣлищу великому,

Выходилъ со низкими поклонами,

Со подарочками драгоцѣнными,

Звалъ къ себѣ въ палаты бѣлокаменны,

Хлѣбца-соли у себя покушати

Да калачиковъ крупитчатыхъ порушати.

И зашло Идѣлище великое
 Въ княженецкія палаты бѣлокаменны,
 И садилось за столы дубовые,
 Ко княгинѣ ко Апраксѣи лицомъ сидить,
 Къ самому ко князю солнышку хребтомъ сидить,
 По быку по цѣлому да выти ѣсть,
 По котлу по цѣлому да пива пьеть.

Самъ сидить, надъ княземъ похваляется:
 — Какъ святые образа-то все поклоты,
 Во черной грязи да все потоптаны,
 Во церквахъ во Божьихъ кѣни кормятся... — “

„Что же ты, могучее Иванище,
 Не очистилъ града Кіева,
 Не убилъ поганого Идѣлища?“

„Ахъ ты, свѣтъ мой, государь да Илья Муромецъ!
 Вѣкъ такого вора я не видываль,
 Слыхомъ про такого вора да не слыхиваль:
 Въ долину двѣ сажени печатныхъ,
 Въ ширину сажень печатная;
 Межъ глазами пята мѣрная,
 Межъ ноздрями каленѣ стрѣла,
 Головище что лоханище,
 А глазища что пивныя чашища.
 Устрашился я Идѣлища великаго,
 Не посмѣлъ идти я на поганое.“

„Ай ты, сильное, могучее Иванище!
 Силы у тебя есть въ два меня,
 Смѣлости-удачи нѣтъ и въ полъ меня.
 Разболакивай-ка гуню стариковскую,
 Разувай-ка лапотки-обтопточки,
 Подавай-ка шляпоньку пуховую,
 Ключушку-вѣлжанку горбатую во сорокъ пудъ;
 Сокручусь каликой перехожею:
 Не узнало бы Идѣлище поганое
 Добра мѣлодца да Илью Муромца.“

Пораздумалось могучее Иванище,
 Пораздумалось да порасплакалось:
 „Ахъ ты, свѣтъ мой, государь да Илья Муромецъ!
 Какъ не ты просилъ бы платицевъ каличиныхъ,
 Да не отдалъ бы я платицевъ каличиныхъ:

Вплетенò въ мои во лапотки-обтопточки
 По драгòму камню самоцвѣтному,
 Да не для-радї красы-басы угожества,
 Ради темныхъ поченокъ осеннихъ;
 Съ чести не отдать тебѣ — ты нѣ съ чести возьмешь,
 Нѣ съ чести возьмешь, еще и бокъ набьешь.“

Разболакивалъ онъ гуню стариковскую,
 Разувалъ онъ лапотки-обтопточки,
 Скидывалъ онъ шляпоньку пуховую,
 Клюшку-волжанку горбатую въ землю воткнулъ —
 И ушла клюка до самой до коковочки.
 Сокрутился Илья Муромецъ каликою,
 Говорить самъ таковы слова:

„Надѣвай-ка на себя, Иванище,
 Платице мое ты богатырское,
 Обувай-ка башмачки мои сафьянные,
 Да садись-ка на коня на богатырскаго.
 На улòвномъ на мѣстечкѣ обождешь меня.
 Какъ раздѣлаюсь съ поганымъ — отыщу тебя.“
 И сажалъ его онъ на добра коня,
 Во двѣнадцать во сѣдлышекъ засѣдывалъ,
 Во двѣнадцать во подпруговъ да подтягивалъ.
 Какъ поѣхалъ по чисту полю Иванище,
 Безъ ума несется на конѣ, безъ памяти,
 Радъ бы выпасть изъ сѣдла — да нѣ можно.

А Илья со матушки-сырой земли
 Клюшку-волжанку горбатую повѣдёрнулъ,
 Сталъ съ горы да на гору поскакивать,
 Сталъ съ холма да на холмъ перепрядывать.
 Скоро скажется, да тихо сдѣтается...

Приходилъ Илья во стольный Кіевъ градъ,
 Подходилъ къ палатамъ княженецкіимъ,
 Становился подъ окошечко косящато,
 Закричалъ да зычнымъ голосомъ:

„Ужь ты гої еси, Владиміръ стольно-кіевскій!
 Сотвори-ка ты каликѣ перехожеей
 Милостыню золоту гривну
 Для-радї Христа Царя небеснаго,
 Ради пресвятыя Богородицы!“

Отъ того ли да отъ крику богатырскаго

Бѣлокаменны палаты зашаталися,
Изъ оконницъ стеклышки посыпались,
На столахъ напитки расплескались,
За столомъ князья да бояре припадали,
У Иддлица сердечко приужахнулось;
Бросилось поганое по плечъ въ окно,
Говорить само князю Владиміру:

„Голосастые калики на Руси у васъ!
Позови-ка ты калику во высдкъ терёмъ.“

Выходилъ Владиміръ на крыльцо переднее,
Говорилъ каликѣ перехожей:

„Ай же ты, калика перехожая,
Перехожая сума ты перемѣтная!
Ты поди-ка во высдкъ терёмъ.“

Проходилъ калика во высдкъ терёмъ,
На крыльцо зашелъ—крыльцо заскрипнуло,
По мостамъ идетъ—мосты погнулися,
Заходилъ во гридню во столовую,
Клалъ тутъ крестъ да по писаному,
Вель поклоны по учёному,
Князя со княгинею поздравствовалъ,
Одному Иддлицу челомъ не билъ.
Говорить Иддлице поганое:

„Ай же ты, калика перехожая,
Перехожая сума ты перемѣтная!
Ты по платицамъ идешь хотъ старчищемъ,
По походочкѣ ты добрый млодець:
По шагамъ твоимъ весь терёмъ ходундмъ ходить.
Ты коей земли, старикъ, коей орды?“

„Я, старикъ, изъ славнаго изъ Мурома,
А хожу каликой по святой Руси.“

„Если ты изъ славнаго изъ Мурома,
Если ходишь по святой Руси,
То видалъ и Илью Муромца богатыря.
Ну, каковъ собой, великъ ли ростомъ онъ?“
Говорить калика перехожая:

„Не огромный богатырь нашъ Илья Муромецъ;
Хошь узнать его, такъ на меня гляди:
Ладятся у насъ съ нимъ платья цвѣтныя,
Возрастомъ да волосомъ онъ ровня мнѣ.“

„А помногу ль ѣсть вашъ Илья Муромецъ,
А помногу ль пьеть онъ зеленà вина?

„Ѣсть и пьеть Илья во славу Божию,
Съѣсть калачикъ—по другомъ душа горить,
Скушаетъ другой—и сытъ съ того.
Выпьеть чарку—по другой душа горить,
Скушаетъ другую—и доволенъ съ той.“

„Что же онъ за богатырь какой!
Быль бы здѣсь вашъ Илья Муромецъ,
На ладонь бы посадилъ его, другой прижалъ;
Межь ладонями мокрò бы лишь повѣжалось;
Взялъ бы да и дунулъ во чистò поле!
Я какъ стану хлѣба-выти ѣсть—
Съѣмъ по три печй печеныхъ,
Да во шахъ схлабаю по быку по русскому,
Закушу лебедушкою бѣлою;
Пить какъ стану зеленà вина—
Выпью духомъ три ведра да мѣрныхъ.“

Говоритъ калика переходящая:
„И у князя нашего Владиміра
было старое кобѣлище-обѣдище,
Много ѣло—только треснуло,
Было старое кордвище-обжорище,
Много пило—только лопнуло.
Тоже будетъ и тебѣ, поганому.“

Таковò слово ему за гнѣвъ пало,
Со стола схватило нòжище-кинжалище
Да бросаетъ во калику переходящую,
Во матѣраго Илью во Муромца.
Быль же тутъ Илья на ножки пòвертокъ,
Скоро онъ отъ ножики отскакивалъ,
Ключкой ножикъ отъ себя отваживалъ,
Пролетѣло мимо нòжище-кинжалище,
Угодило въ дверь дубовую;
Выскочила дверь да съ ободвериной,
Улетѣла во чистò поле,
Тамъ двѣнадцать ли татаровей поганыихъ
За мертво убила, остальныхъ поранила.
Проклинають тутъ татаровья Иддище:
„Будь ты трое прòклято, поганое!“

А Илья стоитъ да усмѣхается:

„Мнѣ родитель-батюшка наказываль:
Ты скорѣй долги свои уплачивай,
Лучше во другой тебѣ повѣрять, дитятко.“

Какъ захватить шляпу стариковскую,
Да махнетъ въ Иддолице великое—
Попадаль ему во буйну голову,
Повалилося поганое, захамкало.

Говорить Ильюша таковы слова:

„А не честь же, не хвала мнѣ молодецкая
Окровавити палаты княженецкія,
Выведу его я на крылѣчко.“

Бралъ Иддолице онъ за желты кудри,
За желты кудри да за бѣлы руки,
Выводилъ съ палатъ да на крылѣчко,
Говорилъ самъ таковы слова:

„А не честь же, не хвала мнѣ молодецкая
Окровавити крылечко княженецкое,
Выведу его я на широкій дворъ.“

Выводилъ его онъ на широкій дворъ:

„А не честь же, не хвала мнѣ молодецкая
Окровавити да княженецкій дворъ,
Выведу его я во чисто поле.“

Выводилъ его онъ во чисто поле,
Захватилъ поганого тутъ за ноги,
Началъ имъ по силушкѣ помахивать,
Самъ, помахивая, приговаривать:

„Сторонитесь, люди православные!

Не попасть бы вамъ подъ махи подъ татарскіе,
Какъ оружье-то мнѣ, братцы, по плечу пришло.“

Бьетъ поганыхъ онъ, охаживаетъ три часа,
Не оставилъ окаянныхъ и на сѣмена.

Вынималъ тутъ славный Сятогоровъ мечъ,
Подъ плечъ голову срубилъ Иддолицу. ⁽⁵⁶⁾

Подходилъ Владиміръ, низко кланялся:

„Гой ты, батюшка нашъ, старый Илья Муромецъ!
Чѣмъ тебя пожаловать, учествовать,
Что очистилъ отъ невѣрныхъ Кіевъ градъ.
Что избавилъ насъ отъ плона великаго?“

Отвѣчаетъ старый Илья Муромецъ:

„Что мнѣ надобно, каликѣ перехожеей?
 На приходѣ гостя не учествовалъ,
 На походѣ гостя не учествуешь.“

Подходилъ тутъ и Алешенька Поповичъ младъ,
 Говорилъ Ильѣ да таковы слова:

„Ай ты, старый Илья Муромецъ Ивановичъ!
 У кого ты отнял богатырскій мечъ?

Гдѣ набрался силы, чтобъ съ земли поднять?“

Разказалъ Илья, какъ Святогоръ, кончаючись,
 Завѣщалъ ему свой богатырскій мечъ,
 Какъ могучимъ духомъ на него дохнулъ,
 Какъ съ того въ немъ силы втрое прибыло,
 И приподнял онъ съ земли великій мечъ.

Поклонился и Алешенька тутъ старому.

„Исполать тебѣ, могучему богатырю!
 Ты прости-ка мнѣ, забудь тѣ рѣчи глупыя!
 Ты прими-ка и меня теперь, Алешеньку,
 Во свои во братья во крестовые!“

„Принялъ старый смѣлаго Алешеньку
 Во свои во братья во крестовые,
 Самъ назадъ во чисто поле вордчался
 Къ сильному, могучему Иванищу.
 На Иванищѣ-то платьѣ попритаскано,
 Попритаскано да попритѣрзано
 Отъ добра коня отъ богатырскаго.
 Снялъ Илья Иванище съ добра коня,
 Разболакиваетъ гуню стариковскую,
 Разуваетъ лапотки-обтопточки,
 Надѣваетъ платьѣ богатырское,
 Самъ садится на добра коня,
 Со каличишемъ Иванишемъ прощается:

„А теперь прощай, могучее Иванище!
 Впредь, смотри, ты больше такъ не дѣлай-ка,
 Выручай крещёныхъ отъ поганыихъ.“

Только и живдъ было Иддолице,
 Только и бралд-то Киевъ градъ,
 А вся честь и слава Ильѣ Муромцу.

БЫЛИНА ШЕСТНАДЦАТАЯ.

Илья Муромецъ въ ссорѣ съ княземъ Владиміромъ (57).

Ѣздитъ старый во чистѣмъ полѣ,
Ѣздитъ старый много времени.
Цвѣтно платье у него поистаскалося,
Золотѣ казна поиздержалася.

Говоритъ себѣ Илейко таково слово:

„Побываль-то я теперь во всѣхъ литвахъ,
Побываль теперь во всѣхъ ордахъ,
Не бываль давно въ одномъ во Кіевѣ;
Я поѣду-ка во Кіевъ, попровѣдаю,
Что такое дѣется во Кіевѣ?“

Пріѣзжалъ Илейко въ стольный Кіевъ градъ;
У Владиміра у князя пиръ на-вѣселѣ,
За столомъ сидитъ до тридцати боярченковъ,
Сильныхъ, могучихъ богатырей.

Входитъ старый въ грядню княженецкую,
Ставится у ободверины,
Крестъ кладетъ да по писаному,
И поклонъ ведетъ да по ученому,
Князю солнышку съ княгинею въ особину:

„Здравствуешь, Владиміръ стольно-кіевскій!
Подишь, кормишь ли заѣзжихъ добрыхъ млодцевъ?
Я къ тебѣ служить заѣхаль вѣрой-правдою.
Не боюсь татаръ я въ полѣ тысячи,
Не боюсь и другой тысячи,
Не пойду въ побѣгъ отъ третьей тысячи;
Да не надобно во помощь мнѣ

Тридцати воронъ со воронятами.“

Не узналъ его Владиміръ стольно-кіевскій:

„Ты отколь, удалый, родомъ-племенемъ?
Именемъ какъ величать тебя,
Отцомъ-батюшкою чествовать?“

„Я—Никита Заолѣшанинъ!“

„Ай же ты, Никита Заолѣшанинъ!
Ты садись-ка съ нами хлѣба кушати;
Есть еще мѣстечко тамъ, на нижнемъ кѣнечкѣ,
Ты садись-ка тамъ по край стола, по край скамьи:
Всѣ другіе мѣстечки у меня позаняты.“

Повели Илейку слуги подѣ руки,
Повели ко нижню кѣнечку,
Усадили тамъ по край стола, по край скамьи.
Говорить Илейко таково слово:

„Ужь ты гоѣ еси, Владиміръ стольно-кіевскій!
Не по чину мѣсто, не по силѣ честь:
Самъ ты, князь, сидишь съ воронами,
А меня ты садишь съ воронятами!“

Какъ хотѣлъ онъ тутъ поладиться, поправиться —
Поломалъ кругомъ скамьи дубовыя,
Подгнулъ сваи всѣ желѣзныя,
Поприжалъ гостей всѣхъ во большій уголъ.

А Владиміру то дѣло не слюбилось:
Возставалъ онъ на рѣзвыя ноги,
Потемнѣлъ самъ, что осеняя ночь,
Да вскричалъ, взревѣлъ, что лютый звѣрь:

„Что же ты, Никита Заолѣшанинъ,
Помѣшалъ мнѣ всѣ мѣста учёныя,
Подгнулъ сваи всѣ желѣзныя:
У меня вѣдь промежь каждаго богатыря

Сваи были кладены желѣзныя,
Чтобъ они въ пиру да напивалися,
Напивалися да не столкалися.

Ай вы, русскіе могучіе богатыри!
Слыхано ли, чтобы васъ, богатырей,
Кто назвалъ ворѣнами да воронятами?

Выходите-ка вы, трое самолучшіе,
Вы берите-ка Никиту подѣ руки,
Выкиньте изъ гридни вонъ на улицу!“

Выходили самолучшихъ три богатыря,
Начали Никитушку подѣргивать,
Пѣчали Никитушку поталкивать;
А Никитушка стоитъ—не шатнется,
На головушкѣ колпакъ не тряхнется:

„Коли хочешь, князь Владиміръ, позабавиться,
подавай еще мнѣ трехъ богатырей!“

Выходили три другихъ богатыря,
Начали Никитушку подѣргивать,
Пѣчали Никитушку поталкивать;
А Никитушка стоитъ—не шатнется,
На головушкѣ колпакъ не тряхнется:

„Коли хочешь, князь, потѣшиться,
Посылай еще хоть трехъ богатырей!“

Выходили третьи три богатыря—
Ничего съ Никитой не подѣлали.
Говоритъ Никита таковѣ слово:

„Ай ты, князь Владиміръ стольно-кіевскій!
Знать, тебѣ охота попотѣшиться?
Ты теперь изволь-ка на меня глядѣть:
Гляючи, пройдетъ охота тѣшиться.“

Сталь тутъ самъ Никита тѣшиться,
Сталь богатырей поталкивать,
Учалъ сильныхъ, могучіихъ попинывать:
Всѣ богатыри по гридни пораспдлались,
Ни одинъ на ноженки не можетъ встать.

Выходилъ изъ гридни вонъ Никитушка,
Дверьми хлопнулъ—вышибъ ободверины,
Воротами хлопнулъ—вонъ верёюшки,
А точёныя перильца приосыпались.
Князь Владиміръ за печь позадвинулся,
Соболиной шубкой призакинулся:

„Ой, тихонько, братцы, не вордохнетесь:
Не услышалъ бы Никита Заолѣшанинъ!
Какъ услышитъ онъ—вордтится, убьетъ насъ всѣхъ,
Не оставитъ стараго, ни малаго,
Не оставитъ мнѣ, Владиміру, на сѣмена...“

А Илейко, какъ повышелъ на широкій дворъ,
Тугой лукъ разрывчатый натягивалъ,
Каленю стрѣлочку накладывалъ,

Самъ стрѣлѣ да приговариваль:

„Ты лети-ка, стрѣлка, къ кровлямъ златоверхимъ,
Поснимай-ка золочёны маковки!“

Пали на земь золочёны маковки,
Закричалъ Илья да во всю голову:

„Гой вы, голи, гдлюшки кабацкіе,
Доброхоты княженецкіе!

Собирайтесь-ка на княженецкій дворъ,

Обирайте золочёны маковки,

Да несите во царёвъ кабакъ,

Пейте зеленѣ вина тамъ дд-сыта.“

Прибѣгали гдлюшки кабацкіе,

Доброхоты эти княженецкіе,

Обирали золочёны маковки:

„Ай же ты, нашъ батюшка, отецъ родной!“

Шли съ Илейкой во царёвъ кабакъ,

Пропивали золочёны маковки,

Пропивали съ нимъ да заоднёшенько.

А и стали тутъ сумлятися:

„Что-то будетъ намъ отъ князя солнышка,

Что-то отъ Владиміра достанется:

Пропиваемъ мы его всё маковки!

Говоритъ Илья имъ таковыя слова:

„Пейте, голи вы мои, да несумляйтесь:

Я заўтра буду въ Кіевѣ князёмъ княжить,

А вы, голи, будете надъ всёми набольши!“

Стали пить, не стали болѣе сумлятися,

Стали Господа молить за добра мѣлодца.

А на томъ пиру на княженецкоемъ

Донесли солнышку Владиміру:

„Ай ты, князь Владиміръ стольно-кіевскій!

Какъ Никитушка-то Заолѣшанинъ

Со твоихъ со кровель златоверхихъ

Золочёны маковки повѣстрѣлялъ,

Созвалъ всёхъ голей кабацкіихъ,

Пропилъ съ ними золочёны маковки.“

Какъ сидѣлъ при томъ пиру-бесѣдушкѣ

Молодой Добрынюшка Никитичъ младъ,

Говоритъ Добрынюшка Владиміру:

„Князь ты нашъ Владиміръ, красно солнышко!

То вѣдь не Никита Заолѣшанинъ,
То мой братъ крестовый Илья Муромецъ.“

Сталь тутъ князь Владиміръ думу думати
Со боярченками именитыми,
Со богатырями сильными, могучими,
Какъ ему съ Ильей да помиритися:

„Думайте-ка, братцы, думу-думушку,
Думайте-ка, братцы, думу крѣпкую,
Думайте-ка думу, не продумайте:

Ужь кого бы намъ да за Ильей послать,
Во почѣстенъ пирь Илью позвать?

Самому-то мнѣ пойти не хочется,
А Апраксію послать—къ лицу нейдѣтъ.“

Стали всѣ тутъ думу думати:

„Ужь кого бы намъ послать Илью позвать?

А пошлемъ-ка мы Добрынюшку Никитича:

Вѣдь они съ Илейкой братъица крестовые,

Братъица крестовые, названые,

И его Илья, бывало, слушаетъ.“

Шелъ Владиміръ по столовой горенкѣ,

Становился супротивъ Добрынюшки,

Говорить Добрынѣ таковыя слова:

„Ты, молоденькій Добрыня! ужь сходи-ка ты

Къ старому Ильѣ ко Муромцу,

Бей челомъ Илейкѣ, низко кланяйся,

Поклонися до половъ кирпичныхъ,

Что до самой матушки сырѣй земли,

Говори Илейкѣ таковыя слова:

— Какъ послалъ меня къ тебѣ Владиміръ князь

Со княгипей стольной со Апраксіей,

Какъ послалъ просить тебя да на почѣстенъ пирь;

Не узвалъ тебя онъ, добра млодца,

Потому садилъ за столъ на нижнемъ кднечкѣ;

А теперъ онъ просить со усердіемъ,

Со усердіемъ, со радостью великою,

Не велѣлъ на старо гнѣваться.—“

И пошелъ молоденькій Добрынюшка,

Улицей идетъ, а самъ-то думаетъ:

„Не по смерть ли я иду по скорую?

Да колѣ мнѣ не послушать князя солнышка,

Мнѣ отъ князя солнышка не сдобровать!“

И идетъ онъ во царёвъ кабакъ,
И приходитъ во царёвъ кабакъ;
А сидитъ тутъ старый Илья Муромецъ,
Съ голями сидитъ, пьеть-прохлаждается.
И не знаетъ онъ, отколь къ Ильѣ зайти:

„Спереди зайти, такъ хорошо ль прилюбится?
Такъ ужъ лучше же сзади зайду.“

Какъ зашелъ сзади Добрыня, захватилъ Илью,
Захватилъ за плечи за могучія,
Говоритъ самъ таковы слова:

„Ай же ты, крестовый братецъ мой,
Мой названный братецъ, старый Илья Муромецъ!

Ты сдержи-ка руки бѣлыя,
Ты скрѣпи-ка ретивѣ сердце;
Вѣдь пословъ-то ни куютъ, ни вѣшаютъ.

А и кладена у насъ съ тобою заповѣдь,
Заповѣдь не малая, великая:

Меньшему-то брату слушать бѣльшаго,
Большому-то брату меньшаго,

Да стоять обоимъ дружка-за-дружку.

Какъ послалъ меня къ тебѣ Владимірѣ князь
Со княгиней стольной со Апраксией:

Не узналъ тебя онъ, добра мѣлодца,

Потому садилъ за столъ на нижнемъ кѣнечкѣ,

А теперъ тебя онъ проситъ во почѣстенъ пирь

Со усердіемъ, со радостию великою,

Не велѣлъ тебѣ на старо гнѣваться.“

Обернѣтся тутъ Илейко, самъ прогдворить:

„Ай же ты, Добрынюшка Никитичъ младъ!

Ты счастливъ тѣмъ, что сзади зашелъ:

Кабы ты, Добрыня, спереди зашелъ,

Только бы съ тебя, Добрыня, пепель сталъ!

А теперъ тебя не трону, братецъ мой:

Вѣдь закона-то нельзя перѣступитъ.

Ты пойдѣ, скажи-ка князю солнышку:

Пусть-ка для меня, для мѣлодца,

Разошлетъ указы строгіе

По всему по городу по Кіеву

Да еще по городу Чернигову,

Чтобы были на трое на суточекъ
 Всѣ царёвы кабаки отвѣрены,
 Чтобы весь народъ пилъ зеленѣ вино;
 Кто не хочеть зеленѣ вина,
 Тотъ бы пилъ все пива пьянаго;
 Кто не хочеть пива пьянаго,
 Тотъ бы пилъ сладкихъ медовъ:
 Чтобы знали, что наѣхалъ къ Киеву
 Старый Илья Муромецъ Ивановичъ;
 А и пусть-ка для меня, для мѣлодца,
 Заведеть онъ столованьице—почѣстенъ пиръ.
 А коли не сдѣлаеть по мѣму,
 То ему, Владиміру, княжить до утрія.“

Какъ бѣжалъ Добрыня скоро-на-скоро
 Къ ласковому князю ко Владиміру,
 Передѣлъ ему Ильинъ наказъ;
 Какъ тутъ князь Владиміръ скоро-на-скоро
 Разослалъ указы строгіе
 По всему по городу по Киеву
 Да еще по городу Чернигову,
 Чтобы были на трое на суточекъ
 Всѣ царёвы кабаки отвѣрены,
 Чтобы весь народъ пилъ зеленѣ вино,
 Пилъ бездѣнно да безношинно,
 Всѣ бы знали, что наѣхалъ къ Киеву
 Старый Илья Муромецъ Ивановичъ.
 Самъ заводитъ столованьице—почѣстенъ пиръ,
 Забираеть всѣхъ князей да бѣяровъ,
 Всѣхъ могучихъ русскіихъ богатырей,
 А и полениць удѣлыхъ.
 А во кабакахъ никто не пьеть, не кушаетъ,
 Всѣ идутъ ко князю ко Владиміру,—
 Не для хлѣба-соли, не для золотой казны:
 Посмотрѣть идутъ на добра мѣлодца,
 На того на стара Илью Муромца;
 Всѣ на княженецкій дворъ собираются,
 Всѣ тихонько въ гридню пробираются.

Какъ приходитъ тутъ и старый Илья Муромецъ,
 Съ гѣлями приходитъ со кабацкими,
 Какъ идетъ во гридню свѣтлую,

Крестить очи по писаному,
 И ведеть поклоны по учёному,
 Бьетъ челомъ на всѣ четыре стороны,
 Князю со княгинею въ особину.
 Скоро всталъ Владиміръ на рѣзвы ноги,
 Скоро бралъ Илью да за бѣлы руки,
 Цѣловалъ да во уста сахарныя,
 Говорилъ самъ таковы слова:

„Гой еси ты, старый Илья Муромецъ!
 Хоть твое мѣстечко было да пониже всѣхъ,
 Такъ теперь твое мѣстечко да повыше всѣхъ!
 Гой вы, слуги мои, слуги вѣрныя!
 Проводите стараго на мѣсто бѣльшее!“

Не садился онъ на мѣсто бѣльшее—
 Съѣлъ на мѣсто на середнее,
 Рядомъ посадилъ голѣй кабацкіихъ,
 Говорилъ самъ таковы слова:

„Ай же ты, Владиміръ стольно-кіевскій!
 Зналъ, кого послать меня позвать!
 Кабы не Добрынюшка, названный братецъ мой,
 Никого бы не послушалъ здѣсь.
 А было намѣренье наряжено:
 Тугой лукъ разрывчатый натягивать,
 Да стрѣлять сюда, во GRIDНЮ свѣтлую,
 Да убить тебя, князя Владиміра,
 Со княгинею стольной со Апраксией.
 Да на сей разъ Богъ тебя простить
 За твою вину да за великую!“

Понесли гостямъ тутъ яствушекъ сахарныхъ,
 Понесли напитокковъ медвяныхъ,
 Подносили каждому по чарочкѣ;
 Говорить Илья Владиміру:

„Ай ты, князь Владиміръ стольно-кіевскій!
 Тѣмъ ли ты моихъ гостей уподчуешь,
 Тѣмъ ли ты моихъ гостей учествуешь—
 Чарочками да голѣй кабацкіихъ?“

А Владиміру то слово не слюбилось,
 Говорить Ильѣ да таковы слова:

„У меня во погребахъ глубокихъ
 Есть про всѣхъ васъ зеленѣ вино,

Есть про каждаго по бочкѣ-сорокѣвочкѣ
Коли здѣсь не хватить на гостей твоихъ,
Сами спустятся во погреба глубокіе.“

„Ай ты, князь Владиміръ стольно кіевскій!
Такъ ли у тебя гостей да подчуютъ,
Такъ ли добрыхъ мѣлодцевъ да чествуютъ,
Чтобы сами шли за яствами, за питьями?
Звать, мнѣ быть сегодня за хозяина!“

Какъ повскочить старый на рѣзвѣи ноги,
Погребовъ у слугъ не спрашиваль,
Къ погребамъ ключей не требоваль,
Прямо шелъ ко погребамъ глубокімъ,
Двери и колоды вонъ выпиниваль,
Безъ ключей замочки отщѣлкиваль,
Входитъ самъ во погреба глубокіе.
Какъ беретъ тутъ бочку да подъ пазуху,
Какъ беретъ другую подъ другую пазуху,
Третью сорокѣвую ногѣи катить,
Выкатилъ на княженецкій дворъ,
Закричалъ самъ во всю голову:

„Гой вы, голи, гдлюшки кабацкіе!
Выходите-ка на княженецкій дворъ,
Напою я всѣхъ васъ зеленымъ виномъ.“

Сходитъ самъ опять во погреба глубокіе.
Не стерпѣлъ Владиміръ, больно поразгнѣвался,
Закричалъ да зычнымъ голосомъ:

„Гой вы, слуги, слуги вѣрные!
Вы бѣгите-ка скорымъ-скоро,
Скоро-на-скоро да поскорѣшенько,
Заложите въ погребахъ мнѣ мѣлодца,
Позадѣрните чугуною рѣшѣточкой,
Завалите дубьемъ-кѣлодьемъ со всѣхъ сторонъ,
Призасыпьте желтыми песочками,
Поморите смертію голодною!“

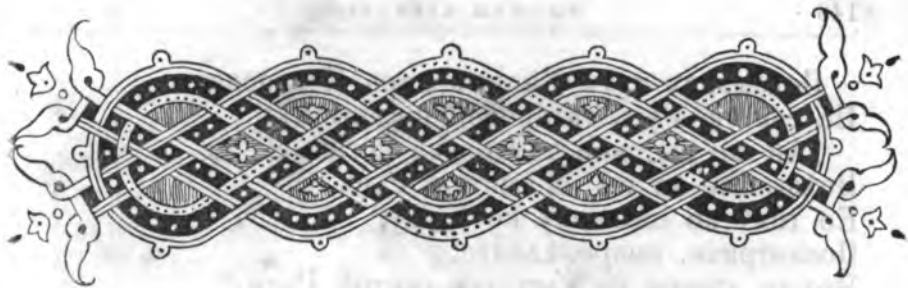
Побѣжали тѣ скорымъ-скоро,
Скоро-на-скоро да поскорѣшенько,
Заложили въ погребахъ Илью,
Позадѣрнули чугуною рѣшѣточкой,
Навалили дубья-кѣлодья со всѣхъ сторонъ,
Да засыпали песками желтыми.

Какъ другимъ богатырямъ то за бѣдѹ пало,
Возставали съ пира не докушавши,
Выходили на широкій дворъ,
Всѣ садились на добрыхъ коней,
Всѣ разѣхались во чисто поле,
Во раздольице широкое:

„А не будемъ же мы больше жить во Кіевѣ,
А не будемъ же служить князю Владиміру!“

Такъ-то въ тѹ пору у князя у Владиміра
Не осталось во Кіевѣ богатырей.

БЫЛИНА СЕМНАДЦАТАЯ.

Илья Муромецъ и Калинъ царь ⁽⁵⁸⁾.

Ой ты, мать-сыра земля, поразступи-ся-ка!
Небеса вы синія, раздайтеся!
Темны тучи, во единое не скопляйтеся!
Богатырской силушкѣ тошнѣхонько,
Горе лютое со старымъ приключилося:
Поразгнѣвался на старого Владиміръ князь,
Приказалъ его своимъ вѣрнымъ слугамъ
Заложить во погребахъ глубокіихъ,
Позадѣрнути чугуною рѣшѣточкой,
Завалити дубьемъ-кдлодемъ со всѣхъ сторонъ,
Призасыпати песками желтыми,
Поморити смертію голодною.
Да была у князя дочка молодѣшенька,
Дочка молодѣшенька была, малѣшенька,
Видитъ: посадилъ Владиміръ князь
Старого во погреба па смерть голодную;
А онъ могъ бы постоять одинъ за Кіевъ градъ,
Могъ бы постоять одинъ за церкви Божія,
Могъ бы поберець ей князя-батюшку,
Могъ бы поберець ей и княгиню-матушку.
И брала ко погребамъ глубокимъ
Во потай она ключи у матушки,
Подкопать велѣла копи тайныя,
Носитъ старому уѣдушки сахарныя,
Ставитъ старому напитокочки медвѣе.
А Владиміръ князь про то не вѣдаетъ.

Подсылалъ тутъ Калинъ царь Калиновичъ
На святую Русь татаровей поганыихъ:

„Ай же вы, мои татаровья поганые!
Поѣзжайте-ка вы на святую Русь,
Ко тому ко славному ко Кіеву,
Посмотрите, попровѣдайте,
Что-то дѣется на матушкѣ святой Руси.“

И поѣхали татаровья поганые
На святую Русь, ко славну Кіеву,
И пріѣхали во стольный Кіевъ градъ.
Посмотрѣли отъ дали поганые
На Владиміра на князя солнышко,
И поѣхали назадъ къ царю-татарину.
Сталь ихъ Калинъ царь выпрашивать:

„Гдѣ же вы, ребята, были-побыли,
Что же вы, ребята, видѣли?“

Говорятъ ему татаровья поганые:
„Были-побыли мы на святой Руси,

Побыли во славномъ Кіевѣ,
Видѣли во Кіевѣ чуднымъ чудно,
Видѣли во Кіевѣ дивнымъ дивно:
Какъ со матушки со церкви Божіей
Шла душа-дѣвица красная,
Книгу на рукахъ несла, евангелъе,
Сколько ни читала, вдвое слезно плакала.“

Говоритъ имъ Калинъ царь Калиновичъ:

„Ай вы, глупые мои татаровья!
Шла то не душа-дѣвица красная,
Шла то мать да пресвятая Богородица,
Книгу на рукахъ несла, евангелъе:
Видѣла надъ Кіевомъ невзгодушку,
Оттого и слезно плакала.“

Не волна на морѣ расходилася,
Не синё море да всколыбалося—
Взволновался Калинъ царь Калиновичъ,
Воспылалъ собака да на Кіевъ градъ.
Ай, собака ты, злодѣй да Калинъ царь!
Думаетъ онъ думушку недобрую,
И совѣтуетъ совѣты нехорошіе:
Хочетъ разорить онъ стольный Кіевъ градъ,

Хочеть чернедь-мужичковъ повырубить,
Церкви Божія на дымъ пустить,
Князю солнышку да голову срубить,
Со княгиней стольной со Апраксией.
Собираеть силы съ сорока земель,
Съ сорока земель да съ сорока царей,
Съ каждымъ силы по сту тысячей,
А съ самимъ собакой силушка несчетная.
Собирается собака ровно три года,
На четвертый во походъ пошелъ:
Не дошелъ до Кіева пятнадцать верстъ,
Становился съ силой у быстра Днѣпра,
Приказалъ всей силушкѣ великой
Во одно мѣсто снести по камешку—
Выросла гора превеличѣюща.
Чтò подъ силой мать-сыра земля не погнется,
Подъ поганой не разступится?
Отъ того отъ пару отъ конинаго
Инъ померкло красно солнышко,
Ни луча не взвидѣть свѣту бѣлаго;
Отъ того отъ духа отъ татарскаго
Нѣ можно крещенымъ живымъ быть.

Какъ разставилъ силу по чисту полю,
Самъ сходилъ собака со добра коня,
Скоро сѣлъ на свой ременчатъ стулъ,
Ярлыки писалъ да скорописчаты,
Не чернилами писалъ; а краснымъ золотомъ,
Ярлыки да запечатывалъ;
Выбиралъ татарина получше всѣхъ:
Мѣрю татаринъ трехъ сажень,
Голова на немъ съ пивной котель,
Промежь плечь татаринъ во косу сажень.
Подавалъ ему онъ грамоту посольную,
Посылалъ его во Кіевъ градъ, наказывалъ:
„Ай же ты, любезный мой посланничекъ!
Знаешь говорить ты да по-русскому,
Про себя мычать да по-татарскому?
Ты бери-ка грамоту посольную,
Ты садись-ка на добра коня,
Поѣзжай-ка да во славный Кіевъ градъ,

Ко тому ко князю солнышку на шірокъ дворъ,
 Станови добра коня середь двора,
 Не привязывай коня и не приказывай,
 Проходи прямёхонько да не съ упадкою
 Въ грядни свѣтлыя, въ палаты княженецкія,
 Отворяй въ палаты двери на-пяту,
 Не снимай и шапки со головушки,
 Богу русскому не кланяйся,
 Князю солнышку челомъ не бей,
 Полагай лишь ярлыки на злотъ столъ,
 Пословечно выговаривай:

— Ай ты, солнышко князь стольно-кіевскій!

Ты бери-ка ярлыки да во бѣлы руки,
 Распечатывай-ка ярлыки, развертывай,
 Каждое словечко въ нихъ высматривай.—
 Безъ поклона повернись тутъ да поди съ палать,
 На коня садись да поѣзжай назадъ.
 Во свою во силушку великую.“

И поѣхалъ тотъ посланничекъ во Кіевъ градъ,
 Дѣлалъ дѣло повелѣное:

Заѣзжалъ на шірокъ княженецкій дворъ,
 Становилъ добра коня середь двора,
 Не привязывалъ коня и не приказывалъ,
 Проходилъ прямёхонько да не съ упадкою
 Въ грядни свѣтлыя, въ палаты княженецкія,
 Отворялъ въ палаты двери на пяту,
 Не снималъ и шапки со головушки,
 Не молился Спасу образу,
 Князю солнышку челомъ не билъ,
 Бросилъ только ярлыки на злотъ столъ,
 Пословечно выговаривалъ:

„Ай ты, солнышко князь стольно-кіевскій!

Ты бери-ка ярлыки да во бѣлы руки,
 Распечатывай-ка ярлыки, развертывай,
 Каждое словечко да высматривай.“

Безъ поклона повернулся да съ палать пошелъ,
 На коня садился да поѣхалъ вонъ,
 Во свою во силушку великую.

Какъ вставалъ тутъ солнышко Владиміръ князь
 Со большаго мѣста княженецкаго,

Бралъ тѣ ярлыки да скорописчаты,
Распечатывалъ ихъ скоро да развертывалъ,
Каждое словечко да высматривалъ.
А во тѣхъ во ярлыкахъ написано,
Чтобы по всему по славну Кіеву
Онъ съ Божьихъ церквей чуднѣ кресты повѣснималъ,
Во церквахъ бы сдѣлалъ стойла лошадиныя,—
Было бъ гдѣ стоять добрымъ конямъ татарскимъ;
По всему бы да по славну Кіеву
Улицы широкія повѣпахалъ,
Богатырскіе дворы повычистилъ,
Поумылъ палаты бѣлокаменны,—
Было бъ гдѣ стоять великой рати-силушкѣ;
По всему бы да по славну Кіеву,
По всѣмъ улицамъ широкимъ,
По всѣмъ малымъ переулочкамъ,
Понаставилъ бочку къ бочкѣ близко-по-близку,
Сладкихъ все, хмѣльныхъ напитокочковъ,—
Было бъ у чего стоять собакѣ Калину
Со его великой ратью-силушкой.
Видитъ тутъ Владиміръ стольно-кіевскій:
Дѣло-то великое, не малое;
Посмотрѣлъ въ окошечко косящато:
Какъ стоитъ у батюшки быстра Днѣпра
Калинъ царь со всею силушкой невѣрною,
А той силы на чистомъ полѣ
Будто лѣсу мелкаго шумящаго,
Не видать ни краюшка, ни бережка;
А знаменьевъ на чистомъ полѣ
Будто лѣсу крупнаго жароваго.
Устрашился солнышко Владиміръ князь,
Закручинился да запечалился,
Ниже плечъ повѣсилъ буйну голову,
Съ ясныхъ очушекъ роняетъ слезы горькія,
Шёлковымъ платочкомъ утирается,
Говоритъ самъ таковыя слова:
„Ахъ ты гой еси, моя жена любезная,
Ты княгинюшка моя Апраксія!
Накатилась силушка невѣрная,
Обступила стольный Кіевъ градъ.

По грѣхамъ намъ вѣрно учинилося,
 Что богатыри изъ Кіева развѣхались:
 Хлѣба кушати-то есть у насъ кому,
 Постоять за Кіевъ градъ ужь нѣкому.
 Разсердилъ я всѣхъ могучіихъ богатырей,
 А удѣла стара Илью Муромца
 Засадилъ во погребѣ глубокіе,
 Заморилъ да смертію голодною:
 Постоялъ бы онъ одинъ за Кіевъ градъ,
 Постоялъ бы онъ за церкви Божія,
 Поберегъ бы онъ меня, Владиміра,
 Поберегъ бы и тебя, Апраксію.
 А теперь намъ, видно, дѣлать нечего,
 На убѣгъ бѣжать изъ Кіева приходится.“

Какъ была тутъ дочка у Владиміра,
 Дочка молодѣшенька, малѣшенька,
 Говорить ему да таковы слова:

„Гой еси, родитель ты мой батюшка!

Слышала я въ церкви, во писаніи,
 Что удѣлу стару Ильѣ Муромцу
 Смерть ни съ голоду, ни на бою не писана.
 Закричи-ка ты своимъ вѣрнымъ слугамъ,
 Чтобъ сходили къ погребамъ глубокимъ,
 Поразсыпали песочки желтые,
 Развалили дубье-кѣлодые,
 Да раздѣрнули рѣшѣточку чугунную.
 Самъ бери-ка золотыя ключи,
 Отворяй-ка погребѣ глубокіе,
 Опускайся-ка ко стару Ильѣ Муромцу,
 Посмотри-ка, живъ ли онъ аль нѣтъ!“

Говорить ей батюшка Владиміръ князь:

„Ай же, дитятко мое ты неразумное!

Ты сними-ка буйну голову,
 Приростетъ-ли ко плечамъ она?
 Быть ли живу черезъ трѣ года
 Старому да Ильѣ Муромцу?“

Отвѣчаетъ дочка молодѣшенька,

Дочка молодѣшенька, малѣшенька:

„Посылай-ка только, онъ тамъ живъ сидитъ.“

Выходилъ Владиміръ князь тутъ на краснѣ крыльцо,

Закричалъ вѣрнымъ слугамъ да громкимъ голосомъ:

„Гой еси, мои вы слуги вѣрные!
Вы сходите-ка ко погребамъ глубокимъ,
Поразсыпьте-ка песочки желтые,
Развалите дубье-кдлодые,
Да раздѣрните рѣшѣточку чугунную,
Посмотрите, живъ ли Илья Муромецъ?“

И пошли они ко погребамъ глубокимъ,
Поразсыпали песочки желтые,
Развалили дубье-кдлодые,
Да раздѣрнули рѣшѣточку чугунную,
Закричали громкимъ голосомъ:

„Гой еси, удалый добрый молодець,
Живъ ли ты аль нѣтъ, откликнися?“

Подаль голосъ имъ Ильюшенька.

Скоро бралъ Владиміръ князь тутъ золотыя ключи,
Отмыкаетъ погреба глубокіе—

А во погребахъ Илья живой сидитъ,
У Ильюши воскова свѣча горитъ,
Самъ читаетъ книгу онъ, евангеліе.
Билъ челомъ Владиміръ до сырой земли:

„Ужь ты здравствуешь, удалый Илья Муромецъ!

Ты сидишь во погребахъ глубокіихъ,
А не вѣдаешь невзгодущки великія:
Вѣдь нашъ Кіевъ градъ во полову стоитъ,
Обошелъ вѣдь насъ собака Калинъ царь
Со своею силушкой великою.

Разсердилъ я всѣхъ богатырей,
Поразѣхались они изъ Кіева,
Хлѣба кушати-то есть у насъ кому,
Постоять за Кіевъ градъ ужъ нѣкому.

Ужь стой-ка ты одинъ за Кіевъ градъ,
Постарайся-ка за вѣру христіанскую,
Хоть не для меня, князя Владиміра,
Хоть не для княгини для Апраксіи,
А для бѣдныхъ вдовъ и малыхъ дѣтушекъ.“

Отвѣчаетъ старый Илья Муромецъ:

„Я ужъ три года не видѣлъ свѣту бѣлаго—
Какъ простить мнѣ ту обиду кровную?“

„Да не для-ради меня, Владиміра,

И не дль-ради моей Апраксіи,
 А для бѣдныхъ вдовъ и малыхъ дѣтушекъ!
 Какъ вскочилъ тутъ старый на рѣзвѣи ноги,
 Воскричалъ да громкимъ голосомъ:

„Ай ты, бурушка, мой богатырскій конь!“

Выходилъ на бѣлый божій свѣтъ,

Шелъ въ конюшеньку стоялую,

Выводилъ добра коня на широкъ дворъ,

Сталъ добра коня уздать, засѣдывать:

Полагалъ на потнички да потнички,

Полагалъ на войлочки да войлочки,

На верѣхъ черкасское сѣдлышко;

Пѣдпруги подтягивалъ шелкѣвеньки,

Втягивалъ шпилѣчики булатные,

Полагалъ стремяночки булатныя,

Пряжечки да красна золота—

Да не для красы-басы, не для угожества,

Дль-радѣи укрьпы богатырскія;

Шѣлкъ-то тянется, да нѣ рвется,

А булатъ-желѣзо гнется, не ломается,

Красно золото и мокнетъ, да не ржавѣетъ.

Одѣвалъ тогда доспѣхи крьпкіе,

Бралъ съ собою палицу булатную,

Во-другихъ копье да долгомѣрное,

Въ-третьихъ тѣгой лукъ да каленѣ стрѣлы,

Бралъ еще шалыгу подорожную,

И садился на добра коня,

Говоритъ самъ князю таковы слова:

„Запирай-ка, князь, ворота крьпко-на-кръпко,

Засыпай желтымъ пескомъ ихъ, сѣрымъ камешкомъ;

Я, Илья, поѣду во чистѣ поле

Созывать могучихъ богатырей.“

Только видѣли Ильюшу сядучи,

А не видѣли его поѣдучи;

Отъ его копытъ отъ лошадиныхъ

Во чистѣмъ полѣ да куревѣ стоитъ,

Куревѣ стоитъ, да пыль столбомъ валить.

Выѣхалъ онъ во чистѣ поле,

Посмотрѣлъ на силушку поганую:

Нагнано-то силы видимо-невидимо,

Инь не можетъ пропекать и красно солнышко
Между паромъ лошадинымъ и человѣческимъ;
Долгимъ весеннимъ денѣчикомъ
Сѣру звѣрю силы не обрыскати,
Долгимъ межѣннымъ денѣчикомъ
Черну вѣрону да не обграти,
Долгимъ осеннимъ денѣчикомъ
Сѣрой птицѣ да вокругъ не облетѣть.
Какъ отъ подкрику отъ человѣчьяго,
Какъ отъ ржанья лошадинаго
Унываетъ сердце человѣческо. ⁽⁵⁰⁾
И поѣхалъ старый Илья Муромецъ
По раздольицу чисту полю вкругъ силушки—
Конца-краю силушкѣ не могъ наѣхати.
И не смѣетъ старый напустить на силушку,
Поднимается на гору на высокую,
Посмотрѣлъ на силушку поганую,
Посмотрѣлъ на всѣ на три-четыре стороны—
Конца-краю силѣ насмотрѣть не могъ.
Со первой горы Илья спускается,
На высокую другую поднимается,
Посмотрѣлъ на всѣ на три-четыре стороны—
Конца-краю силѣ насмотрѣть не могъ.
Со другой горы Илья спускается,
На высокую на третью поднимается,
Посмотрѣлъ на всѣ на три-четыре стороны—
Усмотрѣлъ подъ стороною восточною
Во чистѣмъ полѣ бѣлѣй шатерь,
На бѣломъ шатрѣ злачѣна маковка,
У бѣла шатра да кѣни богатырскіе.
Со горы высокої онъ спускается
И поѣхалъ по чисту полю,
Приѣзжаетъ ко бѣлу шатру;
Тамъ стоитъ двѣнадцать кѣней богатырскихъ,
Зоблятъ всѣ пшену да бѣлоярову,
Все-то добры кѣни русскіе,
Все его крестовыхъ братьицевъ,
Братьицевъ крестовыхъ да названыхъ.
Онъ вязалъ коня къ столбу точѣному,
Припушалъ его къ пшенѣ ко бѣлояровой,

Самъ заходить во бѣлѣй шатеръ.
 Во бѣлѣмъ шатрѣ двѣнадцатъ ли богатырей,
 Все богатырей-то святорусскіихъ,
 Съли хлѣба-соли кушати,
 Поиграть во шашки-шахматы.
 Онъ глаза крестить да по писаному,
 Онъ поклонъ ведетъ да по учёному,
 Поклоняется на всѣ четыре стороны,
 Дядюшкѣ любимому въ особину:

„Хлѣбъ да соль, богатыри вы святорусскіе,
 Братія моя крестовая, названая!
 Здравствуешь и ты, любимый дядюшка,
 Ты Самсонъ да сынъ Самойловичъ!“

Какъ увидѣли Илью богатыри,
 Повскочили скоро на рѣзвѣи ноги,
 Со Ильюшкой здоровкались:
 „Ай же ты, удалый старый Илья Муромецъ!
 Говорили, ты у князя у Владиміра
 Посажёнъ во погреба глубокіе,
 Поморёнъ да смертію голодною,
 Анъ ты живъ поѣживаешь во чистѣмъ полѣ?“

Говоритъ ему Самсонъ Самойловичъ:

„Ужь поди-ка ты, любимый мой племянничекъ,
 Съ нами хлѣба-соли да покушати.“

Говоритъ Илья имъ таковыя слова:

„Гой же вы, могучіе богатыри,
 Гой ты, мой любезный дядюшка!
 Вы ѣдите, пьете, утѣшаетесь,
 Вы во всяки игры забавляетесь,
 А нашъ Кіевъ градъ во полонѣ стоитъ,
 Обступилъ нашъ Кіевъ градъ собака Калинъ царь
 Со своею силушкой великою,
 Хочетъ разорить собака стольный Кіевъ градъ,
 Хочетъ чернедь-мужичковъ повырубить,
 Церкви Божія на дымъ пустить,
 Князю солнышку да головѣ срубить
 Со княгиней стольной со Апраксией.
 Вы сѣдлайте-ка добрыхъ коней,
 Да садитесь на добрыхъ коней;
 Ужь поѣдемъ, братцы, Кіевъ градъ отстаивать,

Не для князя для Владиміра,
 Не для князевой княгинюшки Апраксіи,
 А для бѣдныхъ вдовъ и малыхъ дѣтушекъ!“

Говорить ему Самсонъ Самойловичъ:

„Ай же ты, любимый мой племянничекъ,
 Старый ты да Илья Муромецъ!
 Самъ я не поѣду во чисто поле
 Стольный Кіевъ градъ отстаивать,
 И тебѣ не дамъ благословенія:
 Много у Владиміра князей да бояровъ,
 Кормить онъ ихъ, поить да и жалуетъ;
 Намъ же отъ него ждатель нечего,
 Не можемъ мы на него смотрѣть,
 На его жену Апраксію,
 Дали въ томъ закліятіе великое.“

„Да не для-ради князя Владиміра
 И не для-ради жены его Апраксіи,
 А для бѣдныхъ вдовъ и малыхъ дѣтушекъ!“

Не поѣхаль съ нимъ любимый дядюшка,
 Не поѣхали могучіе богатыри.
 Видитъ онъ, что дѣло имъ не полюби,
 Выходилъ одинъ да со бѣла шатра,
 Бралъ добра коня за поводъ шелкъдые,
 Отводилъ отъ той пшены отъ бѣлояровой,
 Самъ садился на добра коня,
 И поѣхаль по раздольицу чисту полю
 Ко татарской силушкѣ поганой.
 А раскинулася сила по чисту полю,
 Колыбается акъ синѣ море,
 Инъ сыра земля подъ силой подгибается.

Не ясень соколъ съ-подъ облакъ напускается
 На гусей, на лебедей, на малыхъ утокъ—
 Святорусскій богатырь да Илья Муромецъ
 Напускается на силу на татарскую:
 Заѣзжаетъ прямо во серѣдочку,
 Сталь татаровой конемъ топтать,
 Сталь поганныхъ копьемъ колоть,
 Подорожною шалыгою помахивать,
 Будто зелену траву косить:
 Гдѣ махнетъ—тамъ силы улица,

Гдѣ перемахнетъ—тамъ переулочекъ.
 Трое сутокъ бьетъ онъ силу не ѣдаючи,
 Не ѣдаючи да не пиваючи,
 Со добра коня да не слѣзаючи,
 Подбилъ силушки ужъ бѣзъ счету,
 А все будто силушки не убыло,
 Самъ Илья изъ силы выбился.

Какъ вскричалъ тутъ Калинъ царь да громкимъ голосомъ:

„Гой еси, удалый добрый млодець!

Ты отерочь-ка времени намъ трое сутокекъ.“

Отвѣчалъ ему удалый добрый млодець:

„Не отерочу вамъ я нисколѣшенько.“

„Ты отерочь намъ хоть на сутки.“

И отерочилъ имъ Илья на сутки,

Самъ поѣхалъ во чисто поле,

Разставлялъ себѣ бѣлдой шатерьъ,

И ложился опочивъ держать,

Услыхалъ тутъ добрый конь невзгодушку,

Разбудилъ Илью онъ рано по утру,

Проязычился языкомъ человѣческимъ:

Ай-же ты, любезный мой хозяйшко!

Ночью мнѣ, добру коню, да мало спалося,

Мало спалося да много видѣлось:

Даль собакѣ Калину ты сутки времечка,

А его татаровья поганые

Подкопали три подкопа да глубокихъ,

Опускали въ нихъ телѣги да ордынскія,

Становили копыя мурзаецкія,

Зарывали желтыми песочками.

Станешь ѣздить ты да по чисту полю,

Станешь бить да силушку великую,

Упаду я во первѣй подкопъ—

Изъ подкопа самъ повыскочу,

И тебя, Ильюшеньку, повынесу;

Упаду я во другой подкопъ—

Изъ подкопа самъ повыскочу,

И тебя, Ильюшеньку, повынесу;

Упаду я во третій подкопъ—

Изъ подкопа самъ повыскочу,

А тебя, Ильюшу, ужъ не вынесу.“

Какъ Ильѣ то дѣло не слюбилось,
 Какъ беретъ онъ плетку во бѣлыя руки,
 Бьетъ коня да по крутымъ ребрамъ,
 Говоритъ коню да таковыя слова:

Ай же ты, собачище измѣнное!

Я холю, кормлю-пою тебя,
 А ты хочешь покидать меня
 Во подкопахъ во глубокихъ!“

И направилъ онъ коня да во первой подкопъ—

Добрый конь его оттоль повыскочилъ,
 И Ильюшеньку съ собой повыташилъ.

И упалъ онъ во другой подкопъ—

Добрый конь его оттоль повыскочилъ,
 И Ильюшеньку съ собой повыташилъ.

И упалъ онъ во третій подкопъ—

Добрый конь съ подкова хотъ повыскочилъ,

Самого Ильюшу ужъ не выташилъ:

Соскользнулъ Ильюша со добра коня

И остался во подкопѣ во глубокомъ.

Приходили тутъ татаровья поганые,

Захватить хотять добра коня;

Не сдается конь имъ во бѣлыя руки,

Убѣжалъ далѣко во чисто поле.

Приходили тутъ татаровья поганые,

Подняли съ подкова Илью Муромца,

И сковали Ильѣ ножки рѣзвья,

И связали Ильѣ ручки бѣлыя.

Говорятъ одни татаровья:

„Поведемъ-ка мы его на смертну казнь,

Отрубить ему да буйну голову.“

Говорятъ ины татаровья:

„Не отрубимъ-ка ему мы буйной гдловы,

А сведемъ къ собакѣ царю Калину:

Что захочетъ, то надъ нимъ и сдѣлаетъ.“

Повели Ильюшу по чисту полю,

Приводили ко палаткѣ полотняной,

Привели къ собакѣ царю Калину,

Становили супротивъ его,

Говорили сами таковыя слова:

„Гой еси, собака ты, нашъ Калинъ царь!

Захватили мы уда́ла добра молодца
 Во подкопахъ во глубокихъ,
 Привели къ тебѣ, собакѣ царю Кѣлину:
 Чтѣ захочешъ, то надъ нимъ и сдѣлаешъ.“

Говоритъ Ильѣ собака Кѣлинъ царь:

„Ай же ты, удалый добрый млодець!
 Напустилъ щенокъ да на большихъ собакъ!
 Гдѣ тебѣ съ татаровьями справиться?
 Сядь-ка ты со мной да за единый столъ,
 Ъшь-ка яствушекъ моихъ сахарныхъ,
 Пей-ка питьицевъ моихъ медвяныхъ,
 Одѣвай мою одежду драгоцѣнную,
 Золоту казну держи по надобью;
 Не служи-ка ты князю Владиміру,
 А служи-ка мнѣ, собакѣ царю Кѣлину.“

Говоритъ ему на то въ отвѣтъ Илья:

„Мнѣ не сѣсть съ тобой да за единый столъ,
 Мнѣ не ѣсть твоихъ да яствушекъ сахарныхъ,
 Мнѣ не пить твоихъ да питьицевъ медвяныхъ,
 Не носить твоей одежды драгоцѣнная,
 Не издерживать твоей да золотой казны,
 Не служить тебѣ, собакѣ царю Кѣлину;
 Постою еще за стольный Кіевъ градъ,
 Постою за церкви за Господнія.
 Постою за вдовъ, сиротъ да бѣдныхъ людюшекъ!“

Говоритъ ему собака Кѣлинъ царь:

„Ай же ты, удалый добрый млодець!
 У меня, собаки, есть двѣ дочери,
 Ты посватайся-ка на любѣй изъ нихъ,
 Я люблю за тебя замужъ отдамъ.“

Говоритъ Илья да не съ упадкою;

„Ай же ты, собака Кѣлинъ царь!
 Не случилось со мною сабли острья,
 На твоей бы шеѣ я посватался.“

Какъ на то собака поразсѣрдился,
 Приказалъ вести Ильюшу во чисто поле,
 Отрубить ему да буйну голову.
 Повели Ильюшу во чисто поле,
 Вывели Ильюшу во раздольице,
 Засвисталъ Ильюша богатырскимъ посвистомъ.

Не тропой бѣжитъ тутъ, не дорожкой,
 Выбѣгаетъ съ поля его добрый конь,
 На боку несетъ черкасское сѣдѣлышко,
 По копытамъ бьетъ булатно стремечко.
 Замахалъ Илья коня, кричитъ коню:

„Стой-постой-ка ты, мой добрый богатырскій конь!
 Ты унесъ меня отъ двухъ смертей,
 Унеси теперь отъ третіей!“

Подбѣжалъ къ Ильюшѣ его добрый конь,
 Захватилъ зубами пѣтыни шелковыя,
 Оборвалъ всѣ пѣтыни шелковыя,
 Ручки бѣлыя освободилъ Ильѣ;
 Захватилъ зубами кандалы желѣзныя,
 Оборвалъ всѣ кандалы желѣзныя,
 Ножки рѣзвыя освободилъ Ильѣ.

Какъ вскочилъ Илья тутъ на добра коня,
 Выѣзжалъ да во чисто поле,
 Тѣгой лукъ разрывчатый натягивалъ,
 Стрѣлочку калѣную накладывалъ,
 Самъ стрѣлъ да приговаривалъ:

„Ты пади, стрѣла, не на воду, не на землю,
 Ты пади не въ темный лѣсъ, не во чисто поле,—
 Ты лети, стрѣла, да во бѣлой шатеръ,
 Проломи да крышу на бѣломъ шатрѣ,
 Попади, стрѣла, да на бѣлы груди
 Къ моему ко дядюшкѣ любимому,
 Проскользни ему да по бѣлой груди,
 Сдѣлай только маленькую сцапину,
 Маленькую сцапинку да невеликую.
 Спитъ онъ во бѣломъ шатрѣ да прохлаждается,
 Надъ племянничкомъ невзгодушки не вѣдаетъ.“

И спустилъ онъ стрѣлочку калѣную;
 Какъ просвиснетъ стрѣлочка калѣная—
 Полетѣла прямо во бѣлой шатеръ,
 Сняла крышу со бѣла шатра,
 Пала дядюшкѣ на бѣлу грудь,
 На бѣлой груди да во злачѣный крестъ,
 Проскользнула по бѣлой груди,
 Сцапинку дала да по бѣлой груди,
 Маленькую сцапинку да невеликую.

Какъ тутъ славный богатырь Самсонъ Самойловичъ
 Воспрянулъ отъ сна отъ безпробуднаго,
 Пораскинулъ очи ясныя:
 Снята крыша со бѣла шатра,
 Проскользнула стрѣлка по бѣлой груди,
 Сцапинку дала да не великую.
 Скоро всталъ онъ на рѣзвы ноги,
 Говорить да таковы слова:

„Гой вы, славные, могучіе богатыри!
 Пробуждайтесь-ка отъ сна отъ крѣпкаго,
 Снаряжайте-ка своихъ добрыхъ коней!
 Да садитесь на добрыхъ коней!
 Мы тутъ спимъ да прохлажаемся,
 А не вѣдаемъ невгоды надъ Ильюшенькой,
 Надъ моимъ племянничкомъ любимымъ:
 Прилетѣлъ мнѣ отъ него подарочекъ
 Нелюбимый да непрощенный:
 Долетѣла стрѣлочка калѣная,
 Сняла крышу со бѣла шатра,
 Сцапинку дала мнѣ по бѣлой груди,
 Маленькую сцапинку да невеликую:
 Погодился мнѣ, Самсону, крестъ на вдротѣ,
 Крестъ на воротѣ шести пудовъ;
 Не было бъ креста на воротѣ,
 Оторвала бы мнѣ буйну голову.“
 Возставали на рѣзвы ноги богатыри,
 Выходили со шатра долой,
 Начали сѣдлатъ добрыхъ коней,
 Съли на добрыхъ коней, поѣхали:
 Стала мать-сыра земля продрагивать.
 Смотрить тутъ удалый Илья Муромецъ
 Со горы высокой въ широкѣ поле:
 Не туманъ во полѣ поднимается—
 Ъдетъ тамъ одиннадцать богатырей,
 Впереди двѣнадцатый—Самсонъ Самойловичъ.
 И окликнулъ Илья муромецъ богатырей:

„Гой вы, братія моя названая,
 Дядюшка любимый мой Самсонъ Самойловичъ!
 Поѣзжайте-ка правдой рукой,
 Самъ поѣду я лѣвдой рукой,

„А и крѣпокъ же татаринъ—не изломится,
А и живовать собака—не изорвется!“

Только то словечко вымолвилъ—
Огорѣлась голова татарская....

Не упустимъ силы мы съ чиста поля,
Съ двухъ сторонушекъ порубимъ до одинаго.“

Заѣзжали тутъ богатыри правдой рукой,
Заѣзжалъ онъ самъ лѣвдой рукой,
Разгорѣлися сердца ихъ богатырскія,
Расходились жилы богатырскія,
Стали бить-рубить они татаровей,
Стали прижимать ихъ съ двухъ сторонушекъ.

О тѣла поганя татарскія
Иступились сабли острья,
Расщепились копыя долгомѣрныя,
Изломались палицы тяжелыя.

Захватилъ Илья тутъ за ноги татарина,
Сталъ кругомъ татаринномъ помахивать:

Гдѣ махнетъ—тамъ улицы татаровей,
Отмахнется—съ переулками,
Самъ татарину да приговариваль:

„А и крѣпокъ же татаринъ—не изломится,
А и жиловать собака—не изорвется!“

Только то словечко вымолвилъ—
Оторвѣлась голова татарская,
Угодила голова по силѣ вдоль,
Бьетъ и ломить ихъ, въ конѣць губить:

Достальные на побѣгъ пошли,
Сами говорятъ да заклинаются:

„А не дай намъ Богъ видать русскіхъ людей!
Неужто всѣ таковы во Кіевѣ,

Что одинъ да побилъ всѣхъ татаровей?“

А собака сударь Калинъ царь
Спитъ въ своей палаткѣ полотняной,
На кроваткѣ ддрогъ рыбій зубъ,
Да подъ одѣяльцемъ соболинымъ,
Спитъ, собака, прохлажается,
Надъ собой невзгодушки не вѣдаетъ.

Какъ наѣхалъ тутъ къ палаткѣ Илья Муромецъ,
Ухватилъ собаку за желтыя кудри,
Выдернулъ съ кроватки рыбій зубъ,
Выдернулъ съ кармана плеть шелковую,

Началь бить его, собаку, чествовать,
Самъ ему да приговаривать:

„Вотъ тебѣ, безбожный Калинъ царь,
 Со Божьихъ церквей чудны кресты,
 Во церквахъ да стойла лошадиныя!
 Вотъ тебѣ распаханныя улицы,
 Вычищенные двory да богатырскіе,
 Поумытыя палаты бѣлокаменны!
 Вотъ тебѣ хмѣльные, сладкіе напитки
 Со твоею силушкой великою!
 А теперъ поѣдемъ-ка во стольный Кіевъ градъ
 Къ ласковому князю ко Владиміру.“

И повезъ Илья собаку царя Калина
 Въ Кіевъ градъ ко князю ко Владиміру
 И привелъ его въ палату бѣлокаменну
 Передъ ласковаго князя солнышка.
 А Владиміръ князь встрѣчалъ богатырей,
 Принималъ со честью-почестью,
 Билъ челомъ съ усердьемъ всѣмъ богатырямъ,
 Ильѣ Муромцу изъ всѣхъ въ особину:

„Благодарствуйте, могучіе богатыри,
 Благодарствуешь ты, старый Илья Муромецъ,
 Что избавили насъ отъ бѣды великія,
 Отъ напасти отъ напрасныя!
 Будьте вы впередъ за Кіевъ обстоятели,
 Ото всѣхъ сторонъ оберегатели,
 Какъ за то я васъ пожалую,
 Какъ пожалую васъ златомъ-сѣребромъ,
 Какъ пожалую васъ платьемъ цвѣтнымъ;
 Или надо города вамъ съ пригородками,
 Или надо сѣла вамъ съ присѣлками,
 Или надо вамъ деревни со крестьянами?“

Отвѣчаетъ старый Илья Муромецъ:

„Ничего мнѣ, старому, не надобно.“

Какъ тутъ всѣхъ другихъ богатырей
 Солнышко Владиміръ жалуеъъ:
 Какъ даетъ имъ города да съ пригородками,
 Какъ даетъ имъ сѣла да съ присѣлками,
 Какъ даетъ имъ золоту казну безсчетную,
 Какъ даетъ имъ платья цвѣтныя,
 Обѣщаетъ при себѣ ихъ во чести держать.
 И велитъ онъ всѣ царевы кабаки раскрыть,

Чтобы весь народъ пилъ зеленѣ вино;
 Кто не хочеть зеленѣ вина,
 Тотъ бы пилъ все пива пьянаго;
 Кто не хочеть пива пьянаго,
 Тотъ бы пилъ медѣвъ стоялыхъ—⁽⁶⁹⁾
 Чтобы всѣ да веселилися.

И заводить онъ великъ почѣстень пирь
 На своихъ князей, на бѣяровъ
 Да на всѣхъ могучихъ богатырей;
 И беретъ онъ за бѣлы руки
 Ту собаку царя Калина,
 Садить также за столы дубовые,
 Кормить яствушкой сахарною,
 Пѣить питьицемъ медвянымъ;
 А собака бьетъ челомъ ему:

Ай же ты, Владиміръ князь да стольно-кѣвскій!
 Не сруби-ка ты мнѣ буйной гдоловы!
 Напишу съ тобой я записи великія,
 Буду я платить отъ вѣка дѣ вѣку
 Дани-выходы тебѣ, князю Владиміру.“

Скоро тутъ домой онъ убирается,
 Убирается, собака, не съ прибытками,
 Не съ прибытками, а со убытками,
 Со убытками, со страмотою вѣчною.

Тутъ ему, собакѣ, и славу поють.

* * *

Что ни лучше богатыри—во Кѣвѣ,
 Золотѣ казна—во Черниговѣ.
 Колокольный звонъ—во Новѣ-городѣ,
 Темны лѣсушки—Смоленскіе,
 Горы-долы—Сорочинскіе,
 А чисты поля—ко Ерусалиму.
 Здуинай-най-най!

Болѣ пѣть впередъ не знай.

БЫЛИНА ВОСЕМНАДЦАТАЯ.

Чурила Плёнковичъ.

Бласлови-ка, хозяйинъ, бласлови, государь,
Старину намъ сказать стародавнюю,
Хорошо сказать, да лучше слушати,
Про младаго Чурилу сына Плёнковича! (61)

* * *

Въ стольномъ городѣ было во Кіевѣ
Да у ласкова князя у Владиміра
Заводился хорошъ да почѣстенъ пирь
На многіхъ князей да на бояровъ,
На всѣхъ русскіихъ могучіихъ богатырей
Да на всѣхъ на поленицъ удалыхъ.
Дологъ день идетъ ко вечеру,
А почѣстенъ пирь идетъ ко веселу.
Всѣ на пиру пьяны-веселы,
Самъ государь распотѣшился,
Выходилъ на крылечко на перёное,
Зрѣль-смотрѣлъ въ поле чистое.
Какъ изъ дѣлеча-далѣча поля чистаго
Тутъ толпа мужичковъ появилась,
Все-то мужички-рыболовщички,
А и всѣ-то избиты-изрансны,
Булавами головы пробиваны,
Кушаками буйныя завязаны;
Кланяются князю, покловаются,

Бьютъ челомъ, жалобу творятъ:

„Здравствуешь, солнышко Владиміръ князь!

Дай, государь, намъ праведный судъ,

Дай на Чурилу сына Плѣнковича.

Ѣздили мы по рѣкамъ-озерамъ,

На твое на счастье княженецкое

Ни единой рыбки изловить не могли.

Появились люди невѣдомые,

Шёлковы нѣводы замѣтывали,

Камешки у сѣтокъ-то серебряные,

Поплавочки на сѣткахъ позолдченые:

Бѣлую рыбицу повѣпугали,

Щукъ, карасей повѣловили,

Мелкую рыбицу повѣдавили.

Намъ, государь-свѣтъ, улову нѣтъ,

Вамъ со княгиней свѣжа куса нѣтъ,

Намъ отъ васъ нѣту жалованья.

Жены, дѣти наши осиротѣли,

По миру пошли скитатися,

Насъ самихъ избили-изранили.

Скажутся-называются

Все они дружиною Чуриловою.“

Та толпа со двора не сошла,

Новая съ поля появилась,

Все мужички-птицеловщички,

А и всѣ-то избиты-изранены,

Булавами головы пробиваны,

Кушаками буйныя завязаны;

Кланяются князю, поклоняются,

Бьютъ челомъ, жалобу творятъ:

„Здравствуешь, солнышко Владиміръ князь!

Дай, государь, намъ праведный судъ,

Дай на Чурилу сына Плѣнковича.

Ѣздили мы по тихимъ заводамъ,

На твое на счастье княженецкое

Ни единой птички не въсмотрѣли.

Появились люди невѣдомые,

Всѣхъ ясныхъ сѣколовъ повѣхватали,

Всѣхъ гусей-лебедей повѣловили,

Всѣхъ сѣрыхъ утушекъ повѣстрѣляли.

Намъ, государь-свѣтъ, улову нѣтъ,
 Вамъ со княгиней свѣжа куса нѣтъ,
 Намъ отъ васъ нѣту жалованья.
 Жены, дѣти наши осиротѣли,
 Подъ міру пошли скитатися,
 Насъ самихъ избили-изранили.

Скажутся-называются
 Все они дружиною Чуриловою.“

Та толпа со двора не сошла,
 Новая съ поля появилась,
 Все мужички-звѣроловщички,
 А и всѣ-то избиты-изранены,
 Булавами головы пробиваны,
 Кушаками буйныя завязаны;
 Кланяются князю, поклоняются,
 Бьютъ челомъ, жалобу творятъ:

„Здравствуешь, солнышко Владиміръ князь!
 Дай, государь, намъ праведный судъ,
 Дай на Чурилу сына Плёнковича.

Ѣздили мы по темнымъ лѣсамъ,
 На твоёмъ государевомъ на займищѣ
 На твое на счастье княженецкое
 Никакого звѣря не наѣзживали.

Появились люди невѣдомые,
 Шёлковы тѣнета протягивали,
 Кунку да диску повѣловили.
 Чёрнаго соболя повыдавили,
 Туровъ, оленей повѣстрѣляли.

Намъ, государь-свѣтъ, улову нѣтъ,
 Вамъ со княгиней свѣжа куса нѣтъ,
 Намъ отъ васъ нѣту жалованья.
 Жены, дѣти наши осиротѣли,
 Подъ міру пошли скитатися,
 Насъ самихъ избили-изранили.

Скажутся-называются
 Все они дружиною Чуриловою.“

Воспрогдворить ласковый Владиміръ князь:

„Гой вы, князья мои да бдяре,
 Сильные, могучіе богатыри!
 Кто это Чурида есть таковъ?

Какъ не знаю я Чуриловой посѣлицы,
Какъ не знаю, гдѣ Чурила и дворомъ стоитъ.“

Выступалъ изъ-за столовъ окольныхъ
Старый Бермята сынъ Васильевичъ:

„Я, государь-свѣтъ, Владиміръ князь,
Знаю Чурилову посѣлицу,
Знаю, гдѣ Чурила и дворомъ стоитъ.
Какъ не здѣсь живетъ Чурила, не во Кіевѣ,
Какъ живетъ онъ да пониже Мала Кіевца.
Дворъ у Чурилы на семи верстахъ,
Около двора булатный тынь,
Вѣрхи на тѣчивкахъ точёные,
Каждая съ маковкой-жемчужинкой;
Подворотня—дорогъ рыбій зубъ,
Надъ воротами иконъ до семидесяти;
Среди двора теремъ стоятъ,
Теремъ стоятъ златоверховатые;
Первыя ворота—вальщетыя,
Среднія ворота—стекольчатая,
Третья ворота—рѣшетчатая.“

Скоро тутъ Владиміръ князь съ княгинею
Въ путь поднимается, поѣздку чинитъ:
Хочетъ на Чуриловъ на дворъ поглядѣть.
Взялъ съ собою, чтобы путь показать,
Стараго Бермяту Васильевича,
Взялъ всѣхъ князей своихъ да бдировъ,
Взялъ еще любимаго подручника
Стараго удала Илью Муромца,
Съ нимъ младѣ Добрынюшка Никитича;
Всѣхъ собралдсь ихъ пятьсотъ человекъ,
Сѣли на добрыхъ коней, поѣхали
Ко Чурилову двору за Малый Кіевецъ.
Подъѣзжаетъ князь ко Чурилову двору,
Говорить, головой покачиваетъ:

„А и право же такъ, не пролгали мнѣ.“

Какъ изо тѣхъ изъ теремдвъ высокіихъ
Выходилъ тутъ старъ матѣрь человекъ;
Шуба-то на старомъ соболиная,
Подъ дорогимъ зелѣнымъ стѣметомъ,
Петельки на шубѣ семи шелковъ,

Пуговки все вальящетыя,
 Литый вальякъ-то красна золота.
 Отворяетъ князю со княгинею
 Первыя ворота вальящетыя,
 Князьямъ-боярамъ—среднія стекольчатыя,
 Малымъ людямъ—третьи рѣшетчатыя,
 Самъ говоритъ таковы слова:

„Здравствуешь, князь со княгинею!
 А пожалуй-ка ты къ намъ во высокъ терёмъ
 Хлѣба да соли покушати,
 Бѣлаго лебеда порушати“.

Говоритъ ему ласковый Владиміръ князь:

„Ай же ты, старъ матёръ человекъ!
 Какъ не знаю тебѣ, старому, я имени,
 Какъ не знаю тебѣ, старому, отечества.“

Говоритъ ему старъ матёръ человекъ:

„А я Плѣнко, гость Сурожанинъ, (82)
 А и есть вѣдь я Чуриловъ батюшка.“

И пошелъ Владиміръ во высокъ терёмъ,
 Ходитъ по терему—дивуется,
 Хорошо тамъ все изукрашено:
 Поль-середа одного серебра,
 Печки-то все муравленыя,
 Подики у печекъ серебряныя,
 На стѣны сукна навиваны,
 На сукна стѣкла набиваны,
 А потолокъ красна золота,
 Вся луна небесная повыведена:
 Солнце на небѣ—солнце и въ теремѣ,
 Мѣсяць на небѣ—мѣсяць и въ теремѣ,
 Звѣзды на небѣ—звѣзды и въ теремѣ.
 Подъ небу звѣздочка покатится—
 Въ теремѣ звѣздочки посыплются;
 Все по небесному въ теремѣ,
 А и всякая краса несказаная.

Сѣли за столы за убраные,
 Пьютъ всѣ, ѣдятъ, потѣшаются,
 Столъ у нихъ идетъ о полу-столѣ,
 Ширь у нихъ идетъ о полу-пиру;
 День на дворѣ вечеряется,

Красное солнце закатается;
Всѣ-то ужь они безъ памяти сидятъ,
Солнышко князь свѣтель-радошень,
Вскрыль немножечко окошечко,
Зрѣль-смотрѣль въ поле чистое.
Какъ изъ далеча-далеча поля чистаго
Тутъ толпа молодцовъ появилась,
Молодцовъ-то болѣе тысячи:
Кони подъ ними одношерстные,
Узды на коняхъ одномѣдныя,
Сѣдла на нихъ шиты золотомъ;
Сами молодцы-то одноличные,
Платье-то на нихъ скурлатъ-сукна,
Всѣ подпоясаны источенками,
Шапки на всѣхъ черны мурманки,
Черны мурманки-золоты вершки;
А на ножкахъ сапожки-зелень сафьянъ,
Носы-то шиломъ, пяты востры,
Кругъ носовъ-носовъ хоть яйцомъ прокати,
Подъ пяту-пятау воробей пролети,
Воробей пролети, перепархивай.
Молодцы на коняхъ какъ свѣчи горять,
Кони подъ ними какъ соколы летять.
Среди всѣхъ ѣдетъ купавъ молодецъ,
Купавъ молодецъ да краше всѣхъ:
Кудри у молодца дугой золотой,
Шея у молодца какъ бѣлый снѣгъ,
Личико у молодца какъ маковъ цвѣтъ,
Очи какъ у ясна сокола,
Брови какъ у черна соболя;
Впередъ его скороходы бѣгутъ,
Передъ нимъ отъ солнца подсолничекъ несутъ,
Чтобы не запекло ему бѣла лица;
Самъ онъ ѣдетъ на трехъ лошадахъ,
Съ лошади на лошадь перескакиваетъ,
Изъ сѣдла въ сѣдло перемахиваетъ,
Шапочки у молодцевъ подхватываетъ,
На головушки молодцамъ подкладываетъ.
Какъ Владиміръ князь тутъ исполдшался,
Говорить старику да таковы слова:

„Ай же ты, Плёнчище Сурджанинъ!
 Чья эта сила появилась?

То не царь ли какой со своей ордой
 На меня, Владиміра, идетъ войной,
 Во полонъ меня взять собирается?“

Усмѣхается Плёнчище Сурджанинъ:

„Не пужайся, государь, не полдайся!
 То не царь со ордой идетъ войной,
 То съ дружиной ѣдетъ сынишко мой,
 Молодой Чурилушка Плёнковичъ.“

Выходилъ тутъ Плёнчище Сурджанинъ
 На то заднее крылѣчко на перѣное,
 Говорить Чурилъ таковы слова:

„Ай же ты, сынокъ мой Чурилченко!
 Есть у тебя любимый гость,
 Солнышко Владиміръ стольно-кіевскій:
 Чѣмъ будешь гостя ты подчивати,
 Чѣмъ будешь гостя ты жаловати?“

Бралъ тутъ Чурила золотыя ключи,
 Заходилъ Чурила во глубокъ погребъ,
 Отмыкалъ Чурила кованыя ларцы,
 Бралъ оттуда шубу соболиную,
 Дорогаго соболя заморскаго,
 Подъ дорогимъ заморскимъ стаметомъ —
 Подарить имъ солнышка Владиміра;
 Бралъ еще камѣчку хрущатую —
 Подарить княгиню Апраксию;
 Бралъ куницъ, лисицъ, бѣлыхъ зайцевъ —
 Подарить князей да бояровъ;
 Бралъ несмѣтно золотой казны —
 Подарить дружину княженецкую.

Принималъ Владиміръ князь подарочекъ,
 Самъ говоритъ таковы слова:

„Ай же ты, Чурилушка сынъ Плёнковичъ!
 Много на тебя было просителей,
 Болѣе того да челомъ-битчиковъ,
 А теперь того больше благодателей,
 И не дамъ я теперь суда на тебя.
 Не довлѣетъ тебѣ жить за Кіевцемъ,
 А довлѣетъ тебѣ жить во Кіевѣ.“

Ужь пойдѣ-ка ко мнѣ ты въ стольники,
Въ стольники ко мнѣ да въ чашники!“

Кто отъ бѣды откупается—

А Чурила на бѣду нарывається:

Онъ идетъ ко князю въ стольники,
Въ стольники идетъ да въ чашники.

Какъ прѣхали ужъ во Кіевъ градъ,

Свѣтъ-государь Владиміръ князь

На хорошаго новаго стольника

Заводилъ хорошъ да почѣстенъ пиръ.

Молодой Чурила сынъ Плёнковичъ

Ходитъ да ставитъ дубовы столы,

Жёлтыми кудрями потряхиваетъ—

Жёлтые кудри разсыпаются,

Что скачѣнъ жемчугъ раскатается.

Рушала княгиня Апраксія

Бѣлое мясо лебединое—

Заглядѣлась на Чурилу сына Плёнковича,

Бѣлу ручушку себѣ порѣзала,

Со стыда подъ столъ руку свѣсила,

Говоритъ сама таковы слова:

„Свѣтъ-государь мой, Владиміръ князь!

А не быть бы Чурилушкѣ въ стольникахъ,

А не быть бы Чурилушкѣ въ чашникахъ:

На красу на Чурилову гляючи,

На его на кудёрышки жёлтые,

На его на перстни золочёные,

Бѣлу руку я себѣ порѣзала,

Помѣшался разумъ во буйной головѣ,

Помутился свѣтъ въ ясныхъ очушкахъ.“

Говоритъ княгинѣ Владиміръ князь:

„Богъ тебя суди, что въ любовь мнѣ пришла!

Кабы ты, княгиня, не въ любовь мнѣ пришла,

Подъ пчечъ бы тебѣ голову срубилъ.

Ай же ты, Чурила сынъ Плёнковичъ!

А не быть же тебѣ у насъ въ стольникахъ,

А не быть же тебѣ у насъ въ чашникахъ:

Быть тебѣ во ласковыхъ зазывателяхъ,

Зазывать мнѣ гостей во почѣстенъ пиръ“.

Того дѣла Чурила не пятится,

Отдалъ поклонъ да и вонъ пошелъ.
 А поутру встаетъ ранёхонько,
 Умывается водушкой бѣлѣхонько,
 Одѣвается самъ хорошихонько.
 Какъ не бѣлый тутъ заюшка проскакиваетъ,
 Не мелкіе слѣдочки промѣтываетъ—
 Чурила изъ сапожковъ-зелёнъ сафьянъ
 Серебряны гвоздочки выраниваетъ;
 Ребятки по слѣдочкамъ прохаживаютъ,
 Серебряны гвоздочки нахаживаютъ.
 Ходитъ Чурилушка по Кіеву,
 Улицами ходитъ, переулками,
 Князей зазываетъ со княгинями,
 Бдѣровъ скликаетъ со боярынями,
 Жёлтыми кудрями самъ потряхиваетъ—
 Жёлтые кудри разсыпаются,
 Что скачѣнъ жемчугъ раскатается.
 Заглядѣлися все люди на Чурилушку:
 Гдѣ дѣвушки глядятъ—заборы трещать,
 Гдѣ молѣдушки глядятъ—оконницы звенять,
 А старыя старухи костыли грызутъ,
 Все гляючи на молода Чурилушку.
 Съ той поры Чурилу въ старинахъ поемъ,
 Вѣкъ будемъ пѣть его и до вѣку.

Гдѣ двѣ девушки глядятъ—заборы трещать,
Гдѣ молодушки глядятъ—окѣнницы звенять,

А старья старухи костыли грызутъ,
Все гляючи на молода Чурилушку.

БЫЛИНА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ.

Дюкъ Степановичъ. (63)

Какъ во той во Инди богатой
Да во той во Галичи проклятой
Не ковыль-трава по вѣтру колыхается,
Да не бѣлая березка погибается—
Сынъ со рѣдной матушкой прощается,
Молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ
Со честной вдовой Мамельфой Тимоѣевной,
Понизѣшенько ей поклоняется,
Жѣлыми кудрями до сырѣи земли:
„Свѣтъ мой, государыня родитель-матушка,
Ты честна вдова, Мамельфа Тимоѣевна!
Дай-ка мнѣ прощеньице-благословеньице
Сѣздить въ славный стольный Кіевъ градъ.
У меня во всѣхъ градѣхъ побывано,
Всѣхъ князей да перевидано,
Всѣмъ княгинямъ да послужено—
Во одномъ во градѣ Кіевѣ не бывано,
Одного князя Владиміра не видано,
Да одной его княгинюшкѣ не служено;
А вѣдь скажутъ: Кіевъ градъ въ чести, въ добрѣ.“

Отвѣчаетъ Дюку рѣдна матушка,
Рѣдна матушка Мамельфа Тимоѣевна:
„Свѣтъ мой, чадочко мое любимое,
Молодой бояринъ Дюкушка Степановичъ!
Нѣтъ тебѣ прощеньица-благословеньица
Сѣздить въ славный стольный Кіевъ градъ.“

Не бывать тебѣ во градѣ Кіевѣ,
 Не видать тебѣ князя Владиміра,
 Не служить тебѣ его княгинюшкѣ:
 Вѣдь до славнаго до града Кіева
 Три стойтъ заставушки великихъ:
 Первая застава—горушки толкучія,
 А другà застава—птицы поклевучія,
 Третья застава—змѣи поѣдучія.
 Тутъ тебѣ ли, Дюку, не проѣхати,
 Молодому живу нѣ бывать.“

Говорить бояринъ Дюкъ Степановичъ:

„Ай же ты, моя родитель-матушка!
 Ты меня тѣмъ не угроживай.
 Дашь прощеньице—поѣду я,
 А не дашь прощенья—все поѣду я.“

„Ай же, дитятко мое ты милое,
 Молодой ты Дюкушка Степановичъ!
 Богъ тебя простить, Господь помилуетъ.
 Уродилося ты, дитятко, заносливо,
 Уродилося заносливо, захвастливо:
 Ты расхвастаешься животйшками,
 Животишками сиротскими, вдовиными;
 А во Кіевѣ-тò люди все лукавые,
 Изведутъ тебя вѣдь не за денежку.“

Какъ пошелъ тутъ Дюкъ Степановичъ
 На свою конюшню на стоялую,
 Изò ста добрыхъ коней, изъ тысячи
 Выбиралъ жеребчика неѣзжена,
 Мала бурушку-кавурушку косматаго.
 Шорсточка у бурушки-то трѣхъ пядей,
 Грива у кавурушки-то трехъ локтей,
 Краснымъ золотомъ повита, изукрашена,
 Хвостъ до самой до сырôй земли,
 Застилаеть, заметаеть слѣды конскіе.
 Выводилъ буркà бояринъ на широкій дворъ,
 Да каталъ-валялъ его въ росѣ вечерней, ⁽⁶⁴⁾
 Расчесалъ гребенкой-дорогъ рыбіи зубъ,
 Наложилъ попону пестрядиную,
 Въ три ли стрѣки стрѣчену да тѣчену:
 Первая строка-то чиста сѣребра,

Средняя строка-то красна золота,
Третія строка-то скатна жемчугу.
Да не тѣмъ попона дорогѣ была,
Что въ три стрдки стрдчена да тдчена,
Тѣмъ попона дорогѣ была,
Что ладѣми всякими выплѣтана,
Да и тѣмъ еще ли дорогѣ была—
Вплѣтано въ нее по камню яхонту,
По драгдму камню самоцвѣтному:
Отъ камней лучи пекутъ да солнопѣчные,
Чтобы днемъ и ночью видно было ѣхати.
Полагалъ еще бояринъ подсѣдельники,
Клалъ снаряжное сѣдельшко черкасское,
Уздицу и поводѣ съ нацвѣтами;
Подпрягалъ двѣнадцать подпруговъ семи шелковъ,
Подтянулъ еще тринадцату продольную—
Да не для-радѣ красы-басы угожества,
Для-радѣ укрѣпы богатырскія;
Втягивалъ въ нихъ пряжечки серебряны,
Вдергивалъ въ нихъ иглы золочѣныя,
Тороки великія подвязывалъ,
Нагружалъ въ нихъ золотой казны,
Золотой казны да платя цвѣтнаго;
Подводилъ коня къ крыльцу перѣному,
Что къ крыльцу перѣному, къ столбу точѣному,
Что къ столбу точѣному, къ колечку золочѣному,
Отошелъ самъ отъ коня—дивуется:

„Али добрый конь ты, али лютый звѣрь—
Изъ-подъ славнаго наряда не увидѣти.“

Видѣли еще, какъ на коня вскочилъ,
А не видѣли поѣздки молодецкія,
Только въ полѣ кудельбѣ стоять —
Конь стрѣлой подъ Дюкомъ въ перелѣтъ летить.
Ко первдй заставушкѣ прискакивалъ,
Ко тѣмъ горушкамъ толкучимъ:
Горы вмѣстѣ стдлкнулись-растдлкнулись,
Не поспѣли снова стдлкнуться—
Бурушка-кавурушка проскакивалъ,
Маленькій косматенькій провѣртывалъ.
Ко другой заставушкѣ прискакивалъ,

Ко тѣмъ птицамъ поклевучимъ:
 Не поспѣли птицы крыльцевъ расправити—
 Бурушка-кавурушка проскакивалъ,
 Маленькій косматенькій провѣртывалъ.
 Къ третьей ко заставушкѣ прискакивалъ,
 Ко тѣмъ змѣямъ поѣдучимъ:

Не поспѣли змѣи хоботовъ расправити—
 Бурушка-кавурушка проскакивалъ,
 Маленькій косматенькій провѣртывалъ.
 Съ холма на холмъ, съ горы на гору,
 Рѣки да озѣра перескакивалъ,
 Широкий раздолья промежъ ногъ спускалъ.
 Въ славный Кіевъ градъ прискакивалъ.

Проѣзжаетъ Дюкъ тутъ на широкий дворъ
 Къ ласковому солнышку Владиміру,
 Привязалъ коня къ столбу точёному,
 Ко колечку золочёному,
 Заходилъ въ палаты бѣлокаменны,
 Приходилъ во гридню во столовую,
 А сидитъ тутъ молода Апраксія,
 Стольная княгиня княженецкая,
 Говоритъ бояринъ Дюкъ Степановичъ:

„Здравствуешь ты, портомойница!“

Какъ то слово ей не показалось;

Говоритъ княгиня стольная Апраксія:
 „Что ты, деревенщина-засельщина,
 Рѣчи говоришь мнѣ неумильныя,
 Стольную княгиню княженецкую
 Называешь портомойницей!“

Молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ
 Головой качаетъ, самъ отвѣтъ держитъ:

„Гой еси ты, молода княгинюшка!

За то слово на меня ты не прогнѣвайся:
 Какъ у насъ во Индіи богатоей
 Да во той во Галичи проклятоей,
 У моей у рѣдной матушки,
 Въ экомъ платьѣ ходятъ портомойницы.
 А и гдѣ же самъ Владиміръ стольно-кіевскій,
 Бить челомъ бы солнышку да поклонитися?“

„Онъ ушелъ во церковь во соборную,

Господу ли Богу помолитися,
 Ко Господнему кресту ли приложитися.“

Молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ
 Выходилъ на улицу широкою,
 Прямо шелъ во церковь во соборную;
 Крестъ кладеть тутъ по писаному,
 И поклонъ ведетъ да по учёному,
 Желтыми кудрями до сырой земли,
 Да не столько Господу молился онъ,
 Да не столько образамъ клонился онъ,
 Сколько съ ноженьки на ноженьку поступливалъ,
 Съ плечика на плечико поглядывалъ,
 Самъ губами-то почамкивалъ;
 На Владиміра ли взглянетъ князя солнышка—
 Покачаетъ лишь головушкой,
 На князей, на бдяровъ оглянется—
 Поведеть плечомъ лишь да рукой махнетъ.

А стояли около Владиміра:
 По праву руку Добрынюшка Никитичъ младъ,
 По лѣву руку Чурилушка сынъ Плёнковичъ.

Отошла обѣдня воскресенская,
 Сталъ Владиміръ князь боярина выпрашивать:
 „Ты отколь, скажи, удалый добрый млодець?
 Ты коёй земли, коёй орды?
 Какъ тебя, скажи, назвать по имени,
 Величати по отечеству?“

Говорить бояринъ Дюкъ Степановичъ:
 „Ай же ты, Владиміръ стольно-кѣвскій!
 Я изъ той изъ Индіи богатая
 Да изъ той изъ Галичи проклятыя,
 Молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ.“

„А давно ли ты, бояринъ, къ намъ повыѣхалъ?“
 „Дома я стоялъ заутреньку,
 А во Кіевъ градъ поспѣлъ къ обѣденькѣ.“
 Говорить Чурилушка сынъ Плёнковичъ:

„Гой еси ты, нашъ Владиміръ князь!
 Во глазахъ мужикъ вѣдь подлыгается,
 Во глазахъ, собака, насмѣхается!
 Повороты у него не Дюковы,
 Поговорushка не Дюкова,

А должонъ онъ быть холопина боярская,
 Князя, знать, убиль, либо боярина,
 Платья цвѣтныя содраль съ него:
 У обѣдни Богу не молился онъ,
 Все вокругъ посматриваль, поглядываль,
 Все свою одѣженьку оглядываль:
 Видно, цвѣтныхъ платьевъ вѣкъ не нашиваль.“

Говорить бояринъ Дюкъ Степановичъ:

„На меня ты, князь, въ томъ не прогнѣвайся:
 Сказывали, Кіевъ градъ въ чести, въ добрѣ,
 А у васъ во Кіевѣ все не по нашему:
 Въ вашей церкви во соборной
 Просто-за-просто да пусто-за-пусто,
 Противъ нашей и десятой доли нѣтъ;
 Платья у тебя, у князя солнышка,
 У твоихъ князей да бдяровъ,
 Какъ у насъ у самыхъ бѣдныхъ.“

Зазываль тутъ молода боярина
 Князь Владиміръ во почѣстенъ пиръ,
 Выходили вмѣстѣ съ церкви Божіей
 Да пошли по городу по Кіеву.
 Какъ тутъ пали дождинки великіе,
 Сдѣлалися улички да грязныя.
 Молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ
 Шель да на сапожки все поглядываль.
 Говорить Чурилушка сынъ Плѣнковичъ:

„И доподлинно холопина боярская,
 Деревенщина да пустохвастина:
 На свои сапожки не насмотрится,
 Вѣкъ такихъ сапожекъ, знать, не держиваль.“
 Говорить бояринъ Дюкъ Степановичъ:

„На меня ты, князь, въ томъ не прогнѣвайся:
 Сказывали, Кіевъ градъ въ чести, въ добрѣ,
 А у васъ во Кіевѣ все не по нашему:
 Настланы мостѣчки кирпичныя,
 Сыпаны песочки рудожелтыя,
 Да положены порученьки калиновы;
 Какъ тутъ пали дождинки великіе,
 Измочилися песочки рудожелтыя—
 Призабрызгалъ я сапожки-то зелѣнь сафьянъ.“

У моей у родной матушки
 Стланы все мосточки дубовые,
 Пдверху—суконца одинцовья,
 Да положены порученьки серебряны—
 Какъ пойдешь по тѣмъ мосточикамъ дубовымъ
 Да о тѣ порученьки серебряны,
 Тугъ сапожки, идя, только чистятся,
 Рудожелтой грязью не забрызжатыся.“

Пріѣзжали ко воротамъ княженецкіимъ;
 Молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ
 Головой качалъ, самъ приговаривалъ:

„Сказывали, Кіевъ градъ въ честі, въ добрѣ,
 А у васъ во Кіевѣ все не по нашему:

У моей у родной матушки
 Надъ воротами иконъ-то будетъ семьдесятъ,
 Да и всѣ иконы въ золотѣ,
 А у васъ здѣсь и десятка нѣтъ!“

Заѣзжали на широкій княженецкій дворъ;
 Ко столбу стоитъ привязанъ Дюковъ добрый конь.
 Головой качаетъ Дюкъ Степановичъ:

„Сказывали, Кіевъ градъ въ честі, въ добрѣ,
 А у васъ во Кіевѣ все не по нашему:

У моей у родной матушки
 На дворѣ стоятъ столбы серебряны;
 Въ нихъ продѣрнуты колечки чиста золота,
 Поразставлена сыта медвяная,
 Понасыпана пшена да бѣлоярова—
 Есть добрымъ конямъ что пить да кушати.

А у васъ здѣсь брошено овсишка зяблага.
 Ай же ты, мой бурушка-кавурушка!
 Ты помрешь здѣсь, бѣдный конь мой, съ голоду:
 Во своемъ во городѣ во Галичѣ
 Ты не кушалъ и пшены-то бѣлояровой!“

Заходили во палаты бѣлокаменны,
 Проводили гостя въ гридню свѣтлую,
 Становили столики дубовые,
 Накрывали скатерти шелковья,
 Становили яствина сахарныя,
 Разводили питьца медовья,
 Да садили гостя во большо мѣсто,

Во большѣ мѣсто да во большомъ углу,
Почитали гостя за гостя.

За столомъ сидятъ все, пьютъ да кушаютъ,
Пьютъ да кушаютъ, а сами слушаютъ.

Молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ
За столомъ сидитъ, въ окно глядитъ,
Все качаетъ лишь головушкой;

Со стола крупитчатый калачъ возьметъ,
Верхню корочку повырѣжетъ, на столъ кладетъ,
Мякишекъ-серѣдку скушаетъ,

Нижню корочку подъ столъ мечётъ.

Увидалъ то солнышко Владиміръ князь:

„Что же ты, бояринъ, чванишься?
Верхню корочку на столъ кладёшь,
Нижню корочку подъ столъ мечёшь?“

Отвѣчаетъ Дюкъ Степановичъ:

„На меня ты, князь, въ томъ не прогнѣвайся:
Сказывали, Кіевъ градъ въ чести, въ добрѣ,

А у васъ во Кіевѣ все не по нашему:

Какъ у васъ все бочки-то дубовыя,

Понабиваны обрѣчки еловые,

Дѣланы мѣшалочки сосновыя —

Тутъ у васъ и калачи мѣсятъ;

Какъ у васъ все печки-то кирпичныя,

Топятся дровцѣми да еловыми,

Дѣланы помялушки сосновыя —

Тутъ у васъ и калачи пекутъ:

Оттого у васъ и калачи крупитчаты

Пахнутъ на ту глинушку дождѣвую

Да на то помялушко сосновое.

У моей родитель-матушки

Дѣланы все бочечки серебряныя,

Понабиваны обрѣчки злачёныя,

Да положены все мѣды сладкіе;

Дѣланы мѣшалочки дубовыя —

Тутъ у ней и калачи мѣсятъ!

Пѣчечки-то все у ней муравлены,

Топятся дровцѣми да дубовыми,

Дѣланы помялушки шелковыя;

Какъ помочать во росу медѣвую,

Пометаютъ печечки муравлены,
 Подстилаютъ бѣлою бумагою—
 Тутъ у ней и калачи пекутъ:
 Какъ калачикъ съѣшь—другаго хочется,
 Другой съѣшь—по третьему душа горитъ,
 Третій съѣшь—четвертый вонъ съ ума нейдетъ.“

Наливали тутъ хмѣльныхъ напитокковъ,
 Подносили гостю зеленѣ вина;
 Бралъ онъ чару во бѣлы руки,
 Подносилъ къ устамъ сахарнымъ—
 Не понравился боярину напитоккъ,
 Половину вылилъ за окошечко,
 Половину за спину повыплескалъ
 Черезъ золотъ стулъ по славной горенкѣ,
 Говоритъ самъ князю таковы слова:

„На меня ты, князь, въ томъ не прогнѣвайся:

Какъ у васъ во Киевѣ да не по нашему:

Дѣланы все бочки-то дубовыя,
 Понабиваны обручки еловые,
 Зеленѣ вино туда положено,
 Въ погреба да на землю опущено,
 Тамъ вино у васъ и призадохнется:

Горько ваше зеленѣ вино,
 Пахнетъ затхолью великою,
 А и въ ротъ его не можно взять.

У моей сударыни у матушки
 Дѣланы все бочечки серебряны
 Понабиваны обручки злачѣныя,
 Пиво сладкое, стоялое положено,
 Въ погребахъ глубокихъ повѣшано

На цѣпочкахъ на серебряныхъ,
 Да по трубамъ подземельнымъ
 Буйны вѣтры понавѣдены:

Какъ повѣютъ вѣтры со чиста поля—

Воздухи пойдутъ по погребамъ,
 На цѣпочкахъ бочки закачаются,
 Загогочутъ будто лебеди,
 Будто лебеди на тихихъ заводяхъ,
 Въ бочкахъ пиво всколыбается,
 А и вѣкъ не затыхается.

Чару выпьешь—губоньки слипаются,
 Другу выпьешь—третьей хочется,
 Третью выпьешь—по четвертой ли душа горить.“

Какъ тутъ младъ Чурилушка сынъ Плёнковичъ
 По столовой гриднѣ запохаживаль,
 Таковы слова да проговариваль:

„Что же ты, холопина боярская,
 Порасхвастался имѣніемъ-богачествомъ,
 Порасхвастался уѣдами да питьями?
 Мы ударимъ-ка съ тобою о великъ закладъ,
 О великъ закладъ—о тридцати о тысячахъ.
 На три года времени проѣхати
 На своихъ на коняхъ богатырскихъ—
 Каждый день бы кони были смѣнные,
 Разношерстные все кони, перемѣнные,
 Чтобы въ три года такой и масти не было;
 На три времени выщѣпливать—
 Каждый день бы платья были смѣнные,
 Цвѣтные все платья, перемѣнные,
 Снова-на-ново на всѣ на три года,
 Чтобы въ три года такого цвѣту не было.“

Говоритъ Чурилъ Дюкъ Степановичъ:

„Ай ты, молодой Чурилушка сынъ Плёнковичъ!
 Какъ живешь ты во своемъ во Кіевѣ,
 Просто бить тебѣ со мною о великъ закладъ:
 Кладовыя у тебя полнымъ-полно
 Всякою одежицей покладены,
 У меня же все одежица дорожная,
 У меня все платица завозныя.“

И ударили они тутъ о великъ закладъ,
 О великъ закладъ—о тридцати о тысячахъ;
 По Чурилъ сынъ Плёнковъ
 Цѣлымъ градомъ Кіевомъ ручаются,
 Поручился самъ Владиміръ князь съ княгинею;
 А по Дюкѣ нѣтъ порѣкушки,
 Набиралась только голь кабацкая,
 Голь кабацкая до тысячи,
 Больше все по Дюкушкѣ ручаются.
 Закручинился бояринъ, запечалился,
 Запечалился, повѣсилъ буйну голову,

Ясны очи утопилъ въ кирпичатъ полъ,
 Поскорёшенько садится на червлёный стулъ,
 Пишетъ письма скорописчаты
 Ко своей ко рѣдной матушкѣ:

„Ай же, свѣтъ, моя ты рѣдна матушка!
 Ты повыручь-ка меня съ неволюшки,
 Съ-подъ того заклада съ-подъ тяжелаго:
 Ты пошли-ка мнѣ одежицы снаряжныя,
 Чтобъ хватило на три года времени,
 Каждый день бы платья были смѣнныя,
 Цвѣтныя все платья, перемѣнныя,
 Снова-на-ново на всѣ на три года,
 Чтобы въ три года такого цвѣту не было.“

Выходилъ бояринъ на широкій дворъ,
 Приходилъ къ добру коню ко богатырскому,
 Полагаетъ письма подъ сѣдлышко,
 Отпущаетъ мала бурушку-кавурушку:

„Побѣгай-ка ты, мой добрый богатырскій конь,
 Да во славную во Индію богатую,
 Да во славный нашъ во Галичъ градъ,
 Забѣгай-ка тамъ на мой широкій дворъ,
 Ко своимъ ко конюхамъ любимымъ.“

Побѣжалъ тутъ Дюковъ добрый богатырскій конь,
 Да по славному раздольицу чисту полю,
 Побѣжалъ во Индію богатую,
 Прибѣгалъ во славный Галичъ градъ
 Да на Дюковъ на широкій дворъ,
 Заржалъ громкимъ лошадинымъ ясакомъ.

Услыхали конюхи любимые,
 Усмотрѣли бурушку-кавурушку,
 Приходили къ Дюковой ко матушкѣ,
 Ко честной вдовѣ Мамельфѣ Тимоѣевнѣ,
 Приходили сами низко поклонилися:

„Ты честна Мамельфа Тимоѣевна!
 Прибѣжалъ-то Дюковъ конь да на широкій дворъ.“
 Поглядѣла во косячато окошечко,
 Увидала бурушку-кавурушку,
 Залилася горючѣй слезѣй старушенька:

„Видно, чадочко мое роженое
 Положило буйную головушку

Да на матушкѣ на славной на святой Руси!“

Выходила на широкій дворъ,
 Брала бурушку за поводѣ шелкѣвые,
 Приказала бурушку разсѣдывать;
 Да какъ стали бурушку разсѣдывать,
 Увидала письма подъ сѣдлышкомъ,
 Скоро письма распечатала,
 Посмотрѣла, чтѣ въ нихъ принаписано,
 Взрадовалась старая, что живѣ любимый сынъ,
 Молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ,
 Говорить сама да таковы слова:

„Знатъ, заносливо роженое, захвастливо,
 Оттого оно тамъ и захвачено!
 Ай вы, конюхи мои любимые!
 Вы кормите-ка коня мнѣ скоро-на-скоро,
 Скоро-на-скоро да сыто-на-сыто.“

Отвели коня въ конюшеньку стоялую,
 Понасыпали пшены да бѣлояровой,
 Поразставили сыты медвяныя.
 А честна вдова Мамельфа Тимоѣевна
 Скоро шла въ палаты бѣлокаменны,
 Скоро брала золоты ключи,
 Созывала всѣхъ служанокъ вѣрныхъ,
 Брала перецѣнщиковъ, расцѣнщиковъ,
 Оцѣняли тутъ одежду драгоцѣнную,
 Чтѣбъ хватило на три года времени,
 Каждый день бы платья были смѣнныя,
 Снова-на-ново да что ни ести лучшія,
 Укладали въ сумы перемѣтныя,
 Отпускали бурушку во стольный Кіевъ градъ.

Какъ пошелъ буркѣ тутъ по чисту полю,
 Прибѣгаетъ въ Кіевъ градъ, на княженецкій дворъ,
 Зѣржалъ громкимъ лошадинымъ ясакомъ.
 Услыхалъ бояринъ Дюкъ Степановичъ:

„Знатъ, пришелъ мой бурушка косматенькій!“

Выходилъ ко бурушкѣ-кавурушкѣ,
 Распечаталъ сумы перемѣтныя,
 Вынималъ одежи драгоцѣнныя.

Сталъ одежицы съ Чурилой тутъ понашивать,
 На добромъ конѣ съ Чурилой да поѣзживать.

Молодой Чурилушка сынъ Плёнковичъ
Цѣлымъ стадомъ въ полѣ лошадей погналь,
А бояринъ Дюкъ Степановичъ
Поутру пораньше самъ повѣстанеть,
Въ поле бурушку косматаго повыведеть,
Перекатываетъ во росѣ во утренней,
На буркѣ-то шерсть и перемѣнится.

Бзять, щаять годъ они, другой ли годъ,
Вотъ проѣздили, прощапили всѣ три года,
Да приходитъ, братцы, имъ послѣдній день,
А и надо имъ идти во церковь Божию,
Ко заутренкѣ ко воскресенской.

Божій колоколь ранѣшенько гудомъ гудить,
Въ церковь Божию народъ валомъ валить.

Молодой Чурилушка сынъ Плёнковичъ
Всѣхъ впередъ проходитъ надуваючись,
Длинными полами раздуваючись,
Да прихлопывая шапкой-мѣрманкой;
Ставится на правомъ крылосѣ.

За Чурилой входитъ Дюкъ Степановичъ,
Входитъ потихонько, смиренхонько,
Ставится на лѣвомъ крылосѣ,
Всю заутренку стоитъ прямехонько,
Да поклоны лишь кладетъ частехонько.

Солнышко Владиміръ стольно-кѣвскій
Поглянулъ на праву руку, на Чурилушку:
На Чурилушкѣ одежица снарядная:
На головкѣ шапка-мѣрманка-златой вершокъ,
На ногахъ сапоженьки-зелѣнь сафьянъ,
Пряжечки серебряны, шпеньки злачёные;
На плечахъ могучихъ кунья шубонька,
Что одна-ли строчка чиста сѣребра,
А другая строчка красна золота,
Петельки прошиваны шелковья,
Пуговки положены злачёныя;
Да во тѣхъ во петелькахъ шелковныхъ
Вплѣтано по красной по дѣвушкѣ,
А во тѣхъ во пуговкахъ злачёныхъ
Влѣвано по доброму по молодцу:
Какъ застѣгнутся, такъ и обдѣмются,

Поразстѣгнутся—и подѣлуются.

Говорить Владиміръ стольно-киевскій.

„Молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ

Прозакладаль все имѣніе-богачество

Молоду Чурилѣ сыну Плѣнкову!“

Говорить Бермята сынъ Васильевичъ:

„Ай ты, солнышко Владиміръ стольно-киевскій!

Ты на лѣву руку посмотри теперь:

Молодой Чурилушка сынъ Плѣнковичъ

Прозакладался боярину.“

Солнышко Владиміръ стольно-киевскій

Посмотрѣлъ на лѣву руку, на боярина:

На головкѣ шапочка со рожками,

На рожкахъ по камешку по самоцвѣтному,

Спереди введенъ свѣтѣль мѣсяцъ,

По косицамъ—звѣзды частыя,

А шеломъ на шапочкѣ какъ жаръ горитъ;

Ноженки во лапотцахъ семи шелковъ,

Въ пяты вставлено по золотому гвѣздичку,

Въ нѣсы вплѣтано по дорогому яхонту:

Днемъ идти въ нихъ—что по красну солнышку,

Темной ночью—что по свѣтлу мѣсяцу;

На плечахъ могучихъ шуба черныхъ сѣболей,

Черныхъ соболей заморскіихъ,

Подъ зеленымъ рытымъ бархатомъ,

А во петелькахъ шелковыхъ влѣтаны

Все-то Божьи птичюшки пѣвучія,

А во пуговкахъ злачёныхъ вливаны

Все-то люты змѣи, звѣрюшки рыкучіе:

Сталь онъ плѣточкой по петелькамъ поваживать —

Вдругъ запѣли птичюшки пѣвучія,

Затянули пѣсенки небесныя,

Удивленье весь честной народъ взяло;

Сталь онъ плѣточкой по пуговкамъ похаживать,

Сталь онъ пуговку о пуговку позванивать —

Закричали звѣрюшки рыкучіе,

Люты змѣи съ пуговики плывутъ ко пуговкѣ,

Зашипѣли во всю голову,—

Всѣ ужахнулись, во поваль попадали,

А ины—какъ пали ђ зѣмь, такъ и ђмерли

Говоритъ Владиміръ стольно-кіевскій:
 „Молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ!
 Пойми-ка ты звѣрей рыкучіихъ,
 Призакличь-ка змѣевъ лютыхъ,
 Ты оставь людей мнѣ хоть на сѣмена.
 Ай ты, молодой Чурила Плёнковичъ!
 Мы пробили денегъ сорокъ тысячей:
 Перещапилъ вѣдь тебя бояринъ-то,
 Нѣту у тебя такихъ великихъ хитростей!“

А бояринъ Дюкъ Степановичъ
 Только принялъ отъ Чурилы тридцать тысячей,
 Тутъ-же роздалъ все на зеленѣ вино
 Поручателямъ своимъ—голямъ кабацкіимъ,
 Ополдохался Чурилушка до смѣртушки,
 Шапку-мурманку свою во клочья рветъ,
 Осерчавшись, говоритъ боярину:

„Гой ты, молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ!
 Эта похвальба не похвальба у насъ.
 Мы ударимъ-ка съ тобою объ иной закладъ—
 Не о сотняхъ, не о тысячахъ—
 Мы ударимъ о своихъ о буйныхъ гдловахъ:
 Переѣхать чрезъ Пучай-рѣку,
 А Пучай-рѣка-то на два пдприша;
 Кто тутъ изъ двоихъ добрѣ выступить,
 Тотъ другому пусть и голову рубить.“

Говоритъ бояринъ Дюкъ Степановичъ:
 „Молодой Чурилушка ты Плёнковичъ!
 Какъ живешь ты во своемъ во Кіевѣ,
 Просто бить тебѣ со мною о великъ закладъ:
 Вѣкъ стоитъ твой богатырскій конь
 У своихъ у конюховъ любимыхъ;
 У меня же жеребятшко дорожное,
 У меня лошадка призаѣхана.“

И ударили они тутъ о великъ закладъ,
 О великъ закладъ—о буйныхъ гдловахъ,
 А на завтрашній имъ день сѣѣзжатися.

Молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ
 Скоро шелъ въ конюшеньку стоялую
 Къ своему коню ко богатырскому,
 Палъ коню въ конытце, самъ расплакался:

„Ай же ты, мой бурушка косматенькій!
 Ты не знаешь про мою невзгодушку,
 Бьемся мы съ Чурилой о великъ закладъ —
 О своихъ о буйныхъ гдловахъ:
 Если ты не перескочишь чрезъ Пучай-рѣку,
 Онъ мнѣ рубить буйну голову,
 А Пучай-рѣка-то на два поприща.“

И спровѣщилъ добрый богатырскій конь,
 Воспрогдворилъ языкомъ челоѳеческимъ:

„Ты не плачь, любезный мой хозяйюшко,
 Молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ!
 Бейся о великъ закладъ—о буйной головѣ.
 У Чурилушки-то конь—мой меньшій братъ,
 У Ильи у Муромца ли конь—мой большій братъ:
 У него есть трое крылышковъ подкожныхъ,
 У меня есть двое крылышковъ подкожныхъ,
 У Чурилова коня у богатырскаго
 Есть одни лишь крылышки подкожныя.
 Подойдетъ пора мнѣ времечко,
 Такъ не уступлю и брату большему,
 А меньшому брату нѣча взять съ меня.“

Какъ садился поутрѣ онъ на добра коня,
 Приѣзжалъ ко славной ко Пучай-рѣкѣ,
 Много тутъ богатырей съѣзжалоса,
 Много люду собиралоса
 Посмотрѣть замашки богатырскія.
 Молодой Чурилушка сынъ Пленковичъ
 Выводилъ съ конюшенъ тридцать жѣребцовъ,
 Выбиралъ изъ тридцати да самолучшаго,
 Приѣзжалъ ко славной ко Пучай-рѣкѣ,
 Говоритъ самъ таковы слова:

„Поѣзжай-ка напередъ ты, Дюкъ Степановичъ:
 Мнѣ не долго будетъ за тобой поспѣть.“

Говоритъ бояринъ Дюкъ Степановичъ:

„Поѣзжай ты напередъ, Чурила Пленковичъ:
 Похвальба твоя сегодня напередъ зашла.“
 Молодой Чурилушка сынъ Пленковичъ
 Отѣзжалъ скорѣнько во чисто поле,
 Да изъ дѣлеча-далѣча изъ чиста поля
 Поразганивалъ да поразѣзживалъ,

Проскочить хотѣлъ чрезъ славную Пучай-рѣку—
 Со добрымъ конемъ со богатырскимъ
 На полѹ-рѣки да приогрѣшился,
 На полѹ-рѣки съ конемъ и плаваешь.

Молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ
 Не разганивалъ и не разѣзживалъ,
 Со крутого бережка коня приправливалъ,
 Проскочилъ скорѣнько чрезъ Пучай-рѣку,
 Да того скорѣе поворотъ держалъ,
 О полѹ-рѣки къ водѣ припадывалъ,
 За кудѣрышки Чурилушку захватывалъ,
 Изъ воды съ конемъ Чурилушку вытаскивалъ,
 Приволокъ ко ножкамъ княженецкимъ,
 Говорилъ самъ князю таковыя слова:

„Ай ты, князь Владиміръ стольно-кѣевскій!
 Кто изъ насъ добрѣе-то выступилъ?
 Намъ которому съ Чурилою голову рубить?“

Говорить Владиміръ стольно-кѣевскій:

„Ай ты, молодець бояринъ Дюкъ Степановичъ!
 Не руби-ка ты Чурилѣ буйной гдоловы
 За его за ложное за хвастанье,
 Ты оставь-ка намъ Чурилку хоть для памяти.“

Стали со слезами тутъ боярина
 О Чурилушкѣ умаливать-упрашивать
 Кѣевскія красны дѣвушки,
 Молодыя молодущечки,
 Съ ними старыя старущечки.

Подѣзжалъ и старый Илья Муромецъ:

„Молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ!
 Не руби-ка ты Чурилкѣ буйной гдоловы,
 Не хвала, не честь въ томъ молодецкая:
 Съ нимъ не знаются могучіе богатыри,
 Знаются съ нимъ только бабы въ Кѣевѣ.“

Говорить Чурилѣ Дюкъ Степановичъ:

„Ай ты, пустохвастишка боярская!
 Княземъ стольно-кѣевскимъ упрошенный,
 Кѣевскими бабами уплаканный!
 Ты не ѣзди-ка ужъ съ нами во чисто поле,
 Ты живи-ка между бабами во Кѣевѣ,
 А и вѣкъ живи тамъ съ ними пдъ вѣку!“

Былъ же тутъ Алешенька Поповскій сынъ,
Говорить Алешенька Владиміру:

„Гой еси ты, князь Владиміръ стольно-кіевскій!
Выбирай-ка писчиковъ-обцѣнщиковъ,
Посылай во Индію богатую,
Да во ту во Галичъ во проклятую,
Описать все Дюково богачество,
Обцѣнить безсчѣтну золоту казну:
Такъ ли онъ своимъ поселемъ хвастаетъ,
Такъ ли у него во домъ дѣется?“

Говорить Владиміръ стольно-кіевскій:

„А кого же писчикомъ-обцѣнщикомъ
Я пошлю во Дюково поселище?“

Говорить Алешенька Поповскій сынъ:

„Ты пошли-ка, князь меня, Алешеньку.“

Говорить бояринъ Дюкъ Степановичъ:

„Ай ты, князь Владиміръ стольно-кіевскій!
Ты не посылай Алешеньки Поповича:

Роду онъ, Алешенька, поповскаго,
А поповски очи завидушія,
А поповски руки загребушія—
Какъ увидить много злата-сѣребра,
Злату-сѣребру Алеша позавидуетъ,
Не вернѣтся больше въ стольный Кіевъ градъ,
Тамъ и сложить буйную головушку.
Ты пошли-ка стара Илью Муромца,
Молода Добрынюшку Никитича,
Въ-третьихъ Михайла Пѣтыка Иванова,
Трехъ могучихъ русскіихъ богатырей;
Дай съ собой бумага да чернилъ на три года—
Да не вѣкъ же имъ тамъ животы обцѣнивать:
Не какіе наши животы—сиротскіе.“

И послали стара Илью Муромца,
Молода Добрынюшку Никитича
Да Михайла Пѣтыка Иванова.
Трехъ могучихъ русскіихъ богатырей,
Во ту Индію богатую,
Во ту Галичъ во проклятую,
Дюковыхъ животовъ обцѣнивать.
Отправлялись три могучіе богатыря,

Во пути корѣтали три мѣсяца,
 Ъхали раздольцемъ чистымъ полемъ,
 Да подѣхали подъ Индію богатую,
 Поднялись на горушку высокую,
 Увидали славный Галичъ градъ,
 Сами говорятъ промежь собой:

„Молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ
 Въсточку послалъ, зная, къ родной матушкѣ,
 Чтобъ зажгла свой славный Галичъ градъ,
 Да нельзя бы намъ было общѣнивать
 Животишенекъ сиротскихіхъ:

Галичъ градъ-то въдъ огнемъ горить.“

Какъ поближе къ Галичу подѣхали:
 Кровельки на всѣхъ домахъ да золочѣныя,
 Маковки на всѣхъ церквахъ да самоцвѣтныя,
 Отъ далѣ-то будто жаръ горять.
 Заѣзжали въ славный Галичъ градъ,
 Подѣзжали ко высѣку терему:
 Не видали теремѣвъ такихъ на семь свѣтѣ.
 Заходили во высѣкъ теремъ:
 Всѣ ступеньки-то серебряныя,
 Всѣ грядѣчки-то орлѣныя,
 Всѣ орлѣныя да золочѣныя;
 Въ стѣны вложены каменья драгоцѣнные:
 Видно мѣлодца лицомъ въ нихъ, станомъ, возрастомъ;
 Половицы все стекляныя,
 Подъ поломъ течетъ вода студѣная,
 А въ водѣ играютъ рыбки разноцвѣтныя;
 Какъ которая плеснѣтъ хвостомъ,
 Половица звякнетъ, будто надтреснетъ,
 Инъ ступать по половицѣ боязно.
 Какъ прошли въ палаты, во первѣй покой,
 Увидали стару-матеру жену,
 Мало шѣлку, вся во чистомъ сѣребрѣ.
 Господу ли Богу помолилися,
 На всѣ стороны низѣнько поклонилися:

„Здравствуешь ты, Дюкова ли матушка!
 Сынъ тебѣ шлетъ челомъ-бѣтьице,
 Понизкѣ велѣлъ поклонъ поставити.“

Отвѣчаетъ стара-матерѣ жена:

„Здравствуйте и вы, удалы добры мѡлодцы!
 Я не Дюкова есть матушка,
 Я здѣсь Дюкова есть рукомойница,
 Полагаю Дюку воду въ рукомойничекъ.“

Проходили мѡлодцы въ другой покой,
 Увидали стару-матерѹ жену,
 Мало шѣлку, вся во скатномъ золотѣ.
 Господу ли Богу помолилися,
 На четыре на сторонки поклонилися:

„Здравствуешь ты, Дюкова ли матушка.“

„Я не Дюкова есть матушка,
 Я здѣсь Дюкова есть судомойница.“

Проходили далѣй добры мѡлодцы,
 Увидали стару-матерѹ жену,
 Мало шѣлку, вся во скатномъ жемчугѣ.
 Бьютъ челомъ ей, поклоняются:

„Здравствуешь ты, Дюкова ли матушка!“

„Я не Дюкова есть матушка,
 Я здѣсь Дюкова калачница.“

Проходили во покой четвертый мѡлодцы,
 Увидали стару-матерѹ жену,
 Мало шѣлку, вся въ камѣняхъ самоцвѣтныхъ
 До земли челомъ бьютъ, поклоняются:

„Здравствуешь ты, Дюкова ли матушка!“

„Я не Дюкова есть матушка,
 Я здѣсь Дюкова есть стольница.

Вы спины-то даромъ не ломайте-ка,
 Понапрасну шеи не сгибайте-ка,
 Жень, какъ я, не мало въ нашемъ городѣ,
 Всѣмъ, небось, вамъ не накланяться.

Дюкова-то матушка ушла къ обѣденькѣ;
 Вы ступайте-ка во церковь во соборную,
 Да смотрите, всякому не кланяйтесь.

Какъ пройдутъ впередъ лопатники,
 За лопатниками вслѣдъ метельники,
 За метельниками вслѣдъ постельники,
 Тутъ пойдетъ со церкви Божіей

И честна вдова Мамельфа Тимоѣевна.“

Скоро шли они ко церкви ко соборной,
 Становились у дверей церковныхъ.

Вотъ пошелъ народъ съ обѣденки,
Кто въ шелку идетъ, кто въ сѣребрѣ, кто въ золотѣ,
Кто идетъ въ каменьяхъ самоцвѣтныхъ.

Выходили тутъ лопатники,
Разгребали путь-дороженьку;
Выходили вслѣдъ метельники,
Засыпали путь песочкомъ жёлтымъ;
За метельниками шли постельники,
Стлали по пути мосточки дубовые,
Повверху—сукопца одинцова,
Полагали вдоль порученьки серебряны.
Какъ ведутъ тутъ стару-матеру старушеньку
Тридцать двѣицъ со двѣицей подъ руки,
Надъ старушенькой несутъ подсолнечникъ,
Чтобъ ее не запекало красно солнышко,
На нее не капали-бы рдсы утренни;
Платье на старушенькѣ надѣто цвѣтное,
Вся подвѣдена на немъ луна небесная:
Какъ отъ красна солнца, свѣтла мѣсяца,
По всему по Галичу лучи пекутъ,
Часты мелки звѣзды разсыпаются.
Подходили къ ней, низенько поклонялися:

„Здравствуешь же, Дюкова ты матушка!
Сынъ тебѣ шлетъ челомъ-бѣтьице,
Понизкѣ велѣлъ поклонъ поставити.“
„Здравствуйте и вы, удалы добры молодцы!
Вы пойдите-ка со мною во высокъ терѣмъ,
Хлѣба-соли у меня покушати,
Бѣлыя лебѣдушки порушати.“

„Государыня Мамельфа Тимоѣевна!
Мы приѣхали вѣдь не тебя смотрѣть,
А твое житье-богачество описывать:
Призахвастался твой сынъ богачествомъ.“

„Ай же, славные вы писчики-общѣнщики!
Не какіе животы у насъ—сиротскіе,
Животы вдовиные, бобыльскіе,
А не долго же вамъ животы описывать.“

Шли богатыри за нею во высокъ терѣмъ;
Пойти, кормить ихъ да много чествуетъ.
Какъ калачъ съѣдятъ—другого хочется,

Какъ другой съѣдятъ—по третьему душа горитъ,
 Третій ли съѣдятъ—четвертый вонъ съума нейдетъ.
 Чару выпьютъ—губоньки слипаются,
 Другу пыпють—третьей хочется,
 Третью выпьютъ—по четвертой ли душа горитъ.
 Наѣдались до полу-сыта,
 Напивались до полу-пьяна.

Тутъ честна вдова Мамельфа Тимоѣева
 Повела ихъ посмотрѣть свое посѣльице,
 Самоѣ-то подъ руки ведутъ служаночки;
 Привела въ конюшеньки стоялыя:
 Не могли жеребчиковъ перѣсчитать,
 Не могли глазами ихъ перѣглядѣть,
 Да не знали и цѣны имъ дать:
 Въ чѣлкѣ, въ гривѣ, во хвостѣ у каждаго
 Вплѣтано по камню самоцвѣтному.
 Привела во клѣтку во сѣдельную:
 Не могли сѣдлышекъ перѣсчитать,
 Не могли глазами ихъ перѣглядѣть,
 А и каждое сѣдло-то во пятьсотъ рублей.
 Привела во клѣтку во платѣную:
 Не могли тутъ платицеви перѣсчитать,
 Не могли глазами ихъ перѣглядѣть,
 Всѣ-то дѣланы изъ шёлку да изъ бархату,
 Поусажены камнями драгоцѣнными.
 Завела во погребъ сорока сажонъ:
 Не могли тутъ бочечекъ перѣсчитать,
 Не могли глазами ихъ перѣглядѣть,
 Да полны всѣ злата-серебра,
 Злата-серебра да все недѣржана.
 Вывела ихъ на широкій дворъ,
 А течетъ тутъ рѣчка золочѣная—
 Не могли той рѣчкѣ-то и смѣты дать.
 Поразумались богатыри, спрогдворять:
 „Взяли мы бумаги да чернилъ на три года,
 Да какъ здѣсь намъ животы описывать,
 Здѣсь же вѣкъ намъ свой скоротати.“
 Говоритъ имъ старая старушенька,
 Та честна вдова Мамельфа Тимоѣевна:
 „Ай же, славные вы псичики-обцѣнщики!

Вы скажите солнышку Владиміру:
 На бумагу пусть продасть весь Кіевъ градъ,
 На чернила пусть продасть Черниговъ градъ,
 Да тогда пріѣдетъ животовъ описывать.“

Отправлялися они назадъ во Кіевъ градъ,
 Во пути корѣтали три мѣсяца,
 Пріѣзжали въ стольный Кіевъ градъ,
 Приходили къ солнышку Владиміру.
 Спрашиваетъ ихъ Владиміръ князь:

„Гой еси вы, писчики-обцѣнщики!

А и вѣрно ли похвасталъ Дюкъ Степановичъ,
 Великій-ль у Дюка животы сиротскіе?“

Отвѣчаютъ князю писчики-обцѣнщики,
 Русскіе могучіе богатыри:

„Ой ты, солнышко Владиміръ стольно-кіевскій!
 Великій у Дюка животы сиротскіе:

Кабы стали ихъ обцѣнивать, описывать,
 Тамъ бы и свой вѣкъ скорѣтали.

Да наказывала Дюкова намъ матушка,
 На бумагу-то продать весь Кіевъ градъ,
 На чернила-то продать Черниговъ градъ,
 Да тогда пріѣхатъ животовъ описывать.“

Говорилъ Владиміръ стольно-кіевскій:

„Ай ты, молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ!
 За твою за похвальбу великую
 Ты торгуй-ка въ нашемъ градѣ Кіевѣ,
 Вѣкъ торгуй у насъ безошлинно.“

Съ тѣхъ-то поръ про Дюка старину скажутъ,
 Синему-то морю да на тишину,
 А вамъ, добрымъ людемъ, на послушанье.

БЫЛИНА ДВАДЦАТАЯ.

Добрыня Никитичъ въ отъѣздѣ.

Какъ стоять во стольномъ городѣ во Кіевѣ
Княженецкія палаты бѣлокаменны.

Не отъ вѣтричка палаты запаталися,

Не отъ вихоря палаты отворялися—

Заходилъ туда Добрынюшка Никитичъ младъ,

Съ нимъ товарищи—князья да бдѣре,

Русскіе могучіе богатыри.

Въ пѣль-сыта ли все туть наѣдалися,

Въ нѣль-пьяна ли все туть напивалися,

Во хмѣлю все порасхвасталися:

Умный хвастаетъ отцомъ да матерью,

Неразумный—золотою казною,

А Добрыня—молодой женой.

Какъ надъ тѣмъ все усмѣхнулися,

Другъ на друга оглянулися,

Межъ собой разговоръ вели:

„Чѣмъ-то молодой Добрыня хвастаетъ!

Не ясѣнь соколъ съ теплѣ гнѣзда солѣтывалъ,

Не бѣлой кречѣтъ съ теплѣ гнѣзда сопѣрхивалъ—

Возстаетъ самъ батюшка Владиміръ князь

Съ своего большого мѣста княженецкаго:

„Ай же вы, мои князья да бдѣре,

Русскіе могучіе богатыри!

Все вы, добры мѣлодцы, расхвасталися;

Мнѣ-то, князю вашему, чѣмъ будетъ хвастати?

Какъ ужъ далече-далече во чистѣмъ полѣ,

Какъ летаетъ тамъ Невѣжа чернымъ ворономъ, ⁽⁶⁵⁾
 Пишетъ мнѣ Невѣжа со угрозою,
 Кличеть-выкликаеть поединщика,
 Супротивъ себя да супротивника.
 Ужъ кого бы мнѣ послать съ Невѣжей ратиться,
 Очищать дороги прямоѣзжія,
 Постоять на крѣпкихъ на заставушкахъ
 За меня, за князя за Владиміра,
 За мою княгиню за Апраксию,
 За сиротъ, за вдовъ да за несчастныхъ женъ?!”

Всѣ богатыри за столикомъ утихнули,
 Приутихнули да приумолкнули,
 Другъ за друга затулялися:
 Ббльшіе туляются за среднихъ,
 Средніе хоронятся за мѣньшихъ,
 А отъ мѣньшихъ-то и отвѣту нѣтъ.
 Какъ встаетъ изъ-за стола съ-за задняго
 Первый богатырь да стольно-кіевскій,
 Старый Илья Муромецъ Ивановичъ,
 Говорить да таковыя слова:

„Гой еси ты, солнышко Владиміръ князь!
 Самъ-то я недавно изъ дороженьки,
 На заставѣ простоялъ двѣнадцать лѣтъ,
 Никогда Невѣжа не казалъ мнѣ глазъ.
 Не видалъ я и собачки во чистомъ полѣ,
 Увидалъ бы—подстрѣлилъ бы изъ туга лука.
 А теперь пошли-ка ты съ Невѣжей ратиться,
 Очищать дороги прямоѣзжія,
 Постоять на крѣпкихъ на заставушкахъ
 Молода Добрынюшку Никитича:
 Будетъ онъ защитой славну Кіеву,
 Обороной будетъ нашей крѣпости.“

И накинули ту служебку-работушку
 На того Добрынюшку Никитича.
 Выпиваль Добрыня чару зеленя вина,
 Скороталь почѣстенъ пиръ, пошелъ съ пирѹ домой,
 Нѣвесель пришель домой, нерѣдошень.
 Какъ не бѣлая березка къ землѣ клонится,
 Не зеленые листочки разстилаются—
 Сынъ ко матушкѣ ко родной приклоняется:

„Государыня моя ты, рѣдна матушка,
 Пречестна вдова Афимья Александровна!
 Ты на что меня несчастнаго спорѣдила,
 Безталаннаго на что меня отрѣдила?
 Спорѣдила бы меня родитель-матушка,
 Малыимъ, катучимъ бѣлымъ камешкомъ,
 Обвертѣла бы во тонко бѣлое полѣтнице,
 Отнесла бы ко глубокому синю морю,
 Опустила бы въ синю море на само дно—
 И лежалъ бы тамъ я съ вѣку до вѣку,
 Буйны вѣтрушки бы на меня не вѣяли,
 Добры людюшки бы про меня не баяли.
 Я не ѣздилъ бы, Добрыня, по святой Руси,
 Я не билъ бы безповинныхъ душъ,
 Не слезилъ бы я отцовъ да матерей,
 Не вдовилъ бы молодыхъ я женъ,
 Не сирѣталъ бы я малыхъ дѣтушекъ!
 А теперъ мнѣ ѣхать во чисто поле,
 Съ чернымъ ворономъ-Невѣжей ратиться,
 Очищать дороги прямоѣзжія,
 Постоять на крѣпкихъ на заставушкахъ.“

„Ахъ ты, свѣтъ мой, чадочко любимое,
 Душенька Добрынюшка Никитичъ млады!
 Кабы знала я да надъ тобой невзгодушку,
 Кабы вѣдала безврѣменье великое,
 То не такъ бы я тебя спорѣдила:
 Я тебя спорѣдила бы, чадочко,
 Силушкой во Святогора во богатыря,
 Участью-таланомъ въ Илью Муромца, ⁽⁶⁶⁾
 Смѣлостью въ Алешу во Поповича,
 Молодецкою посадкою, поѣздкою
 Во Михайла Пѣтыка Иванова,
 Выступкой, походочкой щепливою
 Во младѣ Чурилу сына Плѣнкова,
 Всѣмъ житьемъ-бытьемъ, имѣніемъ-богачествомъ
 Во боярина во Дюка во Степанова,
 Красотой во Солнышко Владиміра;
 Да ужъ, видно, зародилось чадочко
 Во несчастную звѣзду, во безталанную;
 Изо всѣхъ статей тебя, Добрынюшку,

Только вѣжествомъ Господь пожаловаль.“

„Ахъ ты, свѣтъ моя да рѣдна матушка!
Дай-ка мнѣ прощеньице-благословеньице
Да на вѣки нерушимое.“

Одѣвается Добрыня, снаряжается,
Въ торокѣ кладеть онъ каленѣ стрѣлы,
Золоту казну да платьѣ цвѣтное,
Обряжаетъ своего добра коня, ⁽⁸⁷⁾
Самъ садится на добра коня;
А честна вдова Афимья Александровна
Провожаетъ сына, кличемъ кликаетъ:

„Ай же ты, любимая невѣстушка,
Молода Настасьюшка Микулична!
Ты чего сидишь во теремѣ въ златѣмъ верху?
Али надъ собой невзгодушки не вѣдаешь?
Закатается вѣдь красно солнышко
За выскы горушки, за темны лѣсушки,
Отъѣзжаетъ вѣдь Добрыня съ широка двора.
Ты сойди-ка на широка дворъ скорѣшенько,
Разспроси его да хорошенечко:
Онъ далече ль ѣдетъ, куда путь держить?
Скоро ль ждатель себя да поджидатель велить?
Скоро ли велить въ окошечко посматривать?“

Какъ сошла тутъ на широка дворъ скорѣшенько
Молода Настасья дочь Микулична,
Да въ одной тонкой рубашечкѣ безъ пояса,
Да въ однихъ тонкихъ чулочикахъ безъ чоботовъ,
Какъ зашла Добрынѣ со бѣла лица,
Припадала къ стремечку булатному,
Стала спрашивать его, вывѣдывать:

„Ай же, свѣтъ ты мой, любимая державушка,
Миленка Добрынюшка Никитичъ младъ!
Ты далече ль ѣдешь, куда путь держишь?
Скоро ль ждатель себя да поджидатель велишь?
Скоро ли велишь въ окошечко посматривать?“

Говорить въ отвѣтъ Добрынюшка Никитичъ младъ:

„Ай же ты, моя любимая семеюшка,
Молода Настасьюшка Микулична!
Ужъ какъ стала у меня ты спрашивать,
Стану я теперь тебѣ и сказывать:

Ожидай Добрыню съ поля трѣ года,
 Трѣ года прождешь—другіе три пожди.
 Какъ исполнятся тому все шесть годовъ,
 И Добрыня твой не возвордтится—
 Поминай тогда Добрынюшку убитаго,
 А тебѣ, Настасѣ, воля вольная:
 Хоть вдовой живи тутъ, хоть замужъ поди,
 Хоть поди за князя, за боярина,
 За богатыря, за гостя за торговаго
 Или за простаго за крестьянина,—
 Не ходи ты только за единаго —
 За того за бабьяго насмѣшника,
 За судейскаго за перелестника,
 За Алешеньку Поповича:

Онъ, собака, мнѣ названный братъ,
 А названный братъ вѣдь паче рѣднаго.“

Только видѣли Добрыню сядючи,
 А не видѣли Добрынюшки поѣдучи.
 Не дорожкой онъ поѣхаль, не воротами,
 Черезъ стѣну онъ махнулъ да городовую,
 Мимо башеньки да наугольные;
 Съ горушки на горушку поскакиваль,
 Съ холмика на холмикъ перепрядываль,
 Рѣки да озѣра перескакиваль,
 Широкий раздолья промежь ногъ спускаль.
 А гдѣ падали копытца лошадиныя,
 Тамъ колодцы становились да глубокіе,
 Что глубокіе колодцы да кипячіе. ⁽⁶⁸⁾

Какъ не сѣрыя двѣ уточки сплывалися,
 Не двѣ бѣлыя лебедушки слеталися—
 Какъ садилася въ одно мѣсто свекровушка
 Со своей со молодой невѣстухой,
 Плакали, слезами обливалися,
 Молода Добрыни дожидалися.

А денѣчекъ за денѣчкомъ будто дождь дождить,
 А недѣлька за недѣлкой какъ трава растеть,
 А годѣчекъ за годочкомъ какъ сокѣль летить.
 И проходитъ тому времени ужъ трѣ года —
 Не бываль Добрыня со чистѣ поля.
 А денѣчекъ за денѣчкомъ будто дождь дождить,

А недѣлька за недѣлкой какъ трава растеть,
А годѣчекъ за годѣчкомъ какъ соколъ летить.
И проходить тому времени всѣ шесть годовъ —
Отъ Добрынюшки ни вѣсти нѣтъ, ни повѣсти.

Какъ привозить тутъ Алешенька Леонтьевичъ
Невеселую имъ вѣсточку, нерадостну:

Что побить лежитъ Добрыня во чистѣмъ полѣ,
Головой лежитъ во часть ракутовъ кустъ,

Рѣзвыми ногами во ковыль-траву,

Ручки, ножки у Добрыни пораскиданы,

Буйная головка поразломана,

Очи ясныя повыклевали вѣроны,

А сквозь желтые кудѣрышки

Проростаеть травушка шелкъвая,

Разцвѣтають цвѣтики лазуревы.

Какъ надъ тѣмъ Добрынюшкина матушка

Жалобнѣхонько да порасплакалась;

А къ Добрынюшкиной молодой женѣ

Стали захоаживать, засватывать

Сватомъ самъ Владиміръ солнышко,

Свахою сама княгинюшка Апраксія,

Добрыми словами уговаривать:

„Ай же ты, Настасья дочь Микулична!

Ужь тебѣ ли жить да молодой вдовой,

Молодой свой вѣкъ одной корѣтати?

Ты поди замѣжь хотъ за богатыря,

Хотъ за смѣлаго Алешеньку Поповича!“

Не дается на слова Настасьюшка,

Свата дѣритъ новенькой шириночкой,

Свахоньку другой шириночкой

Смѣлаго Алешу каленѣй стрѣлой,

Имъ сама такой отвѣтъ держить:

„Выполнила мужнюю я заповѣдь:

Прождала Добрыню цѣлыхъ шесть годовъ,

Выполню и женскую я заповѣдь:

Буду ждатель другіе шесть годовъ.

Какъ исполнятся тому двѣнадцать лѣтъ,

Да не будетъ мужа со чиста поля,

Все еще поспѣю я замѣжь пойти.“

И прошли тому другіе шесть годовъ—

Не бываль Добрыня со чиста поля.
 Приѣзжалъ опять Алешенька Леонтьевичъ
 Съ невеселой вѣсточкой, нерадостной:
 Что побить Добрыня во чистомъ полѣ,
 А и косточки-то порастасканы.
 Сталь опять Владиміръ князь съ княгинею
 Къ молодой Настасьюшкѣ похаживать.
 Подговаривать Настасью да посватывать.
 Пораздумалась Настасья, поразмыслилась:
 „Выполнила мужнюю я заповѣдь,
 Выполнила и свою-то заповѣдь,
 Не видать ужь мнѣ моеѣ державушки,
 Нѣтъ въ живыхъ Добрынюшки Никитича.“

И пошла Настасья дочь Микулична
 За того Алешу за Поповича.

Вотъ какъ пиръ идетъ у нихъ по третій день,
 А сегодня имъ идти ко церкви Божіей,
 Принимать съ Алешей по злату вѣнцу.
 Въ тѣ пору въ своихъ палатахъ бѣлокаменныхъ
 Пречестна вдова Аѳимья Александровна
 Подъ окошечко садилась подъ косячато,
 Плакала старушенька да съ причетью:

„Ахъ, тому ли ужь двѣнадцать лѣтъ назадъ
 Закатилось наше красно солнышко;
 Закатается теперь и младъ свѣтѣль мѣсяць!“

Какъ изъ дѣлеча-далѣча изъ чиста поля
 Не пордша бѣлаго снѣжку повыпала,
 По тому бѣлѣ снѣжку-порошенькѣ
 Что не бѣлый заюшка проскакиваль—
 Наѣзжаетъ съ поля, въ перегонъ гонить
 Добрый млодець, дѣтинушка залѣшанинъ;
 Платица на немъ не цвѣтная—звѣриныя,
 Конь подъ нимъ косматый, будто лютый звѣрь.
 Ѣдетъ не дорожкой, не вордтами,
 Ѣдетъ черезъ стѣну городовую,
 Мимо башни наугольныя,
 Прямо ко придворью ко вдовиному;
 Пнулъ столбы лохматымъ чоботомъ—
 Столбики задрогли, пошатнулись,
 Ворота широко распахнулись.

Онъ коня пускаетъ непривязана,
 Самъ идетъ въ палаты бездокладочно,
 Крестъ кладетъ да по писаному,
 И поклонъ ведетъ да по учёному,
 Поклоняется на всѣ четыре стороны,
 Пречестной вдовѣ старушенькѣ въ особину:

„Ай, честна вдова Аѳимья Александровна,
 Государыня, Добрынюшкина матушка!
 Твоему Добрынѣ я названный братъ,
 Отъ Добрыни я тебѣ поклонъ привезъ.
 Во чистомъ полѣ вчера съ нимъ поразѣхались:
 Онъ поѣхалъ ко Царю-граду,
 На прощанье мнѣ велѣлъ, наказывалъ:
 Какъ случить мнѣ Богъ побыть во Кіевѣ,
 Распросилъ бы про его про рѣдну матушку
 Да про молодую Настасью дочь Микуличну,
 Про его любимую семеюшку.“

Говорить въ отвѣтъ Добрынюшкина матушка.

„Ай же ты, дѣтинушка залѣшанинъ!
 Не тебѣ бы надо мною надсмѣхаться.
 Какъ привезъ Добрынюшкинъ названный братъ,
 Молодой Алешенька Леонтьевичъ
 Невеселую намъ вѣсточку, нерадостну:
 Что побить лежитъ Добрыня во чистомъ полѣ.
 Какъ слезила я тутъ очи ясныя,
 Какъ скорбила тутъ лицо да бѣлое,
 Тяжелѣшенько по сынѣ плакала.
 А Добрынюшкина молода жена,
 Молода Настасья дочь Микулична
 За того за братца мужнина
 За Алешку за Поповича замужъ пошла.
 Свatomъ-то былъ самъ Владиміръ князь,
 Свахою сама княгиня да Апраксія.
 Какъ идетъ у нихъ ужъ пиръ по третій день,
 А сегодня принимать имъ по злату вѣнцу.“

Говорить дѣтинушка залѣшанинъ:

„Да еще ли мнѣ велѣлъ, наказывалъ
 Мой названный братъ Добрынюшка Никитичъ младъ:
 Какъ его Настасьюшка замужъ поидетъ,
 Мнѣ сходить на ту на свадебку веселую,

А тебѣ сходить во погреба́ глубокіе,
 Принести гусѣлышки ярдвчаты,
 На койхъ онъ самъ, Добрынюшка, поигрываль;
 Принести еще одѣжку скоморѣшную:
 Что на ноженьки сапоженьки-зелѣнь сафьянъ,
 Что на плечи шубоньку да соболиную,
 На головку шапочку пушистую,
 Что пушистую, ушистую, завѣсисту;
 Въ рученьку дубинку сорока́ пудовъ,
 Чтобъ на свадьбкѣ насъ не обидѣли.“

„Ой, ты, деревенщина-засельщина!
 Было бъ живо мое красно солнышко,
 Нѣ дало бъ тебѣ, невѣжѣ, надсмѣхатися;
 А теперъ не стало красна солнышка—
 Не къ чему мнѣ гусли скоморошныя,
 Не къ чему мнѣ платья скоморошныя,
 Не къ чему дубинка скоморошная.“

И брала она скорѣнько золоты ключи,
 Отмыкала погреба́ глубокіе,
 Приносила гусли скоморошныя,
 Приносила платья скоморошныя,
 Подавала деревеньщинѣ-засельщинѣ;
 Самъ онъ бралъ дубинку сорока́ пудовъ,
 Накрутился скорой, смѣлой скоморошиной
 И пошелъ на тотъ почѣстенъ пиръ, на свадьбку.

Какъ стоятъ тутъ приворотники, придверники,
 Не хотятъ впускать уда́ла скоморошину.

Отъ воротъ онъ приворотниковъ отпихиваль,
 Отъ дверей придверниковъ отталкиваль,
 Смѣло проходилъ въ палаты княжецецкія.
 Вслѣдъ идутъ тѣ приворотники, придверники,
 Князю солнышку велику жалобу творять:

„Гой ты, солнышко Владиміръ стольно-кіевскій!
 Какъ пришелъ уда́ла скоморошина,
 У воротъ не спрашиваль онъ приворотниковъ,
 У дверей не спрашиваль придверниковъ,
 Всѣхъ разбилъ насъ, въ-за́шей прочь отталкиваль,
 Смѣло проходилъ въ палаты княжецецкія.“

„Ай же ты, уда́ла скоморошина!
 Ты зачѣмъ не спрашиваль да приворотниковъ,

Ты зачѣмъ не спрашивалъ придверниковъ,
А разбилъ ихъ, въ-зашей прочь отталкивалъ,
Смѣло проходилъ въ палаты княженецкія?“

Скоморошина къ рѣчамъ не принимается,
Скоморошина рѣчей не слушаетъ:

„Здравствуй, солнышко Владимірь князь,
Со своимъ со княземъ новобрачнымъ,
Со своей княгиней новобрачною!
А скажи-ка, сударь, укажи-ка намъ,
Гдѣ-то наше мѣсто скоморошное?“

Отвѣчаетъ съ сердцемъ солнышко Владимірь князь:

„Ваше мѣсто скоморошное
Что на печкѣ на муравленой, на залпечкѣ!“

Скоморошина тѣмъ мѣстомъ не побрѣзгивалъ,
По край печеньки садился да муравленой,
Положилъ гусѣлышки ярдвчаты
На свои колѣна молодецкія,
Учалъ-почалъ струночки налаживать,
Учалъ да по струночкамъ похаживать,
Самъ подъ струнки голосомъ поваживать:
Сыгрыши выигрывалъ хордшеньки
Что отъ Кіева да до Царя-града,
Наигрышь все бралъ изъ Кіева,
Всѣхъ пойменно отъ стараго до малаго.
На пиру кругомъ всѣ приумолкнули,
За столомъ кругомъ всѣ позаслушались,
Сами говорятъ промежъ себя:

„А не быть же то удалой скоморошинѣ,
Быть какому ни есть добру млодцу,
Святорусскому могучему богатырю!“

Говоритъ княгиня новобрачная,
Молода Настасья дочь Микулична:

„Какъ игралъ такой игрой мой прежній мужъ,
Прежній мужъ мой, молодой Добрынюшка.“

Говоритъ Владимірь стольно-кіевскій:

„Ай же ты, удала скоморошина!
За твою игру да за веселую
Опускайся-ка теперь ты съ печки-залпечка;
Да садись-ка съ нами за дубовый столъ.
Дамъ тебѣ три мѣста я по выбору:

Перво мѣсто—хоть подлѣ меня,
 Друго мѣсто—супротѣвь меня,
 Третье мѣсто—куда самъ захошь,
 Куда самъ захошь, пожалуешь.“

Не садился скоморошина подлѣ князя,
 Не садился онъ супротѣвь князя,
 Съль онъ супротѣвь княгини новобрачнаыя,
 Супротѣвь Настасьюшки Микуличны.

Говорить удѣла скоморошина:

„Ай ты, солнышко Владиміръ стольно-кіевскій!
 А благослови-ка ты меня теперь
 Чару зеленѣ вина налить,
 Поднести, кому я самъ задумаю,
 Кому самъ задумаю, пожалую.“

Говорить Владиміръ стольно-кіевскій:

„Ай же ты, удѣла скоморошина!
 Какъ дана тебѣ у насъ поволька вольная,
 Что задумаешь, то и твори теперь.“

Наливалъ удѣла скоморошина
 Полну чару зеленѣ вина,
 Опущалъ во чару свойъ злачѣнь перстень,
 Подносилъ княгинѣ новобрачной:

„Ай же ты, молоденька княгинюшка!
 А испей-ка ты отъ насъ да зеленѣ вина.“

Молода Настасья дочь Микулична
 Брала чару во бѣлы ручки,
 Подносила ко устамъ сахарнымъ.

Говорить удѣла скоморошина:

„Хошь видать добра—такъ допивай до дна,
 Не допьешь до дна—такъ не видать добра.“

Молода Настасья дочь Микулична

Выпивала чарочку до донышка:

Ко устамъ ея сахарнымъ

Прикатился тотъ злачѣнь перстень,

И узнала въ немъ она перстень, коимъ

Въ церкви Божіей съ Добрыней обручалася;

Поклонилась князю, говоритъ сама:

„Ахъ ты, солнышко Владиміръ стольно-кіевскій!
 Ань не тотъ мой мужъ вѣдь, что возлѣ меня,
 Тотъ мой мужъ, что супротѣвь меня.“

— Ты прости, прости меня, моя державушка,
Во винѣ моей прости, во женской глупости,

Что наказа твоего я не послушалась,
За Алешку за Половича замужъ пошла.

Выходила вонъ изъ-за столовъ дубовыхъ,
Пала мужу ко рѣзвѣмъ ногамъ:

„Ты прости, прости меня, моя державушка,
Во винѣ моей прости, во женской глупости,
Что наказа твоего я не послушалась,
За Алешку за Поповича замужъ пошла.
Не охотою берутъ меня, не честію,
Силою берутъ меня, неволею.“

Говорить Добрынюшка Никитичъ младъ:

„Не дивуюсь разуму я женскому:
Волось бабій дологъ, умъ-то кдротокъ;
Я дивуюсь братцу своему названому:
Отъ жива мужа жену беретъ:
Я въ-другихъ дивуюсь князю солнышку
Со княгинею его Апраксіей:

Я за нихъ съ Невѣжей въ полѣ ратился,
Всѣ очистилъ имъ дороги прямоѣзжія,
На заставѣ простоялъ двѣнадцать лѣтъ,
А они мою жену законную
Отъ жива мужа другому сватають..“

Князю со княгиней ко стѣду пришло:

Утопили очи во кирпичать полѣ.

А Алешенька Леонтьевичъ

Палъ Добрынѣ ко рѣзвѣмъ ногамъ:

„Ты прости, прости меня, названный братецъ мой,
Что садился я къ твоей ко молодой женѣ,
Ко Настасѣ дочери Микуличнѣ!“

„Ай же ты, названный братецъ мой,
Молодой Алешенька Леонтьевичъ!
Какъ во той винѣ тебя Господь простить,
Во другой винѣ я не прощу тебя:
Ты зачѣмъ привезъ имъ со чиста поля
Невеселу вѣсточку, нерадостну:

Что побить лежитъ Добрыня во чистомъ полѣ?
Ты слезилъ мою родитель-матушку,
Ты скорбилъ лицо ей бѣлое,
Тяжелѣшенько она по сынѣ плакала.
Этой-то вины мнѣ не простить тебѣ!“

Ухватилъ онъ тутъ Алешку за желты кудри,
Держить за желты кудри одной рукой,

Во другой рукѣ гусёлышки яровчаты:
Сталь по гриднѣ по столовой съ нимъ похаживать,
За желты кудри его поваживать,
Звонкими гусёлышками да охаживать.

Сталь Алешенька Леонтьевичъ поохивать,
Да отъ буханья не слышно было оханья.

Быль въ пиру-бесѣдѣ старый Илья Муромецъ,
Бралъ Добрыню онъ за плечи за могучія,
Говорить да таковы слова:

„Не убей-ка за напраслину богатыря;
Хоть онъ силою не силенъ, да напѣскомъ смѣль.“

Отпустилъ Добрыня брата тутъ со бѣлыхъ рукъ,

Бралъ за праву ручку молодѹ жену,
Цѣловаль въ уста сахарныя,
Да повель въ свои палаты бѣлокаменны.

Смотрить та честна вдова старушенька:
Какъ не зоренька румяная пордзсвѣла,
Какъ не звѣзды частыя разсыпались —
Какъ свѣтѣль мѣсяцъ во горенкѣ пордзсвѣтилъ,
Красно солнышко во горенкѣ пордзспекло.

А Алешенька у князя на честномъ пиру
Пд край лавочки садился, самъ поохиваль,
Самъ поохиваль да приговариваль:

„Всякій-то на свѣтѣ женится,
Да не всякому женитьба удается-то:
Удалась женитьба лишь Добрынюшкѣ
Да еще тому Ставрѹ Годинову.“

Только-то Алеша и женатъ бываль,
Только-то Алеша и съ женой живаль!

БЫЛИНА ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ.

Михайло Потыкъ.

Какъ не ясны соколы съ чиста поля
Во одно мѣстѣ слеталися—
Какъ все русскіе могучіе богатыри
Во одно мѣстѣ съѣзжались,
Къ князю солнышку да на почѣстенъ пиръ.
На пиру все ѣли, наѣдалися,
На честномъ все пили, напивалися,
А и все другъ передъ другомъ порасхвасталися.
Порасхвастался и солнышко Владиміръ князь:
„У меня, у князя у Владиміра,
Есть три славныхъ могучихъ богатыря:
Есть матѣрый, старый Илья Муромецъ,
Есть Добрынюшка Никитичъ младъ,
Есть Михайло Пѣтыкъ сынъ Ивановичъ. ⁽⁶⁹⁾
Бздили все трое за синѣ море,
Покорили языкъ невѣрные,
Прибавляли мнѣ земельки святорусскія:
А Михайло Пѣтыкъ сынъ Ивановичъ
Настрѣлялъ еще дорѣгой къ моему столу
Гусей-лѣбедей да малыхъ уточекъ.
Гой еси, Михайло Пѣтыкъ сынъ Ивановичъ!
Сослужи-ка во другой мнѣ эту служебку,
Съѣзди-ка опять ко морю синему
Да ко тѣплымъ, тихимъ заводямъ,
Настрѣлай-ка бѣлыхъ гусей-лѣбедей,
Перелѣтныхъ, сѣрыхъ, малыхъ уточекъ

Къ моему обѣду княженецкому:
До-люби я мѣлодца пожалую.“

Тутъ Михайло Пѣтыкъ сынъ Ивановичь,
Не допивши пива, зеленѣ вина,
Богу молится да съ гридни вонъ идетъ.
Скоро мѣлодецъ садился на добра коня:
Только видѣли, какъ за ворѣта выѣхаль—
Во чистѣмъ полѣ лишъ пыль столбомъ.

А и будетъ онъ у моря синяго,
На его на счастье на великое
Привалила птица ко крутому бережку:
Настрѣляль онъ бѣлыхъ гусей-лебедей,
Перелѣтныхъ, сѣрыхъ, малыхъ утокъ.
Хочетъ ѣхать ужъ отъ моря синяго,
Посмотрѣть еще на тихія на заводи—
Увидаль: плыветъ колода бѣлодубова,
На колодѣ—бѣлая лебѣдушка.
Черезъ пѣрышко лебѣдушка вся зѣлота,
А головка краснымъ золотомъ увѣвана,
Скатнымъ жемчугомъ поизнасажена.

Вынимаетъ Пѣтыкъ изъ налушна тугѣй лукъ,
Вынимаетъ изъ колчана калену стрѣлу,
Тугѣй лукъ беретъ во ручку лѣвую,
Калену стрѣлу беретъ во правую,
Налагаетъ на тетивочку шелкѣвую,
Тугѣй лукъ потягиваетъ за ухо,
Калену стрѣлу до семи четвѣртей;
Заскрипѣли полосы булатныя
И завыли роги у тугѣа лука,
Чуть было—и спустить калену стрѣлу...

Какъ провѣщитъ тутъ лебедь бѣлая
Проязычитъ языкомъ человѣческимъ:

„Душечка Михайло Пѣтыкъ сынъ Ивановичь!
Не стрѣлай меня ты, бѣлой лебеди,
Я не есть вѣдь лебедь бѣлая,
А я есть вѣдь красна дѣвица,
Лебедь бѣлая Авдотья Лиходѣевна, ⁽⁷⁰⁾
Королевична Подѣлянка.
Не убей-ка ты меня, Подѣлянки,
А возьми-ка ты меня въ замужество.“

Поднималась тутъ отъ моря синяго
 На своихъ на крыльяхъ лебединыхъ,
 Вылетала на крутой берёгъ лебёдушкой
 Обернулася душою красной дѣвицей.
 Молодой Михайло Пóтыкъ сынъ Ивановичъ
 Какъ воткнетъ копьё въ сырѹ землю,
 Привязалъ коня да за острѹ копьё,
 Подошелъ ко красной дѣвицѣ,
 Бралъ ее за ручки бѣлыя,
 За тѣ перстни золочёные,
 Цѣловать хотѣлъ въ уста сахарныя.
 Говоритъ Михайлѣ красна дѣвица,
 Лебедь бѣлая Авдотья Лиходѣвна:

„Ай, Михайло Пóтыкъ сынъ Ивановичъ!
 Не цѣлуй-ка ты меня да красной дѣвицы:
 У меня уста поганыя,
 Я вѣдъ роду есть невѣрнаго,
 Я невѣрнаго есть роду, некрещёная.
 Какъ свезешь меня во стольный Кіевъ градъ,
 Приведешь во вѣрушку крещёную,
 Въ церкви Божьей мы съ тобою повѣнчаемся,
 Да тогда съ тобой и нацѣлуемся.“

Молодой Михайло Пóтыкъ сынъ Ивановичъ
 Бралъ ее за ручушки за бѣлыя,
 За тѣ перстни золочёные,
 Посадилъ къ себѣ да на добра коня,
 Да повезъ во стольный Кіевъ градъ.

А и будетъ онъ во стольномъ Кіевѣ,
 Приѣзжалъ на княженецкій дворъ,
 Подѣзжалъ къ крылечку красному,
 Соскочилъ скорёнько со добра коня,
 Проходилъ во gridню свѣтлую,
 Помолился Спасу образу,
 Поклонился князю со княгинею
 И на всѣ на три-четыре стороны:

„Здравствуешь ты, ласковый Владиміръ князь!
 Сослужилъ тебѣ я служебку,
 Настрѣлялъ тебѣ я гусей-лебедей,
 Перелётныхъ, малыхъ уточекъ;
 Самъ себѣ добылъ обручницу,

Лебедь бѣлую Авдотью Лиходѣвну.“

„Ай, Михайло Пóтыкъ сынъ Ивановичъ!
Чѣмъ тебя мнѣ на-скоро пожаловать?
Городами ли со пригородками,
Али селами да со присѣлками?“

„Мнѣ не надо городовъ со пригородками,
Мнѣ и селъ не надо со присѣлками,
Дай-ка только мнѣ повдлечку великую
По царёвымъ кабакамъ ходить,
Пить вино по кабакамъ безденежно,
Гдѣ пить кружкой, гдѣ полукружкой,
Гдѣ полуведромъ, гдѣ и цѣлымъ ведромъ.“ (71)

Ласковый Владиміръ столярно-кіевскій
Даль ему поволечку великую
По царёвымъ кабакамъ ходить,
Пить вино по кабакамъ безденежно,
Гдѣ пить кружкой, гдѣ полукружкой,
Гдѣ полуведромъ, гдѣ и цѣлымъ ведромъ.

А и только лишь во церкви во соборной
Ко вечернѣ въ колоколь ударили,
Молодой Михайло Пóтыкъ сынъ Ивановичъ
Съ бѣлой лебедью Авдотьею Лиходѣвной
Заходили въ матушку во церковь Божію,
Служебку вечернюю отслушали.
Тутъ Михайло Пóтыкъ сынъ Ивановичъ
Низко клóнится попамъ соборнымъ,
Чтобы дали обрученье съ красной дѣвицей;
А попы-то тому дѣлу радощны,
Скоро дѣвицу крестили да молитвили,
Имя дали Марья Лебедь Бѣлая,
Обрученье дали ей съ Михайлушкой,
А и тутъ-же повѣнчали ихъ.
Молодые Богу помолилися,
Ко святымъ иконамъ приложилися,
Клади вмѣстѣ заповѣдь великую:
Кто изъ нихъ да напередъ помретъ,
То другому съ нимъ во гробъ живому лечь,
Во сырѹ землю идти да на три мѣсяца. (72)
Выходили съ матушки со церкви Божіей,
Шли по славну городу по Кіеву,

Шли въ свои палаты бѣлокаменны,
 Стали жить да быть, семью сводить.

Да не много же у нихъ житья было,
 У Михайла Пѣтыка Иванова
 Съ молодой женою Марьей Лиходѣвной,
 Всего-на-всего да полтора года.
 Сталъ Михайло Пѣтыкъ сынъ Ивановичъ
 По царёвымъ кабакамъ ходить,
 Пить вино по кабакамъ безденежно,
 Гдѣ пить кружкой, гдѣ полукружкой,
 Гдѣ полуведромъ, гдѣ и цѣлымъ ведромъ.

Захотѣла Марья Лебедь Бѣлая
 Поискать надъ мужемъ мудрости:
 Съ вечера ли расхворалася,
 Ко полуночи ли разболѣлася,
 А ко утру и преставилася,
 Прибѣгаетъ ко Михайлѣ во царёвъ кабакъ ⁽⁷³⁾
 Братъ названный молодой Добрынюшка,
 Говорить ему да таковы слова:

„Ай, Михайло Пѣтыкъ, братъ названный мой!
 Ты здѣсь пьешь да прохлажаешься,
 А твоя вѣдь молодѣ жена
 Марья Лебедь Бѣлая преставилася.“

Какъ вскочилъ Михайло на рѣзвыя ноги,
 Закричалъ Михайло во всю голову:

„Гой еси вы, братица мои названные,
 Старый Илья Муромецъ Ивановичъ,
 А и ты, Добрынюшка Никитичъ младъ!
 Вы пойдите-ка ко брату ко названому
 Пораздумать думу крѣпкую.
 Надо мнѣ исполнить заповѣдь великую,
 Надо въ гробъ живому лечь съ покойницей,
 Во сырѣ землю идти да на три мѣсяца.
 Стрѣйте-ка домовище великое,
 Чтобы можно было стоя стать,
 Можно было бы и сидя сѣсть,
 А при времечкѣ и лёжа лечь.
 Да кладите хлѣба-соли со водицею,
 Чтобы запасу было на три мѣсяца.“

Скоро эти братица названные

Строили домѡвише великое,
 Чтобы можно было стоя стать,
 Можно было бы и сидя сѣсть,
 А при времечкѣ и лёжа лечь.
 Самъ Михайло Пѡтыкъ сынъ Ивановичъ
 Шелъ скорымъ-скорѡ ко кузницамъ,
 Приказалъ ковать клещи желѣзные,
 Трое прутьевъ да желѣзныхъ,
 Трое прутьевъ оловянныхъ
 Да еще ли трое мѣдныхъ.
 Шелъ тогда къ попамъ соборнымъ,
 Вѣсть подать, что молода жена преставилась.
 Приказали тутъ попы соборные
 Тѣло мертвое ко церкви на саяхъ привезть, (74)
 На церковной паперти поставити.
 Стали-зачали копать могилушку,
 Выкопали пребольшую, преглубокую,
 Глубиной да шириной до двадцати сажень.
 Собиралися попы да дьяконы
 Со всѣмъ причетомъ церковнымъ,
 Погребали тѣло Марьино,
 Опускали со домѡвищемъ великимъ
 Въ ту могилу преглубокую.
 Опускался во сырѹ землю за тѣломъ мертвымъ
 И Михайло Пѡтыкъ сынъ Ивановичъ,
 Бралъ съ собой клещи желѣзные,
 Трое прутьевъ да желѣзныхъ,
 Трое прутьевъ оловянныхъ,
 Да еще ли трое мѣдныхъ.
 А тѣ братьяца названые
 Клали хлѣба-соли со водицею,
 Чтыбъ запасу было на три мѣсяца,
 Клали свѣчи воску яраго да ладану;
 Набивали обручи желѣзные
 На домѡвише великое,
 Желтыми песками позасыпали,
 Надъ могилой деревянный крестъ поставили,
 Только мѣсто для верѣвочки оставили,
 А была верѣвочка привязана
 Ко тому ко колоколу ко соборному.

И сидить Михайло Пóтыкъ сынъ Ивановичь,
 Съ полудня сидить въ могилѣ до полúночи;
 Ради страху ли добывъ огня,
 Зажигаетъ свѣчи воску яраго.
 Какъ приходитъ время полуночное,
 Подплыла змѣя да подземельная:
 Разъ лизнётъ домóвище—надлízнула,
 Обручи желѣзные полопались;
 Во другой лизнётъ—пролízнула,
 Рядъ дубова тѣсу сдёрнула;
 Въ третій разъ лизнётъ—во гробъ плыветъ.
 Увидала тутъ Михайла съ молодой женой,
 Взвеселилась, взрадовáлась:

„А и буду же я нынче сытая,
 Сытая я буду, неголодная:
 Есть одно ли тѣло мертвое,
 А другое ли живое человѣческо.“

Да Михайлушко на то не робокъ былъ:
 Вынималъ клещи желѣзныя,
 Захватилъ въ клещи змѣю проклятую,
 Зачалъ сѣчь злодѣйку прутьями желѣзными,
 Расхлысталъ всѣ прутья да желѣзные;
 Принимается за прутья оловянные,
 Расхлысталъ и прутья оловянные;
 Принимается за прутья мѣдныя...
 Поклонилась ему змѣя, взмолилася:

„Ай же ты, Михайло Пóтыкъ сынъ Ивановичь!
 Не сѣки меня, змѣю, ты на умертвiе,
 А спусти меня, змѣю, ко морю синему,
 Дамъ тебѣ я заповѣдь великую:
 Принести тебѣ живой воды,
 Оживить тебѣ жену-красавицу,
 Молодую Марью Лебедь Бѣлую.“

Говорить Михайло Пóтыкъ сынъ Ивановичь:
 „Ай же ты, змѣя лукавая!

Ты отдай-ка мнѣ въ залогъ змѣёнышей.“

Отдала ему змѣя въ залогъ змѣёнышей,
 Поплыла сама подземельемъ ко морю синему,
 Принесла ему живой воды.
 Какъ возьмётъ за шейку онъ змѣёныша,

Ступитъ ножкою на хвостъ змѣёнышу —
 Пораздёрнулъ на-двое змѣёныша;
 Какъ приложить во одно мѣсто по старому,
 Разъ брызнётъ—и сросся онъ по старому,
 Во другой брызнётъ—зашевелился онъ,
 Въ третій разъ брызнётъ—поплылъ изъ гроба вонъ.
 Молодую Марью Лебедь Бѣлую
 Разъ брызнётъ—въ ней кровь зайграла,
 Во другой брызнётъ—зашевелилася,
 Въ третій разъ брызнётъ—повыстала,
 Проглаголила да таковы слова:

„Фу-фу-фу, а долго же проспала я!“

Говоритъ Михайло Пдтыкъ сынъ Ивановичъ:

„Безъ меня бы ты и вѣкъ спала.“

За верёвочку ударилъ въ колоколь —

Услыхалъ соборный трапезникъ,
 Побѣжалъ къ могилѣ Марьиной —
 Анъ ко колоколу ко соборному
 Изъ земли верёвочка торгается.
 Какъ вскричалъ Михайло во всю голову —
 Мать-сырѣ земля заколыбалася,
 Теремки задрогли, зашатались,
 Весь народъ во Кіевѣ ужăхнулся,
 Собирается къ могилѣ да дивуется:

„Что за диво подъ землею дѣется?“

Закричали разомъ всѣ покойнички!“

Говоритъ тутъ старый Илья Муромецъ
 Молоду Добрынюшкѣ Никитичу:

„Видно же, то братецъ нашъ названный есть;
 Во сырой землѣ не долго пджилось:
 Душно, знать, въ могилѣ съ тѣломъ мертвымъ,
 И кричитъ онъ богатырскимъ голосомъ.“

Стали разрывать могилу скоро-на-скоро,
 Опускали лѣстницы великія;
 Возстаетъ на бѣлый свѣтъ Михайлушко,
 Молоду жену самъ за рукавъ ведетъ,
 Съ братцами названными цѣлуется.
 Объявили тутъ попамъ соборнымъ;
 Поновили молодыхъ святой водой, ⁽⁷⁵⁾
 Приказали жить имъ да по старому;

Стали жить они да долго здравствовать,
Межь собою времечко кордтати. ⁽⁷⁶⁾

А когда Михайло живучи состарѣлся,
Живучи состарѣлся да и преставился,
Вспомнили тогда попы соборные
Прежнюю ихъ заповѣдь великую,
Стали хоронить Михайла Пѣтыка,
Да зарыли съ нимъ живую во сырѹ землю
И жену его—ту Лебедь Бѣлую,
Молодую Марью Лиходѣвну.

Съ этихъ поръ имъ стала память вѣчная.

БЫЛИНА ДВАДЦАТЬ ВТОРАЯ.

Илья Муромецъ и сокольникъ.

Кто бы намъ сказалъ еще про старое,
Что про старое да про бывалое,
Про того Илью про Муромца?

* *
*

Какъ стояла во чистомъ полѣ подъ Кіевомъ,
За пятнадцать мѣрныхъ верстъ отъ города,
Крѣпкая застава богатырская,
Святорусскіихъ двѣнадцать ли богатырей:
Во-первыхъ—удалый старый Илья Муромецъ,
Во-другихъ—Добрынюшка Никитичъ младъ,
Во-третьихъ—Алешенька Поповскій сынъ,
Во-четвертыхъ—Гришенька Боярскій сынъ,
Въ-пятыхъ—Васька Долгополюстый, (77)
Во-шестыхъ—семь молодыхъ братовъ Сбродовичей,
Да еще ли мужики Залѣшане.
Простояли во чистомъ полѣ по три года,
Ничего въ чистомъ полѣ не видѣли:
Мимо ихъ никто пѣхотой не прохаживаль,
На добромъ конѣ никто да не проѣзживаль,
Птица чернѣй воронъ не пролѣтываль,
Сѣрый звѣрь да не прорыскиваль.
Третій годъ ли на проходѣ сталъ,
А четвертый ходить по науличью.
Пораздѣрнули богатыри бѣлѣй шатеръ,

Стали во шатрѣ да опочивъ держать,
 Спали дологъ день до вечера,
 Ночку тѣмную да до бѣла свѣта.
 На зарѣ на ранней зорюшкѣ,
 На разсвѣтѣ свѣту бѣлаго,
 На восходѣ солнца яснаго,
 Налетала на шатеръ тутъ птица вѣшая,
 Птица вѣшая да черный вранъ,
 Жалобнѣшенько прокаркала.

Пробудился старый Илья Муромецъ,
 Будить молода Добрынюшка Никитича:

„Ай ты, братецъ мой, Добрынюшка Никитичъ младъ!
 Возставай-ка на рѣзвыя ноги.

Что надъ нашимъ надъ шатромъ подѣлалось?

Налетала на шатеръ вѣдь птица вѣшая,
 Птица вѣшая да черный вранъ,
 Жалобнѣшенько прокаркала;

Видно, сказывала вѣсточку нерадостну.

Выходи-ка со бѣла шатра,

Погляди-ка по дорогѣ прямоѣзжей:

Не проѣхала ли поленица тутъ,

Не подходитъ ли подъ кдней лютый звѣрь?

Повскочилъ Добрыня на рѣзвыя ноги,

Выбѣгаетъ скоро со бѣла шатра;

Смотритъ по дорогѣ прямоѣзжей—

Увидалъ середь дороги ископыть,

Ископыть великую—во поль-печи.

Сталъ онъ ископыть досматривать:

Ископыть—могуча богатырская.

Прибѣгаль назадъ онъ во бѣлѣй шатеръ,

Говоритъ да таковыя слова:

„Гой еси вы, братьица мои, товарищи!

Пробуждайтесь-ка отъ крѣпка сна!

Что мы на заставушкѣ устояли?

Что мы на заставушкѣ углядѣли?

Богатырь могучій вѣдь проѣхаль мимо насъ!“

Возставали тутъ товарищи отъ крѣпка сна,

Собирались во побѣдный кругъ,

Стали думать думу крѣпкую:

Ужъ кому-то ѣхать за богатыремъ,

Разспросить объ имени, объ отчинѣ,
 Силы у богатыря отвѣдати?
 Выходилъ удалый старый Илья Муромецъ,
 Говорилъ да таковыя слова:
 „Не послать ли мужиковъ Залѣшаньевъ?
 Мужики Залѣшане—бѣда дремать,
 Авъ продремлютъ во чистомъ полѣ богатыря.
 Не послать ли семь братьевъ Сбродовичей?
 Все ребята-то молоденьки—бѣда зѣвать,
 Прозѣваютъ во чистомъ полѣ богатыря.
 Не послать ли Ваську Долгополага?
 Поды-то у Васьки длинныя:
 На ходу въ полахъ онъ заплетается,
 На бою въ полахъ онъ замѣшается—
 Потеряетъ даромъ буйну голову.
 Не послать ли Гришеньку Боярскаго?
 Рода онъ боярскаго, хвастливаго:
 На бою на дракѣ призахвастнется—
 Даромъ же положить буйну голову.
 Не послать ли хоть Алешеньку Поповича?
 Праву онъ захлыщева, зарывчата:
 Изорветъ онъ силу до богатыря—
 Погинѣтъ Алеша по напрасному.
 Ужь пошлемъ-ка мы Добрынюшку Никитича:
 Знаетъ со богатыремъ онъ съѣхаться,
 Знаетъ онъ богатырю и честь отдать.“
 Посылали тутъ Добрынюшку Никитича.
 Скоро онъ, Добрынюшка, коня сѣдлалъ,
 Скоро онъ садился на добра коня,
 Скоро выѣзжалъ да во чистѣ поле.
 Посмотрѣлъ изъ кулака изъ молодецкаго: ⁽⁷⁸⁾
 Видитъ на полѣ чернизину;
 Ъдетъ прямо на чернизину,
 Догоняетъ въ полѣ добра мѣлодца.
 Хороша управа молодецкая,
 Хороши доспѣхи богатырскіе:
 Конь подъ мѣлодцемъ какъ лютой звѣрь,
 Скоки скачетъ по цѣлодѣй верстѣ,
 Слѣд вымѣтываетъ да во полѣ-печи,
 Изъ рта-то у коня огнь пышетъ,

Изъ ноздрей-то искры сыплются,
 Изъ ушей-то дымъ кудрявъ встаетъ.
 А шеломъ на мѣлодцѣ какъ жаръ горитъ,
 На конѣ уздечка какъ лучи пекутъ,
 Отъ стремянъ какъ звѣзды сыплются,
 Отъ сѣдла какъ ясная заря встаетъ,
 Ясная заря да утрення.
 Съ лѣва стремени борзой выжлѣць бѣжитъ,
 На правѣмъ плечѣ ясѣнъ сокѣлъ сидитъ,
 По одной рукѣ ли соловей летитъ,
 По другой ли жавроленочекъ,
 Перелѣтываютъ съ руки на руку,
 Перенѣшиваютъ свисты съ уха на ухо,
 Улещаютъ, спотѣшаютъ добра мѣлодца.
 Самъ сидитъ онъ на добромъ конѣ да тѣшитъ,
 Шуточки пошучиваетъ молодецкія:
 Боевую палицу беретъ одной рукойъ,
 Какъ перомъ играетъ лебединымъ,
 Вверхъ кидаетъ палицу подъ облако,
 На лету подхватываетъ на бѣлыя руки,
 Не допускиваетъ до сырѣй земли.

Увидалъ Добрыня добра мѣлодца,
 Добра мѣлодца окликнулъ звонкимъ голосомъ:

„Ай же ты, проѣзжій добрый молодець!

А зачѣмъ ты на заставу не заѣзживаль,
 А зачѣмъ ты у богатырей не спрашиваль,
 Набольшему Ильѣ Муромцу челомъ не билъ,
 Грошей подорожныхъ въ казну не клалъ
 На всю младшую на братію наборную?“

Какъ услышалъ добрый мѣлодецъ богатыря,
 Поворачиваль къ богатырю добра коня,
 Напушался на младѣ Добрынюшку,
 Заревѣлъ самъ, будто лютый звѣрь:
 Отъ того отъ реву молодецкаго
 Всколыбалася сырѣ земля,
 Выливалася изъ рѣкъ вода,
 Добрый конь Добрынинъ ошаршился,
 Самъ Добрыня на конѣ устрѣшился,
 Богу Господу возмѣдился,
 Мати пресвятыя Богородицѣ:

„Унеси меня отъ скорой смерти, Господи!“
 Подъ Добрыней конь посправился.

Скоро ко заставѣ поворотъ держаль.

Пріѣзжалъ Добрыня ко товаришамъ,

Говорилъ товарищамъ, рассказываль:

„Какъ нагналъ я въ полѣ добра мѣлодца,

Сталь его вывѣдывать, выпрашивать,

Тутъ коня ко мнѣ онъ поворачиваль,

Напушался на меня, Добрынюшку,

Заревѣль самъ, будто лютой звѣрь:

Всколыбалася сыра земля,

Выливалася изъ рѣкъ вода,

Добры конь мой ошарашился,

Самъ я на конѣ устрѣшился,

Богу Господу возмѣлился:

— „Унеси меня отъ скорой смерти, Господи!—

Подо мною конь посправился,

Скоро ко заставѣ поворотъ держаль.“

Говоритъ Добрыня старый Илья Муромецъ:

„Коли ты уѣхаль отъ богатыря,

Намъ тебя въ товарищи не надобно!

Поѣзжай-ка ты назадъ во Кіевъ градъ,

Къ молодой женѣ, ко старой матери.

Ай вы, братица мои крестовые!

Кто изъ васъ изъ всѣхъ удалѣе,

У кого конь порыскучѣе,

За невѣдомымъ богатыремъ поѣхати,

Разспросить его объ имени, объ отчинѣ,

Если русскій богатырь—то побрататься съ нимъ.

А невѣрный—поразвѣдаться?“

Говоритъ Алешенька Поповичъ младъ:

„Я, Алеша, братцы, поудалѣй всѣхъ,

У меня конь порыскучѣе.“

Скоро сѣлъ Алеша на добра коня,

Скоро ѣдетъ во чисто поле,

Догоняетъ въ полѣ добра мѣлодца,

Окликаетъ мѣлодца да во всю голову:

„Ты постой, постой, проѣзжая дѣтинушка!

Богатырь ли святорусскій ты,

Али деревенщина засельщина?

Можеть, ты коня укралъ аль мужика убилъ,
А сюда заѣхалъ—хвастаешь,
Чужимъ именемъ, нахвальщикъ, называешься?“

Какъ нахвальщику тутъ за бѣду стало,
За великую досаду показалось.
Поворачивалъ коня онъ, какъ люта звѣря,
На Алешу на Поповича,
Бралъ Алешу за бѣлы руки,
Снялъ Алешу со добра коня,
Вынулъ шелепугу подорожную,
Шелепугою стегалъ его,
На добра коня садилъ опять,
Самъ Алешѣ приговаривалъ:

„Ай же ты, шишира деревенская!
Ужь тебѣ ли ѣздить во чистѣмъ полѣ,
Во чистѣмъ полѣ да на добрѣмъ конѣ?
Жилъ бы ты въ деревнѣ, деревенщина,
Пасъ бы ты въ деревнѣ гусей-лѣбедей,
Сѣрыхъ, пернатыхъ утушекъ.“

Ѣдетъ пьянъ Алешенька, шатается,
Ко лукъ сѣдельной приклоняется.
Увидалъ Алешу Илья Муромецъ:

„Говорилъ тебѣ, Алеша, я, наказывалъ:
Ты не пей, Алеша, зеленâ вина,
Ты не кушай сладкихъ кушаньевъ.“

Отвѣчаетъ младъ Алеша Ильѣ Муромцу:

„Радъ бы я не пити зеленâ вина,
Радъ бы я не кушать сладкихъ кушаньевъ:
Папоилъ меня нахвальщикъ дѣ-пьяна,
Накормилъ меня онъ дѣ-сыта
Тою шелепугой подорожною.“

Говорить тутъ старый Илья Муромецъ:

„Ужь ты старость, старость богатырская!
Малое-то бѣльшимъ замѣняется,
Большему-то нѣкъмъ замѣнитися.
Видно, кромѣ старика ужъ ѣхать некому!
Ай вы, братьица мои крестовые!
Поѣзжайте-ка раздольцемъ чистѣмъ полемъ,
Заѣзжайте-ка на гѣру на высокую,
Посмотрите-ка на драку богатырскую:

Будеть надо мною безвременнице—
Поспѣвайте, братица, на выручку.“

И выходитъ старый со бѣла шатра,
Обряжаетъ бурушку добра коня,
Обряжаетъ скоро-на-скоро,
Скоро-на-скоро да крѣпко-на-крѣпко;
И садится на добра коня,
Выѣзжаетъ во чисто поле,
Нагоняетъ добра мѡлодца нахвальщика.
А нахвальщикъ ѣдетъ на добромъ конѣ,
Потѣшается утѣхой молодецкою:
Мечетъ острое копьѣ въ поднѣбесье,
Говоритъ самъ, похваляется:

„Какъ легко вертѣтъ мнѣ острѣймъ копьемъ,
Такъ-же будетъ мнѣ вертѣтъ Ильѣю Муромцемъ!“

Подѣзжалъ къ нему Ильюша со бѣла лица,
Становилъ его да супротивъ себя,
Говоритъ ему да таковы слова:

„Гой еси ты, добрый мѡлодецъ!
Чтѡ ты рано похваляешься?
Не улѡвля птицы, беребишь ее,
Не сваривши птицы, Богу молишься? (79)
Поразѣдемся-ка со чисто поля
На своихъ на кѡняхъ богатырскихъ,
Приударимъ-ка во палицы булатныя,
Силушки другъ ѹ друга отвѣдаемъ.“

Какъ борзаго выжлеца тутъ добрый мѡлодецъ
Ото стремени отвязывалъ,
Самъ ли выжлецу наказывалъ:

„Ужь ты бѣгай-ка, выжлѣць, да по темнымъ лѣсамъ,
Самъ корми-ка свою буйну голову:
Какъ ужь мнѣ не до тебя пришло.“

Ясна сокола съ плеча сопускивалъ:
Самъ ли соколу наказывалъ:

„Ты лети-ка, соколъ, на синѣ море,
Самъ корми-ка свою буйну голову:
Какъ ужь мнѣ не до тебя пришло.“

Не двѣ грозны тучушки затѣчились,
Не двѣ гѡры вмѣстѣ содвигались—
Два могучихъ богатыря съѣзжались

„Какъ легко вертѣть мнѣ острѣйшѣ копьемъ,
Такъ-же будетъ мнѣ вертѣть Ильєю Муромцемъ!“

На своихъ на коняхъ богатырскихъ.
 Въ первый разъ они сразилися,
 Приударили во палицы булатныя,
 Били другъ друга да по бѣлымъ грудямъ,
 Били другъ друга да не жалѣючи,
 А со всею силой богатырскою—
 Палицы во кольцахъ попригнулися,
 Отломилися по маковкамъ.
 У богатырей доспѣхи были крѣпкіе,
 Другъ друга они не сшибли со добрыхъ коней,
 Другъ друга не пбили, не ранили,
 Ни котораго мѣстечка не кровавили.
 Становили коней богатырскихъ,
 Говорили сами промеждѹ собой:

„Какъ намъ силушки другъ ѹ друга отвѣдати?
 Поразѣдемся-ка со чиста поля
 На своихъ на коняхъ богатырскихъ,
 Приударимъ-ка во копыя мурземецкія,
 Тутъ другъ ѹ друга мы силушки отвѣдаемъ.“

Поразѣхалися на добрыхъ коняхъ,
 Во другой съѣзжались, сразилися,
 Приударили во копыя мурземецкія,
 Били другъ друга да не жалѣючи,
 Не жалѣючи да по бѣлымъ грудямъ—
 Копыя въ чивьяхъ поломалися,
 Другъ друга они не ранили,
 Только оба изъ сѣдѣль попадали. ⁽⁸⁰⁾
 Становились скоро на рѣзвыя ноги,
 Говорили сами промеждѹ собой:

„Какъ еще намъ силушки отвѣдати?
 Будемъ биться плотнымъ боемъ—рукопашкою,
 Тутъ другъ ѹ друга мы силушки отвѣдаемъ.“

Разошлись, разбѣжались,
 Захватились плотнымъ боемъ—рукопашкою,
 Другъ съ другомъ ломалися, водилися,
 Съ вечера водились до полѹночи,
 Со полѹночи водились до бѣла свѣта,
 По колѣна въ землю приобмялися.
 У Ильи-то права ножка окатилася,
 Лѣва ножка подломилася;

Подхватилъ его нахвальщикъ со коса бедра,
 Опустилъ на матушку-сырѹ землю,
 И ступилъ ему на бѣлу грудь;
 Бралъ тогда рогатину звѣриную,
 Заносилъ да руку правую,
 Заносилъ да выше головы,
 Опустить хотѣлъ да ниже поясу...
 На бою-то смерть Ильѣ не писана,
 Застоялась во плечѣ рука у молодца,
 Помутился свѣтъ во ясныхъ очушкахъ,
 Сталъ нахвальщикъ надъ Ильею издѣваться:

„Ай ты, старая базага, ты сѣдатый пѣсь!
 Ужь тебѣ ли ѣздить во чистомъ полѣ,
 Во чистомъ полѣ да на добромъ конѣ!
 Развѣ нѣ кѣмъ старичинѣ замѣнитися?
 Ты поставилъ бы келѣйку по дороженькѣ,
 Собиралъ бы во келейкѣ по полушечкѣ:
 Тѣмъ бы старичина и животъ питаль,
 Тутъ бы старичина и животъ кончалъ.“

Какъ лежитъ Ильюша подъ богатыремъ,
 Говорить самъ таковы слова:

„А не ладно же было написано:

— Не бывать Ильѣ въ чистомъ полѣ убитому, —
 А теперь лежитъ Ильюша подъ богатыремъ.“

Разгорѣлось сердце богатырское,
 Раскипѣлась кровь да молодецкая,
 Лѣжа силы у Ильюши втрое прибыло;
 Что не сѣрая утица востопдрщится —
 На землѣ Ильюша поворотится,
 Замахнется правой ручушкой,
 Да ударить во черны груди ⁽⁸¹⁾ нахвальщика —
 Мечетъ мѣлодца подъ вышину небесную,
 Выше дерева стоячаго,
 Ниже облака ходячаго.
 Свѣту бѣлаго не взвидѣлъ мѣлодецъ,
 И летить назадъ онъ ко сырой землѣ.
 На лету его Илья подхватываль
 На свои на руки богатырскія,
 Клалъ на матушку-сырѹ землю,
 Самъ ему садился на черны груди,

Бралъ въ бѣлы руки булатный ножъ,
 Заносилъ да ручку правую,
 Заносилъ да выше головы,
 Опустить хотѣлъ да ниже поясу...
 Какъ, по Божьему тутъ по велѣнью,
 Застоялась во плечѣ рука Ильюшина,
 Помутился свѣтъ во ясныхъ очушкахъ,
 Сталъ онъ мѣлодца допрашивать,
 Сталъ онъ мѣлодца вывѣдывать:

„Ай же ты, удалый добрый молодецъ!
 Ты скажись, скажись-ка, не утай себя,
 Ты коей земли, коей орды,
 Коего отца, да кдеи матушки?
 Какъ тебя да именемъ зовуть,
 Величаютъ по отчеству?“

А нахвальщикъ подъ Ильей лежитъ,—
 Хоть мозги въ головкѣ потрясаются,
 Видъ со ясныхъ очушекъ теряется,
 И рѣчисть языкъ мѣшается,—
 Самъ Ильѣ такой отвѣтъ держить:

„Ай ты, старая بازیга, ты сѣдатый пѣсь!
 Какъ сидѣлъ бы у тебя я на бѣлои груди,
 Какъ держалъ бы во рукѣ булатный ножъ,
 Не спросилъ бы у тебя я роду-племени,
 Не спросилъ бы у тебя отца и матери,
 А пласталъ бы только бѣлу грудь тебѣ,
 Доставалъ бы сердце да со печенью.“

Во другой ли разъ его Илья допрашивалъ,
 Въ третій разъ его Илья вывѣдывалъ,
 Не дождался отъ нахвальщика отвѣта онъ,
 Заносилъ опять булатный ножъ,
 Заносилъ да выше головы,
 Опустить хотѣлъ да ниже поясу.
 Видитъ мѣлодецъ—конецъ пришелъ ему,
 Не утаился, сказался Ильѣ Муромцу:

„Ай же ты, удалый добрый молодецъ,
 Святорусскій богатырь да Илья Муромецъ!
 Я такой земли, такой орды:
 Отъ того отъ славнаго Латырь-моря,
 Отъ того отъ камня да отъ латыря,

Отъ той бабы отъ великой отъ Латыгорки, ⁽⁸²⁾
 А по имени зовутъ Сокольникомъ. ⁽⁸³⁾

Какъ тутъ старый Илья Муромецъ
 Скоро сходить со груди его,
 Какъ беретъ его за ручки бѣлыя,
 Какъ беретъ за перстни золочёные,
 Какъ взываетъ со сырой земли,
 Какъ становить на рѣзвы ножки,
 На рѣзвы ножки да супротивъ себя,
 Какъ цѣлуетъ во уста сахарныя,
 Называетъ крестникомъ ⁽⁸⁴⁾ любимымъ,
 Самъ-то плачетъ, старый, гляючи на крестника:

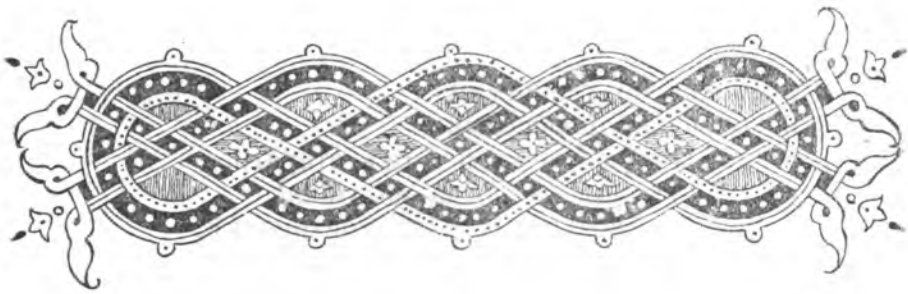
„Здравствуешь ты, мой любимый крестничекъ!
 Ъздилъ я чистымъ полемъ поляковать,
 Повстрѣчался съ поленицею удалою,
 Съ тою бабою великою Латыгоркой,
 Да какъ съѣхались на поединочкѣ.
 Я побилъ ее на поединочкѣ.
 Повинилась мнѣ Латыгорка, возмѣлилась,
 Стала звать во кумовья къ себѣ,
 И крестилъ я ей тебя, Сокольника.
 Какъ поѣдешь ты ко матушкѣ родимой,
 Ко моей кумѣ любимой,
 Отвези ей отъ Ильи поклоны низкіе.
 А теперь намъ полно биться-ратиться,
 Послѣ бою-драки богатырскія
 Будемъ отдыхъ-опочивъ держать.“

И прилегъ Ильюша во чистомъ полѣ,
 На бугрѣ высокѣ, раскатистомъ,
 Послѣ бою-драки опочивъ держать.
 И заснулъ Ильюша богатырскимъ сномъ,
 Богатырскимъ сномъ да на двѣнадцать дѣнь.
 А нахвальщикъ, младъ Сокольникъ пораздумался:

„Какъ поѣхалъ я отъ рѣдной матушки,
 Отъ той бабы отъ великой отъ Латыгорки,
 Говорила мнѣ, наказывала рѣдная:

—Ты попомни, чадо милое:
 Какъ поѣдешь во чистѣ поле поляковать,
 Бейся во чистомъ полѣ со всякими,
 Да не бейся ты со старыми,

Да не бейся со угрюмыми,
Да не бейся съ невесёлыми:
Примешь скорую ты смерть отъ стараго.—
Ай ты, свѣтъ моя да рѣдна матушка!
Какъ побилъ тебя старикъ на поединочкѣ,
Самого за то предамъ я смерти скоройей.“
Бралъ Сокольникъ рогатину звѣриную,
Билъ Илью рогатиною по бѣлѣй груди;
Спитъ Илья, не пробуждается
Отъ того удара богатырскаго.
Надъ Ильюшей добрый конь стоитъ,
Ржетъ надъ нимъ да во всю голову,
Бьетъ копытомъ во сырѹ землю—
Спитъ Илья, не пробуждается
Отъ того отъ ржанья-топота.
Былъ же у Ильюши крестъ на вѣротѣ,
Чудень крестъ во полтора пуда:
Погодился чудень крестъ Ильѣ,
Пробудился онъ отъ звона отъ крестоваго,
Вскинулъ вкругъ себя да ясны очушки—
А надъ нимъ стоитъ Сокольникъ,
Бьетъ его рогатиною по бѣлѣй груди.
Разгорѣлось сердце богатырское,
Раскипѣлась кровь да молодецкая:
Воспрянулъ Ильюша на рѣзвѣи ноги,
За желты кудри схватилъ Сокольникъ,
Опустилъ на мать-сырѹ землю,
Наступилъ ему на ножку правую,
Дернулъ мѣлодца за ножку лѣвую—
На двое ли мѣлодца порѣзорвалъ,
Раскидалъ кусочки по чистѹ полю—
Что одну ли половинку да сѣрѣмъ волкамъ,
А другую половинку чернымъ воронамъ,
Самъ прогѣворилъ да таковы слова:
„Было чадочко единое—крестное,
Да самимъ же чадо смерти предано!“
Только-то Сокольникъ славы поютъ,
А Ильюшѣ слава не минуется,
Вѣкъ поютъ да по вѣку Ильюшеньку.

БЫЛИНА ДВАДЦАТЬ ТРЕТЬЯ.

Три поѣздочки Ильи Муромца.

Намъ не дорого пиво пьяное,
Намъ не дорого зеленѣ вино,
Дорога намъ бесѣдушка смиренная:
Во бесѣдѣ сидятъ люди добрые,
Говорятъ они рѣчи хорошія
Про старое да про бывалое,
Про стараго Илью про Муромца.

* * *

Ѣздилъ старый по чисту полю,
Ото младости ѣздилъ до старости,
Ото старости до гробовой доски.
Да хорошъ былъ у стараго добрый конь,
Его маленькій бурушка косматенькій:
Хвостъ у батюшки-бурушки былъ трѣхъ сажень,
Грива трѣхъ локтей, а шерсть трѣхъ пядей.
Онъ у рѣкъ перевозу не сирашиваль,
Однимъ скокомъ онъ ихъ перескакиваль,
Широкій раздолья перерыскиваль,
Да отъ смерти стараго унашиваль.
Какъ не пыль дордогой запылилася,
Не туманъ да съ моря подымается,
Не бѣлы снѣжки въ полѣ забѣлѣлися—
Какъ погѣливаетъ старый во чистомъ полѣ,
Забѣлѣлася его буйная головушка

Со частой, съдой, мелкой бородушкой,
 Затуманился подь нимъ его добрый копъ,
 Запылилась за нимъ сила добрая.
 Подъѣзжаетъ старый къ тремъ дороженькамъ,
 Къ тремъ дороженькамъ да перекрѣсточкамъ,
 И лежитъ на перекрѣсточкахъ горючъ камень,
 А на камешкѣ подпись подписана:

„Во дорожку ту ѣхать—богату быть,
 Во другую ѣхать—женату быть,
 А во третью ѣхать—убиту быть.“

Дивовался старый, головой качаль,
 Головой качаль, проговариваль:

„Да я сколько по святой Руси ни ѣзживаль,
 А такого чуда вѣкъ не видываль!

Ѣхать развѣ во дорожку, гдѣ богату быть?

Да на чтò мнѣ, старому, богачество?

Нѣтъ у стараго семьи любимыя,

Молодой жены, малыхъ дѣтушекъ,

А и нѣкому держать золотой казны,

А и нѣкому держать платья цвѣтнаго.

Ѣхать развѣ во дорожку, гдѣ женату быть?

Да на чтò мнѣ, старому, жениться?

Мнѣ жениться—не нажитися,

Молодую взять—чужа корысть,

А старуху взять—на печи лежать,

На печи лежать, киселѣмъ кормить.

Ужь поѣду-ка въ дорожку, гдѣ убиту быть,

Гдѣ убиту быть да замучену,

Со душою тѣлу быть разлѣчену,

Пожилъ добрый молодець на сѣмъ свѣтѣ,

Походилъ, погулялъ во чистѣмъ полѣ,

И застала его старость глубокая,

Во чистѣмъ полѣ застала чернымъ вдронѣмъ,

Сѣла мѣлодцу на буйну голову,

А и при смерти головушка шатается.

Только смерть мнѣ на бою-то не написана!“

И поѣхалъ онъ въ дорожку, гдѣ убиту быть.

Какъ отѣхалъ старый за три поприща,

Какъ заѣхалъ старый во темны лѣса,

Наѣзжаетъ на станицу станичниковъ,

А по-русски назвать такъ разбойниковъ,
Не много, не мало—сорокъ тысячей.

Увидали стараго разбойники,
Кругомъ его, стараго, облѣвили.
Хотятъ его, стараго, ограбити,
Хотятъ его, стараго, съ коня стащить,
Хотятъ добра мѣлодца убить-погубить,
Тѣло бѣлое со душой разлучить.

А старикъ на конѣ головой качаль,
Головой качаль, проговариваль:

„Ой вы гой еси, братцы станичники,
Гой еси, подорожники-разбойники!
Вамъ убить меня, стараго, нѣ за что,
Да пограбить у стараго нѣчего:
Не случилось у меня съ собой казны;
Есть наличныхъ только три тысячи,
Еще крестъ на груди въ цѣлу тысячу,
Кунья шубонька во пятьсотъ рублей,
Соболиная шапочка во три сотеньки,
Да еще рукавички въ одну сотеньку.
Коню доброму цѣны я не вѣдаю:
На базаръ я его не вываживаль,
И никто ему цѣнъ не окладываль;
Только вотъ узда во пятьсотъ рублей,
Да черкасское сѣдельце во двѣ тысячи;
Потому сѣдельце дорого,
Что орлено перьемъ брлинымъ—
Не того орла, чтѣ по морямъ леталь,
А того орла, чтѣ по горамъ леталь!
Какъ ударился орель о горючъ камень,
Обломаль себѣ перья орлиныя;
Проѣзжали купцы изъ-за синя моря,
Обирали перья орлиныя,
Привозили старому во подарочекъ.
А попона на конѣ семи шелковъ,
Въ три строки ли стрѣчена-тѣчена:
Какъ одна-то строчка злата-сѣребра,
А другая строчка чиста золота,
Еще третья строчка желтой мѣди.
А во гривушку вплѣтанъ скаченъ жемчугъ,

Межь ушами камѣнье понасажено,
 Драгоценное камѣнье самоцвѣтное,
 Да не для-ради красы молодецкія,
 Для-ради осеннихъ темныхъ ноченекъ:
 Ходить батюшка-бурушка во чистомъ полѣ,
 А отъ батюшки-бурушки лучи пекутъ
 За три вѣрсты, какъ отъ свѣтла мѣсяца “

Закричалъ тутъ атаманъ разбойничій,
 Кликнулъ кличъ громкимъ, зычнымъ голосомъ:
 „Какъ ужь, старый чортъ, сѣдатый волкъ,
 Еще много сталъ съ нами разговаривать!
 Гой, ребятушки, тати-станичники!
 Гой, вы, братцы мои, плуты-разбойники!
 Принимайтесь-ка за дѣло ратное,
 Да срубите-ка вы старому буйну голову!“

Говорить имъ старый Илья Муромецъ:
 „А вы дайте-ка мнѣ, старому, управиться,
 Послѣ сами мнѣ будете кланяться.“

Вынималъ изъ налушна онъ тугой лукъ,
 Вынималъ изъ колчана калену стрѣлу,
 На тугомъ лукѣ тетивку натягивалъ:
 Каленую стрѣлку накладывалъ:

„Ой вы гой еси, добры мѣлодцы!
 Въ васъ стрѣлять-ли, аль во сырѣй дубъ?“

Онъ стрѣляетъ не по станичникамъ,
 Онъ стрѣляетъ во сырѣй кряковистый дубъ;
 А и спѣла тетивка у туга лука;
 Угодила стрѣлка въ кряковистый дубъ,
 Изломала его въ черенья ножѣвые.

Отъ того ли отъ грому богатырскаго
 Всѣ станичники съ коней попадали,
 Испужалися, врозь разбѣжались,
 На ножи-было сами наметались:

„Гой еси ты, старъ матѣрь человѣкъ!
 Ты оставь-ка насъ хоть на сѣмена!
 Ты бери съ насъ всего, сколько надобно,
 Ты бери съ насъ золоту казну,
 Ты бери съ насъ платье цвѣтное,
 Ты бери и нашихъ добрыхъ коней!“

Усмѣхается старъ матѣрь человѣкъ:

„Кабы братъ вашу золоту казну,
 За мной рыли бы ямы глубокія;
 Кабы братъ мнѣ ваше платье цвѣтное,
 За мной были бы горы высокія;
 Кабы братъ мнѣ вашихъ добрыхъ коней,
 За мной гнали бы табуны великіе.“

Говорятъ ему станичники-разбойники:

„Одно красное солнце на бѣломъ свѣтѣ,
 Одинъ сильный богатырь Илья Муромецъ!
 Ужь поди-ка ты къ намъ во товарищи,
 Будешь намъ ты большимъ атаманушкой.“

„Ой вы, братцы, станичники-разбойники!
 Не пойду я къ вамъ во товарищи,
 Не охота мнѣ съ вами овецъ пасти.
 Расходитесь-ка вы по своимъ домамъ,
 По своимъ мѣстамъ да по своимъ домамъ,
 Къ отцамъ-матерямъ, къ молодымъ женамъ,
 Къ молодымъ женамъ, ко глупымъ дѣтушкамъ,
 Будетъ вамъ стоять при дороженькѣ,
 Проливати кровь христіанскую.“

Скоро старый назадъ тутъ ворочался,
 Приѣзжалъ ко горячему камешку,
 Подпись старую на немъ захѣриваль,
 Подпись новую на немъ подписываль:

„А и ложно была подпись подписана:
 Во дороженьку ѣздиль—убить не бываль.“

Пораздумался старый, прогдвориль:

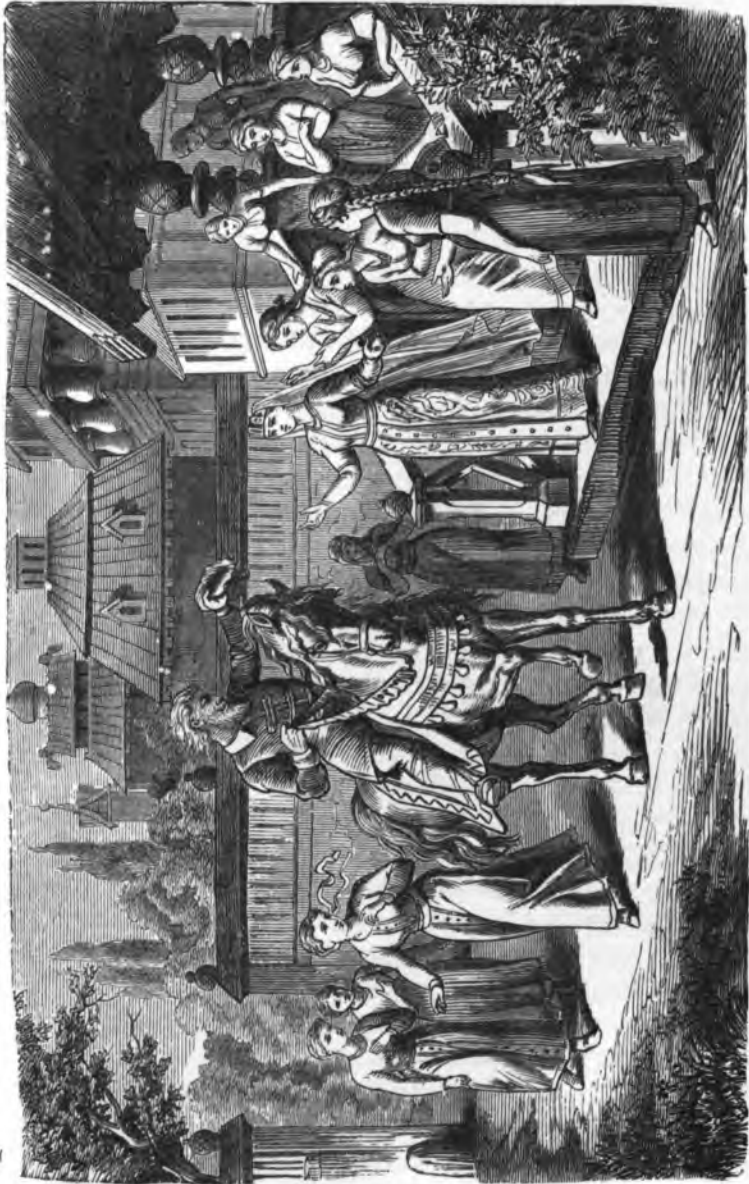
„А поѣду-ка теперь, гдѣ женату быть.“

Какъ отѣхалъ старый за три поприща,
 Наѣзжалъ терема златоверхіе.
 Выбѣгали двѣнадцать красныхъ дѣвушекъ,
 Посреди ихъ корелевна-душечка;
 На ней платье-то драгоцѣнное,
 Драгоцѣнное платье—самоцвѣтное—
 На полущечку мѣста рублемъ не купить.

Говоритъ королевна-душечка:

„Ты удаленькій, дородный храбрый молодецъ!
 Ты пожалуй-ка ко мнѣ во выскъ терёмъ,
 Напою-накормлю хлѣбомъ-солюю.“

Какъ сходилъ тутъ старый со добра коня,

Говорит королевна-душечка:
„Ты, удамьский, дородный храбрый молодец!“

Ты пожалуй-ка ко мне во высьок теремъ,
Налою-накармлю хтѣбомъ-солю.“

Оставлялъ коня неприкована,
 Неприкована да непривязана;
 А прекрасная королевна-душечка
 Брала стараго за ручки бѣлыя,
 Цѣловала во уста сахарныя,
 Проводила во высѣкъ терѣмъ,
 Садила за дубовый столъ,
 Стлала скатерти браныя, шелковыя,
 Приносила яствушки сахарныя,
 Приносила напитки медовыя,
 И поила-кормила добра мѣлодца,
 Добру мѣлодцу низко кланялася.
 Ъсть и пьетъ старикъ, прохлаждается,
 Весь ли дологъ день и до вечера.
 Вышелъ тутъ изъ-за стола дубоваго,
 Говорить самъ таковы слова:

„Ай ты, душечка красная дѣвушка!
 А и гдѣ у васъ ложни теплыя,
 Гдѣ у васъ кровати тесовыя,
 Гдѣ перины мягкія, пуховыя?
 Мнѣ на старость старику бы опочинуться.“

Привела его въ ложни теплыя,
 Ко кровати ко тесовой.
 У кровати старый головой качалъ,
 Головой качалъ, проговаривалъ:
 „Да я сколько по святой Руси ни ѣзживалъ,
 А такого чуда вѣкъ не видывалъ!
 Знать, кроватка-то подложная.“

Какъ возьметъ королевну за бѣлыя ручки,
 Шибанетъ ко стѣнкѣ кирпичной,
 Отвернулась кроватка подложная,
 Увалилась королевна во глубокъ погрѣбъ.
 Говорить старикъ таковыя слова:

„Гой еси вы, слуги безъименные!
 Покажите-ка мнѣ ходъ во глубокъ погрѣбъ.“

Показали ему ходъ во глубокъ погрѣбъ,
 Старику ключей не надобно:
 Онъ перстами замки отдѣргивалъ,
 Онъ ногами двери вонъ вышибывалъ
 Выпущалъ сорокъ царей-царевичей,

Съ ними сорокъ королей-королевичей,
Сорокъ сильныхъ могучихъ богатырей,
Говорить самъ таковы слова:

„Ай, глупы же вы, цари-церевици,
Ай, глупы вы, короли-королевичи,
Ай, глупы вы, могучіе богатыри!
Вы сдаетесь на прелесть на женскую.
Поѣзжайте-ка всѣ по своимъ землямъ,
По своимъ землямъ да по своимъ ордамъ,
Ко своимъ женамъ, ко малымъ дѣтушкамъ.“

Какъ тутъ всѣ они съединилися,
Старику до земли поклонилися:

„А спасибо жъ тебѣ, старъ матѣрь человекъ,
Что насъ выпустилъ съ неволи великія.“

Вышла тутъ и королевна-душечка,
До земли тоже била челомъ ему:

„Ахъ ты, кумъ мой любезный, Илья Муромецъ!
Не узналъ ты меня, видно, Латыгорки?“
Говорить въ отвѣтъ Илья Муромецъ:

„Ай ты, лютая баба-Латыгорка!
А почто же ты кума любезнаго
Безъ вины хотѣла схоронить живьемъ?“

„А почто же ты самъ, мой любезный кумъ,
Смерти предалъ младаго Сокольничка,
Мое чадочко милое единое?“

„А почто же онъ, младъ Сокольничекъ,
Нападалъ на крестнаго батюшку,
Нападалъ на соннаго, безоружнаго?
Знать, отъ вашего роду отъ проклятаго
Не видать покою людямъ, доколь
Не останется одинъ лишь пепель съ васъ!“
Бралъ тутъ старый ее за бѣлы ручки,
Выводилъ ее старый на широкій дворъ,
Привязалъ къ тремъ жеребчикамъ неѣзжанымъ—
Куда руки, куда ноги раздѣрнули,
Растащили ее по чисту полю.
Раздалъ тутъ все имѣнье-богачество
Добрымъ млодцамъ, могучимъ богатырямъ,
Терема златоверхіе огню предалъ,
Самъ ко камешку поворотъ держалъ,

Подпись старую на немъ захѣриваль,
 Подпись новую на немъ подписываль:
 „А и ложно была подпись подписана:
 Во дороженьку ѣздиль—убить не бываль,
 Во другую ѣздиль—женать не бываль.“

Пораздумался старый, прогдвориль:

„Ужь поѣду-ка теперь, гдѣ богату быть.“

Какъ отѣхаль старый за три поприща,
 Наѣзжаетъ на превеликъ камень,
 Превеликъ камень въ тридевяносто пудъ,
 А на камнѣ подпись подписана:
 „Кому камень подъ силу вывалить,
 Да подъ камнемъ плиту чугунную,
 Тотъ найдетъ подъ плитой глубокъ погрѣбъ,
 А во погрѣбѣ—богачество несмѣтное.“

Какъ у камня старый головой качаль,
 Головой качаль, проговариваль:

„Да я сколько по святой Руси ни ѣзживаль,
 А такого чуда вѣкъ не видываль!“

Опускался старый со добра коня,
 Подпадалъ подъ камень могучимъ плечомъ,
 За три поприща камень выкатываль,
 Да плиту чугунную выпивываль—
 Отворился ему глубокъ погрѣбъ,
 А насыпанъ погрѣбъ злата-сѣребра,
 А насыпанъ весь да скатна жемчугу.
 Бралъ тутъ старый мису чиста сѣребра,
 Бралъ другую красна золота,
 Бралъ и третью скатна жемчугу,
 На коня садился, поворотъ держаль,
 Приѣзжалъ во славный во Киевъ градъ
 И воздвигнулъ три церкви соборныя:
 Перву церковь—Спасу Пречистому,
 Другу церковь—Николѣ Можайскому,
 Третью церковь—Георгію Храброму,
 Заводилъ тутъ пѣнье церковное,
 Устанавливалъ звоны колокольные:
 „Чье имѣнье, за того, пускай, идетъ!“
 Остальное злато-сѣребро, скаченъ жемчугъ
 Раздавалъ по нищей по братіи,

Раздавалъ по сиротамъ безпріютнымъ;
Самъ къ горячему камешку ворочался,
Подпись старую на немъ захѣривалъ,
Подпись новую на немъ подписывалъ:
„А и ложно была подпись подписана:
Во дороженьку ѣздилъ—убить не бывалъ,
Во другую ѣздилъ—женатъ не бывалъ,
И во третью ѣздилъ—богатъ не бывалъ.“⁽⁸⁵⁾
Тутъ-то старому во вѣкъ слава-честь пошла.
А и наша старина-то до конца дошла.

БЫЛИНА ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТАЯ.

Какъ перевелись богатыри на святой Руси. ⁽⁸⁶⁾

Какъ на славной было, братцы, на Сафать—рѣкѣ, ⁽⁸⁷⁾
Не здорѣво, братцы, учинилося,
Помутилась славная Сафать-рѣка,
Помѣшался славный богатырскій кругъ:
Что не стало бѣльшаго богатыря,
Стараго удѣла Ильи Муромца!
Ужь вы, братцы, вы, товарищи!
Убирайте-ка вы лёгки струженьки
Дорогимъ суконцемъ багрецѣвымъ,
Увивайте-ка весѣльчики
Аравитскимъ краснымъ золотомъ,
Увивайте-ка укрюченьки
Цареградскимъ крупнымъ жемчугомъ:
Чтобы по ночамъ онѣ не бѣркали,
Чтобъ не подавали ѣсака
Ко тѣмъ злымъ людямъ—татаровьямъ.

* *
* *

На закатѣ было красна солнышка,
Выѣзжали на Сафать-рѣку
Семь удалыхъ русскіихъ богатырей,
Семь могучихъ братьицевъ названныхъ:
Выѣзжалъ Горденко Блудовичъ,
Выѣзжалъ Василиій Казиміровичъ,
Выѣзжалъ Иванъ Гостиный сынъ, ⁽⁸⁸⁾

Выѣзжалъ Самсонъ Самойловичъ, ⁽⁸⁹⁾
 Выѣзжалъ Алешенька Поповичъ младъ,
 Выѣзжалъ Добрынюшка Никитичъ младъ,
 Выѣзжалъ и матерѣй Илья,
 Старый Илья Муромецъ Ивановичъ.

Пораскинулось предъ ними поле чистое,
 А на томъ на полѣ старый дубъ стоитъ,
 Старый дубъ стоитъ, крякѣвистый;
 У того ли дуба три дороги сходятся:
 Ужъ какъ первая дорога къ Нову-гѣроду,
 А вторая-то дорога къ стольну Кіеву,
 А что третія дорога ко синю морю,
 Ко синю морю далѣкому;
 Та ли третія дорога прямоѣзжая,
 Прямоѣзжая дорога, прямопутная—
 Залегла дорога ровно тридцать лѣтъ,
 Ровно тридцать лѣтъ и трѣ года.
 Становились на распутіи богатыри,
 Разбивали свой бѣлѣй шатеръ,
 Отпускали коней погулять въ чистѣмъ полѣ:
 Ходятъ кони по шелкѣвой муравѣ-травѣ,
 Да пощипываютъ зеленѣ траву,
 Да побрякиваютъ золотой уздой;
 А въ бѣлѣмъ шатрѣ богатыри
 Долгу ночку сномъ корѣтають.

На восходѣ было красна солнышка,
 Возставалъ всѣхъ раньше Илья Муромецъ,
 Выходилъ да на Сафатъ-рѣку,
 Умывался студенѣй водой,
 Утирался тонкимъ пдлотномъ,
 Помолился чудну образу;
 Видитъ тутъ: черезъ Сафатъ-рѣку
 Переходитъ силушка невѣрная!
 Добру мѣлодцу той силы не объѣхати,
 Сѣру волку не обрыскати,
 Черну вѣрону не облетѣть.

И кричитъ Ильюша зычнымъ голосомъ:
 „Ой, ужъ гдѣ же вы, могучіе богатыри,
 Вы, удалы братьица названы!“

Какъ сбѣгалися на зовъ его богатыри,

Какъ садились на добрыхъ коней,
 Какъ бросались на силушку невѣрную,
 Стали силушку колоть-рубить,
 Да не столько рубятъ ихъ богатыри,
 Сколько топчуть кѣни добрые:
 Бились съ силой ровно три часа,
 Изрубили силу до одинаго.

Стали мѣлодцы тутъ похвалятися:

„Какъ у насъ, могучихъ богатырей,
 Плечи молодецкія не намахались,
 Кони добрые не уходилися,
 И мечи булатные не притупилися!“

И возгворитъ Алешенька Поповичъ младъ: ⁽⁹⁰⁾

„Подавай намъ силу хоть небесную:
 Мы и съ тою силой, братцы, справимся!“

Только молвилъ слово неразумное,
 Появились двое супротивниковъ,
 Крикнули имъ громкимъ голосомъ:

„А давайте-ка вы съ нами бой держаты!
 Не глядите, что насъ двое, а васъ семеро.“

Не узнали супротивниковъ богатыри,
 Разгорѣлся на слова ихъ младъ Алешенька,
 Разгонялъ коня ретиваго,
 Налетѣлъ на супротивниковъ,
 Разрубаетъ по-поламъ ихъ со всего плеча:
 Стало четверо—и живы всѣ.

Налетѣлъ на нихъ Добрынюшка Никитичъ младъ,
 Разрубаетъ по-поламъ ихъ со всего плеча:
 Стало восьмеро—и живы всѣ.

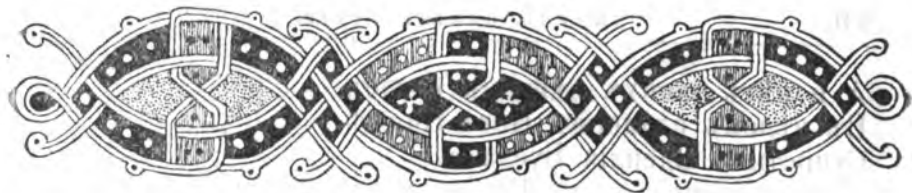
Налетаетъ старый Илья Муромецъ,
 Разрубаетъ по-поламъ ихъ со всего плеча:
 Стало вдвое болѣе—и живы всѣ.

Бросились на силу всѣ богатыри,
 Стали силушку колоть-рубить—
 А та сила все растеть-растетъ,
 На богатырей боѣмъ идетъ.
 Да не столько рубятъ ихъ богатыри,
 Сколько топчуть кѣни добрые—
 А та сила все растеть-растетъ,
 На богатырей боѣмъ идетъ.

Билися три дня и три часа,
Намахались ихъ плечи молодецкія,
Уходилися ихъ кдни добрые,
Притупились ихъ мечи булатные—
А та сила все растеть-растетъ,
На богатырей боёмъ идетъ.
Испугалися могучіе богатыри,
Побѣжали къ каменнымъ горамъ,
Ко пещерушкамъ ко тёмнымъ;
Первый только подбѣжалъ къ горѣ,
Какъ на мѣстѣ и окаменѣлъ;
Другой только подбѣжалъ къ горѣ,
Какъ на мѣстѣ и окаменѣлъ;
Третій только подбѣжалъ къ горѣ,
Какъ на мѣстѣ и окаменѣлъ.
Съ тѣхъ-то поръ могучіе богатыри
И перевелися на святой Руси!

БЫЛИНЫ НОВГОРОДСКІЯ.

БЫЛИНА ПЕРВАЯ.

Молодость Василя Буслаева. ⁽⁹¹⁾

Какъ во славномъ, во Великомъ Новѣ-гѣродѣ
Жилъ Буслай да девяносто лѣтъ,
Девяносто лѣтъ да зуба во рту нѣтъ.
Со Опсковомъ онъ не вздориваль,
Съ Новымъ-городомъ не спариваль,
Съ мужиками со новгородскими ⁽⁹²⁾
Поперекъ словечка не говариваль: ⁽⁹³⁾
Живучй Буслай состарился,
А состарившись преставился.
Послѣ вѣку его долгаго
Оставалося его житьѣ-бытьѣ,
Все имѣніе-богачество,
Оставалась матерѣ вдова,
Матерѣ Мамельфа Тимоѣевна,
Оставалось чадо милое,
Чадо милое, дитя любимое,
Молодой Василю сынъ Буслаевичъ.
Будетъ Васинька семи годовъ,
Отдавала матушка родимая,
Матерѣ вдова Мамельфа Тимоѣевна,
Обучать его во грамотѣ—
Грамота ему въ наукъ пошла;
Присадила Васиньку перомъ писать—
И письмо ему въ наукъ пошло;
Отдавала пѣнію учить церковному—
Пѣніе ему въ наукъ пошло.

А и нѣтъ такихъ пѣвцовъ у насъ
Въ цѣломъ славномъ Новѣ-городѣ,
Супротивъ Василя Буслаева!

Какъ пошелъ тутъ Васинька по городу,
Сталъ по улочкамъ съ ребятами побалывать,
Шуточки нелегкія пошучивать:

За руку ли дѣрнетъ—ручку выдернетъ,
За ногу ли хватить—ножку выломить,
Въ голову ударить—голова съ плеча.

Приходили мужики новгородскіе
Къ матерѣй вдовѣ Мамельфѣ Тимоѣевнѣ,
Приносили жалобу великую
На того Василя на Буслаева:

„Ай, честна вдова Мамельфа Тимоѣевна!
Ты уйми-ка свое чадо милое,
Чадо милое, дитя любимое,
Молода Васильюшку Буслаева:
Съ нашими со малыми ребятками
Шуточки онъ шутить не хорошія,
Побиваетъ смертію напрасною;
Не наполнить будетъ намъ ребятушекъ.
Не уймешь Васильюшки Буслаева—
Будемъ унимать всѣмъ Новымъ-городомъ,
Сгонимъ Ваську внизъ подъ Волхово,
Сбросимъ Ваську прямо въ Волхово.“

Дождался чада милаго
Матера вдова Мамельфа Тимоѣевна,
Стала мѣлодца журить-бранить,
Не журить-бранить—на умъ учить:

„Чадо ты мое, дитя любимое,
Молодой Васильюшка Буслаевичъ!
А и что же ты по гѣроду уродствуешь?
Жиль Буслай да девяносто лѣтъ,
А ни съ кѣмъ до смерти не перечился,
Въ твои годы не имѣлъ и ста рублей,
А имѣлъ дружину, добрую, хорѣбрую;
У тебя же нѣтъ ни братій, ни дружинушки:
Долго ли обидѣтъ добра мѣлодца?
Прибралъ бы себѣ дружинишку—
Было бы съ кѣмъ попротивиться.“

За тѣ рѣчи Васька принимается:

„Я тебя-де, матушка, послушаю.“

Самъ садился на ременчатъ стулъ,
Ярлыки писалъ да скорописчаты:

„Кому хочется до-сыта ѣсть и пить,
Тотъ ступай къ Василью на широкой дворъ,
На широкой дворъ да на почѣстенъ пиръ.“

Ярлыки привязывалъ ко стрѣлочкамъ,
Стрѣлочки стрѣлялъ по Нову-гѣроду,
Самъ наваривалъ да пива пьянаго,
Самъ накуривалъ да зеленà вина.
Разставлялъ чаны середь двора,
Опускалъ въ нихъ чару—полтора ведра,
Чарочки да приговаривалъ:

„Кто подниметъ чару единой рукой,
Выпьетъ чару на единый духъ,
Будетъ тотъ Василью милый другъ,
Будетъ милый другъ, названный братъ.“

Какъ пошли тутъ люди грамотны
Со той церкви со соборныя,
Стали стрѣлочки нахаживать,
Ярлыки на стрѣлочкахъ прочитывать:

„Жалуетъ-зоветъ Василій на почѣстенъ пиръ.“

Собиралися увалами,
Что увалами да перевалами,
Всѣ идутъ и старые и малые,
Всѣ валяютъ къ Василью на широкой дворъ.

Увидалъ Василій изъ окна ребятъ,
Говорить себѣ да таковы слова:

„Не наполнить будетъ пива пьянаго,
Не насытитъ будетъ зеленà вина.“

Бралъ червлѣный вязъ въ двѣнадцать пудъ,
Соходилъ къ ребятамъ со красна крыльца,
Говорилъ ребятамъ таковы слова:

„Кто подниметъ чару единой рукой,
Выпьетъ чару на единый духъ,
Да истерпитъ мой червлѣный вязъ,
Мой червлѣный вязъ во буйну голову,—
Тотъ поклонъ поставитъ да и въ домъ взойдетъ,
Будетъ милый другъ мнѣ и названный братъ.“

Какъ тутъ бдльшій тўлится за средняго,
 Средній тўлится за мёньшаго,
 А отъ мёньшаго-то и отвѣта нѣтъ;
 Вонъ идутъ и старые и малые,
 Сами говорятъ промежь себя:

„Не упито будетъ, не уѣдено,
 А на вѣкъ увѣчые нажито.“

Какъ бѣжить на встрѣчу Костя Новоторжанинъ,
 Опрошаетъ на бѣгу ребятъ:

„Были ли у Васьки на честномъ пиру?
 Каково у Васьки ўпили,
 Каково у Васьки ўѣли?“

„Мы не ўпили, ни ўѣли,
 Мы на вѣкъ увѣчые нажили.
 Самъ куда бѣжишь, куда спѣшишь?“

Не даетъ отвѣта Костя Новоторжанинъ,
 Онъ одно бѣжить, одно спѣшить:
 Прибѣгаетъ къ Васькѣ на широкій дворъ,
 Размахнулъ на чанѣ зеленѣ вино,
 Зачерпнулъ во чару полтора ведра,
 Воздымаетъ чару единойъ рукой,
 Выпиваетъ чару на единыйъ духъ;
 Поскорѣхонько и во второй-то разъ,
 Воздымаетъ чару единойъ рукой,
 Выпиваетъ чару на единыйъ духъ;
 Поскорѣхонько и въ третій разъ...
 Только поднялъ чару зеленѣ вина—
 Подскочилъ къ нему Василій, сталь опробовать,
 Билъ червлёнымъ вязомъ въ буйну голову:
 Устоялъ дѣтина—не ворѣхнется,
 Синь кафтанъ на плечахъ не колѣхнется,
 Жёлты кудри на головушкѣ не трѣхнутся,
 Полна чарочка въ рукахъ не всплещется;
 „Окатилъ меня ты, Васинька Буслаевичъ,
 Окатилъ мнѣ ретивѣ сердце,
 Взвеселилъ мнѣ буйну голову—
 Ужь ты дашь ли мнѣ опохмѣлиться?“

Бралъ его Василій за бѣлы руки,
 Цѣловалъ въ уста сахарныя,
 Проводилъ во гѣрницу столовую:

„Будь же ты мнѣ, Костя, милый другъ,
 Будь мнѣ милый другъ, названный братъ!“
 И сажилъ его онъ за дубовый столъ,
 За дубовый столъ да во большѣй уголъ,
 И кормилъ-поилъ его онъ до-сыта.

Въ тѣ поры было, въ то времячко,
 Увидали мужики новгородскіе,
 Что бѣжить на встрѣчу имъ Потаня Хроменькій,
 Говорятъ Потанѣ таковыя слова:

„Не ходи, Потаня, на почѣстенъ пирь!“

Не даетъ отвѣта имъ Потанюшка,
 Онъ одно бѣжить, одно спѣшить:
 Правой ножкой-то припадываетъ,
 Лѣвой ножкой-то прихрамываетъ,
 Изъ-подъ рученьки присматриваетъ,
 Прибѣгаетъ къ Васькѣ на широкій дворъ,
 Размахнулъ на чапѣ зеленѣ вино,
 Зачерпнулъ во чару полтора ведра,
 Воздымаетъ чару единой рукойъ,
 Выпиваетъ чару на единый духъ;
 Поскорѣхонько и во второй-то разъ,
 Воздымаетъ чару единой рукойъ,
 Выпиваетъ чару на единый духъ;
 Поскорѣхонько и въ третій разъ...
 Подскочилъ къ нему Василій, сталь опробовать,
 Билъ червлѣнымъ вязомъ по хромымъ ногамъ:
 Устоялъ дѣтина—не ворѣхнется,
 Синь кафтанъ на плечахъ не колыхнется,
 Жѣлты кудри на головушкѣ не тряхнутся,
 Полна чарочка въ рукахъ не всплещется,
 Говоритъ дѣтина Васинькѣ Буслаеву:

„Окатилъ меня ты, Васинька Буслаевичъ,
 Ввеселилъ мнѣ буйну голову—
 Дай-ка ты мнѣ хоть опохмѣлитися!“

Бралъ его Василій за праву руку,
 Цѣловаль въ уста сахарныя,
 Проводилъ во горницу столовую:

„Будь же ты, Потанюшка, мнѣ милый другъ,
 Будь мнѣ милый другъ, названный братъ!“

Посадила его онъ за дубовый столъ,

Учалъ его подчивать да чествовать.

Мало время позамѣшкавши,
Прибѣгалъ на дворъ Оома горбатенькій, (94)
Размахнулъ на чанѣ зеленѣ вино,
Зачерпнулъ во чару полтора ведра,
Воздымаетъ чару единѣй рукой,
Выпиваетъ чару на единѣй духъ.
Не сошелъ ужъ Васька со красна крыльца,
Бить не сталъ червлѣнымъ вязомъ Оомушку,
Прямо звалъ во горенку столовую:

„Будь ты, Оомушка, мнѣ милѣй другъ,
Будь мнѣ милѣй другъ, названѣй братъ!“

И прибѣралъ себѣ онъ тридцать мѣлодцевъ,
Тридцать мѣлодцевъ да безъ одинаго,
Надо всѣми самъ тридцатымъ сталъ,
Заводилъ на всѣхъ почѣстенъ пиръ,
Говорилъ имъ таковы слова:

„Гой, моя дружина добрая, хорѣбная!
Въ Новѣ-городѣ бояться намъ ужъ нѣкого!“

И пошелъ тутъ слухъ по Нову-городу,
Что прибѣралъ себѣ Василѣй тридцать братьицевъ,
Тридцать мѣлодцевъ да безъ одинаго,
Что живутъ они съ нимъ всѣ безъ выходу,
Пьютъ-ѣдятъ съ нимъ съ одного стола,
Цвѣтно платье носятъ съ одного плеча.
Взволновались мужики новгородскіе,
Собирались въ терема тайницкіе,
Соходились во большой совѣтъ,
Стали думать думу крѣпкую.
Какъ возстанетъ съ мѣста чуденъ старецъ тутъ,
Какъ выходитъ на средину горницы,
Поклоняется на всѣ четыре стороны,
Самъ поглаживаетъ сѣду бороду,
Ударяетъ трижды объ полъ посохомъ,
Начинаетъ слово мудрое:

„Гой еси вы, мужики новгородскіе!
Вѣдомо вамъ неудало дѣтище,
Молодой Василѣй сынъ Буслаевичъ:
Отъ его нелегкихъ шуточекъ
Нашъ Великій-Новгородъ уже порѣже сталъ.“

А теперъ прибралъ себѣ онъ тридцать братьицевъ,
 Тридцать мѣлодцевъ да безъ одинаго;
 Не задумалъ бы онъ зло на нашу голову,
 Не замыслилъ бы прибратъ подъ руки крѣпкія?
 Гой вы, мужики новгородскіе!
 Созовите, братцы, пирь на цѣлый міръ;
 Хоть не станемъ звать Василія—
 Не утерпите, самъ на пирь придетъ.
 Поднесемъ ему тогда братину зеленѣ вина:
 Коль не будетъ пить—инъ мыслить зло на насъ;
 Будетъ пить—такъ во хмѣлю промолвится“.

Поднимались всѣ тутъ съ мѣстъ своихъ,
 Поклонялись старцу всѣ до поясу,
 Говорили во едину рѣчь:

„Какъ придумалъ чуденъ старецъ, такъ и быть тому“.

На зарѣ было на утренней,
 На восходѣ красна солнышка,
 Подымались мужики новгородскіе,
 Насбирали хлѣба да двѣнадцатъ мѣръ,
 Накурили зеленѣ вина,
 Наварили пива пьянаго;
 Становили тутъ столы дубовые,
 Разстилали скатерти да браныя,
 Разставляли яства да сахарныя,
 Приносили вѣдра зеленѣ вина,
 Зеленѣ вина да пива пьянаго,
 Созывали на почѣстенъ пирь весь Новгородъ,
 Одного Василія не пѣзвали.

Какъ прослышалъ тутъ Васильюшка
 Про канунъ варѣнъ, про пива ячныя
 У тѣхъ мужиковъ новгородскіихъ,—
 Самъ пошелъ на пирь съ дружиною,
 Проходилъ во мѣсто бѣльшее,
 Пораздвинулъ мужиковъ новгородскіихъ,
 И сѣдился во большѣй уголъ
 Со своей дружиною хорѣброю.

Говорятъ тутъ мужики новгородскіе:

„Званому-то гостю хлѣбъ да соль,
 А незваному и мѣста нѣтъ“.

Говоритъ Василій сынъ Буслаевичъ:

„Званому-то много мѣста надобно,
 Много мѣста и большая честь,
 А незваному—какъ Богъ пришлетъ“.

И пустились мужики на хитрости:
 Наливаютъ во братины зеленѧ вина,
 Приговариваютъ сами, усмѣхаючись:

„Кто дружитъ Велику Нову-городу—
 Пей свою братину дѡ-суха“.

Возстаетъ Василій, поклоняется,
 Принимаетъ онъ братину во бѣлы ручки,
 Выпиваетъ единымъ духомъ,
 Единымъ духомъ да дѡ-суха.
 Заиграла въ немъ хмѣлинушка,
 Закипѣла кровь да молодецкая,
 И возгворилъ Василій таковы рѣчи:

„Глупые вы, неразумные,
 Мужики новгородскіе!
 Быть за мной вѣдь, за Васильемъ, Нову-городу,
 Братъ мнѣ даточныя пошлины со всей земли,
 Съ лову заячья и гоголинаго,
 Братъ съ гостей заѣзжихъ мытныя,
 А вамъ, мужикамъ, лежать у ногъ моихъ!“

Нѣлюбы такія рѣчи показались
 Мужикамъ новгородскимъ,
 Закричали въ единѡ слово:

„Младъ еще ты, неудѧло дѣтище!
 Не бывать же за тобою Нову-городу,
 Да не честь тебѣ тень и жить у насъ,
 А и нѣтъ здѣсь про тебя земли.
 На утро иди изъ Нова-города;
 Не пойдешь—инъ выгонимъ не съ честію,
 Потеряешь буйну голову!“

Отъ такого слова пуще прежняго
 Разгоралось сердце молодецкое,
 Распалялась буйная головушка:

„Гой еси вы, мужики новгородскіе!
 Бьюсь я съ вами о великъ закладъ:
 Напускаюсь биться-драться на весь Новгородъ
 Со своей дружиною хорѡброю:
 Коль меня съ дружиною побьете Новымъ-городомъ—

Я плачѹ вамъ дани-выходы по смерть свою;
 Буде же я васъ побью и вы мнѣ покоритесь—
 Вамъ платить мнѣ дани дѡ-вѣку“.

Сдѣлали они тутъ рукобитьице,
 Рокобитьице великое,
 Написали записи поручныя:
 За утрѡ идти на Волховъ мость,
 Соходиться на побоище на смертное.

Приходилъ Василій къ родной матушкѣ,
 Къ матерой вдовѣ Мамельфѣ Тимоѡевнѣ,
 Сталъ рассказывать ей, похвалятися:

„Какъ ударился я не о малъ закладъ,
 Не о стѣ рубляхъ и не о тысячѣ,
 О своей ударился о буйной гдловѣ:
 За утрѡ мнѣ биться со всѣмъ Новымъ-городомъ“.

Матерѣ вдова Мамельфа Тимоѡевна

Какъ услышала—заплакала,
 Ухватила сына за бѣлыя руки,
 Отводила въ погреба глубокиѣ,
 Чтобы хмѣль ему-де выпати,
 Затворяла самого дверьми желѣзными,
 Позащѣлкнула замками крѣпкими,
 Позадвинула рогатками булатными.
 Снить Василій—не прохватится,
 Не прохватится и не пробудится.

За утрѡ братаны: Костя Новоторжанинъ
 Со Потаней Хроменькимъ, Ѳомой Горбатенькимъ
 Ото сна встають ранѣшенько,
 Умываются бѣлѣшенько,
 На востокъ братаны Богу молятся,
 Биться со всѣмъ Новымъ-городомъ сряжаются.

Какъ не пѡды воды вешнія
 По лугамъ тутъ разливаются—
 Какъ идетъ-вадитъ по улицѣ Рогатицѣ
 Сила та новгородская;
 Какъ не бѣлы гуси-лебеди
 Съ Ильмень-озера да подымаются—
 Какъ сбирается на Волховъ мость
 Супротивъ Василья цѣлый Повгородъ.
 Не спросясь Василья, не дождавшися,

Бросились братаны въ страшный смертный бой.
 Часъ ужъ бьются съ Новымъ-городомъ—
 Не подходитъ къ нимъ Василій сынъ Буслаевичъ;
 И другой-то бьются съ Новымъ-городомъ—
 Не видать Василя Буслаева;
 Третій бьются съ Новымъ-городомъ—
 А Василя все въ явѣ нѣтъ⁽⁹⁵⁾.

И понятели дружинишку Васильеву
 Мужики новгородскіе,
 Сами говорятъ да таковыя слова:
 „Еще что же, братцы, Васька за дуракъ такой?
 Измѣнилъ онъ вамъ, своей дружинишкѣ,
 Продалъ за дешево васъ, своихъ товарищей.
 Три часа вы бьетесь за Василя,
 Всѣ головки-то у васъ шалыгами прощѣлканы,
 Руки всѣ платками перевязаны,
 Ноги кушаками переверчены,
 А его, Василя, и въ явѣ нѣтъ.
 Еще что же, братцы, Васька за дуракъ такой?“

А была у матушки Васильевой,
 У честной вдовы Мамельфы Тимофеевны,
 Дѣвушка малѣшенька-чернѣшенька,
 Вѣрная служаночка чернавушка,
 Шла она на рѣчку Волховъ пд воду,
 Шла съ ведѣрками дубовыми,
 Съ коромысельцемъ кленовымъ;
 Увидала то побоище кровавое,
 Увидала—слезно всплакала.

А и взмолятся къ ней добры мѣлодцы:
 „Гой еси ты, дѣвушка-чернавушка?
 Ты не выдай насъ у дѣла ратнаго,
 У того у часу смертнаго:
 Позови Василя къ намъ на выручку“.
 Побѣжала дѣвушка-чернавушка,
 Побѣжала скоро-на-скоро,
 Растеряла и ведѣрки-то дубовыя,
 Побросала коромысельце кленовое,⁽⁹⁶⁾
 Прибѣжала къ погребамъ глубокимъ,
 Индо дѣвка запыхалася,
 Закричала во всю голову:

„Спишь ли ты, Василій, или такъ лежишь?
Знать, не слышишь шума-грома въ Новѣ-городѣ?
У твоей дружины у хоробрѣя
Всѣ головки ужъ шалыгами прощёлканы,
Руки всѣ платками перевязаны,
Ноги кушаками переверчены:
Одолѣли мужики новгородскіе“.

Ото сна Василій пробуждается,
Чоботы надёрнулъ на босѹ ногу,
Шубу ли накинулъ на одно плечо,
А колпакъ надвинулъ на одно ухо;
Поналѣгъ на ободверины укладныя—
Съ одного удара двери высадилъ,
Разметалъ рогатины булатныя,
Выскочилъ самъ на широкій дворъ.
Не попалась Васькѣ палица желѣзная,
Что попалась ему ось телѣжная;
Побѣжалъ съ осищемъ онъ по Нову-городу,
По тѣмъ улицамъ широкимъ:

„Гой, моя дружинишка хоробрѣя!
Продаль-то не я васъ, добрый млодець,
Продала васъ моя матушка родимая.
Вы садитесь-ка теперь на лавочку,
Я за всѣхъ васъ, братцы, поработаю.
Поразстроньтесь только, пораздвиньтеся,
Чтобы васъ мнѣ не убить замѣсто ново-гѣрожанъ“.

Заходило тутъ осище да телѣжное
По той силѣ по новгородскойей:
Гдѣ махнетъ—тамъ будетъ улочка,
Гдѣ перемахнетъ—тамъ переулочекъ;
Положило мужиковъ увалами,
Положило перевалами,
Понабило, что погодою.
Видятъ мужики тутъ, что бѣда пришла,
Что бѣда пришла имъ неминучая,—
Побѣжали скоро-на-скоро
Въ монастырь тотъ во Кириловскій,
Насыпали чашу красна золота,
Насыпали и другую чиста сѣребра,
Насыпали третью скатна жемчугу,

Подносили старчищу Ондронищу, ⁽⁹⁷⁾

Тому крестному отцу Васильеву:

„Гой еси ты, старчище Ондронище!

Ты уйми-ка свое чадо милое,

Чадо милое, дитя любимое,

Молода Василия Буслаева,

Ты оставь насъ хоть на сѣмена“.

Какъ тутъ старчище Ондронище

Навалиль на плечи на могучія

Монастырскій мѣдный колоколь,

Не величикъ колоколь—во девяносто пудъ,

Да идетъ на рѣчку Волховъ, на тотъ Волховъ мостъ,

Колокольнымъ языкомъ самъ подпирается,

Инь калиновъ мостъ да подгибается.

Поровнялся съ сыномъ крестнымъ.

Съ молодымъ Василюемъ Буслаевымъ!

Окликаеть громкимъ голосомъ:

„Стой-постой, мой милый крестничекъ,

Молодой Васильюшка Буслаевичъ!

Смолода, глуздырь ты, не запархивай,

Малолѣтнее дитя ты, не заскакивай,

Прямоѣзжей дорожки не заваливай,

Съ Волхова воды тебѣ не выпити,

Въ Новѣ-городѣ людей не выбити;

Будутъ мѣлодцы и супротивъ тебя,

Да стоимъ мы, мѣлодцы, не хвастаемъ“.

Говорилъ въ отвѣтъ Васильюшка Буслаевичъ:

„Ай же ты, мой крестный батюшка,

Ай ты, старчище Ондронище!

Знать, несетъ тебя лиха судьба твоя

На меня, на мила крестничка.

Вѣдь у насъ-то дѣло дѣется:

Головами, батюшка, играемся.

Не далъ я тебѣ яичка о Христовѣ днѣ,

Дамъ же я тебѣ яичко о Петровѣ днѣ!“

Какъ ударить тутъ Василій въ колоколь

Тѣмъ осищемъ да телѣжнымъ—

Загудѣла красна мѣдъ, потрескалась,

А могучій старчище Ондронище

Присядаеть ко сырой землѣ,

„Ай же ты, мой крестный баглюшка,
Ай ты старичье Ондришце!

Знать, несеть тебя лиха судьба твоя
На меня, на мила крестничка.

Не подасть уже и голоса.

Заглянулъ Василій внизъ подъ колоколь,
А у стараго во лбу и глазъ ужъ вѣку нѣтъ. ⁽¹⁰⁰⁾

Какъ завидѣли Василья добры мѣлодцы,
Та его дружинушка хорѣбрая,
У соколиковъ у ясныхъ крылья отросли,
У молодчиковъ у добрыхъ думы прибыло.
А и сталъ ихъ выручать Васильюшка,
Сталъ справляться съ силою по своему,
Гонить силу во чисто поле,
Пригоняетъ силу ко быстрой рѣкѣ,
Не даетъ ей развернуться.

Пріуныли мужики новгородскіе,
Буйны головы повѣсили;
Посылаютъ посланцевъ во Новгородъ,
Ко той матушкѣ Васильевой,
Къ матерѣй вдовѣ Мамельфѣ Тимоѣевнѣ,
Со подарками великими:

„Государыня, Васильева ты матушка,
Матерѣ вдова Мамельфа Тимоѣевна!
Ты уйми-ка свое чадо милое,
Молода Василья со дружиною,
Ты оставь насъ хоть на сѣмена,
А и рады мы платить тебѣ
Всякій годъ да по три тысячи,
А и будемъ мы носить тебѣ
Всякій годъ со хлѣбника по хлѣбику,
Со колачника да по калачику,
Съ молодежи повѣнечное,
Со дѣвицы повалешное,
Да со всѣхъ людей ремесленныхъ,
Опрічь лишъ поповъ и дьяконовъ.“

Покидалася старушка, пометалася—
Апъ нельзя пройти по улицѣ:
Полтеи по улицѣ валяются
Мужиковъ новгородскіихъ.
Прибѣжала старая къ Василію,
Наскочила сзади на Василія,
Пала мѣлодцу на могучій плечи.

„Гой еси ты, мое чадо милое,

Молодой Васильюшка Буслаевич!
 Уходи-тко свои плечушки могучія,
 Украти сердечушко ретивое,
 И оставь народу хоть на сѣмена.“

Опускалъ Василій руки ко сырой землѣ,
 Выпадала ось телѣжная изъ бѣлыхъ рукъ,
 Говорилъ Василій таковы слова:

„Ай ты, свѣтъ мой, государыня да матушка!
 Хорошо ты, матушка, удумала,
 Что скочила на плечи сзадѣ меня.
 Второпяхъ-то да въ озорности,
 Не спустилъ бы и тебѣ я, рѣдной матушкѣ,
 И тебя убилъ бы нѣ за что,
 Вмѣсто мужика новгородскаго.
 А теперь тебя послушаю:

Слушать рѣдную самъ Богъ велить.“

Взялъ ее онъ тутъ за ручки бѣлыя
 И повелъ домой, въ свои палаты бѣлокаменны.

Такъ-то избыли отъ смерти отъ напрасныя
 Мужики новгородскіе;
 Сами со Васильемъ помирились,
 Помирились и покорилися.

БЫЛИНА ВТОРАЯ.

Смерть Василя Буслаева.

Какъ подъ славнымъ, подъ Великимъ Новымъ-городомъ,
Да по славному по озеру по Ильмену,
Плаваеъ-поплаваеъ съръ селезень,
Какъ-бы ярый гоголь да поныриваеъ—
Плаваеъ-поплаваеъ червлёнъ корабль
Молода Василя Буслаева,
Молода Василя со дружиною,
Со дружиною его хоробрюю,
Тридцать да удалыхъ млодцевъ. ⁽¹⁰¹⁾
Костя Новотдржанинъ корму держитъ,
Маленькй Потаня на носу стоитъ,
Рядомъ съ нимъ Ома благоуродливый;
Самъ Васильюшка по кораблю похаживаеъ,
Таковы слова да поговариваеъ:

„Свѣтъ, моя дружинюшка хоробрая,
Тридцать добрыхъ млодцевъ да безъ единого!
Ставьте-ка корабликъ поперёкъ Ильменя,
Приставайте, млодцы, ко Нову-городу.“

А и къ берегу тычками притыкалися,
Пометали сходни на крутой бережокъ;
Приходилъ Василюкъ къ своему двору,
А за нимъ идетъ дружинюшка хоробрая;
Только караульщикова оставили.

Приходилъ Василюкъ къ своему двору,
Къ государынѣ своей ко матушкѣ,
Къ матерой вдовѣ Мамельфѣ Тимошеевнѣ,

Вьюномъ около старушки увивается,
 Просить дать родительско благословеніе:

„Свѣтъ, моя ты государыня да матушка,
 Матерѣ вдова Мамельфа Тимоѳеевна!

Дай ты мнѣ родительско благословеніе:

Молодецко сердце пожадѣлося,

Пожадѣлось сердце, разгорѣлося,

Даль себѣ я заповѣдь великую

Съѣздить со дружиною хоробрюю

На ту матушку Ердань-рѣку,

Ко тому ко граду Ерусѣлиму,

Той святой святынѣ помолитися,

Ко Господню гробу приложитися,

Во Ердань-рѣкѣ да искупатися,

На Ѡаворѣ-горѣ ⁽¹⁰⁹⁾ да осушитися:

Сдѣлалъ я велико прегрѣшеніе,

Прибилъ много мужиковъ новгородскіихъ“!

Отвѣчаетъ матерѣ вдова,

Матерѣ вдова Мамельфа Тимоѳеевна:

„Гой еси ты, мое чадо милое,

Молодой Василій сынъ Буслаевичъ!

Коли ты пойдешь на дѣло доброе—

Дамъ тебѣ родительско благословеніе;

Коли же, дитя, ты на разбой пойдешь—

Нѣтъ тебѣ благословенія,

А и не носи Василя сыра земля!“

Камень отъ огня да разгорается,

И булатъ отъ жару растопляется,

Материно сердце распущается;

И даетъ она Василью въ дальній путь

Много-множество запасовъ хлѣбныхъ,

И даетъ оружье долгомѣрное:

„Береги-де буйну голову свою!“

Скоро мѣлодцы собираются,

Съ матерѣй вдовой прощаются;

Оснастили свой червлѣнъ корабль,

Подымали тонки паруса камчатные,

И поѣхали ко граду Ерусѣлиму.

И погодѣ не сдержатъ ужъ мѣлодцовъ:

Противъ вѣтра ѣдутъ, какъ соколъ летить.

Бдуть день они, другой и третій день,
 Бдуть и недѣлю и другую-то;
 Въ встрѣчу имъ тутъ гости-корабельщики:
 „Здравствуй ты, Василій сынъ Буслаевичъ:
 Со дружиною хоробрюю!

Погулять, знать, братцы, поизволили?“

Отвѣчаетъ имъ Василій сынъ Буслаевичъ:

„Гой еси вы, гости-корабельщики:

Наше ли гулянье неохотное:

Съ молоду-то много бито, граблено,
 Такъ подъ старость спасти душу надобно.

А скажите-ка вы мѣлодцы:

Намъ прямымъ путемъ далѣко ли
 Ко святому граду Ерусѣлиму?“

Отвѣчаютъ гости-корабельщики:

„А и гой еси, Василій сынъ Буслаевичъ!

Вамъ прямымъ путемъ во Ерусѣлимъ градъ

Будетъ ѣхать ровно семь недѣль,

А окольную дорогою полтора года.

Да стоитъ на славномъ морѣ на Каспійскомъ,

На томъ островѣ Куминскомъ, ⁽¹⁰³⁾

Крѣпкая застава молодецкая,

Стары атаманы все разбойничьи,

Что не много и не мало ихъ—три тысячи:

Грабятъ топятъ бусы-галеры,

Разбиваютъ корабли червлѣные.“

Говоритъ Василій да Буслаевичъ:

„А не вѣрую я, Васинька, ни въ сонъ, ни въ чохъ,

А и вѣрую я въ свой червлѣный вязъ:

Ужъ бѣгите-ка, ребята, вы прямымъ путемъ.“

Побѣжали по морю Каспійскому,

Набѣжали ту заставу корабельную,

Старыхъ атамановъ тѣхъ разбойничьихъ;

А на пристани ихъ до ста человекъ стоитъ.

Приставали мѣлодцы къ крутѣ берегу,

Пометали сходни на крутой бережокъ,

Соскочилъ Василій на крутой бережокъ,

Самъ червлѣнымъ вязомъ подпирается.

Караульщики, удамы добры мѣлодцы,

Испужались, не дожидались,

Побѣжали съ пристани со корабельныя
 Къ атаманамъ тѣмъ разбойничьимъ.
 Атаманы слушаютъ—не надивуются,
 Сами говорятъ да таковы слова:

„Тридцать лѣтъ на острову стоимъ,
 А такого страха вѣкъ не видѣли!
 Это-де идетъ Василій сынъ Буслаевичъ:
 Знать-де по полеткѣ соколиной,
 Видѣтъ по поступкѣ молодецкой!“

Пошагалъ Василій со дружиною
 Къ атаманамъ ко разбойничьимъ;
 Стали съ ними во единый кругъ.
 На всѣ стороны Василій поклоняется,
 Говорить самъ таковы слова:

„Здравствуйте, разбойнички удалые!
 А скажите-ка вы мнѣ прямой-то путь
 Ко святому граду Ерусѣлиму.“

Говорятъ разбойнички удалые:
 „Гой еси, Василій сынъ Буслаевичъ,
 Со своей дружиною хоробрѣю!
 Милости васъ просимъ за единый столъ,
 За единый столъ хлѣбъ-сѣли кушати!“

Въ тѣ поры Василій не ослушался:
 Къ нимъ садился за единый столъ.
 Наливали ему чару зеленѣ вина,
 Зеленѣ вина во полтора ведра.
 Принималъ Василій единой рукойъ,
 Выпивалъ чару единымъ духомъ.
 Атаманы смотрятъ да дивуются:
 Сами-то и по полѹ-ведру не могутъ пить.
 Хлѣбъ-сѣли Василій пооткушавши,
 Собирается на свой червлѣнъ корабль;
 Атаманы же несутъ ему свои подарочки:
 Перву мису чиста сѣребра,
 Другу мису красна золота,
 Третью мису скатна жемчугу.
 Благодарствовалъ за то Василій, кланялся,
 Самъ просилъ еще съ собою провожатаго.
 Не отказывали тутъ ему и въ томъ,
 Дали провожатаго до Ерусѣлима,

Сами поклонялися, прощалися.
 Собрался Василій на червлёнъ корабль
 Со своей дружиною хоробрюю,
 Подымали тонки паруса камчатные,
 Побѣжали по морю Каспійскому.

Будутъ мѣлодцы у матушки Ѡаворъ-горы,
 Приставали ко крутому берегу.
 Походилъ Василій на Ѡаворъ-гору,
 А за нимъ летитъ дружинушка хоробрая.
 Поднялся до полѹ-горы—
 На пути сухая голова лежитъ,
 Голова сухая, человѣчья кость. ⁽¹⁰⁴⁾

Говоритъ Василій сынъ Буслаевичъ:

„Ты провѣщись, голова ты человѣческа:
 Будешь ли ты кость мошенника,
 Али кость ты подорожника?
 Будешь ли ты кость татарская,
 Али же ты кость христьянская?“

Чоботомъ тутъ кость подхватываль,
 Прочь съ дороги голову попинываль—
 Улетѣла голова въ подоблачье,
 Пала голова да на сырѹ землю,
 Говоритъ сама, провѣщится:

„Ай же ты, Василій сынъ Буслаевичъ!
 Я вѣдь кость-то не мошенника,
 Я вѣдь кость не подорожника,
 Я вѣдь кость и не татарская,
 А была я кость христьянская.
 Не тебѣ меня бы и попинывать,
 Не тебѣ меня побрасывать.
 Самъ я молодецъ тебя не хуже былъ,
 Да умѣю, молодецъ, валятися.
 А и гдѣ теперь сухая голова лежитъ,
 Тамъ же и Василю кататися,
 И Васильевой головушкѣ валятися.“

Тутъ Василій сынъ Буслаевичъ
 Плюнулъ только, да и прочь пошелъ:

„Али врагъ-де говоритъ въ тебѣ,
 Али говоритъ нечистый духъ!“
 Соходилъ съ Ѡаворъ-горы на поль-пути,

Ёдетъ со дружиною во Ерусѣлимъ градъ.
 Прїѣзжалъ во Ерусѣлимъ градъ,
 Заходилъ во церковь во соборную,
 Отслужилъ обѣдню тутъ за здравье матушки
 И за самого себя, Василя,
 Отслужилъ обѣдню съ панихидою
 По своемъ по рѣдномъ батюшкѣ,
 По всему по роду-племени;
 На другой день отслужилъ обѣдни со молебнами
 Про удалыхъ-добрыхъ мѣлодцевъ,
 Чтѣ имъ съ молоду-то бито, граблено;
 И дарилъ поповъ и дьяконовъ,
 Одѣлялъ всѣхъ старцевъ богорадныхъ
 Золотой казною, не считаючи.

Походилъ тогда съ дружиною
 Во Ердань-рѣкѣ купатися.
 Вся-то братія купается въ рубашечкахъ,
 А Василій окунается нагимъ тѣломъ.
 Проходила женщина да престарѣлая,
 Говорила таковыя слова:

„Ай, Василій сынъ Буслаевичъ!
 Чтѣ купаешься нагимъ тѣломъ въ Ердань-рѣкѣ?
 Вѣдъ нагимъ тѣломъ крестился самъ Іисусъ Христосъ!
 А и потерять вамъ, добры мѣлодцы,
 Братца большаго, Василя Буслаева!“

Говорятъ въ отвѣтъ ей добры мѣлодцы:

„А не вѣруеть Василій нашъ ни въ сонъ, ни въ чохъ“.

Самому Василью стосковалось тутъ;
 Говоритъ дружинущкѣ хорѣброей:

„Гой еси, моя дружинущка хорѣбрая!
 Были мы намедни на Ѡаворъ-горѣ,
 Уходя-то съ костью разбранилися,
 Разбранилися съ костью, не простилися.
 Ужь заѣдемъ-ка на матушку Ѡаворъ-гору
 Попроститься съ костью, помиритися.“

Съѣли на червлѣнъ корабль, поѣхали;
 Заѣзжали на Ѡаворъ-гору.
 А и гдѣ лежала человѣчья кость,
 Увидали камень превеликій тутъ,
 Превеликій бѣль-горючъ камень:

Въ долину сажень печатная,
 Въ вышину три сажени печатныя,
 Поперекъ же только топоромъ подать,
 А на самомъ камнѣ подпись да подписана:

„Кто у камня станетъ тѣшиться,
 Тѣшиться да забавлятися,
 Камень вдоль да перескакивать—
 Тому буйну голову сломить.“

Разгорѣлось сердце молодецкое,
 Говоритъ Василій сынъ Буслаевичъ:

„Ужь давайте-ка вы, братцы, тѣшиться,
 Тѣшиться да забавлятися:
 Вы скачите поперекъ камня,
 Поперекъ камня да на передъ лицомъ,
 Самъ я вдоль скачу назадъ лицомъ.“

Какъ тутъ вся дружинушка хоробрая
 Стала тѣшиться и забавлятися,
 Поперекъ камня скакать со ратовьемъ.
 Самъ Василій разбѣжался, вдоль камня скочилъ,
 Вдоль камня скочилъ назадъ лицомъ—
 И задѣлъ за камень чоботомъ сафьяннымъ,
 О сырѹ землю головушкой ударился,
 А и тутъ же ли кончатся сталъ.
 Умирая, братіи наказывалъ:

„Вы скажите, братцы, рѣдной матушкѣ,
 Что сосватался Василій на Оаворъ-горѣ,
 Что женился на томъ бѣль-горючемъ камешкѣ.“

Только вымолвилъ, да и преставился.
 Какъ тутъ братія, дружинушка хоробрая,
 Выкопали яму на полѹ-горѣ,
 Опустили мѣлодца во мать-сырѹ землю,
 Ставили надъ мѣлодцемъ животворящій крестъ,
 Сами соходили на червлѣнъ корабль,
 Подымали тонки парусы камчатные,
 Побѣжали къ Нову-городу,
 Къ рѣдной матушкѣ Васильевой,

Какъ встрѣчаетъ ихъ тутъ рѣдна матушка:

„А и гдѣ же, мѣлодцы, вашъ большій братъ,
 Молодой Василій сынъ Буслаевичъ?“

„А сосватался Василій на Оаворъ-горѣ,

А женился на томъ бѣль-горючемъ камешкѣ.“

Тутъ-то его матушка расплакалась,
Собрала свое имѣніе-богачество,
Раздала все по Божьимъ церквамъ,
По Божьимъ церквамъ да по монастырямъ.

Съ тѣхъ-то поръ Василию славу поютъ,
И во вѣкъ та слава не минуется.

БЫЛИНА ТРЕТЬЯ.

Садко дѣлается богатымъ гостемъ.

Какъ во славномъ Новѣ-городѣ
Былъ Садко, веселый млодець;
Не имѣлъ онъ золотой казны,
А имѣлъ лишь гуселки яровчаты;
По пирамъ ходиль-играль Садко,
Спотѣшалъ купцовъ, людей посадскихъ. ⁽¹⁰⁵⁾
Какъ тутъ надъ Садкомъ случилось,
Пѣлый день ужъ не зовуть Садка да на почѣстенъ пиръ,
Не зовуть другой да на почѣстенъ пиръ,
Не зовутъ и третій на почѣстенъ пиръ.
Какъ по томъ Садку соскучилось,
И пошелъ Садко ко Ильмень-озеру,
И садился да на бѣль-горючъ камень,
Сталъ играть во гуселки яровчаты,
Да игралъ съ утра до вечера.

Какъ тутъ въ озерѣ волна сходилася,
Какъ вода пескомъ да замутилася,
Одолѣлъ Садка великій страхъ:
Выходилъ со озера Поддонный Царь, ⁽¹⁰⁶⁾
Говорилъ самъ таковы слова:
„Благодарствую тебя, веселый млодець,
Что спотѣшилъ насъ во озерѣ:
У меня вѣдь столованье да почѣстенъ пиръ,
Всѣхъ развеселилъ ты мнѣ гостей любезныхъ.
Чѣмъ тебя, не знаю, жаловать:
Аль безсчетной золотой казной?

Ты ступай ка, молодець, во свой во Новгородъ
 И ударься о великъ закладъ
 Со купцами со новгородскими:
 Заложимъ имъ свою буйну голову,
 Съ нихъ же вырѣжай въ ряду Гостиносмъ
 Лавочки товара краснаго:
 Что-де рыба есть во Ильмень-озерѣ,
 Рыба чудная да золоты перья.
 Какъ ударишь о великъ закладъ,
 Поклонися башлыкамъ на Ильмень-озерѣ,
 Чтобы дали—те три невода
 Съ тѣми со людьми работными,
 Неводы замѣтывай во озеро:
 Будеть надъ тобою милость Божія.“

Какъ пошелъ Садкѣ отъ Ильмень-озера,
 Какъ пришелъ во свой во Новгородъ,
 Позвали Садкѣ тутъ на почестень пиръ
 Ко богатому купцу новгородскому.
 Стали мѣлодца подпаивать,
 Стали мѣлодцу поднашивать;
 Заигралъ Садкѣ во гуселки яровчаты,
 Самъ передъ гостями порасхвастался:
 „Ай же вы, купцы новгородскіе!
 Знаю чудо-чудное я въ Ильмень-озерѣ,
 Знаю рыбу—золоты перья.“

Позаспорились купцы новгородскіе:

„А не можетъ быть во Ильмень-озерѣ
 Экой рыбы чуда-чуднаго,
 Чуда-чуднаго да золоты перья!“

„Ай же вы, купцы новгородскіе!
 Будемъ биться о великъ закладъ:
 Заложу я свою буйну голову—
 Болѣ заложить мнѣ нечего.“

Говорятъ купцы новгородскіе:

„Мы заложимъ во ряду гостиноемъ
 Три купца да по три лавочки.
 По три лавочки товара краснаго“.

Походилъ тутъ скоро мѣлодець
 Къ башлыкамъ на Ильмень-озерѣ,
 Приходилъ къ нимъ, низко кланялся,

Говорилъ самъ таковѡ слово:

„Гой еси вы, башлыки новгородскіе!
Дайте-ка вы мнѣ три невода
Съ тѣми со людьми работными,
Рыбы половить во Ильмень-озерѣ:
Я васъ, мѡлодцы, за то поблагодарствую!“

Не отказывали башлыки Садку,
Сами шли да со людьми работными.
Выѣзжали мѡлодцы во Ильмень-озеро,
Да закинули три невода во озеро:
Первый неводъ къ берегу пришелъ—
Въ немъ была все рыба бѣлая,
Бѣлая вѣдь рыба мелкая.
И другой-то неводъ къ берегу пришелъ—
Середь мелкой бѣлой рыбки
Въ немъ была и рыба красная.
А и третій неводъ къ берегу пришелъ—
Въ немъ была одна ужь рыба красная,
Рыба красная въ три четверти.
И перевозились мѡлодцы
Съ рыбой ловленою на гостиный дворъ,
Клади рыбу во три погреба,
Запирали каждый погребъ на-крѣпко,
Караулы къ каждому приставили.
Благодарствовалъ тутъ башлыковъ Садко:
Отдалъ за труды имъ сто рублей.

Самъ пошелъ да по двору гостиному,
Созывалъ купцовъ новгородскихъ:

„Ай же вы, купцы новгородскіе!
Вы ступайте-ка да поглядите-ка:
Наловилъ я рыбы чуда-чуднаго,
Чуда-чуднаго да золоты перья.“

А и въ первый погребъ какъ заглянетъ онъ,—
Двери-то насилу отперлись:
Гдѣ лежала рыба мелкая,
Все-то стали деньги дробныя.
Во другой-то погребъ какъ заглянетъ онъ:
Гдѣ была, середь мелкой рыбы, рыба красная,
Середь мелкихъ дробныхъ денежекъ
Очутилися червонцы красныя.

Въ третій погребъ какъ заглянетъ онъ:
Гдѣ одна была лишь рыба красная,
Все лежать червонцы красные.

Говорятъ купцы новгородскіе:

„А вѣдь правду говорилъ Садко,
Наловилъ онъ рыбы чуда-чуднаго,
Чуда-чуднаго да золоты перья.
Дѣлать-то намъ, братцы, видно, нечего.“

Отдали ему купцы новгородскіе
По три лавочки товара краснаго.
Записался тутъ Садко въ купцы новгородскіе,
Сталъ и самъ теперь купецъ, богатый гость;
Зачалъ торговать тепѣричко
Во своемъ во Новѣ-городѣ,
Зачалъ ѣздить, торговать по всѣмъ мѣстамъ,
По всѣмъ прочимъ городамъ по дальнымъ,
Получать сталъ барыши великіе.
А и взялъ себѣ тутъ молодѹ жену,
Выстроилъ палаты бѣлокаменны,
Все въ палатушкахъ устроилъ по небесному:
На небѣ ли красно солнышко—
И въ палатахъ красно солнышко;
На небѣ ли младъ свѣтѣль мѣсяцъ—
И въ палатахъ младъ свѣтѣль мѣсяцъ;
На небѣ ли звѣзды частыя—
И въ палатахъ звѣзды частыя;
Всѣмъ Садко свои палатушки
Изукрасилъ по небесному.

Заводилъ Садко купецъ, богатый гость,
Столованье тутъ, почѣстенъ пирь
На купцовъ на всѣхъ новгородскіихъ
Да на тѣхъ людей посадскіихъ,
Настоятелей новгородскіихъ:
На того Луку Зиновьева,
На другаго—на Өому Назарьева. ⁽¹⁰⁷⁾
Какъ теперь-то на честномъ пиру
Дѣ-сыта всѣ наѣдалися,
Дѣ-пьяна всѣ напивалися,
Похвальбами похвалялися:
Иной хвастаетъ добрымъ конемъ,

Иной—силою-удачею великою,
 Иной—славнымъ отечествомъ,
 А иной—удѣлымъ молодечествомъ,
 Умный хвастаетъ отцомъ да матушкой,
 А безумный—молодой женой.

И Садко съ хмѣлю захвастался:

„А и гой еси вы, молодцы, славны купцы!
 Иной хвастаетъ у васъ былицею,
 А иной и небылицею;
 Чѣмъ-то будетъ мнѣ, Садку, теперъ похвастати?
 У меня ли золотѣ казна не тошится,
 У меня ли цвѣтно платьице не держится,
 У меня дружинушка хоробра не мѣняется.
 Коли будетъ чѣмъ Садку похвастати,
 Такъ безсчетной золотой казной:
 Припасите мнѣ товаровъ въ Новѣ-городѣ
 На три дня и въ три уповода;
 И худые-то товары все и добрые
 Выкуплю въ три дня и въ три уповода,
 Не оставлю вамъ товаровъ ни на денежку,
 Ни на малую полушечку;
 А коли товаровъ всехъ не выкуплю,
 Заплачу я вамъ казны сто тысячей.“

Какъ тутъ люди да посадскіе,
 Настоятели новгородскіе
 За тѣ рѣчи принимались,
 Сдѣлали имъ записи великія.
 Скоро все тутъ съ пиру развѣзжались,
 Со честного разбирались
 По своимъ домамъ да по своимъ мѣстамъ.

А Садко купецъ, богатый гость,
 На другой день всталъ ранымъ-рано,
 Разбудилъ свою дружинушку хоробрую,
 Дѣлюби давалъ имъ золотой казны,
 Да спускалъ по улицамъ торговымъ
 Всякіе товары въ Новѣ-городѣ
 Закупать цѣной повольною;
 Самъ шелъ во гостиный рядъ,
 Выкупалъ цѣной повольною
 Все товары, и худые-то и добрые,

Не оставилъ вѣдь товару ни на денежку,
 Ни на малую полушечку.
 И вложилъ Господь желанье въ ретивѣ сердце:
 Шель Садкѣ, храмъ Божій сдрудилъ
 Что во имя ли Стефана Архидьякона,
 Кресты-мѣковицы золотомъ поздлотилъ,
 Всѣ честныя иконы изукрашивалъ,
 Чистымъ жемчугомъ усаживалъ,
 Царски двери вызолачивалъ.
 По другой день ходитъ онъ по Нову-городу:
 А товару вдвое противъ прежняго
 Принавезено да принаполнено
 На великую на славу Нова-города.
 Выкупилъ товары онъ и по другой-то день,
 И худые всѣ и добрые,
 Не оставилъ ни на денежку,
 Ни на малую полушечку.
 И вложилъ Господь желанье въ ретивѣ сердце:
 Шель Садкѣ, храмъ Божій сдрудилъ
 Что во имя Софїи Премудрая,
 Кресты-мѣковицы золотомъ поздлотилъ,
 Всѣ честныя иконы изукрашивалъ,
 Чистымъ жемчугомъ усаживалъ,
 Царски двери вызолачивалъ.
 Ходитъ онъ по Нову-городу на третій день:
 А товару втрое противъ прежняго
 Принавезено да принаполнено:
 Подоспѣли, знать, товары-то заморскіе
 На великую на славу Нова-города. ⁽¹⁰⁸⁾
 Выкупилъ Садкѣ товары въ половину дня,
 И худые-то и добрые,
 Не оставилъ ни на денежку,
 Ни на малую полушечку,
 Много у Садкѣ еще казны осталось;
 И вложилъ Господь желанье въ ретивѣ сердце:
 Шель Садкѣ, храмъ Божій сдрудилъ,
 Что во имя Николая да Можайскаго,
 Кресты-мѣковицы золотомъ поздлотилъ,
 Всѣ честныя иконы изукрашивалъ,
 Чистымъ жемчугомъ усаживалъ,

Царски двери вызолачиваль.

А и ходить по четвертый день Садко

По всему по Нову-городу,

Цѣлый день ходилъ до вечера:

Не нашель товаровъ въ Новѣ-городѣ

Ни на денежку, на малую полушечку.

Заходилъ Садко во тѣмный рядъ:

Черепаны тутъ стоятъ, гнили горшки,

Все гнили горшки одни да битые.

Усмѣхается на то Садко,

Выкупаетъ и гнили горшки,

Говорить самъ таковъ слово:

„Пригодятся черепки—дѣтямъ играть,

Поминать Садка, гостя богатаго!

Что богатъ не я, Садко, а Новгородъ

Всеякими товарами заморскими:

Черепанами, горшками битыми!“

БЫЛИНА ЧЕТВЕРТАЯ.

Садко въ поддонномъ царствѣ.

Какъ по морю, морю синему
Тридцать чёрныхъ ⁽¹⁰⁹⁾ кораблей плывутъ,
А одинъ корабль-то передомъ летитъ,
Передомъ летитъ, что бѣлъ кречётъ—
Самого Садка, гостя богатаго.
Какъ сходилась тутъ погода сильная,
Всѣ-то корабли что соколы летяты,
А Садковъ корабль-то становиться сталь,
Застоялся середѣ моря.
И волной-то бьетъ и паруса-то рветъ,
Изломаетъ весь корабль сейчасъ—
А корабль ни съ мѣста на синёмъ морѣ:
Воскричитъ Садко тутъ громкимъ голосомъ:
„Ай же, дружки-братья, корабельщики! ⁽¹¹⁰⁾
Вы берите-ка щупы желѣзные,
Щупайте-ка во синёмъ морѣ:
Нѣтъ ли тамъ луды подводныя,
Нѣтъ ли отмели песочныя?“
Они щупали въ синёмъ морѣ;
Не нашли луды подводныя,
Не нашли и отмели песочныя.
Воскричитъ Садко купецъ, богатый гость:
„Эй вы, дружки-братья, корабельщики!
Вы спускайте въ море мёртвы якоря,
Становитесь всѣ по поряди.“
Опускали въ море мёртвы якоря,

Становились всё по-поряди,
Собирались на одинъ корабль.

И возговорить Садко купецъ:

„Ай вы, дружки-братья, корабельщики!

Я, Садко, теперь вѣдь знаю-вѣдаю:

Бѣгаемъ мы по морю двѣнадцать лѣтъ,

А тому Царю Поддонному

Не платили дани-пошлины,

Никогда ему вѣдь во синё море

Не опускавали хлѣбъ-соли:

Вѣрно,—пошлины съ насъ требуетъ!

Вы возьмите-ка, мечите во синё море

Бочку-сороковку чиста сѣребра.“

Брали бочку-сороковку чиста сѣребра

И метали во синё море.

Все волной-то бьетъ, и паруса-то рветъ,

Изломаетъ весь корабль сейчасъ;

Самъ корабль ни съ мѣста на синёмъ морѣ,

Говорить Садко купецъ, богатый гость:

„Видно, мало пошлины Царю Поддонному.

Вы возьмите-ка, мечите во синё море

Другу бочку—красна злота.“

Брали и метали во синё море

Другу бочку—красна злота.

Все волной-то бьетъ, и паруса-то рветъ,

Изломаетъ весь корабль сейчасъ;

Самъ корабль ни съ мѣста на синёмъ морѣ.

Говорить Садко купецъ, богатый гость:

„Знать, и этой дани мало во синё море,

Вы берите третью бочку—скатна жемчугу

И кидайте во синё море.“

Брали третью бочку—скатна жемчугу

И кидали во синё море.

Все волной-то бьетъ, и паруса-то рветъ,

Изломаетъ весь корабль сейчасъ;

Самъ корабль ни съ мѣста на синёмъ морѣ.

Говорить Садко купецъ, богатый гость:

„Ай вы, дружки-братья, корабельщики!

Знать, не дани Царь Поддонный требуетъ:

Требуетъ онъ голову да человѣческу.

Не бранилъ ли кто изъ васъ отца да матери,
 Да не клялся ли кто родомъ—племенемъ?
 Ужь вы рѣжьте жеребья поволжаны,
 Всякъ пишись на жеребѣ пойменно,
 И бросайте во синѣ море:

Чьи тутъ жеребья да поверху плывутъ,
 Тѣхъ ли душеньки, знать, правыя;
 А чьи жеребья ко дну пойдутъ,
 Тѣмъ идти къ Царю Поддоному.“⁽¹¹¹⁾

И забрасывали жеребья поволжаны,
 Самъ Садко закинулъ хмѣлевѣ перо:
 Всѣ-то жеребья-ли по верху плывутъ,
 Какъ-бы яры гоголи по заводямъ;
 Одинъ только жеребій ключомъ ко дну—
 Хмѣлевѣ перо Садка богатаго.

Говоритъ Садко купецъ, богатый гость:

„Это, братцы, жеребья неправильны!
 Рѣжьте жеребья ветлянные,
 Да которые ко дну пойдутъ,
 То ли душеньки, знать, правыя.“

Самъ закидывалъ булатный жеребій,
 Синяго булату да заморскаго,
 Въсомъ жеребій во десять пудъ.
 Всѣ-то жеребья ключомъ ко дну,
 Одинъ только поверху плыветъ—
 Жеребій булатный самогѣ Садка.

И возгдворитъ Садко, богатый гость:

„Знать, бѣда пришла мнѣ неминучая:
 Самому Садку идти къ Царю Поддонному!
 Ужь вы, дружки-братья, корабельщики,
 Принесите-ка мнѣ шубу соболиную.“

Скоро тутъ онъ сваряжается:

И беретъ онъ гуселки яровчаты
 Съ золотыми струнками звончатыми,⁽¹¹²⁾
 И прощается съ дружиною хоробрю,
 И прощается съ бѣлымъ свѣтомъ,
 Отвезти еще велитъ поклонъ
 Молодой женѣ во Новѣ-городѣ.
 И спускали сходеньку серебряну,
 Что серебряну подъ краснымъ золотомъ;

Походилъ Садкѣ, спушался на синѣ море,
 Самъ садился на дощечку на дубовую.
 Понесло Садкѣ да по синю морю.
 А его дружинишка хорѣбрая
 Принимала сходеньку серебряну,
 Что серебряну подь краснымъ золотомъ.
 Побѣжалъ корабликъ по синю морю;
 Всѣ-то кѣрабли чтѣ соколѣ летять,
 А одинъ корабль-то передѣмъ бѣжитъ,
 Передѣмъ бѣжитъ какъ бѣлъ кречѣтъ—
 Самого Садкѣ, гостя богатаго.

Въ тѣ порѣ молитвами великими
 Самого Садкѣ, гостя богатаго,
 Подымалася погода тихая,
 И заснулъ Садкѣ глубокимъ сномъ.
 Короткѣ ли было, долго ли,
 Просыпается Садкѣ, дивуется:
 Очутился во синѣмъ морѣ, на самомъ днѣ;
 Передъ нимъ палаты бѣлокаменны,
 А сквозь воду свѣтитъ красно солнышко.
 Заходилъ Садкѣ въ палаты бѣлокаменны;
 А сидитъ тамъ самъ Поддонный царь
 Со своей Царицею Поддонною,
 Межь собою перетѣкивають, споруютъ.

Бьетъ челомъ Садкѣ Царю съ Царицею,
 Говоритъ самъ таковыя слова:

„Ай ты, батюшка Поддонный Царь!

А зачѣмъ меня сюда ты требоваль?“

Говоритъ ему Поддонный царь:

„А затѣмъ тебя сюда я требоваль:

Ты скажи по правдѣ, не утай себя,
 Чтѣ у васъ тамъ, на Русѣ, дороже есть?

У меня съ Царицею разговоръ идетъ:
 Я-то спору, что дороже красно золото,
 А Царица, что желѣзо-де булатное.“

Говоритъ Садкѣ купецъ, богатый гость:

„Ай ты, батюшка Поддонный Царь!

Я скажу по правдѣ вамъ, не утаю себя:
 Красно золото у насъ на Русѣ дорого,
 Да булатное желѣзо не дешевле есть;

Вѣдь безъ красна золота-то сколько можно жить,
 Безъ желѣза же булатнаго жить нѣ можно,
 Нѣ можно жить никакому званію.“

Говорить Царица да Поддонная:

„А не даромъ же я спорила,
 Что желѣзо-то булатное дороже есть!“

Не слюбились тѣ слова Царю Поддонному;
 Какъ вскочилъ онъ на рѣзвы ноги,
 Скоро схватить саблю острую,
 Чуть было—и отсѣчетъ ей буйну голову...

Поскорѣ ли того Садко

Бралъ свои гусѣлышки звончатя,
 Да ударилъ по тѣмъ струнамъ золоченымъ—
 Опускались руки у Царя Поддоннаго,
 Выпадала на полъ сабля острая,
 А и самъ-то распотѣшился,
 Сталь Поддонный царь скакать-плясать
 По палатѣ бѣлокаменной,
 Шубой машеть и полами бьетъ,
 Бьетъ полами по бѣлымъ стѣнамъ.
 Проигралъ Садко да ровно три часа.

Какъ тутъ тронуло въ плечо его во правое,
 Обернулся за себя Садко:

Позади стоитъ Царица да Поддонная (113),
 Говорить ему да таковы слова:

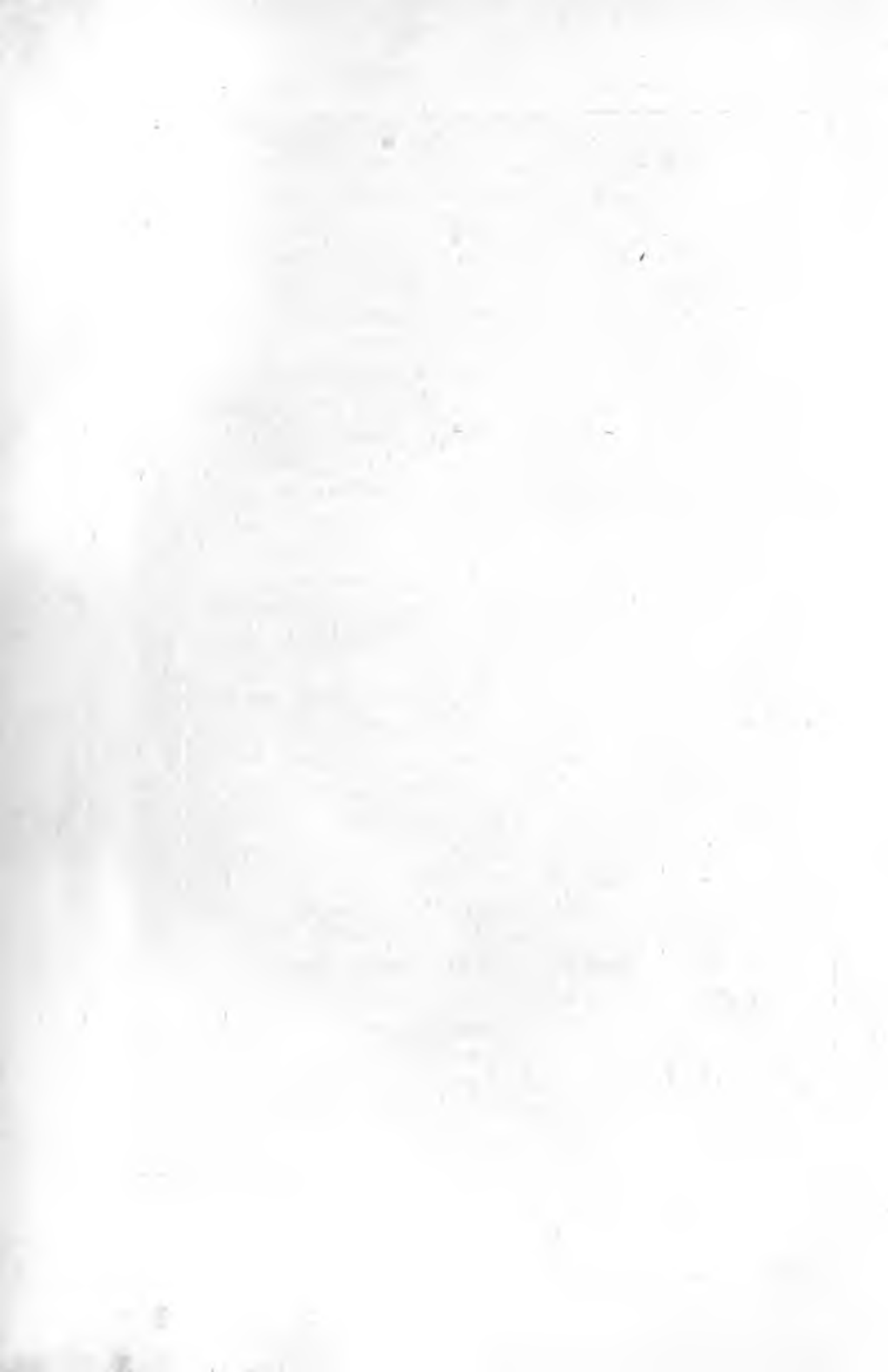
„Какъ ужъ полно те играть, Садку,
 Рви ты свои струны золоченыя,
 И сломай свои гусѣлышки звончатя:
 Тебѣ кажется, что скачетъ по полатамъ Царь,
 А онъ скачетъ по крутымъ кряжамъ,
 По крутымъ кряжамъ, по берегамъ;
 Распотѣшился Поддонный Царь—
 А синѣ море восколебалось,
 Быстры рѣки разливались,
 Тонуть-гинуть бусы-корабли,
 А и многи души безповинныя.“

Изорвалъ Садко тутъ струны золоченыя
 И сломалъ гусѣлышки звончатя.
 Пересталъ Поддонный Царь скакать-плясать:
 Улеглося море синее,

«Распутьяся Поддонныи Царь—
А синё море восколебася...»

Тонуть-гинуть бусы-корабли,
А и многи души беззвинныя.»

И утихли рѣки быстрыя.

Говорить Садкѹ Поддонный Царь:

„Распотѣшилъ ты мнѣ душу, молодець,
Взвеселилъ мнѣ буйну голову!

Чѣмъ бы мнѣ тебя поблагодарствовать?

Не угодно ли жениться те въ синѣмъ морѣ

Что на душечкѣ на красной дѣвушкѣ?“

Говорить Садкѹ купецъ, богатый гость:

„Надо мною волюшка твоя въ синѣмъ морѣ.“

И пошелъ Поддонный царь по красныхъ дѣвушекъ.
Говорить Садкѹ Царица да Поддонная:

„Ай же ты, Садкѹ купецъ, богатый гость!

Какъ начнетъ тебя женить Поддонный Царь,

Приведетъ онъ триста красныхъ дѣвушекъ,

Чтобы выбралъ ты княгинюшку по разуму,—

Перво триста стадо пропусти, смотри,

Не бери себѣ княгинюшки;

И другое триста стадо пропусти, смотри,

Не бери себѣ княгинюшки.

А какъ третье триста стадо пропускать зачнешь—

На концѣ идетъ, увидишь, дѣвица,

Коей хуже нѣтъ, чернѣе нѣтъ: ⁽¹¹⁴⁾

Ту проси себѣ въ княгинюшки.

Да смотри, когда поженишься,

Не цѣлуй, не обнимай ее.

Быть тебѣ тогда вѣдь на святой Руси,

Увидать тогда и бѣлый свѣтъ,

Увидать и солнце красное.“

Приводилъ Царь триста красныхъ дѣвушекъ,

Приглашалъ Садкѹ, купца богатаго,

Выбирать себѣ княгинюшку по разуму.

Перво триста стадо пропустилъ Садкѹ:

„Нѣтъ-де мнѣ княгинюшки по разуму.“

И другое триста стадо пропустилъ Садкѹ:

„Нѣтъ и въ этомъ стадѣ мнѣ княгинюшки.“

Какъ тутъ третье триста стадо пропускать зачалъ—

Увидалъ въ концѣ остатномъ дѣвицу,

Коей хуже нѣтъ, чернѣе нѣтъ.

Бралъ ее себѣ въ княгинюшки по разуму:

„Ай ты, батюшка Поддонный Царь!

Эта миѣ дѣвица полюбилася.“

Не отказывалъ ему Поддонный Царь,
Отдавалъ ему дѣвицу во княгинюшки;
Заводилъ по нихъ почѣстенъ пирь,
Столованьице на весь поддонный міръ.
Не забылъ Садкѣ наказа строгаго:
Не обнялъ онъ, не поцѣловалъ жены,
А какъ послѣ пиру заспалъ въ крѣпкій сонъ,
Свои рученьки еще къ груди прижалъ...

Поутру проснулся ото сна Садко—
Увидалъ тутъ бѣлый Божій свѣтъ,
Увидалъ и солнце красное.
Самъ лежитъ-то онъ подъ Новымъ-городомъ,
На крутомъ кряжу у Волхъ-рѣки,
Только лѣвой-то ногою во быстрой рѣкѣ,
А жены поддонной и во слыху нѣтъ.

И вскочилъ Садкѣ тутъ, испужался онъ,
Оглянулся на родной свой Новгородъ:
Свою церковь, свой приходъ узналъ,
Николая да Можайскаго,
Осѣнилъ себя крестомъ своимъ.
И глядитъ Садкѣ по Волхъ-рѣкѣ:
Отъ того отъ озера отъ Ильмена
Да по славной матушкѣ по Волхъ-рѣкѣ,
Тридцать черныхъ кораблей бѣгутъ,
А одинъ корабль-то передѣмъ летитъ,
Передѣмъ летитъ, что бѣлъ кречѣтъ—
Самого Садкѣ, гостя богатаго.

Какъ увидѣла дружинюшка хорѣбая,
Что стоитъ Садкѣ да на крутомъ кряжу,
Счудовѣлася дружина, сдивовѣлася:

„Поминали мы Садкѣ въ синѣмъ морѣ,
А Садкѣ встрѣчаетъ насъ со Волхъ-рѣки,
Очутился впереди насъ въ Новѣ-городѣ.“

Становили корабли на пристани,
Пометали сходни на крутой берѣгъ,
Выходили на крутой берѣгъ.

И здоровкался Садко съ дружиною:

„Здравствуйте вы, дружки-братья, корабельщики!“

И повелъ въ свои палаты бѣлокаменны.

Взрадовалася тутъ молода жена,
И брала Садкѣ за ручки бѣлыя,
Цѣловала во уста сахарныя,
Говорила таковыя слова:

„Ай же ты, любимая семеюшка!
Полно тебѣ ѣздить по синюю морю,
Тосковать мое ретливое сердечушко
По твоей по буйной по головушкѣ:
Много есть у насъ имѣньица-богачества,
И растеть у насъ вѣдь мало дѣтище.“

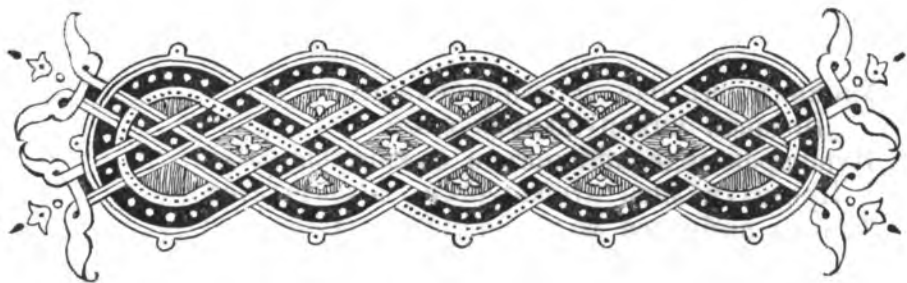
А и сталъ Садкѣ тутъ съ кораблей своихъ
Выгружать свое имѣньице,
Сталъ выкатывать несчетну золоту казну—
Во три дни не выгрузилъ, не выкаталь.
И не сталъ Садкѣ ужъ ѣздить на синё море,
Поживать сталъ въ Новѣ-городѣ.

Да теперь тому всему славу поють.

БЫЛИНЫ

МОСКОВСКІЯ, КАЗАЦКІЯ И ПЕТРОВСКІЯ.

БЫЛИНА ПЕРВАЯ.

Взятіе Казани Грознымъ Царемъ.

Охъ вы, гости, гости званые,
Гости званы, гости браные!
Ужь сказати ли вамъ, гости, про диковинку,
Про диковинку такую не про маленьку—
Про царевъ походъ на славный на Казань-городъ?

* * *

Какъ онъ, Грозный Царь Иванъ Васильевичъ.
Скоплялъ силушку да ровно тридцать лѣтъ,
Ровно тридцать лѣтъ и три года;
Сокопивши силу, воевать пошелъ
Подъ то славно царство подъ Казанское.
Не дошедши до Казани города,
Становился батюшка нашъ въ зеленыхъ лугахъ,
Въ зеленыхъ лугахъ во заповѣдныхъ;
Подводилъ подкопы подъ Булатъ-рѣку,
Подводилъ и подъ Казанку подъ рѣку,
Бочечки дубовыя закатывалъ
Съ лютымъ зельемъ—чернымъ порохомъ,
Затеплялъ на бочкахъ свѣчи воску яраго.

А татарки по стѣнѣ похаживаютъ,
Грознаго Царя подразниваютъ:

„Какъ не взять тебѣ Казань-городъ ни въ сто лѣтъ,
Какъ ни въ сто лѣтъ и не во тысячу!“

Воспалилося сердечко государево,

Утопиль онъ очи во сырѹ землю:

„Подай мнѣ пушкарей сюда,
Пушкарей-подкопщиковъ и зажигальщиковъ!“

Призадумались пушкарчики, молчатъ-стоятъ;
Только выбрался молоденькій пушкарчикъ:

„Не вели меня, царь-батюшка, казнить-вѣшать,
Прикажи мнѣ слово молвити:

На вѣтрѹ-то свѣчи скоро топятся,

Во глухомъ же мѣстѣ долго теплятся..“

Не успѣлъ пушкарчикъ слово вымолвить—

Догорѣли свѣчи воску яраго,

Принимались бочки съ чернымъ порохомъ,

Раскидало-разметало стѣну каменну,

Побросало въ рѣку всѣхъ татаришекъ.

Привозрадовался тутъ царь-батюшка,

Приказалъ всѣхъ пушкарей дарить,

Всѣмъ пушкарчикамъ по пятьдесятъ рублей

Одному тому пушкарчику пятьсотъ рублей,

Одному ему пятьсотъ за слово смѣлое,

Да за правду его добрую. ⁽¹¹⁵⁾

БЫЛИНА ВТОРАЯ.

Оговоръ царевича передъ Грознымъ. ⁽¹¹⁶⁾

Прикажи намъ, Боже, старину сказать,
Старину сказать да стародавнюю,
Стародавнюю старинушку, бывалую,
Про того царя про Грознаго,
Про Ивана да Васильевича.

* * *

Когда въ небѣ возсіяло красно солнышко,
Становилася звѣзда восточная,
Когда зачиналась каменная Москва,
Тогда воцарился Грозный царь,
Грозный царь Иванъ Васильевичъ.
У того царя Ивана да Васильевича
Во палатушкахъ во бѣлокаменныхъ,
На столахъ на бѣлодубовыхъ
Скатерти раздстланы да браныя,
Яствушки поставлены сахарныя.
Во большомъ углу сидитъ самъ Грозный царь,
А вокругъ сидятъ его князья да бдяре,
Пьютъ они да хлѣба кушаютъ,
Бѣла лебедя да рушаютъ,
Во полѹ-пиру да порасхвастались:
Сильный хвалится своею силою,
А богатый—золотой казной.
Государь-царь распотѣшился,

Выходилъ изъ-за стола съ-за бѣлодубова,
 По палатушкамъ похаживаль,
 Во краснѣ окно поглядываль,
 Черны кудри частымъ гребешкомъ расчѣсываль,
 Самъ возгворилъ да таковыя слова:

„Ой вы, глупые бояре, неразумные!
 Чѣмъ вы хвалитесь, перехваляетесь?
 Силушка-то къ вамъ отъ Господа,
 А богатство отъ меня пришло.
 Ужь какъ мнѣ-то можно похвалиться:
 Вынесъ я порфиру изъ Царя-града,
 Взялъ Казань-городъ и славну Астрахань,
 Вывель я туманъ изъ-за синя моря,
 Вывель я измѣнушку изъ Нова-города,
 Вывель и изд-Пскова, изъ каменнѣй Москвы!“

Говоритъ Малюта сынъ Скурлатовичъ:

„Ахъ ты гой еси, нашъ рѣднѣй батюшка,
 Грознѣй царь Иванъ Васильевичъ!
 Вывель ты измѣнушку изъ Нова-города,
 Вывель ты измѣну и изд-Пскова,
 Да не вывести тебѣ ее изъ каменнѣй Москвы:
 Можетъ быть, измѣна за столомъ сидитъ,
 За столомъ сидитъ да во глаза глядитъ,
 Ъсть и пьетъ съ тобою съ одного блюда,
 Цвѣтно платье носить съ одного плеча.“

За то слово царь спохватится,
 На царевича ⁽¹¹⁷⁾ самъ злобно озирается:

„А скажи, скажи-ка, въ чемъ измѣна есть?“

Говоритъ злодѣй Малюта сынъ Скурлатовичъ:

„Гдѣ съ тобой мы улицею ѣхали,
 Грѣшничковъ все били-вѣшали,
 А гдѣ ѣхалъ улицей измѣнщикъ твой,
 Грѣшныхъ онъ не билъ, а миловаль.
 Ерлычки давалъ имъ потаенные,
 Да велѣлъ виновнымъ укрыватися.“

Какъ воскликнетъ тутъ, возгаркнетъ Грознѣй царь,
 Грознѣй царь Иванъ Васильевичъ:

„У меня-ль не стало грозныхъ палачей моихъ?“

Всѣ князья-бояре испужалися,
 Изъ палаты разбѣжались.

Соходились палачи десятками,
Соходилися и сотнями.

„Гой еси вы, грозны палачи мои!
Сослужите-ка мнѣ службу вѣрную,
Службу вѣрную и неизмѣнную:
Вы берите-ка царевича да за бѣлы руки,
Распоясайте-ка съ него шелковѣй поясъ,
Скидывайте съ него платье цвѣтное,
Надѣвайте платье черное, опальное,
Отведите самого далече во чисто поле,
За ворота Москворѣцкія,
На то озеро зыбучее,
На ту лужу на Поганую, ⁽¹¹⁸⁾
Ко той плахѣ бѣлодубовой,
Да снесите буйну голову!“

Палачи не знаютъ, какъ отвѣтъ держать:
Большіе за малыми хоронятся,
Малыхъ же за большими и не видать давно.

Выступаетъ тутъ Малюта сынъ Скурлатовичъ,
Говоритъ самъ таковыя слова:

„У меня ли не дрогнѣтъ рука
На роды на ваши царскіе!“

Взялъ царевича да за бѣлы руки,
Распоясалъ съ него шелковѣй поясъ,
Скидываетъ платье цвѣтное,
Надѣваетъ платье черное, опальное,
И ведетъ его на озеро зыбучее,
На ту лужу на Поганую, кровавую.

По снѣгъ по новымъ, по косящатымъ,
Какъ не красно солнышко катилось по земли —
Проходила то царица благовѣрная,
Молода Настасьюшка Романовна,
Къ своему ко братцу ко любезному,
Къ молоду Никитушкѣ Романычу: ⁽¹¹⁹⁾

„А и гой еси ты, милый братецъ мой,
Молодой Никита свѣтъ Романовичъ!
Спишь-лежишь ли, опочивъ держишь?
Аль тебѣ Никитѣ мало можется?
Надъ собой невзгодушки не вѣдаешь?
Упадаетъ звѣзда поднебесная,

Угасаетъ свѣча воску яраго —
 Не становится у насъ млада царевича,
 Твоего любима крестничка!“ ⁽¹²⁰⁾

Много тутъ Никита не выспрашиваль,
 Скоро пометался на широкій дворъ,
 Воскричалъ самъ зычнымъ голосомъ:

„Эй вы, конюхи мои, приспѣшники!
 Вы ведите на́скорѣ добра коня,
 Что несѣдлана, неуздана.“

Скоро конюхи метались,
 Подводили на́скорѣ добра коня.
 Съѣлъ Никита на добра коня,
 Поскакалъ далече во чисто поле,
 За ворота Москворѣцкія,
 Шанкой машеть, головой трясеть,
 Во всю голову кричить-реветъ:

„Вы раздайтесь, люди добрые,
 Не убейтесь, православные:
 За мной дѣло государево!“

Настигаетъ палача онъ во полѹ-пути,
 Не дошелъ до озера кроваваго;
 По щеку его, злодѣя, бьетъ:

„Охъ, Малюта ты Скурлатовичъ, лютой палачъ!
 Не за свойскій кусъ ты принимаешься:
 Этимъ кусомъ ты подавишься,
 Этимъ пойлицемъ поперхнешься!“ ⁽¹²¹⁾

Взялъ царевича тутъ за бѣлы руки,
 Посадилъ съ собою на добра коня,
 И увезъ въ свое село боярское,
 Во боярское Романовское.
 По утру былъ ранымъ-ранѣхонько,
 Ото сна встаетъ царь Грозный—пробуждается,
 Сына милаго хватается,
 Млада-зелена царевича.

Вызнавъ дѣло, рвется-мечется;

„Ой вы, слуги мои вѣрные!
 Вы зачѣмъ меня не ўняли,
 Попустили дѣло окаянное?“

Отвѣчаютъ ему слуги вѣрные:

„Ой ты, батюшка нашъ, Грозный царь,

Охъ, Малюта ты Скурлатовичъ, лютой палачъ!
Не за свойскій кузь ты принимаешься!

Этимъ кусомъ ты подавишься,
Этимъ полицемъ поперхнешься!

Царь Иванъ, сударь, Васильевичъ!
 Не посмѣли мы перечить те,
 Убоялись твоего гнѣва скорого!“

Отдаетъ тутъ Грозный царь строгдй приказъ
 По церквамъ служить молебны частые,
 Заводить печальны звоны колокольные,
 Надѣвать всѣмъ платье черное,
 Собираться во большой соборъ,
 Служить панихиду по царевичѣ.

Вотъ ударили къ заутренѣ;
 У той церкви у соборныя
 Собиралися попы и дьяконы,
 Всѣ причетники церковныя,
 Отпѣвать любимаго царевича.

Вотъ идетъ и батюшка нашъ Грозный царь,
 На немъ платье черное нерадошно,
 Во правдй рукѣ царскдй костыль;
 Богу молится и поклоняется,
 Самъ горячими слезами заливается.

А Никита свѣтъ Романовичъ
 Нарядился въ платье цвѣтное,
 Взялъ съ собой млада царевича
 И поставилъ позади дверей,
 Позади дверей у права крылоса. ⁽¹²²⁾
 Какъ на шурина тутъ опаляется
 Грозный царь Иванъ Васильевичъ,
 Костылемъ пришилъ его въ праву ногу
 Къ половицѣ ко дубовой:

„Ай же ты, любезный шуринъ мой!
 Что въ глаза мнѣ насмѣхаешься,
 Надо мною наругаешься?

Аль не свѣдался про горе царское,
 Про кручинушку несносную,
 Что звѣзда упала поднебесная,
 Что свѣча угасла воску яраго?

У меня послѣ заутрени
 Всѣмъ боярамъ переборъ пойдетъ,
 А тебѣ ли, шуринъ, перва петелька!“

Говоритъ Никита свѣтъ Романовичъ:

„А я, батюшка-царь, все въ отлучкѣ былъ,

Все въ отлучкѣ за охотою,
 Ясна сокола поймалъ тебѣ,
 Что ни ести лучшаго и ближняго—
 Твоего ли сына рѣднаго.“

Поднебесная звѣзда тутъ высокѣ взошла,
 Свѣча воску яраго затѣплилась—
 Выходилъ царевичъ изъ-за крылоса,
 Подходилъ ко государю-батюшкѣ.
 Бралъ царевича тутъ за бѣлы руки
 Грозный царь Иванъ Васильевичъ,
 Цѣловалъ его въ уста сахарныя,
 Воскричалъ самъ зычнымъ голосомъ:

„Охъ ты гой еси, любезный шурина мой!
 Ужь и какъ же мнѣ тебя назвать теперь?
 Али дядюшкой, аль батюшкой?
 Али будешь ты мнѣ большій братъ?
 Обратилъ мое ты ретивѣ сердце,
 Взвеселилъ мою ты буйну голову,
 Воротилъ ты мнѣ мою жемчужину!
 Еще чѣмъ тебя пожаловать?
 Аль тебѣ за то поль-царства дать,
 Аль безсчетной золотой казны?“

„Гой еси ты, царь Иванъ Васильевичъ?
 Ни поль-царства мнѣ не надобно, ни золотой казны;
 Ты меня пожалуй грамотой Тарханною:
 Кто церквѣ ограбить, мужика убьетъ,
 Кто жену у мужа со двора сведеть,
 Да уйдетъ въ село боярское
 Къ молоду Никитѣ ко Романовичу—
 Не было-бъ ни взыску тамъ, ни выемки.“ (123)

И пожаловалъ Никитѣ Грозный царь
 По той грамотѣ Тарханной
 Новое село боярское,
 Чтѣ теперь село Преображенское,
 Тѣмъ по нынѣ ли слыветъ оно и до вѣку. (124)

БЫЛИНА ТРЕТЬЯ.

Ермакъ, покоритель Сибири. ⁽¹²⁵⁾

Какъ на славныхъ на степяхъ было саратовскихъ,
Что пониже было города Саратова,
А повыше было города Камышина,
Собиралися казѣки, люди вольные,
Собирались они, братцы, во единый кругъ,
Гребенскіе и Донскіе и Яицкіе;
Атаманъ у нихъ Ермакъ сынъ ⁽¹²⁶⁾ Тимоѳеевичъ,
Есаулъ у нихъ Асташка сынъ Лаврентьевичъ; ⁽¹²⁷⁾
Стали думать они думушку единую,
Со крѣпкѣ ума, со полна разума.
И возговоритъ Ермакъ сынъ Тимоѳеевичъ:
„Ужь какъ лѣто-то проходить, лѣто теплое,
А зима-то настаетъ холодная;
Еще гдѣ-то намъ, казѣкамъ, зимовѣть будетъ?
Некорыстна у насъ шутка вѣдь зашучена:
Какъ гуляли мы по морюшку по синему,
Какъ стояли на протокѣ да на Ахтубѣ,
Мы убили вѣдь посланничка персидскаго ⁽¹²⁸⁾
Со солдатами его да со матросами,
Животомъ его всѣмъ покорыстались:
Какъ-то будетъ намъ на то отвѣтствовать?
Намъ на Волгѣ жить—такъ все ворами слыть,
На Яикъ идти—такъ переходъ великъ,
Подъ Казань идти—тамъ Грозенъ царь стоитъ,
Грозенъ царь Иванъ Васильевичъ;
У него тамъ силы много множество.

Мнѣ ли, Ермаку, тамъ быть повѣшену,
 Вамъ ли, казакѣмъ, быть переловленнымъ
 Да по крѣпкимъ тюрьмамъ поразсоженнымъ.
 Мы уйдемте-ка въ Усолье, ко тѣмъ Строгоновымъ,
 Ко тому Григорью ко Григорьевичу—
 Возьмемъ много свинцу-пороху, запасу хлѣбнаго.
 А какъ вскроется весна-то красная,
 Мы тогда-то, братцы, во походъ пойдемъ,
 Да вину свою заслужимъ предъ Грознымъ царемъ.“

И ушли они въ Усолье, ко тѣмъ Строгоновымъ,
 Взяли много свинцу-пороху, запасу хлѣбнаго,
 И пошли по Чусовой рѣкѣ,
 Гдѣ бы зиму зимовати имъ.
 И нашли они на Чусовой рѣкѣ
 Во крутомъ кряжу пещеру каменну;
 Опускалися въ пещеру, убиралися
 Что не много и немало—триста мѣлодцевъ.
 Хорошо тутъ было зиму зимовати имъ.

Какъ прошла зима холодная,
 Наставала весна красная,
 Говоритъ Ермакъ сынъ Тимоѣевичъ:
 „Намъ пора ужъ, братцы, убиратися,
 Убиратися да во походъ идти,
 Ужъ вы дѣлайте-ка лодочки-коломенки,
 Забирайте кочета еловые,
 Накладайте вѣсельца сосновыя;
 Мы поѣдемъ, братцы, съ Божьей помочью,
 Мы пригрянемъ, братцы, вверхъ по Чусовой рѣкѣ,
 Перейдемте, братцы, тѣ крутыя кряжи,
 Доберемся до того до царства басурманскаго,
 Завоюемъ царство то Сибирское,
 А царя Кучума во полднъ возьмемъ—
 Тѣмъ вину свою заслужимъ предъ Грознымъ царемъ.“

Понадѣлали тутъ лодочекъ-коломенокъ,
 Вверхъ пригрянули по Чусовой рѣкѣ,
 Во Серебряну вошли, до Жаровля дошли,
 До той Баранченской перевдлоки,
 Забрали тутъ лодочки-коломенки,
 На себѣ тащили, да надсѣлися—
 На пути ихъ и покинули.

Мало время позамѣшкавши,
Увидали Баранчѹ-рѣку;
Понадѣлали боты сосновые,
Сколотили лодочки-набойницы,
И поплыли внизъ по Баранчѣ-рѣкѣ,
Выплывали на Тагиль-рѣку,
У Медвѣдя-камня становилися;
Жили тутъ съ весны до Троицы,
Промыслами рыбными кормилися.
Въ Троицу ли въ путь опять собиралися,
И поплыли по Тагиль-рѣкѣ,
Выплывали на Турѹ-рѣку,
По Турѣ-рѣкѣ поплыли въ Епанчу-рѣку,
И тутъ жили до Петрова дня.
Еще тутъ ли управлялися:
Понадѣлали людей соломенныхъ,
И нашили на нихъ платье цвѣтное:
Было-то у Ермака дружины триста мѡлодцевъ,
А ужъ съ тѣми стало больше тысячи.
И поплыли по Тоболь-рѣкѣ,
И приплыли въ юрты Мяденски;
Полонили тутъ князька татарскаго,
Дабы путь казалъ имъ по Тоболь-рѣкѣ.
Во тѣхъ устьяхъ во Тобольскіихъ
Собирались во единый кругъ,
Стали думать думушку единую:
Какъ-бы имъ приплыть ко той горѣ Тобольскойей?
Верхнимъ устьемъ самъ Ермакъ пошелъ,
Нижнимъ устьемъ ли Асташка сынъ Лаврентьевичъ.
Выплывалъ Асташка на Иртышъ-рѣку,
Подъ ту саму гору подъ Тобольскуюю.
Загорѣлся тутъ у нихъ великій бой
Со татарами со Котовскими.
Бьютъ татары въ нихъ со той крутой горы,
Стрѣлы какъ-бы частый дождь летять,
А казѣкамъ взять ихъ нѣ можно.
Бились день съ утра до вечера;
Прибили татаръ казѣки не малѡ число,
А татары смотря да дивуются,
Каковы-то русски люди крѣпкіе,

Что убить-то ни одинаго не могутъ ихъ:
Каленѣхъ стрѣль въ нихъ какъ въ снопики⁽¹²⁹⁾ налѣвлено,
А казаки все живы стоятъ.

Въ тѣ поры Ермакъ сынъ Тимоѳеевичъ
Выходилъ лукою Соуксанскою
Во рѣкѣ Сибирку, до устья дошелъ,
Полонилъ Кучумъ-царя татарскаго;
Перваго князька-то полонѣнаго
Отпустилъ къ татарамъ Котовскимъ,
Чтобы въ дракъ съ казаками помирился:

„Ужь де вашего царя въ полднѣ взяли
Атаманомъ Ермакомъ да Тимоѳеевымъ“.

То услышавши, татары сократилися,
И пошли къ нему, ко Ермаку, съ подарками,
Понесли куницъ и соболей сибирскіихъ;
Принималъ Ермакъ у нихъ не отсылаючи,
А на мѣсто ихъ Кучумъ-царя
Собанѣка утвердилъ татарина.

А и жилъ тамъ съ Покрова Ермакъ
До Николина дня зимняго.

Шилъ тутъ шубы соболиныя,
Нахтармами вмѣстѣ, теплымъ мѣхомъ вверхъ;
Шилъ и шапки куніи на тотъ-же ладъ.

Поубравшись со своими со казаками,
Отѣзжалъ Ермакъ во каменнѣ Москву,
Къ Грозному царю съ повинною.

Слѣзъ съ коня тутъ и пѣшкомъ идетъ,
Потихохоньку и почастѣхоньку,
За собою всю силѣ ведетъ;

Подходилъ къ палатамъ царскимъ,
Ко тому крылечку красному.

Было-жь то о самомъ о Христовомъ днѣ,
И изволилъ царь идти съ заутрени.

На колѣни палъ Ермакъ тутъ предъ Грознымъ царемъ,
Говорилъ самъ таковыя слова:

„Ой ты гоѣ еси, надѣжа православный царь!
Не вели меня казнити, вели рѣчь держать.

Я пришелъ къ тебѣ, Ермакъ, съ повинною,
Мы, казаки, вѣдь шаталися-моталися
По чистѣ полю и по синѣ морю,

По синю морю Хвалынскому,
Разбивали бусы-корабли,
Бусы-корабли все неорлёные;
Да годилось на протокъ томъ на Ахтубѣ
Мимо насъ идти послу персидскому
Со солдатами и со матросами,
И хотѣли отъ казѣковъ поживитися,
И напали на казѣковъ своей волею;
Только имъ казѣки спуска не дали.
И посла персидскаго устукали
Со солдатами его и со матросами.
А теперича, надѣжа православный царь,
Приношу тебѣ повинную головушку,
Съ головой въ гостинецъ—царство да Сибирское.“
И возгдворитъ надѣжа православный царь,
Грозный царь Иванъ Васильевичъ:
„Ой ты гой еси, Ермакъ сынъ Тимоѣевичъ,
Ты лихой казацкій атаманушка!
За твою за службу вѣрную
Я тебѣ прощаю все вины твои,
А и жалую тебѣ я славный тихій Донъ.“ (130)

БЫЛИНА ЧЕТВЕРТАЯ.

Царевичъ Димитрій и Борисъ Годуновъ.

Что не вихрь крутить по долинушкѣ,
Не сѣдой ковыль къ землѣ клонится—
То орель летить по поднёбесью;
Зорко смотреть онъ на Москву-рѣку,
На палатушки бѣлокаменны,
На сады ея на зелѣные,
На златой дворець стольна города.
Не люта змѣя воздывалася—
Воздывался собака булатный ножъ;
Упаль ни на воду, ни на землю,
Упаль царевичу на бѣлу грудь,
Тому ли царевичу Димитрію:
Убили же царевича Димитрія,
Убили его на Углищѣ,
На Углищѣ на игрищѣ!
Ужь какъ въ томъ дворцѣ черной ноченькой
Коршунъ свиль гнѣздо съ коршунятами,
Что и коршунъ тотъ Годуновъ Борисъ;
Убивши царевича, самъ на царство сѣлъ,
Царить же, злодѣй, ровно семь годовъ.
Что не вихрь крутить по долинушкѣ,
Не сѣдой ковыль къ землѣ клонится—
То идетъ ли Божій гнѣвъ за святую Русь:
И погибъ коршунъ на гнѣздѣ своемъ,
Его пухъ прошелъ по поднёбесью,
Проточилась кровь по Москвѣ-рѣкѣ.

БЫЛИНА ПЯТАЯ.

Гришка Отрепьевъ и Марина Мнишекъ.

Ты, Боже мой, Боже, Спасъ милостивый,
Владыко царю Вседержителю!
За что на насъ, Господь Богъ, прогнѣвался,
Спустилъ на насъ великъ-тяжкій грѣхъ,
Сослалъ намъ, Боже, прелестника,
Вора Гришку Разстрижку Отрепьева?
Назвался воръ-собака прямымъ царемъ,
Прямымъ царемъ, царемъ Димитріемъ,
Царевичемъ Димитріемъ Углицкимъ;
Прельстилъ воръ-собака три земли:
Первого прельстилъ—короля въ Литвѣ,
Другаго прельстилъ—землю Польскую,
Третье—сильно царство Московское.
Не успѣлъ воръ-собака воцариться,
Похотѣлъ воръ-собака жениться:
Не у князя онъ беретъ, не у боярина,
Не у насъ на Руси, въ каменндѣ Москвѣ,
Беретъ воръ-собака въ проклятдѣ Литвѣ,
У Юрья павѣ Стредомірскаго,
Меньшую дочь его душеньку,
Душеньку Маринку дочь Юрьевну.
На вешнѣй праздникъ въ Миколинъ день
Въ четвергъ у Разстрижки свадьба была,
А въ пятницу праздникъ Николинъ день.
Стали бѣговѣститъ ко заутренѣ
У святаго Михайла Архангела,

Гдѣ кладутся цари благовѣрные,
 Благовѣрные, благочестивые;
 Бояре идутъ ко заутренѣ,
 Ко святому Михайлу Архангелу,
 А Гришка-Разстрижка съ Маринкою
 Заводить законъ по своему:
 Идетъ онъ во мыльню-баенку,
 Маринка—во умываленку;
 Бояре Богу молятся,
 А онъ во мыльнѣ моется,
 Маринка—во умываленкѣ;
 Бояре пошли отъ заутрени,
 А Гришка-Разстрижка со мыльни идетъ,
 Маринка—со чистой умываленки;
 На немъ тулупъ восемьсотъ рублей,
 На ней саянъ въ цѣлу тысячу.

Идетъ у Ивана Великаго,
 Вскричитъ тутъ, взреветъ зычнымъ голосомъ:

„Есть ли у меня звонарики?
 Звоните въ наибольшій колоколъ,
 Для-ради гостя дальняго,
 Гостя дальняго, тестя любимаго.“

Всходитъ на крылечко красное,
 Вскричитъ онъ, взреветъ зычнымъ голосомъ:

„Есть ли у меня пушкарики?
 Свезите снарядъ-пушки за городъ,
 За тѣ ли ворота Серпуховскія:
 Завтра у меня пиръ будетъ
 Для-ради тестя любимаго.“

Вышелъ на крылечко на заднее,
 Вскричитъ, вопить зычнымъ голосомъ:

„Есть ли у меня пѣвары,
 Мои батюшковы приспѣшнички?
 Варите ѣству скоромную,
 Варите другую—постную,
 Скоромну ѣству—гуси-лебеди,
 А постну ѣству—рыбу бѣлую:
 Завтра у меня пиръ будетъ
 Для-ради тестя любимаго,
 Про Юрья панѣ Стредомірскаго.“

Скоромну ѣству самъ кушаетъ,
 А постну ѣству раздачей даетъ;
 Чествыя иконы подъ себя стелеть,
 А чудны кресты подъ пятѣ кладеть.
 Въ тѣ поры бояре домышлялися,
 И думные дьяки догадалися,
 Въ Боголюбовъ монастырь пометалися
 Ко царицѣ Марѣ Матвѣевнѣ: ⁽¹³¹⁾

„Ай же ты, свѣтъ наша матушка,
 Царица Марѣ Матвѣевна!
 Прямой ли царь на царствѣ сидить,
 Твое дитя порожденное,
 Царевичъ Димитрій Ивановичъ?
 Все-то дѣлаеть не по царскому:
 Скоромну ѣству самъ кушаетъ,
 А постну ѣству раздачей даетъ;
 Честныя иконы подъ себя стелеть,
 А чудны кресты подъ пятѣ кладеть“.

Царица Марѣ Матвѣевна
 Заплакала горючѣмъ слезьми,
 Сама говоритъ таковы рѣчи:
 „Глупы вы бояре, недогадливы!
 Вѣстимо Богу и всей землѣ,
 Потеряно дитя мое любимое,
 Царевичъ Димитрій Ивановичъ
 На Угличѣ отъ бояръ Годуновыхъхъ:
 Его мощи лежать въ каменной Москвѣ
 У святаго Михайла Архангела,
 Гдѣ кладутся цари благовѣрные,
 Благовѣрные, благочестивые;
 У того ли у Ивана Великаго
 За всегда звонять во царь-колоколь,
 Соборны попы собираются,
 Панихиды совершаютъ во праздники
 За память младого царевича,
 Царевича Димитрія Ивановича.
 А это—Гришка Отрепьевъ сынъ,
 Сидѣлъ въ тюрьмѣ ровно тридцать лѣтъ,
 Заростилъ себѣ крестъ во бѣлы груди,
 И назвался, собака, прямымъ царемъ,

Прямымъ царемъ, царемъ Димитріемъ,
 Царевичемъ Димитріемъ Углицкимъ;
 Пріѣзжаетъ ко мнѣ съ угрозою,
 Привозитъ наголдъ саблю острую,
 Велитъ называть своимъ сыномъ,
 Княземъ Димитріемъ царевичемъ Углицкимъ.“

Какъ тутъ бояре догадалися,
 И думные дьяки домышлялися,
 Выбирали себѣ дьяка думнаго
 Того ли Петрушку Басманинова,
 Посылаютъ въ палаты во царскія,
 Велятъ говорить не съ упадкою:

„А ты помнишь ли, Гришка, памятуешь ли,
 Вмѣстѣ грамотѣ съ тобой мы училися
 Во томъ монастырѣ во Чудовѣ?
 Ты, Гришка, былъ чернымъ дьякономъ,
 А я былъ на крылоѣ псаломщикомъ?“

Какъ тутъ Гришка-Разстрижка Отрепьевъ сынъ
 Заглянулъ въ окно косящато:

Обступила сила кругомъ вокругъ,
 Несмѣтная сила со копьями.
 Беретъ онъ книжку волшебную,
 Волхвуетъ Гришка Отрепьевъ сынъ,
 Думаетъ умомъ своимъ царскимъ:

„Подѣлаю крыльица дьявольски,
 Улечу теперь я дьяволомъ.“

Не успѣлъ Гришка сдѣлать крыльицевъ—

Навалила вся сила несмѣтная,
 Несмѣтная сила со копьями.
 Видитъ Гришка бѣду неминучую,
 Скоро скочить въ окошко косящато—
 Да о камня убится до смерти.
 Только-то Гришка царемъ бывалъ,
 Только-то Гришка и царствовалъ.
 А та душенька Маринка дочь Юрьевна
 Обернулась изъ окошка сорокою—
 Только-то Маринку и видѣли.

БЫЛИНА ШЕСТАЯ.

Смерть Стеньки Разина.

Вы, лѣса-ль мои, лѣсочки, лѣса темные!
Вы, кусты-ль мои, кусточки, кусты частые!
Вы, станы-ль мои, станочки, станы теплые!
Какъ и всѣ мои лѣсочки-то порублены,
Какъ и всѣ мои кусточки-то повыжжены,
Какъ и всѣ мои станочки пораздраны,
Какъ и всѣ мои товарищи половлены,
По злодѣйкамъ крѣпкимъ тюрьмамъ поразсожены,
Рѣзвы ноженьки во кандалахъ заклѣпаны,
У воротъ стоятъ все грозны сторожи,
Грозны сторожи, все бравые солдатушки:
Никуда-то добрымъ мѣлодцамъ нѣтъ выпуску,
Нѣтъ ни выпуску, ни ходу изъ крѣпкой тюрьмы.
Только я ли, добрый мѣлодецъ, не пойманъ былъ,
По прозванью меня звали Стенька Разинъ сынъ.

Я не годъ гулялъ вѣдь и не два года,
Я гулялъ-то ровно тридцать лѣтъ.
Какъ пошелъ тутъ ко синю морю,
Ко синю морю да по Дунай-рѣкѣ,
У Дунай-рѣки ли перевозъ кричалъ:

„Отвезите-ка меня вы, добра мѣлодца,
На ту сторону, на бѣлый камешекъ!“

Сталъ на бѣломъ камешкѣ кончатися,
При кончинушкѣ ли сталъ наказывать,
Сталъ наказывать и выговаривать:

„Ахъ вы, милые да сотоварищи!

Вы возьмите-ка свой тўгой лукъ,
 Натяните каленѹ стрѣлу,
 Прострѣлите мою бѣлу грудь!
 Схороните меня промежь трехъ дорогъ:
 Промежь Муромской, Владимірской и Кіевской.
 Въ праву руку дайте саблю острую,
 Въ лѣву руку—каленѹ стрѣлу,
 Въ головахъ поставьте чуденъ-дивенъ крестъ,
 Во ногахъ поставьте воронѹ коня.
 Кто ни ѣдетъ, ни ѣдетъ мимо мѡлодца,
 Всякъ поклонится кресту, помолится:
 Что не воръ лежитъ тутъ, не разбойничекъ,
 А лежитъ тутъ Стенька Разинъ сынъ!—“

Приходиди сотоварищи,
 Помолились на чуденъ-дивенъ крестъ,
 Тому братцы сдивовѣлися,
 Стенькѣ Разину всѣ поклонялися:
 „Ужь ты встанъ-ка, сотоварищъ нашъ,
 Ты возьми-ка въ руки саблю острую,
 Въ лѣву руку каленѹ стрѣлу,
 Ты ударь-ка буйной палицей
 По бедрамъ по нашимъ по широкіимъ,
 Что не выручили со бѣлѹ камня,
 Со бѣлѹ камня да со Дунай рѣки,
 Со Дунай-рѣки ширококонькой!“

Погрузили Стеньку Разина
 Сотоварищи тутъ во Дунай-рѣку;
 Со Дунай-рѣки ли на Амуръ пошли;
 У Амуръ-рѣки крутѹ гора,
 Что крутѹ гора высокая;
 На горѣ той распрощалися,
 Всѣ другъ другу поклонялися:
 „Ужь мы, братцы, разойдемтесь-ка,
 Разойдемтесь по дикимъ мѣстамъ!“

БЫЛИНА СЕДЬМАЯ.

А з о в ъ. (132)

Охъ вы, бѣдныя головушки солдатскія,
Какъ ни днемъ, ни ночью вамъ покою нѣтъ!
Еще съ вечера солдатамъ приказъ отданъ былъ,
Со полѹночи солдаты ружья чистили,
Ко бѣлѹ свѣту солдаты во строю стоятъ,
Во строю стоятъ, да по ружью держатъ.

Какъ не золотая трубонька вострѹбила,
Не серебряна саповочка возыграла,
Какъ возговорить самъ батюшка нашъ православный царь:

„Ой вы гой еси, князья да бояре!
Вы придумайте мнѣ думу-думушку:
Еще какъ-то взяти намъ Азѡвъ-городъ?“

Промолчали князья-бояре,
Прослезился самъ нашъ батюшка.

„Ой вы гой еси, мои солдатушки!
Вы придумайте мнѣ думу крѣпкую:
Еще какъ-то взяти намъ Азѡвъ-городъ?“

Какъ не яры пчѣлушки шумятъ-гудятъ—
Какъ возговорятъ въ отвѣтъ солдатушки:

„Взять ли намъ, не взять ли—бѣлой грудію!“

На восходѣ было красна солнышка,
На закатѣ было свѣтла мѣсяца,
На зарѣ они на приступъ шли
Подъ тотъ славный подъ Азѡвъ городъ,
Подъ тѣ стѣны бѣлокаменны,
Да подъ тѣ раскаты подъ высокіе.

Не съ крутыхъ горъ камни покатилися—
Покатилися со стѣнъ татаровья;
Не бѣлы снѣги и въ полѣ забѣлилися—
Забѣлились груди басурманскія:
Да не съ дождичка ручьи вокругъ разливалися—
Разливалась кровь поганая.

БЫЛИНА ВОСЬМАЯ.

Плачь войска по Петръ. (133)

Ахъ ты, батюшка свѣтѣль мѣсяць!
Чтò ты свѣтишь не по старому,
Не по старому и не по прежнему,
Не во всю землю святорусскую,
Что со вечера не до полуночи,
Со полуночи не до бѣла свѣта,
Все ты прячешься за облаки,
Закрываешься тучей темною?

Какъ у насъ было на святой Руси,
Въ Петербургѣ, въ славномъ городѣ,
Во соборѣ Петропавловскомъ,
Что у праваго у крылоса,
У гробницы государевой,
Молодой сержантъ на часахъ стоялъ;
Призобилъ онъ рѣзвы ноженьки
Что по самыя сапоженьки,
Бѣлы рученьки по самы кòстыньки.
Стоячи, онъ призадумался,
Призадумавшись, слезно плакать сталъ.
И онъ плачетъ, чтò рѣкà льется,
Возрыдаетъ, чтò ключи шумятъ,
Самъ штыкомъ-то бьетъ объ мать сыру землю:

„Подымитесь, вѣтры буйныя,
Разнесите снѣги бѣлыя,
Своротите бѣль-горючь камень!
Разступися мать сыра земля,

Ты раскройся, гробовѣ доска,
Распахнися, золотѣ парча!
Встань-проснися, православный царь,
Православный царь Петръ Алексѣевичъ!
Посмотри, сударь, на свою гвардію,
Что на гвардію да на всю армію.
Всѣ полки ужь во строю стоятъ,
Всѣ полковнички при своихъ полкахъ,
Подполковнички на своихъ мѣстахъ,
Всѣ маіорушки на добрыхъ коняхъ,
Капитаны передъ ротами,
Офицеры передъ взводами,
А и прапорщики подъ знамѣнами:
Дожидаютъ они полковничка,
Что полковничка Преображенскаго,
Капитана бомбардирскаго“.

БЫЛИНЫ БЕЗЪИМЯННЫЯ.

БЫЛИНА ПЕРВАЯ.

О добромъ молодцѣ и рѣкѣ Смородинѣ. (1-4)

Отломилася вѣточка
Отъ кудряваго дѣревца,
Откатилося яблочко
Отъ садовой отъ яблоньки:
Отъѣзжалъ добрый молодець
Отъ родимой отъ матери
Въ чужедальнюю сторону
За рѣкѣ за Смородину.

Подъѣзжалъ добрый молодець
Ко рѣкѣ ко Смородинѣ,
Понизѣнько ей кланялся,
Молвилъ ласковымъ голосомъ:

„Охъ ты гой еси, рѣченька,
Быстра рѣчка Смородинка!
Широкимъ то широкая,
Глубокимъ да глубокая!
Ты скажи-ка мнѣ, рѣченька,
Есть ли гдѣ на тебѣ, рѣкѣ,
Переброды кониные,
Переходы да частые?“

И провѣщится рѣченька,
Отвѣчаетъ Смородинка
Человѣческимъ голосомъ,
Душой красною дѣвицей:

„Гой еси, добрый молодець!
Есть на мнѣ, на быстрой рѣкѣ,

Переброды кониные,
 Переходы да частые;
 Есть на мнѣ, на рѣкѣ, еще
 Два мосточка калиновыхъ,
 Да отселѣ то дѣлече,
 Далекѡ во чистѡмъ полѣ“.

И возгѡворить молодецъ:

„Гой еси, мать быстра рѣка!
 А и что же ты, рѣченька,
 Съ перевозу возьмешь съ меня?“

Отвѣчаетъ быстра рѣка
 Душой красною дѣвицей:

„Я скажу тебѣ, молодецъ,
 Чтѡ беру съ перевозу съ васъ:
 Съ переброду конинаго—
 По сѣдельцу черкасскому,
 Съ переходу со чистаго—
 По коню по наступчату,
 Со мосточку калинова—
 По удѣлому молодцу.
 Но тебя, добрый молодецъ,
 За слова твои ласковы,
 За поклоны за низкіе,
 Я и такъ, безъ всего, пущу“.

Переѣхавши, молодецъ

Сталъ своимъ глупымъ разумомъ
 Предъ рѣкой похвалятися,
 Надъ рѣкой насмѣхатися:

„Охъ ты гой еси, рѣченька,
 Быстра рѣчка Смородинка!

А и какъ тебя славили,
 Говорили: быстра, грозна,
 Широкимъ-то широкая,
 Глубокимъ-то глубокая;
 Не пройти рѣку пѣшему,
 Не проѣхати конному.

А теперъ рѣка славная
 Хуже всякаго озера—
 Чтѡ болото стоячее,
 Будто лужа дождѣвая“.

И кричитъ въ сугонъ молодцу
 Быстра рѣчка Смородинка
 Человѣческимъ голосомъ,
 Душой красною дѣвицей:

„Воротись, добрый молодець,
 За меня, за быстру рѣку,
 Позабылъ ты за мной, рѣкой,
 Двухъ надѣйныхъ товарищей:
 Позабылъ два остра ножа,
 Два ножа да булатные—
 На чужой сторонѣ тебѣ
 Оборона великая“.

Воротился тутъ молодець
 За ножами булатными—
 За рѣку за Смородину
 Ни пройти, ни проѣхать.
 Не нашель добрый молодець
 Переброду конинаго,
 Переходу да частаго,
 Ни мосточку калинова,
 Заѣзжалъ прямо молодець
 Во глубокіе омуты.
 Какъ на перву ступень ступилъ—
 Конь увязнулъ по череву,
 На другую ступень ступилъ—
 По сѣдельце черкасское,
 А на третью ступень ступилъ—
 Уже гривы не видѣти...

Утонулъ добрый молодець
 Во рѣкѣ въ Смородинѣ,
 Выплывалъ его добрый конь
 Ко крутому ко берегу,
 Прибѣгаль его добрый конь
 Ко родной его матери.

Увидала родимая—
 Залилась горючьми слезьми,
 Шла къ рѣкѣ ко Смородинѣ,
 Говорила быстрой рѣкѣ:

„Охъ ты гой еси, рѣченька,
 Быстра рѣчка Смородинка!

Потопила ты сына мнѣ,
Мила сына, единого“.

И провѣщится рѣченька,
Отвѣчаетъ быстра рѣка
Человѣческимъ голосомъ,
Душой красною дѣвицей:
„Ай же ты, баба старая,
Стара баба, матёрая!
Потопила не я его—
Похвальба молодецкая“.

БЫЛИНА ВТОРАЯ.

Татарскій полонъ. (135)

У колодеза у холоднаго,
Что у ключика у гремучаго,
Красна дѣвушка воду черпала.
Какъ наѣхали злы татаровья,
Полонили красну дѣвушку,
Полоня, ее замужъ выдали
За младого за татарченка.

И прошло тому ровно три года,
Полонили они старую женщину.
Не шумъ шумить, не громъ гремитъ—
Злой татарченокъ полонъ дѣлать:
Теща зятюшкѣ досталася.

Онъ привезъ ее на дикую степь,
На дикую степь къ молодой женѣ:
„Еще вотъ тебѣ, молодѣ жена,
Вѣковѣчная работница,
Нашимъ дѣткамъ нянька-мамушка.
Ты заставь ее дѣлать три дѣла:
Перво дѣло-то—кудельку прясть,
Друго дѣло-то—гусей пасти,
Третье дѣло-то—дитю качать“.

Стала дѣлать теща три дѣла:
Руками-то кудельку прясть,
Глазами-то гусей пасти,
Ногами-то дитю качать,
Дитю качать, прибаюкивать:

„Ты баю-баю, мое дитятко,
 Ты люлю-люлю, мое милое!
 Ужь какъ бить тебя—мнѣ грѣхъ будетъ,
 Какъ бранить тебя—мнѣ жаль будетъ,
 А родней назвать—той вѣры нѣтъ.
 Ты по батюшкѣ—злой татарченкокъ,
 А по матушкѣ—милъ внучёночекъ“.

Какъ стучить-бренчить, по сѣнямъ бѣжить,
 По сѣнямъ бѣжить дочь родная,
 Къ ней упала во рѣзвы ноги:

„Охъ ты, матушка сударыня!
 Чтò давно ты мнѣ не скажешься?
 Брось кудель-то прясть—дай спутаться;
 Брось гусей пасти—дай орламъ таскать;
 Брось дитю качать—дай наплакаться.
 Ты снимай-ка шубу кожуриную,
 Надѣвай-ка шубу соболиную;
 Ты бери себѣ золотой казны,
 Золотой казны сколько надобно:
 Ты ступай на конюшню мужнюю,
 Выбирай себѣ коня лучшаго,
 Поѣзжай назадъ на святую Русь,
 На святую Русь, на волю вольную“.

„Ты дитя ли мое, дитя милое!
 Не сниму я шубу кожуриную,
 Не возьму себѣ золотой казны,
 Не поѣду на святую Русь:
 Какъ связала съ тобой неволюшка—
 И во вѣкъ я съ тобой не разстануся!“

БЫЛИНА ТРЕТЬЯ.

О Горюшкѣ. (136)

Отчего ты, Горе, зародилось?
Зародилось ты, Горе, отъ сырой земли,
Изъ-подъ камешка да изъ-подъ сѣраго,
Изъ-подъ кустышка да съ-подъ ракитова.
Во лаптишечки ты, Горе, пообулося,
Въ рогозѣночки ты, Горе, понадѣлося,
Понадѣлося, лычинкой подпоясалось,—
Приставало Горе къ добру мѣлодцу.

Видить молодець: отъ Гора дѣться некуда,—
Молодець отъ Гора во чисто поле,
Во чисто поле да сѣрымъ заюшкомъ.
А за нимъ ужь Горе вслѣдъ идетъ,
Вслѣдъ идетъ и тенетѣ несетъ,
Тенетѣ несетъ шелковыя:

„Ужь ты стой-ка, не ушелъ бы, добрый молодець!“

Видить молодець: отъ Гора дѣться некуда,—
Молодець отъ Гора во быстру рѣку,
Во быстру рѣку да рыбой-шукую.
А за нимъ ужь Горе вслѣдъ идетъ,
Вслѣдъ идетъ и неводѣ насеть,
Неводѣ несетъ шелковыя:

„Ужь ты стой-ка, не ушелъ бы, добрый молодець!“

Видить молодець: отъ Гора дѣться некуда,—
Молодець отъ горя во огнѣвушку,
Во огнѣвушку да во постелюшку.
А за нимъ ужь Горе вслѣдъ идетъ,

Вслѣдъ идетъ да во ногахъ сидитъ:

„Ужь ты стой-ка, не ушелъ бы, добрый молодецъ!“

Видитъ молодецъ: отъ Гора дѣться некуда,—

Молодецъ отъ Гора въ гробовы доски,

Въ гробовы доски да во могилушку,

Во могилушку да во сырѹ землю.

А за нимъ ужь Горе вслѣдъ идетъ,

Вслѣдъ идетъ да со лопаткою,

Со лопаткою да со телѣжкою:

„Ужь ты стой-ка, не ушелъ бы, добрый молодецъ!“

Только добрый молодецъ и живъ бываль:

Позарыло Горе во могилушку,

Во могилушку, во мать сырѹ землю.

Тутъ ли молодцу вѣдъ и славѹ поють.

Молодецъ отъ Горя въ гробовы доски, | Во могилушку да во сыру землю.]
 Въ гробовы доски да во могилушку, | А за нимъ ужъ Горю вслѣдъ идетъ...

БЫЛИНА ЧЕТВЕРТАЯ.

„Ужъ какъ палъ туманъ на синє море...“

Ужъ какъ палъ туманъ на синѣ море,
А злодѣй-тоска въ ретивѣ сердце;
Не сходить туману съ синя моря,
Да не выдти кручинѣ изъ сердца вонъ.
Не звѣзда блестить далече во чистомъ полѣ—
Курятся огонѣчекъ малѣшенекъ.
Посланъ возлѣ огонѣчка шелковой коверъ,
А на коврикѣ лежитъ добрый молодецъ,
Прижимаетъ платкомъ рану смертную,
Унимаетъ молодецку кровь горячую.
Подлѣ мѣлодца стоитъ его добрый конь;
И онъ бьетъ своимъ копытомъ въ мать сырѣ землю,
Будто слово хочеть вымолвить хозяину:

„Ты вставай, вставай-ка, добрый молодецъ!
Ты садись-ка на меня, своего слугу,
Отвезу я тебя на святую Русь,
Къ отцу-матери, къ роду-племени,
Къ роду племени, къ молодой женѣ!“

Какъ вздохнетъ тутъ добрый молодецъ—
Подымалась у удалаго крѣпка грудь,
Опустились у него руки бѣлыя,
Растворилась его рана смертная,
Пролилась ручьемъ кровь горячая,
И промолвилъ добрый молодецъ своему коню:

„Ахъ ты, конь мой, конь, лошадь вѣрная!
Ты бѣги-ка, мой конь, на святую Русь,

10

Номер 110118
р. 30
Аннотация 2101

ЦУНБ

им. Н. А. Некрасова

